

МАРТИН ДИН

**ПОСОБНИКИ
ХОЛОКОСТА**

Мартин Дин

**ПОСОБНИКИ
ХОЛОКОСТА**

Утверждения, мнения и выводы, содержащиеся в данной книге, принадлежат автору. Они могут не совпадать со взглядами Мемориального музея Холокоста США

Martin Dean is Applied Research Scholar
at the Center for Advanced Holocaust Studies
of the United States Holocaust Memorial Museum in Washington, D.C.

First published in English by Palgrave Macmillan, a division of Macmillan Publishers Limited under the title *Collaboration in the Holocaust*, 1st edition, by Martin Dean. This edition has been translated and published under licence from Palgrave Macmillan.
The Author has asserted his right to be identified
as the author of this Work.

Перевод с английского М. И. Беккер

ISBN 978-5-901562-95-6

ISBN 978-5-7331-0366-2

© Мартин Дин, 2000
© М. И. Беккер, перевод, 2008
© Академический проект, 2008

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемом исследовании под террором подразумеваются массовые преступления, совершаемые полицией. Масштабы этого кошмара, охватившего оккупированные немцами территории Белоруссии и Украины, отражены в немецкой бухгалтерии — согласно ее подсчетам, за 1941–43 гг. полицейскими подразделениями Гиммлера и их местными пособниками было расстреляно свыше миллиона евреев¹. На основе многочисленных новых свидетельств я стремился показать, как этот еще не до конца осмысленный аспект Холокоста осуществлялся местными силами.

Основное внимание уделено не немецким подразделениям полиции безопасности и полиции охраны порядка, уже знакомым исследователям полицейской структуры Гиммлера, а деятельности коллаборационистов — местных полицейских формирований, которые несли службу во всех белорусских и украинских городах. Эти, как их называли немцы, шуцманства с самого начала оккупации формировались на добровольной основе и сыграли незаменимую роль в убийствах, причем численность их превышала численность их коллег — немецких нацистов.

Уничтожение евреев с помощью массовых расстрелов и участие в этих расстрелах местных жителей придают Холокосту на указанных территориях совершенно уникальный характер. Они значительно отличаются от безличного механизированного геноцида, применявшегося в польских лагерях смерти. Всего в нескольких километрах от Собибора и Трешлинки местные полицейские участвовали в массовых расстрелах своих соседей буквально на расстоянии ружейного выстрела от их собственных домов. Чудовищную жестокость этих убийств невозможно было скрыть от местных жителей христианского вероисповедания, которые, впрочем, нередко извлекали из них прямую материальную выгоду.

Хотя в центре исследования находится Холокост, сделана попытка изучить и деятельность местной полиции в общем контексте политики нацистских оккупантов. Холокост на востоке не был изолированным процессом. Напротив, он составлял неотъемлемый элемент динамических взаимоотношений между оккупационными

силами и местным населением. По словам Бернарда Кьяри, в обязанности местной полиции вначале входила только повседневная караульная служба. С 1942 г. их стали все чаще привлекать к ожесточенной борьбе с партизанами². Что касается антиеврейских акций, то они были только одной из их разнообразных задач. Ответы на вопросы о природе и мотивах действий этих коллаборационистских формирований можно найти лишь в общих рамках конфликта, разыгрывавшегося за линией фронта.

Чтобы показать взаимодействие разных аспектов нацистской политики, события военных лет рассматриваются в более или менее хронологическом порядке. Например, толчком к возникновению сопротивления партизан вначале послужило обращение немцев с военнопленными. Отдельные перерывы в ходе повествования связаны с необходимостью глубже проанализировать такие аспекты, как организация местной полиции или немецкая экономическая эксплуатация местного населения.

Первая глава вкратце рассматривает советскую оккупацию восточной Польши в 1939–41 гг. (см. Карту 1) с целью обрисовать обстановку, сложившуюся там перед немецким вторжением. Поведение советских властей не только подлило масла в тлеющий огонь антикоммунизма на погибель евреям. Оно дало и евреям и полякам представление об ожидающем их в будущем терроре.

В главе 2 на основе немецких документов и воспоминаний местных жителей описывается «Операция Барбаросса». Нацистский геноцид на востоке развивался по нарастающей. Начиная с августа 1941 г., за ограничениями и запретами, наложенными на евреев, и «акциями» против интеллигенции последовала «первая волна» массовых убийств, когда Гиммлер распространил репрессии на женщин и детей и ввел дополнительные подразделения в помощь эйнзатцгруппам. Подробное описание действий кавалерийской бригады СС в Припятских болотах показывает, как методы геноцида применялись на практике.

Ближе к осени 1941 г. в массовых расстрелах евреев были задействованы все четыре эйнзатцгруппы. Эта первая волна убийств описана в главе 3. Роль местной полиции обычно сводилась к поддержке подразделений полиции охраны порядка, СС и вермахта, которые тоже участвовали в расправах. Однако в некоторых акциях, например, в белорусских городах Мир, Иоды и Борисов, местные полицейские играли особенно активную роль. Это подтверждается подробными протоколами недавнего судебного разбирательства дела о расстреле в Мире 9 ноября 1941 г. Жестокие меры против советских военнопленных также показали всему местному населению, что сулит ему немецкое господство.

В течение зимы 1941–42 гг. немецкая полиция охраны порядка включила шуцманства, команды местных полицейских-добровольцев, в состав общей полицейской структуры Гиммлера. Таким образом, руководители немецкой полиции получили в каждом районе надежное орудие, с помощью которого они в 1942–43 гг. смогли очистить все оставшиеся на Украине и Белоруссии гетто. Глава 4 на основе многочисленных новых источников тщательно анализирует организацию местной полиции, причем особое внимание уделяется набору, происхождению и обязанностям шуцманов.

События «второй волны» расправ известны хуже, что отчасти объясняется недостатком немецких документов того периода. Однако на бывшей польской территории в ходе «второй волны» погибло больше людей, чем во время расстрелов, проводившихся эйнзатц-группами в 1941 г.³ Глава 5 повествует о «ликвидациях» гетто в 1942 и 1943 гг. Примеры относятся к Житомирской и Николаевской областям Украины, а также к Слониму и Несвижу (Белоруссия). Проводится также обзор расстрелов в окрестностях Глубокое (восточнее Вильнюса) и в районе Волинь-Подолье. Пристальное внимание уделено активной роли местных полицейских в этих акциях и в последовавших за ними розыскам и поимке спрятавшихся евреев. В этот период Холокоста нацисты особенно полагались на верность и инициативу своих местных подручных.

Экономическая эксплуатация местных жителей немцами рассматривается в главе 6 в основном с точки зрения ее воздействия на все население. Реквизиции, депортации и принудительный труд — всё это осуществлялось при поддержке местной полиции. Начиная с лета 1942 г. проведение этих мероприятий способствовало развитию партизанской войны, что, в свою очередь, повлияло на перспективы выживания евреев, бежавших в леса и принявших участие в сопротивлении. Политика немецкой администрации, занятой (на высшем уровне) разработкой планов реформ, рассматривается на фоне реального положения вещей — эксплуатации, коррупции и даже деморализации персонала местных учреждений.

В главе 7 рассматриваются жестокие полицейские расправы с семьями партизан, с одной стороны, и реальная тактика партизан в сложной обстановке соперничества партизанских групп различной национальной направленности, с другой. Необходимо учесть, что карательные операции полицейских были направлены не только против евреев, но и против нееврейского населения. Описываются также то, что происходило с укрывшимися в лесах партизанами-евреями. Открытые конфликты между украинцами, поляками и литовцами в конце периода оккупации демонстрируют еще одну

форму «этнических чисток» в обстановке «вакуума власти», возникшего после ослабления немецкого контроля в 1943 г. От всех этих жестоких партизанских схваток больше всего потерь пришлось на долю гражданского населения.

В последней, восьмой, главе сопоставляются маршруты бегства и послевоенные судьбы местных полицейских с тем, что случилось с пережившими Холокост евреями. В хаосе послевоенного перемещения огромных людских масс пути палачей и их жертв нередко совпадали. К сожалению, холодная война помешала отдать должное не только палачам, но и их жертвам. И, наконец, в Заключении дается итоговая оценка природы и значения полицейского пособничества в Холокосте.

Географически настоящее исследование охватывает те регионы Белоруссии (Генеральный округ Белоруссия) и Украины (Генеральные округа Воынь-Подолье, Житомир, Киев и Николаев) [см. карты 2 и 3]⁴, которые к концу 1941 г. попали под контроль немецкой гражданской администрации. Их население насчитывало свыше 10 миллионов человек, из которых 7% составляли евреи. До 1939 г. большая часть этих земель принадлежала Польше. В умонастроениях жителей бывших польских провинций и тех территорий, которые пережили почти 20 лет советизации, заметны определенные различия. В данном исследовании наиболее подробно рассматриваются бывшие польские территории, однако для сравнения привлекаются примеры и из бывших советских областей.

Предлагаемое исследование представляет собой совокупность анализов происходившего в целом ряде отдельных местностей, мозаично разбросанных по этой громадной территории. При этом широко используются личные свидетельства, главным образом, участников послевоенных судебных процессов. По возможности представлены показания трех сторон — преступников, жертв и очевидцев, — с тем чтобы, дав различные точки зрения, создать объемную картину событий.

Рассекречивание советских архивов в 1989 г. открыло для исследователей значительное количество трофейных немецких документов, в том числе касающихся немецкой администрации и полицейских формирований. Широко использованы собрания из архивов Москвы, Минска, Бреста и Житомира, а также замечательная коллекция микрофильмов, хранящаяся в Мемориальном музее Холокоста в США. Кроме того, для осмысления характера оккупации в целом привлекались и некоторые литературные источники.

Рассказ построен таким образом, чтобы дать возможность историкам говорить самим за себя, разумеется, в рамках строго ар-

гументированного изложения событий. Учитывая характер изучаемого предмета и использованных источников, эту методику можно, пожалуй, назвать юридической — то есть, объяснением происходивших процессов посредством скрупулезного анализа свидетельств, полученных в ходе местных судебных разбирательств. Именно благодаря обилию деталей, содержащихся в многочисленных личных свидетельствах, можно надеяться установить достоверность используемых источников. Особое внимание было уделено привлечению широкого спектра не всегда согласующихся между собой материалов. Противоречивые свидетельства сопоставлялись друг с другом, проверялась их адекватность в контексте всей совокупности имеющихся данных.

В некоторых отношениях мои изыскания повторяют ход уголовных расследований, из материалов которых я почерпнул много информации. Изучение истории, в сущности, схоже с работой детектива, когда, следуя за обнадеживающими архивными «уликами», историк устанавливает интересующую его картину событий. Подробное описание преступлений местной полиции дает возможность проанализировать структуру и характер этой организации, а также составить портрет ее типичного представителя. Изучение показаний многих местных коллаборационистов и собранных о них материалов позволяет установить способ формирования полицейских подразделений, мотивы действий и даже послевоенную судьбу значительного числа нацистских пособников из местного населения. Поскольку последние суды над ними близятся к неизбежному финалу, историкам пора установить роль шуцманов в Холокосте на основе большого количества ставших ныне доступными материалов.

В связи с широким использованием исторических данных, собранных прежде всего в юридических целях, перед исследователями встают определенные методические проблемы. В большинстве случаев подлинные имена и фамилии свидетелей и преступников, естественно, опущены. Многие новые данные, заимствованные из материалов расследований, проведенных в коммунистических странах, были тщательно изучены, перепроверены и сопоставлены с другими имеющимися материалами. Что касается показаний очевидцев, то в большинстве случаев не вызывает сомнений, что описываемые ими события действительно имели место. Конечно, в них встречаются определенные ошибки, которые необходимо принимать во внимание: неточности в датах, цифрах и в написании имен, что объясняется провалами в памяти и различием в транскрипции. Многим свидетелям явно не хватало точных знаний об определенных подразделениях; иногда они не могли уверенно опознать пре-

ступников. Тем не менее, можно только удивляться тому, сколько подробностей люди могут вспомнить даже через 50 лет после событий, очевидцами или участниками которых они были.

Особенно осторожно следует подходить к показаниям преступников. Их можно использовать лишь в тех случаях, когда они подтверждаются другими независимыми показаниями, а также, если речь не идет об их личной виновности или невиновности. Мотивы, которыми они руководствовались, можно оценить лишь посредством скрупулезного анализа всех имеющихся источников. В конечном счете, невозможно точно узнать, что происходило в головах убийц, и выводы историков по подобным вопросам следует рассматривать с осторожностью, скорее как более или менее обоснованные умозрительные построения, нежели как факты.

По многим вполне понятным причинам изучением истории местной полиции, сотрудничавшей с нацистами на оккупированных территориях Советского Союза, до сих пор явно пренебрегали. Упорно преследуя коллаборационистов как предателей, советское правительство неохотно шло на открытое признание широкого распространения сотрудничества местных жителей с немецкими захватчиками. Историки-эмигранты по аналогичным (хотя по существу диаметрально противоположным) мотивам тоже предпочитали преуменьшать соучастие отдельных лиц в зверствах немецкой полиции. Вместо этого они подчеркивали крушение надежд националистически настроенных групп населения на создание независимых государств. Участие местных жителей в Холокосте в таких странах как Литва и Украина остается болезненной проблемой и требует тщательно выверенных формулировок со стороны лиц, занимающих высшие посты в этих государствах⁵. Ввиду важности данной темы одной из целей данного исследования было заполнение значительных пробелов, остающихся в исторической литературе по данному вопросу, на основе использования широкого спектра источников.

Наше нынешнее понимание Холокоста до сих пор еще многим обязано плодотворной работе Рауля Хилберга, создавшего первую подробную историю Холокоста на основе трофейных немецких документов⁶. В последние годы его основополагающее исследование было продолжено многими учеными, прежде всего Кристофером Браунингом, который внес значительный вклад в предмет⁷. Как показывают последние новаторские труды немецких историков Дитера Поля и Томаса Зандкюлера о событиях в районах Люблина и Галиции (Генерал-губернаторство), осуществление геноцида на местном уровне часто было сложным процессом, в котором причудливо переплетались такие факторы как личная инициатива и прак-

тические соображения⁸. В настоящее время некоторые молодые немецкие историки стараются на основе ставших теперь доступными новых материалов из советских и немецких архивов свести воедино ряд все еще остающихся фрагментарными исследований⁹.

Для настоящего труда самое важное значение имели подробные свидетельства, хранящиеся во многих городах Белоруссии и Украины. Они позволяют понять ход реализации немецкой политики с той точки зрения, которая ранее была невозможна. Существующие исследования немецкой оккупационной политики на востоке, как, например, классический труд Александра Даллина или анализ попыток проведения реформ Тимоти Маллигана, сосредоточивали свое внимание на политических проблемах высшего немецкого руководства¹⁰. Изученные ими документы представляют собой главным образом переписку первых лиц местной администрации с их берлинским начальством. Лишь в самое последнее время Бернард Кьяри в своем новаторском исследовании предпринял более подробный анализ повседневной жизни простых людей на оккупированных территориях¹¹. Личные воспоминания, раскрывающие трагический опыт войны, оказывают более непосредственное воздействие.

Основополагающее значение для понимания Холокоста имеет также точка зрения его жертв. Рассказы отдельных лиц, переживших войну, важны вдвойне — они не только живые свидетели событий, но и носители уникального мироощущения: многих из них не покидало чувство полной изолированности от всего населения в целом. Некоторые из наиболее ценных трудов написаны людьми, которые сами пережили преследования нацистов. Особенно интересны работы Шмуэля Спектора (Волинь), а также книги Шалома Холавски и Герша Смоляра (Белоруссия). Тонкий анализ местных событий на основе устных свидетельств отличают книги Нехамы Тэк об Освальде Руфайзене и о партизанах Бельского¹².

Необходимо также иметь в виду, что прежние исследователи Холокоста значительно недооценили два важных аспекта — во-первых, всестороннее использование Гиммлером местных сил в проведении Холокоста и, во-вторых, решающее значение «второй волны» полных «ликвидаций» 1942–43 гг. Между тем, именно в эти годы немецкие подразделения и их подручные уничтожили (большей частью расстреляли) на территории Советского Союза в пределах границ 1940 г. свыше 500.000 евреев. Приведенные в настоящем исследовании подробные данные об организации и хронологии Холокоста дадут дополнительный импульс разгорающимся ныне дебатам об особенностях Холокоста на востоке.

Ввиду неизбежного возникновения различных проблем следует отметить, что приводимый здесь статистический материал заимствован из имеющихся источников. Демографические данные и сведения о числе жертв отдельных акций в большинстве случаев являются лишь приблизительными. Приводимые цифры должны дать общее представление о масштабе описываемых событий, но полагаться на них следует с некоторой осторожностью. Точных цифр, к сожалению, ожидать не приходится.

В заключение следует сказать, что историю местного соучастия в Холокосте нельзя оценивать по количеству жертв. Она скорее представляет собой совокупный опыт множества отдельных лиц. Как они реагировали на чудовищные события нацистского геноцида и партизанской войны? Пользуясь их собственными рассказами, эта книга стремится представить точку зрения простых людей, жителей деревень, многие из которых испытали ужасы Холокоста и полицейские зверства буквально во дворах своих домов.

Примечания

1. R. Headland, *Messages of Murder*, p. 105 — на основании немецких рапортов (по декабрь 1942 г.) полагает, что минимальное значение составляет 1.152.000.

2. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», pp. 181–9.

3. См. табл. А.5 в Приложении.

4. Я использую наименование «Белоруссия», а не современное «Беларусь», которое вошло в употребление очень недавно. Термин «Восточная Польша» отсылает к межвоенным польским границам и используется исключительно в историческом смысле.

5. См., напр., F. Golczewski, «*Entgegen dem Klischee*».

6. R. Hilberg, *The Destruction of the European Jews*.

7. См., напр., C. Browning, *The Path to Genocide*; C. Browning, *Ordinary Men*; и C. Browning, *Fateful Months*.

8. T. Sandkühler, «*Endlösung*» in *Galizien*; D. Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung*; D. Pohl, *Von der «Judenpolitik» zum Judenmord: Der Distrikt Lublin des Generalgouvernements 1939–44*.

9. См. в особенности готовящиеся диссертации С. Gerlach (*Einsatzgruppe B*), А. Angrick (*Einsatzgruppe D*) и С. Dieckmann (Lithuania).

10. А. Dallin, *German Rule in Russia*; Т. Р. Mulligan, *The Politics of Illusion and Empire*.

11. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*».

12. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews, 1941–44*; H. Smolar, *The Minsk Ghetto*; S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*; S. Cholawsky, *The Jews of Bielorussia during World War II*; N. Tec, *In the Lion's Den*; N. Tec, *Defiance: The Bielski Partisans*.

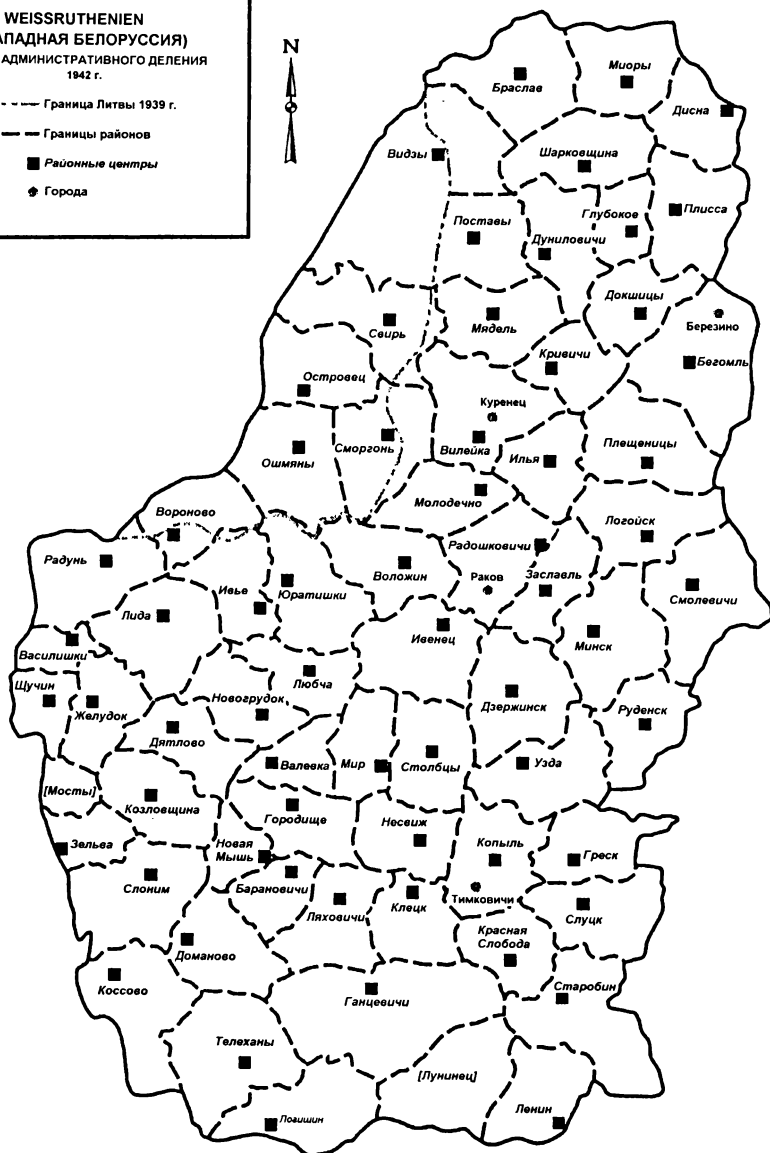
ПРОВИНЦИИ ВОСТОЧНОЙ
ПОЛЬШИ В 1939 г.

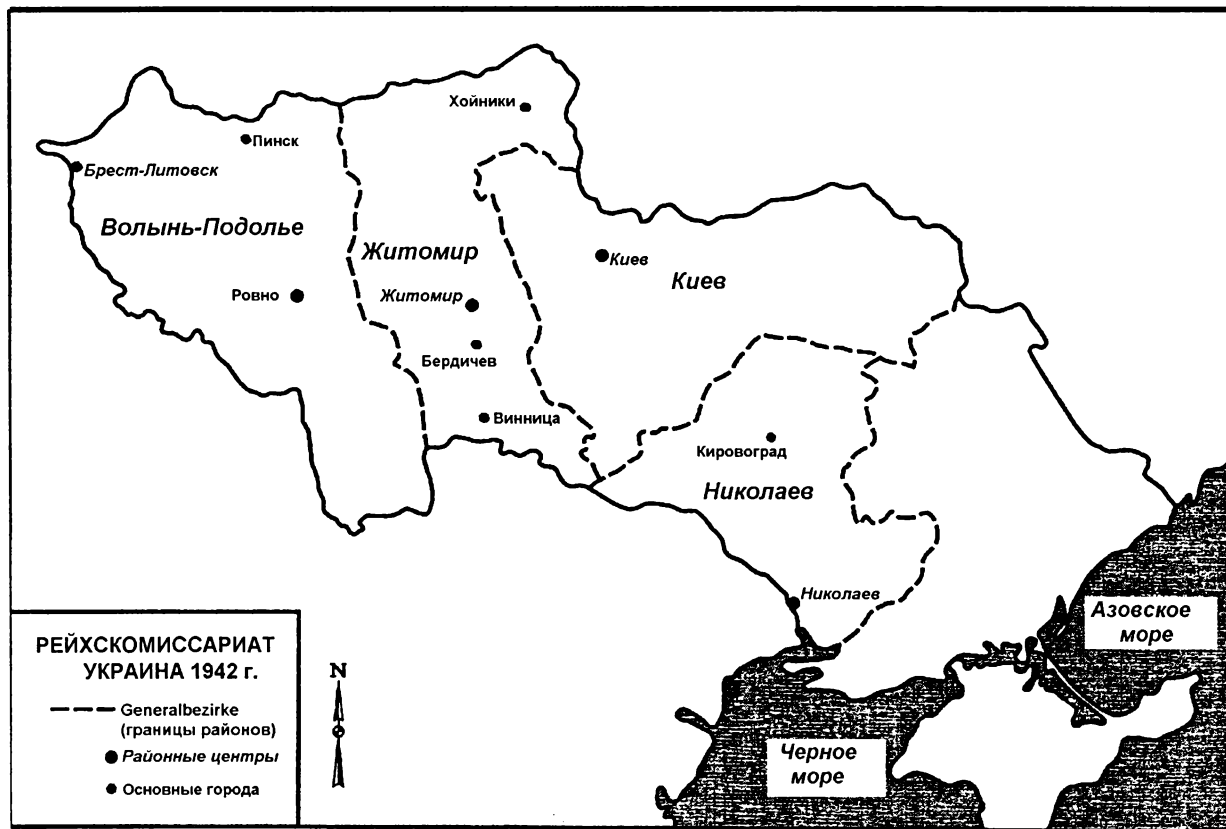
- Границы провинций
● Столицы провинций
● Города

**WEISSRUTHENIEN
(ЗАПАДНАЯ БЕЛОРУССИЯ)**
КАРТА АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛЕНИЯ
1942 г.

- Граница Литвы 1939 г.
- - - Границы районов
■ Районные центры
◆ Города

Благодарности

Имя тем, кто способствовал мне в моих многолетних исследованиях, — легион, так что здесь я могу упомянуть лишь некоторых. Тем не менее, я благодарю всех, кто помогал мне и поддерживал меня, и прежде всего, мою жену, Дороти Берендс (Dorothee Berendes).

Я особо обязан Алисдеру Маклеоду (Alisdair Macleod) и Бернарду Кьяри (Bernhard Chiari), которые по моему поручению работали в «угольной шахте» белорусских архивов. Кристофер Браунинг (Christopher Browning), Конрад Квит (Konrad Kwiet) и Джонатон Стейнберг (Jonathon Steinberg), ведущие исследователи в данной области, вдохновляли и обучали меня своей работой. Я благодарен также Питеру Блэку (Peter Black), Бернарду Кьяри (Bernhard Chiari), Гансу-Генриху Вильгельму (Hans-Heinrich Wilhelm) и Джеку Кагану (Jack Kagan) за их советы и критику первоначальных вариантов рукописи. Но за все изложенное здесь, конечно, ответственность несет исключительно автор; любые ошибки и упущения — на его совести.

Особую признательность я испытываю к Перлу Резнику (Pearl Resnick) и Мемориальному музею Холокоста (США) за их щедрость, сделавшую возможной данную работу. Я глубоко благодарен моим доброжелательным и благородным бывшим коллегам из полицейского отдела по военным преступлениям (Metropolitan Police War Crimes Unit) и Австралийского специального следственного отдела (Australian Special Investigations Unit), прежде всего Джону Ралстону (John Ralston), Майклу Гриффитсу (Michael Griffiths) и Дэвиду Ллоиду (David Lloyd). Целый ряд крупных архивов облегчили мой путь в горных массивах документов. Покойный Альфред Штрайм (Alfred Streim) из Главного управления в Людвигсбурге всегда был образцом стойкости и здравомыслия; мне очень не хватает его тепла и мудрости. Доктор Станислав Каневский (Stanislaw Kaniewski) и его коллеги по Польскому институту национальной памяти, а также Иван Иванович Суховерх и сотрудники Белорусской прокуратуры за годы совместной работы стали моими друзьями и соратниками.

Я хотел бы выразить свою благодарность за неоценимую помощь во время моих, как правило, стремительных визитов в архивы всего мира: Анне Теребун из Бреста, Татьяне Франц из Житомира, Наталье Редкозубовой из Минска, Б. Майер (B. F. H. Meyer), ранее работавшей в военном архиве во Фрайбурге, Сюсанне Пивковой, (Suzanne Pivcova) из Праги, Йозефу Хенке (Josef Henke) и Рейнгольду Бауэру (Reinhold Bauer) из Кобленца, Дэвиду Марвеллу (David

Marwell) и Аарону Корнблюму (Aaron Kornblum) из Вашингтона, Адаму Витко из Хейса и моим коллегам Стефану Кухмейеру (Stefan Kuhmeyer) и Людвигу Норцу (Ludwig Norz) из Берлина.

Наконец, самые сердечные благодарности — Бобу Уайту (Bob Waite) за его теплую дружбу и поддержку. Тысячи людей способствовали тому, чтобы эта работа увидела свет — я в долгу перед всеми ними.

Мартин Дин

Список сокращений

ОУН	Организация украинских националистов
УПА	Украинская армия сопротивления
AK	<i>Armija Krajowa</i> ; Польская подпольная армия
BdS	<i>Befehlshaber der Sicherheitspolizei</i> ; Старший командир полиции безопасности
BSO	Белорусская организация самозащиты
DP	<i>Displaced Persons</i> ; перемещенные лица
FK	<i>Feldkommandantur</i> ; полевая комендатура
Gestapo	<i>Geheime Staatspolizei</i> ; Гестапо, тайная государственная полиция
GFP	<i>Geheime Feldpolizei</i> ; тайная полевая полиция (Вермахт)
HSSPF	<i>Hohere SS- und Polizei Führer</i> ; высший полицейский и эсэсовский начальник
KdG	<i>Kommandeur der Gendarmerie</i> ; командир жандармского подразделения
KdO	<i>Kommandeur der Ordnungspolizei</i> ; командир подразделения полиции по охране порядка
KdS	<i>Kommandeur der Sicherheitspolizei</i> ; командир подразделения полиции безопасности
Kripo	<i>Kriminalpolizei</i> ; уголовная полиция
NCO	унтер-офицер
OD	<i>Ordnungsdienst</i> ; подразделение охраны порядка; местная милиция (военная администрация)
OK	<i>Ortskommandantur</i> ; местная комендатура
OKH	высшее командование германской армии
OKW	высшее командование Вермахта
Pol. Bn.	полицейский батальон (полиция охраны порядка)
Pol. Rgt.	полицейский полк (полиция охраны порядка)
PoWs	Prisoners of War; военнопленные
RFSS	<i>Reichsführer SS</i> (Heinrich Himmler); рейхсфюрер СС (Генрих Гиммлер)
RM	<i>Reichsmark</i> ; рейхсмарка, немецкая валюта
RSHA	<i>Reichssicherheitshauptamt</i> ; главная канцелярия безопасности Рейха
SA	<i>Sturmabteilung</i> ; штурмовые отряды нацистской партии
SD	<i>Sicherheitsdienst</i> ; служба безопасности СС (разведка)
SS	<i>Schutzstaffel</i> (защитные отряды); элитные охранные подразделения нацистской партии, превращенные Гиммлером в собственную империю внутри партии
SSPF	<i>SS- und Polizei Führer</i> ; полицейский и эсэсовский начальник

СОВЕТСКАЯ ОККУПАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ПОЛЬШИ. 1939–1941 гг.

17 сентября 1939 г. Красная Армия с должной осмотрительностью вошла в восточную половину Польши. Это было необычное вторжение, ибо некоторые жители вначале думали, что советские войска пришли помочь им сражаться с немцами¹. Однако наступающие советские войска быстро развеяли их иллюзии, установив свою власть на захваченных территориях. Официально советское наступление оправдывалось необходимостью установить порядок и защитить братские народы Белоруссии и Украины после развала Польского государства². В действительности же Сталин хотел попросту закрепить за собой свою долю добычи — восточную часть Польши, доставшуюся ему согласно секретным протоколам пакта Молотова—Риббентропа.

Разрозненные польские пограничные войска оказывали некоторое ограниченное сопротивление Красной Армии вплоть до 25 сентября³. Их воля к борьбе была, однако, сломлена предшествовавшим нападением немцев. О безнадежной дилемме польской армии, оказавшейся перед реальной угрозой четвертого раздела Польши, один бывший солдат вспоминал так:

«В сентябре [1939] прибыл какой-то майор... Он собрал всех солдат и сказал, что с запада на нас напали немцы, а с востока — русские... что мы не знаем, с кем сражаться... и велел нам идти, куда хотим...»⁴

Этот солдат отправился к себе домой. В восточной Польше захват был нехотя воспринят как *fait accompli*, что, собственно, и входило в намерения Советов. С поразительной поспешностью советские власти приступили к юридическому оформлению аннексии оккупированных территорий. 22 октября в белорусском и украинском секторах оккупированной Советским Союзом Польши прошли искусно отрежиссированные «выборы» в Народные собрания. Для их подготовки была организована широкая пропагандистская кампания, которую провели активисты из Советского Союза с помощью местных учителей. Присутствие на многочисленных предвыборных митингах было обычно принудительным. В день выборов не выказывающих особого рвения избирателей зачастую приводили

к избирательным урнам милиционеры. НКВДэшники не стеснялись открыто запугивать жителей, чтобы обеспечить предложенным советскими властями кандидатам ожидаемое «подавляющее» большинство. Явка на выборы повсеместно превысила 90%, и в царившей кругом угнетающей обстановке мало кто осмеливался испортить свой бюллетень⁵.

1 ноября 1939 г. Верховный Совет в Москве удовлетворил просьбу Собрания Западной Украины об ее включении в состав Украинской Советской Республики. На следующий день была удовлетворена аналогичная просьба Западной Белоруссии⁶. В середине ноября эти решения ратифицировали Верховные Советы Белоруссии и Украины в Минске и Киеве.

Прием, оказанный советским войскам населением восточной Польши, был далеко не однозначным. Некоторые белорусы вначале приветствовали прибытие Красной Армии. Несмотря на жесткие чистки, предпринятые НКВД против «непослушных» коммунистических активистов в конце 1930-х гг., они надеялись, что по сравнению с польским господством их положение в социальной сфере и в области культуры улучшится. Польские власти ограничивали обучение на белорусском языке и преследовали некоторых националистов⁷. Поэтому сочетание надежды и страха заставляло белорусов демонстрировать поддержку новому режиму. Во многих городах были воздвигнуты триумфальные арки, и ликующие толпы приветствовали приход Красной Армии. Вхождение Западной Белоруссии в Белорусскую ССР осуществило надежду на создание единого Белорусского государства, пусть даже и под советской эгидой.

То обстоятельство, что это господство было слишком жестким даже для белорусских коммунистов, показывают отрывки из письма В. П. Ласковича к Первому секретарю Белорусской Компартии:

«За радостью всего народа по поводу освобождения на второй же день последовало заявление о том, что все революционеры, члены КПЗБ (Коммунистическая партия Западной Белоруссии), «комсомольцы», освобожденные из польских тюрем — враги, а КПЗБ — партия, основанная польской военной разведкой. Большого безумия ожидать было невозможно. Наша борьба, наши страдания, наши мечты о счастливом будущем были осмеяны и оплеваны. Скажу больше: многие члены КПЗБ были арестованы, а остальные подвергались постоянной слежке... Наши враги потешаются над этим идиотизмом...»⁸

Массы белорусского крестьянства были лишены четкого сознания национальной идентичности, многие жители Полесья называли себя просто «здесьними»⁹. Для них гораздо большее значение имели экономические изменения, принесенные советским режимом.

Реакция на Украине тоже была смешанной. Украинские крестьяне придумали прозвище для тех, кто периодически приходил на их родину обычно с целью использовать ее ресурсы; они прозвали этих пришельцев *зайды*, «захожие». Считалось несомненно благоразумным тепло их приветствовать в надежде на то, что тогда они будут вести себя лучше¹⁰. Тем не менее, слухи о большом голоде и чистках на Советской Украине в 1930-х гг. охладили восторги местных жителей¹¹. Как и в Белоруссии, первыми пострадали украинские коммунисты. В 1938 г. Коминтерн приказал распустить Коммунистическую партию Западной Украины (КПЗУ) за националистический уклон¹². Энтузиазм ярых националистов в Галиции по поводу создания единой Украины также охладел вследствие методов, которые Красная Армия применяла для его осуществления. Однако в это время украинцы еще не оказывали организованного сопротивления советскому режиму.

Главным объектом советских репрессий стали поляки. В восточной Польше они составляли господствующее меньшинство и до советского вторжения занимали большую часть руководящих позиций в государстве и обществе. Из районов, расположенных непосредственно к востоку от демаркационной линии, отделявшей Польшу от нацистской Германии, чиновники польской администрации, включая полицию, отступили на запад, стремясь добраться до относительно безопасной Румынии¹³.

Сразу же после своего прихода советские власти начали арестовывать поляков, занимавших ответственные посты, — политических деятелей, чиновников, школьных учителей и юристов, а также интернировали всех польских военнослужащих как военнопленных и поместили их в лагерь¹⁴. В ходе допросов офицеров польской армии и бывших полицейских изолировали от всех остальных. Перспективы для этих людей были мрачными — их вскоре депортировали в Советский Союз, где многие были впоследствии убиты. Наиболее известный пример — расстрел 4000 польских офицеров в Катыни близ Смоленска¹⁵. Остальных военнопленных разделили по национальному признаку, причем некоторых белорусов и украинцев из лагерей выпустили.

Воспользовавшись неразберихой, царившей в начале советского вторжения, кое-кто из военнопленных пустился в бег, но многие, не желая связываться с советской бюрократией, предпочли остаться и ожидать выдачи официальных документов об освобождении. Однако с приближением зимы лагеря стали постоянными, и надежды на быстрое освобождение рухнули. Вместо этого советские власти заставили пленных работать на строительстве. Многих содержали

в тяжелых условиях вплоть до немецкого вторжения, когда была предпринята попытка эвакуировать их на восток, в Советский Союз¹⁶.

Местные сторонники коммунистов, в том числе некоторые евреи, вначале радостно приветствовали советские войска. Они помогали новому режиму, создавая подразделения местной милиции и способствуя становлению временной администрации. Подразделения милиции участвовали в разоружении и аресте польских полицейских, что вызвало возмущение поляков. Однако с прибытием в ноябре 1939 г. советских служащих и полицейских с востока многие местные коммунисты, в том числе евреи, были сняты с ответственных постов¹⁷.

Назначая своих людей на все посты, советский режим намеревался укрепить свою власть на вновь оккупированных территориях. Для этой же цели использовались и выборы. Как вспоминает один уцелевший еврей, эти выборы никоим образом не способствовали демократической легитимации новой власти: «Выборы в местные советы тоже были сфальсифицированы. Русские посадили в советы своих, специально отобранных людей. Например, одного кузнеца, простого, необразованного еврея, выбрали только для того, чтобы он выполнял их приказы»¹⁸. Регистрация избирателей и неусыпный надзор над голосованием воспринимался населением как средство выявления политических оппонентов¹⁹.

После ареста польских полицейских советские власти использовали вновь созданные подразделения местной милиции для проведения своей политики. На милицейские должности назначали не только местных коммунистов, но даже бывших уголовников²⁰. Местные жители особенно удивлялись при виде евреев, несущих полицейскую службу на улицах²¹. Некоторых поляков, лишившихся своих прежних преимуществ, такая политика особенно оскорбляла и раздувала тлевший в период между двумя войнами латентный антисемитизм. Зато полный контроль над милицией находился в надежных руках.

Больше всего жители боялись офицеров НКВД, прибывших с востока. Их узнавали по красному канту на униформе. Они отвечали за борьбу с врагами режима. В их обязанности входил надзор над милицией и управление многочисленными переполненными тюрьмами²². Эти тюрьмы использовались в основном не для отбывания наказания осужденных, а для проведения допросов: «...Тюрьмы в основном рассматриваются как место изоляции арестованных для проведения следствия. Следствие может длиться неделями, месяцами и даже годами. Только следователь может определить режим

для каждого отдельного заключенного ... их постоянно переводят из одной камеры в другую, из одиночки в чудовищно перенаселенную общую камеру или просто в карцер в соответствии со степенью давления, необходимого для того, чтобы сломить их сопротивление. Содержание в тюрьме, сам тюремный режим и применение карцеров... всё это утратило свои первоначальные функции и теперь служит лишь средством давления в процессе следствия...»²³

Типичным примером советских карательных мер была очистка деревень, расположенных близ демаркационной линии, с целью создания зоны безопасности²⁴. Житель одной деревни в районе Брест-Литовска вспоминает: «...Наша деревня была расположена на берегу реки Буг. Советская власть переселила нас оттуда дальше к востоку в бывшие дома этнических немцев»²⁵. Людям приказывали покидать свои дома, и затем эти дома разрушались²⁶.

Но главный результат советской оккупации был еще более мрачным. По сложившейся традиции ответом русских на национальное сопротивление в Польше была ссылка в Сибирь²⁷. Вскоре после захвата восточных территорий Польши начались массовые депортации, охватившие ужасом всю зону оккупации.

В первой половине 1940 г. советские власти провели три волны депортации на восток²⁸. В феврале НКВД арестовало польских «военных поселенцев» и лесничих, работавших в сельской местности. Их присоединили к полякам-горожанам — служащим, представителям власти и полицейским, часть которых была уже арестована ранее²⁹. Около 140.000 поляков было депортировано на работы, оказавшись, главным образом, на лесоповале в лагерях ГУЛАГА на востоке Советского Союза. Одной из целей данных мероприятий могла быть попытка уменьшить риск польского партизанского сопротивления в обширных лесных массивах восточной Польши³⁰. Отсутствие этих людей, несомненно, сказалось на последующем развитии партизанского движения в период немецкой оккупации.

Некоторым полякам удалось избежать депортации посредством изменения местожительства. Одна семья из окрестностей Волковыска, которую тайно предупредили, что она занесена в список лиц, подлежащих депортации в феврале 1940 г., нашла убежище у друзей в Барановичах³¹. Известны также случаи, когда поляков освобождали из-под ареста и разрешали им вернуться к своим семьям в оккупированную Советским Союзом Польшу³². По этим противоположным друг другу примерам можно судить о царившем повсеместно произволе: «Характерно, как проводились аресты. Из домов, куда полиция приходила за кем-либо, забирали не только их, но и тех, кто в это время случайно оказывался в доме»³³.

13 апреля 1940 г. были депортированы семьи лиц, принадлежащих к определенным группам населения, которые считались потенциальными врагами режима, так как мужчины из этих семей — офицеры и унтер-офицеры польской армии, помещики, бизнесмены, государственные служащие, учителя, юристы и политические деятели, в том числе бывшие коммунисты — были уже арестованы ранее. Наряду с польской интеллигенцией в эту группу включили много евреев и даже зажиточных белорусских и украинских крестьян. Местом назначения были населенные пункты на территории Казахстана, где депортированных использовали на различных работах. Тяжелые условия жизни привели к высокой смертности среди депортированных, особенно среди детей, как в пути, так и непосредственно в местах ссылки.

Эта мощная волна депортаций затронула, согласно новейшим оценкам, около 61.000 человек. Находясь в Казахстане, женщины и дети ничего не знали о судьбе отцов семейства. Учитывая характер советской бюрократии и многочисленные правила, строго ограничивающие передвижение, бежать обратно на запад было практически невозможно³⁴.

По соглашению, подписанному Германией и Советским Союзом 28 сентября 1939 г., из зоны советской оккупации было «репатрировано» около 128.000 этнических немцев (фольксдойче). Эта переброска больших масс населения была завершена очень быстро — всего за два месяца (к 9 февраля 1940 г.)³⁵. В восточной Польше осталось некоторое количество фольксдойче, но немецкие власти отнеслись к ним подозрительно, потому что они не воспользовались этой первой возможностью для переезда³⁶.

Согласно оценкам, осенью 1939 г. после раздела Польши в советской зоне оккупации оказалось свыше 300.000 беженцев из западной Польши³⁷. Большинство из них составляли евреи. Все они были втиснуты в тесные помещения, ибо сюда же прибыло огромное количество служащих — коммунистов с востока, и жилья на всех не хватало. В 1940 г. эти беженцы были поставлены перед выбором — принять советское гражданство и остаться в зоне оккупации или «репатрироваться» в Германию. В развешанных повсюду официальных объявлениях говорилось об упомянутом выше соглашении с Германией о репатриации, хотя на самом деле оно касалось только этнических немцев.

Советские власти вовсе не собирались репатриировать этих беженцев. Вместо этого они наказали ссылкой тех, кто не выдержал этого обманчивого испытания на верность. Оставшийся в живых еврей из Слонима рассказывает, как это происходило: «Ряд еврей-

ских беженцев из Польши выразил желание вернуться в Польшу за своей зимней одеждой. Советские власти приветствовали это. Был составлен список тех, кто изъявил это желание. Но вместо того, чтобы разрешить им вернуться в свои дома, их депортировали в Казахстан»³⁸.

В это время советские власти депортировали из западной Польши около 75.000 беженцев, причем большинство — в ходе третьей волны депортаций 29 июня 1940 г. Считается, что 60% из них составляли евреи. По одной оценке, около 10% депортированных погибло в пути, и, несомненно, значительно большее количество — в лагерях Гулага на севере России и в Сибири. По иронии судьбы процент выживших из этого числа евреев оказался гораздо выше, чем процент тех, кто остался на месте и попал в руки немецких убийц³⁹.

Четвертая волна депортаций из Прибалтики и Западной Белоруссии проходила между 13 и 21 июня 1941 г. после советской аннексии прибалтийских государств летом 1940 г. Она затронула около 32.000 человек, хотя заканчивалась в обстановке всеобщего хаоса, вызванного немецким вторжением 22 июня 1941 г.⁴⁰

Политика депортаций была, в сущности, географическим решением задачи умиротворения захваченных территорий. Отчасти ее можно сравнить с насильственной переброской людей, одновременно проводившейся немцами в западной Польше. Депортации подлежали группы населения, так или иначе связанные с борьбой за сохранение Польши как государства — те, у кого были родственники за границей; те, кто считался «капиталистами» (в том числе торговцы и помещики), иностранцы (большой частью беженцы), и, наконец, те, чьи родственники уже находились в тюрьмах и трудовых лагерях. Все они в какой-то степени считались угрозой советскому режиму. Для масс местного населения эта политика воплощала суть советского господства. Согласно польским источникам, с февраля 1940 г. по июнь 1941 г. около 310.000 человек из восточной Польши (при общем населении в 13,5 миллионов) было депортировано на восток без всякой надежды на возвращение⁴¹.

В восточной Польше евреи жили в основном в небольших городах и местечках (*shtetl*), где они зачастую составляли большинство. Они главным образом обслуживали сельское население в качестве торговцев и ремесленников. Еврейская община обычно была сконцентрирована вокруг центральной базарной площади, которая представляла средоточие их коммерческой деятельности⁴². В конце 1930-х гг. еврейское население Польши страдало от антисемитской экономической политики польского правительства. Евреи были обременены дополнительными налогами и правилами — например,

им предписывалось закрывать свои лавки не только по субботам, но и по воскресеньям⁴³. Проводилась даже официальная политика подготовки к эмиграции польских евреев⁴⁴.

Еврейской общине восточной Польши советская оккупация принесла много изменений. Вначале некоторые евреи вздохнули с облегчением при виде советских войск, ибо они были сильно обеспокоены наступлением немцев. Одна еврейская девушка выразила уверенность в том, что советская власть «принесет стабильность, мир, культуру и продукты»⁴⁵. В ее родном городе Слониме «тысячи людей высыпали на улицы, приветствуя “освободителей”»⁴⁶.

Как ни странно, местным жителям Красная Армия показалась дисциплинированной и воспитанной, особенно по сравнению с пользовавшейся дурной репутацией старой царской армией. Евреи рассказывали, что красноармейцы вели себя вежливо и дружелюбно: «...Когда пришли русские, все были счастливы. Вначале они щедро раздавали папиросы и деньги»⁴⁷. А главное, платили за все наличными деньгами, которыми их заранее снабдили. Им явно объяснили, как следует вести себя по отношению к местным жителям⁴⁸.

Советское господство сопровождалось улучшением в сфере занятости для многих евреев и повышением их социального статуса. С евреями стали обращаться почти так же, как с поляками, белорусами и украинцами. По свидетельству одного из оставшихся в живых еврея, «под русскими евреям жило безусловно лучше, потому что у них появились равные возможности и права во всех областях, чего при польском режиме не было»⁴⁹. Еврейскую молодежь новые возможности в работе и образовании побуждали приспосабливаться к советским порядкам. Лишь немногие продолжали вести подпольную сионистскую деятельность и изучать древнееврейский язык⁵⁰. Сионистское подполье пыталось тайно переправить своих членов через границу в Литву и Румынию⁵¹. Пограничники ловили многих беглецов, которые позже стали кандидатами на депортацию. Из тех, кто бежал в Литву или Румынию, лишь немногим удалось продолжить полный опасности дальнейший путь в Палестину.

Советская власть считала все покоренные народы возможной угрозой и намеревалось насильственно встроить их в коммунистическую систему. Что касается евреев, которые по канонам советской идеологии не считались нацией, то их следовало как можно скорее ассимилировать и для этого уничтожить все их общественные и религиозные организации. Во многих местах развал этих организаций был почти «стихийным», ибо с приходом Красной Армии никто не осмеливался созвать собрание какой-либо организации. Все общест-

венные и национальные контакты с этого дня осуществлялись только в подполье⁵². Равным образом евреи считали разумным посещать коммунистические собрания и ходить на демонстрации⁵³.

Советские политические и экономические изменения болезненно отразились на еврейском населении. В противоположность уже советизированным евреям Минска, 80% которых в 1939 г. работали на фабриках или в учреждениях, в восточной Польше свыше 80% евреев все еще оставались торговцами и ремесленниками⁵⁴, и ограничения в передвижении сделали их традиционные занятия торговлей невозможными. Некоторые лавочники сохранили свои места, но превратились в государственных наемных служащих. Предприятия и другая собственность были конфискованы, а тех, кто считался капиталистами, подвергли дискриминации и депортации. Один человек вспоминает, что его уволили с государственной должности лишь потому, что по паспорту он значился сыном купца⁵⁵. Другим не разрешали оставаться в больших городах и переселяли в мелкие местечки и деревни подальше от пограничной зоны⁵⁶.

Положение евреев-ремесленников было несколько лучше, ибо их профессиональный рабочий статус легче встраивался в категории, приемлемые для советской идеологии. В восточной Польше было много евреев портных, сапожников, шляпников, плотников, маляров и кузнецов. Мастерские этих ремесленников не были национализированы, но их заставили объединиться в кооперативы (артели) по советским правилам. Артелями управляли государственные власти, которые назначали руководителей и определяли цены и зарплату. В результате этих изменений большинство евреев-ремесленников превратились в наемных служащих с фиксированными, хотя и низкими доходами⁵⁷.

Наиболее заметным признаком перемен в местечках было то, что евреи перестали отмечать субботу и религиозные праздники. Советизация способствовала отказу от традиционной и даже просто нарядной одежды, которая могла привлечь нежелательное внимание милиции. Люди боялись встречаться и разговаривать друг с другом на улице. Все это производило тягостное впечатление подавленности, унылого однообразия, запущенности и неряшливости, характерных для коммунистической восточной Европы⁵⁸.

Иудаизм в соответствии со «сталинской» конституцией формально допускался, и советские власти открыто не вмешивались в отправление еврейских религиозных обрядов⁵⁹. Тем не менее, власти старались ограничить религиозную деятельность, прибегая к различным способам давления — например, раввинов обложили высоким налогом, а религиозное образование загнали в подполье.

Статьи в газетах часто имели антирелигиозную направленность, а официальный рабочий день не оставлял времени для отправления традиционных религиозных обрядов⁶⁰.

Большинству евреев в восточной Польше удалось сохранить свою культурную идентичность, их родным языком остался идиш или древнееврейский язык. С началом советской оккупации преподавание на древнееврейском языке было запрещено, и даже количество школ с обучением на идиш постепенно сокращалось. Наиболее распространенным аргументом, которым родители объясняли детям отказ от идиш, был тот, что при поступлении в средние и высшие учебные заведения в Советском Союзе он не нужен⁶¹. Именно утрата своей культуры больше всего ранила многих евреев: «Посмотрите, что они с нами сделали. Кегиллы больше нет, Талмуд Торы больше нет. Синагог у нас нет, нет ни школ, ни праздников, ни халутцим, нет Эрец Исроэл. Нет ничего, ничего. Мы идем в никуда»⁶².

Восточная часть Польши была бедным и экономически относительно отсталым регионом. В отдаленных областях Волыни, Полесья и большей части Белоруссии главным природным ресурсом был лес. Дороги были примитивные, а промышленность не развита. Несмотря на это красноармейцев поразило изобилие продуктов, одежды и других потребительских товаров в свободной продаже в противоположность пустым витринам в Советском Союзе. Благоприятный обменный курс (один золотый приравнялся к одному рублю) дал «восточникам» возможность на законном основании быстро опустошить все магазины. Особым спросом пользовались вечные перья и часы — большая редкость в СССР⁶³.

Таким образом, вскоре появились обычные признаки командной экономики. Сочетание твердых цен с недостатком товаров естественно побудило население перейти на прямой обмен и сделки на черном рынке, в чем советские граждане продемонстрировали свой богатый опыт. Очереди стали повсеместными: «за хлебом, за мылом, за сахаром, за всем вообще. Люди приходили с раннего утра и обнаруживали, что другие пришли еще раньше»⁶⁴.

1 января 1940 г. почти без всякого предупреждения золотые были изъяты из обращения. Разрешалось поменять на рубли в отношении один к одному всего 300 золотых, вследствие чего большинство жителей лишилось всех своих сбережений⁶⁵. В условиях низкой зарплаты государственных служащих и последствий экспроприаций это означало заметное обнищание большей части населения. Людям пришлось тратить все оставшиеся у них накопления и продавать ценные вещи. Это помогло выжить некоторым депортированным — если у них случайно сохранилась какая-нибудь дешевая

польская безделушка, они могли обменять ее на кусок хлеба или на необходимый им полезный инструмент⁶⁶.

Однако не все, кто испытал советскую оккупацию, вспоминают только ее отрицательные стороны. Один выживший еврей из Клецка рассказывает: «...Безработицы не было. Богачи потеряли свое имущество, но, с другой стороны, бедняки были довольны новой властью, которая улучшила их положение»⁶⁷. Для какого-нибудь бедного мастерового постоянный доход и дешевый хлеб, быть может, и в самом деле был лучше, чем беспощадная конкуренция в довоенные времена.

Первыми мероприятиями советской власти были национализация промышленности и торговли и введение восьмичасового рабочего дня. Частные предприятия Советы душили высокими налогами и всевозможными ограничениями⁶⁸. Однако после первоначальных неурядиц, вызванных изменением экономической системы, уровень безработицы снизился благодаря появлению новых рабочих мест в государственных предприятиях и учреждениях.

Присвоение польского имущества власти тоже производили на официальном уровне. Целые фабрики, отдельные отвалившиеся изразцы и даже дверные ручки были конфискованы и вывезены в СССР, причем самым бесхозяйственным образом. Вся эта разруха производила на местных жителей удручающее впечатление. По словам одного украинца, «все жили, питались и одевались хуже, чем раньше». Красная Армия реквизировала и захватывала все необходимое ей продовольствие и транспортные средства. Все это отбирали главным образом у крупных землевладельцев, но иногда и у мелких крестьян⁶⁹.

Некоторым беженцам из западной Польши, которых выселили из больших городов, предлагали переехать в Советский Союз, обещая предоставить им работу, главным образом в Донецком бассейне. Однако рассказы о безработице, голоде и неблагоприятных условиях существования (исходящие от тех немногих, кому удалось вернуться) подчеркивали низкий уровень жизни в Советском Союзе даже по сравнению с восточной Польшей. В результате некоторые евреи предпочли вернуться в зону немецкой оккупации⁷⁰.

Для Западной Украины ключевой проблемой была земельная реформа и коллективизация. В восточной Галиции и на Волини свыше 80% крупных землевладельцев были поляками. 28 октября 1939 г. Народное Собрание Западной Украины объявило о конфискации земель крупных землевладельцев, монастырей и государственных служащих. Небольшие участки раздали мелким крестьянам, но большая часть конфискованной земли осталась в руках государства

и позже была использована для создания совхозов, в которых «безработные» сельскохозяйственные рабочие получили работу. Вначале реформа проводилась с некоторой осторожностью, но позже, в 1940–41 гг., было создано много совхозов⁷¹. Ввиду разнообразия этнических групп, населявших оккупированные территории, Советская власть использовала экономические рычаги в своей политике «разделяй и властвуй» по отношению к местному населению.

В период советской оккупации из примерно 13 миллионов жителей восточной Польши одну треть составляли поляки и одну треть — украинцы. Не считая небольшого числа литовцев, немцев и русских, оставшаяся треть почти поровну делилась между евреями, белорусами и принадлежавшими к русской православной церкви жителями Полесья, которые называли себя «здешними»⁷². До 1939 г. польское меньшинство всячески стремилось упрочить свое положение в этой части Польши. Польских переселенцев поощряли государственными займами под низкие проценты. Поляков — ветеранов русско-польской войны 1920–21 гг. тоже призывали селиться на востоке. Кроме того, сюда привезли много поляков, которых назначили на должности в администрации, в школах, в социальной сфере и в коммунальном хозяйстве. А главное, «полонизация» проводилась путем внедрения польского языка в преподавание большинства предметов.

Однако дискриминация непольских меньшинств в сфере государственного управления, экономики и образования сопровождалась оживленной общественной и политической деятельностью во всех национальных общинах. Открытое этническое насилие ограничилось террористическими атаками украинских националистов (ОУН) в 1930-х гг., которые вызвали жесткие государственные репрессии со стороны польской полиции и армии⁷³. Несмотря на это отношения между этническими общинами на востоке часто считались «хорошими» или «нормальными», хотя между христианами и евреями было мало общественных контактов кроме как в школе и бизнесе. Открытые антисемитские выходки позволяло себе лишь незначительное, хотя и крикливое меньшинство⁷⁴.

Во время советского вторжения в сентябре 1939 г. развал законности и порядка привел к отдельным эпизодам этнических конфликтов. В некоторых местах крестьянские отряды «линчевателей» и импровизированные милицейские подразделения убивали поляков. В первые дни советской оккупации Советские власти открыто подстрекали крестьян отомстить польским помещикам. Как сообщается, в Городее, близ Несвижа, «комиссар» Данилов заявил местным жителям: «Если кто-то имеет зуб на кого-либо, он может

сделать с ним что захочет — отнять у него имущество и даже жизнь». В то же время отступающие польские пограничники часто с помощью гражданского населения быстро расправлялись с нелояльными белорусами, украинцами, «здешними» и евреями. Если же они сами попадали в руки Красной Армии, то им грозила расправа без суда и следствия⁷⁵.

Советский Союз, опираясь на опыт царской России в подавлении национального сопротивления, еще раз использовал испытанные и надежные методы ликвидации польского государства. Советские чиновники арестовали руководителей польской армии, полиции и администрации с целью их депортировать или расстрелять. Члены семей арестованных также рассеивались по зачастую фатальным «холодильникам» — трудовым лагерям на востоке. Получив лишь несколько минут на сборы, многие депортированные умирали в переполненных вагонах для перевозки скота от недостатка воды и продуктов питания, замерзая зимой и страдая от жары летом. В этих нечеловеческих условиях погибло особенно много детей.

Однако попытки лишить высланных поляков их национального самосознания всё еще наталкивались на открытое сопротивление. Известно много случаев, когда при отправлении эшелонов высланные пели патриотические песни. Дети, которым запрещалось говорить на родном языке, с особым удовольствием нарушали эти запреты⁷⁶. В Польше быстрый роспуск всех политических партий и рабочих организаций способствовал созданию польского подполья.

Советская власть рассчитывала получить поддержку других национальных меньшинств, удовлетворяя их интересы за счет ранее господствовавших поляков. В то же время как польские руководящие кадры сгонялись для депортации, украинцев и белорусов назначали на непривычные для них ответственные посты. Об этом ясно свидетельствуют списки кандидатов в депутаты на выборах в октябре 1939 г. Например, во Львове практически все кандидаты были украинцами, что говорит о закате влияния значительного по своему количеству польского населения⁷⁷. Первоначальные земельные реформы советская власть тоже использовала для того, чтобы завоевать доверие местного крестьянства за счет польских помещиков (панов). В южных провинциях первые месяцы советской оккупации проводилась политика украинизации — открылись украинские школы и появились газеты на украинском языке⁷⁸.

Советская оккупация сопровождалась сокращением числа школ с преподаванием на польском языке. Напротив, поощрялось обучение на украинском, русском и белорусском языках; осталось и несколько еврейских школ с преподаванием на идиш. Эти изменения

вызывали затруднения для учителей, которым пришлось срочно учить новые языки. Наступление коммунистов против религии тоже сосредоточилось на более восприимчивом молодом поколении. Все школы стали светскими, а религиозное воспитание было заменено мощной антирелигиозной пропагандой⁸⁰.

Пресса на оккупированной территории подвергалась строгой цензуре. Например, немногочисленным газетам на идиш было запрещено упоминать о немецких расправах с евреями — что автоматически вытекало из самого наличия пакта Гитлера—Сталина. Из библиотек изъяли множество книг, а приемлемых произведений советских авторов не хватало⁸¹. Во время предвыборной кампании целая армия пропагандистов восхваляла преимущества советской власти на бесконечных лекциях и собраниях, посещение которых было обязательно⁸². Польские флаги и польских орлов заменили красными знаменами и портретами Сталина — вездесущими символами советского государства, которое старалось стереть даже воспоминания о государственной системе, которую оно сменило.

Под натиском притязаний на тоталитарное господство местное население обычно смирялось и не сопротивлялось быстрому изменению, которыми они сопровождалось. В то же время советская власть пыталась склонить часть населения к сотрудничеству. Некоторых падких до наживы людей склоняли к доносам на соседей, обещая за это часть имущества высланных⁸³. По мнению Яна Гросса, использование государством недовольства отдельных лиц в своих целях демонстрирует и силу, и ограниченность тоталитаризма. Такая политика, подчеркивая способность государства по своему усмотрению распоряжаться гражданами, одновременно открывала путь произволу, коррупции и стремлению удовлетворять личные интересы⁸⁴. Сталин не спешил противостоять одновременно и украинцам, и полякам, ибо его главной целью было не ослаблять железную хватку, с которой он вцепился в новые территории. Учитывая специфику местных условий, Советы сочли коллективизацию подходящим методом контроля над громадной сельскохозяйственной территорией, не проявлявшей особой лояльности к советскому режиму⁸⁵.

Однако уступчивость отнюдь не означала одобрения происшедших изменений. Несмотря на новые возможности продвижения по службе, предлагаемые украинцам и белорусам, возникло взаимное разочарование между советскими властями и теми, кто сочувствовал местным националистам. И украинские, и белорусские подпольные организации в предстоящей борьбе с Советами надеялись на поддержку Германии⁸⁶. Равным образом советским властям за недостатком квалифицированного персонала прихо-

дилось назначать на административные посты польских учителей и юристов. Тем самым уже была заложена основа для конфликтов и альянсов, которые неизбежно должны были возникнуть в период будущей немецкой оккупации.

Обстановку, создавшуюся при немецкой оккупации, невозможно понять без анализа последствий короткого периода советского господства. Для этнически смешанного населения восточной Польши приход Красной Армии осенью 1939 г. означал политические репрессии, депортации и коренные экономические изменения. Политика, утвердившая политическое господство поляков в 1930-х гг., повернулась на 180 градусов, и польская элита стала главным объектом преследований НКВД.

Советы поставили себе целью срочно прибрать к рукам преобладающее на польских территориях сельское население. НКВД стремился ликвидировать любую группу лиц, которая могла представлять угрозу советской власти. В его проскрипционные списки попали местные коммунисты, белорусские и украинские националисты и политически активные евреи. Притязания коммунистической партии, полагавшей себя единственно законной политической организацией, навязывались силой.

Давление политических репрессий и пагубные результаты советских экономических реформ заставили многих местных жителей в 1941 г. приветствовать немцев как освободителей. В сущности, они были готовы приветствовать кого угодно, кто обещал бы освободить их от советского ига. Находящиеся в изгнании радикальные украинские националисты тесно сотрудничали с немцами, и многие украинцы вспоминали помощь немцев в короткий период своей независимости в 1918 г.

В какой степени советская оккупация обострила антисемитизм, оценить трудно. Нацистская и националистическая пропаганда, разумеется, не преминула воспользоваться высоким положением евреев в коммунистической иерархии. Правда, детальный анализ показывает, что при советском режиме мало кто из местных евреев занимал руководящие должности⁸⁷. Однако у многих не евреев под влиянием их собственных предрассудков сложилось впечатление, будто евреи поддерживали советскую систему и больше всех от нее выиграли.

Ограниченные субъективные свидетельства о существовании антисемитизма не дают оснований для вывода, что по сравнению с периодом польской власти положение резко изменилось. Государственная дискриминация евреев уменьшилась, так как евреи впервые смогли занимать ответственные посты во всей общине в целом. Тем не менее, поляков, украинцев и белорусов раздражал сам факт

присутствия немногочисленных евреев в полиции и администрации, что прежде было совершенно немыслимо⁸⁸. Те, кто при советской власти лишился работы или подвергся преследованиям, был особенно восприимчив к нацистской пропаганде, которая ставила знак равенства между евреями и коммунистами. Именно люди, затаившие возмущение советским режимом, при немецком владычестве вскоре выдвинулись на передний план.

Экономические и политические сдвиги 1939–41 гг., несомненно, нарушили взаимоотношения между этническими общинами, и в будущем тлеющий огонь ненависти грозил разрастись в пожар. В то же время справедливость требует сказать, что без присутствия нацистов с их радикальной идеологией систематическая программа геноцида была бы немыслима. Однако нацистам было относительно легко завербовать людей, готовых по самым разнообразным мотивам проводить их чудовищную политику.

Особенно интересно сравнить методы, применявшиеся НКВД для контроля над захваченными территориями, с методами немцев. В 1939 г. обе тоталитарные системы стремились сокрушить возможное сопротивление остатков польского государства. Методы были на редкость сходными — и те, и другие сосредоточивались на польской элите, подвергая ее представителей арестам, депортациям и кровавым расправам⁸⁹.

Главное различие между двумя системами отражалось в их идеологии. В то время как немцы, одержимые расовой теорией, определяли своих врагов в соответствии с нею, Советы были меньше озабочены национальными и этническими различиями. В списке заклятых врагов НКВД первое место занимали помещики и капиталисты. Национальные группы интересовали Советы лишь постольку, поскольку от них можно было ожидать сопротивления режиму.

Массовая депортация свыше миллиона человек из восточной Польши ясно демонстрирует произвольный характер советских репрессий. Она была географическим решением проблемы политического контроля с целью изолировать и деморализовать потенциальную оппозицию на вновь оккупированных территориях и одновременно способом восполнить острую нехватку рабочей силы на востоке СССР. Мало кто ухитрился ускользнуть из этой сети; это удавалось порой лишь тому, кто во время облавы просто отсутствовал дома. Тем не менее, столь масштабные мероприятия запугали все население и нарушили планы тех, кто пытался организовать активное сопротивление режиму. При Сталине советские граждане свыклись с тем, что в один прекрасный день человека можно ни с того ни с сего арестовать и выслать.

Еще одним заслуживающим упоминания моментом было обращение с членами семей арестованных. Их НКВД тоже высылал на работу в отдаленные области без всяких шансов на побег⁹⁰. Считалось, что близкие родственники узников наверняка затаили негодование и злобу. Многие высланные погибли от лишений в пути и от жизни на так называемом «свободном поселении».

Позже аналогичной логикой руководствовались немцы. Еврейских детей истребляли по расовым причинам, а по мере развития партизанской войны пошли в ход взаимные преследования семей партизан и коллаборационистов, ибо обе стороны определяли своих врагов по наследственному признаку. Достоинно внимания, что тоталитарное советское государство принимало меры против членов семей своих предполагаемых противников еще до 1941 г.⁹¹

Немецкая оккупация, последовавшая за советской, взяла на вооружение ряд методов, разработанных ее предшественниками за короткий период их господства. Например, немцы не тронули большую часть колхозов, считая их наиболее надежным источником снабжения своей армии⁹². Оба режима одинаково стремились использовать национальное соперничество между поляками, украинцами и белорусами для упрочения своего господства посредством традиционного имперского принципа: «разделяй и властвуй».

Травмы, нанесенные массовыми советскими депортациями, оставили неизгладимый след даже в сознании тех, кого они не коснулись. Они оказывали влияние на все этнические группы в продолжение всего периода немецкой оккупации. Евреям немецкие «селекции» в свете аналогичных советских облав вначале казались хотя и зловещими, но не фатальными. Однако немецкие эшелоны, увозящие людей на работу в рейх, слишком живо напоминали советские депортации, чтобы отъезд в Германию стал добровольным; в качестве принудительной меры это было пропагандистским провалом⁹³. Хотя условия труда в Германии были обычно более цивилизованными, чем в Сибири, местные жители опасались, что их везут не на современные фабрики или богатые фермы, а в концентрационные лагеря. Эти депортации наряду с не делавшими никаких различий карательными акциями уничтожения, загоняли в объятия партизан даже потенциальных союзников немцев. Следует помнить, что разнузданная расистская идеология, направленная без разбора против всех народов, населяющих захваченные немцами территории, оказалась идеологически более угнетающей, чем советский вариант, который (по крайней мере, официально) провозглашал равенство всех граждан независимо от их национальности.

Воздействие советской оккупации на еврейские общины также имело большое значение в свете будущих еще более тяжелых испытаний. Пинчук в своей оценке влияния советской оккупации на евреев местечек восточной Польши подчеркивает, что распад общины вследствие быстрых социальных изменений оставлял евреев изолированными перед нацистской угрозой. Один еврей из Гродно жаловался: «Каждый жил только для себя. Евреи почти не общались друг с другом, словно всякие дружеские отношения прервались, словно люди внезапно перестали доверять друг другу. Везде чувствовалась какая-то отчужденность»⁹⁴.

В нацистских гетто важнее всего для евреев была, конечно, не община в широком смысле слова, а семья. Забота о слабых членах семьи в первую очередь заставляла людей не рисковать, пускаясь в бегство, а оставаться вместе.

Вследствие советской цензуры евреи не знали, как нацисты обращаются с их единоверцами. Для евреев-журналистов пакт Гитлера—Сталина означал запрет на публикации об антисемитской политике Германии. Поэтому некоторые евреи не были подготовлены к ужасам нацистской оккупации и не пытались бежать. Те, кто был постарше, сравнивал вежливость немецких солдат во время Первой Мировой войны с недисциплинированностью русской царской армии⁹⁵.

Перед немецким вторжением некоторые евреи из восточной Польши из-за жизненных неурядиц на советской территории решили вернуться в оккупированную немцами зону. Немцы разрешили туда въехать немногим, главным образом потому, что своих евреев они хотели депортировать на восток. Нижеприведенный «анекдот» хорошо иллюстрирует ту дилемму, что встала перед евреями в этот период: «В Бяла Подляске, первой станции на германской стороне границы, поезд с беженцами, отправлявшимися на восток, встретился с поездом, идущим на запад. Когда евреи, прибывшие из Бриска (Бреста), увидели направлявшихся туда евреев, они крикнули: “Вы что, с ума сошли? Куда вы едете?” На что беженцы из Варшавы столь же изумленно ответили: “Это вы с ума сошли, куда *вы* едете?”»⁹⁶

Правда это или миф, но этот образец черного юмора наглядно демонстрирует, с какими трудностями сталкивались евреи, пытаясь определить, которая из двух систем представляет большую угрозу для их жизни в тот момент, когда немцы еще не встали окончательно на путь геноцида. Поистине по странной иронии судьбы жестокая советская политика депортаций и мобилизации в армию во многом помогла польским евреям избежать судьбы своих братьев, павших жертвами нацистского Холокоста⁹⁷.

«ОПЕРАЦИЯ БАРБАРОССА»

«Рано утром 22 июня 1941 г. немцы напали на нашу территорию. Было много выстрелов. Погибло много русских солдат... Это были пограничники. Много домов было разрушено, но большинство цело. Русские отступили, и к 10 часов того же утра немцы заняли эту местность»¹.

Так один местный житель-белорус вспоминал о начале «Операции Барбаросса». Немецкое вторжение в Советский Союз началось неожиданной атакой. Всю ночь ревели моторы сотен немецких самолетов, направлявшихся к своим целям на восток². Между 3 и 3.15 утра начался массированный обстрел восточного берега реки Буг³, и вскоре немецкие бронетанковые войска и пехота перешли советскую границу.

Немцы были уверены в победе. В своем приказе в день вторжения командир 221 охранной дивизии генерал-лейтенант Иоганн Пфлугбайль воодушевлял своих солдат, напоминая им недавние триумфальные победы вермахта: «До сих пор ни на востоке, ни на западе мы не встречали противника, способного противостоять нашей воле к победе и нашему наступательному порыву. В предстоящей борьбе мы будем сокрушать любого противника, пока не добьемся окончательной победы Германии»⁴.

В отличие от немцев, с наглой самоуверенностью упивавшихся своими успехами, советская сторона была повергнута в изумление и шок. В первый же день конфликта массированные налеты немецкой авиации уничтожили 1200 советских самолетов, причем большей частью на аэродромах⁵. Сталин предпочел игнорировать ясные и недвусмысленные предупреждения из многих источников, и поэтому внезапное нападение врага застало Красную Армию врасплох⁶. Ее части смогли оказать лишь слабое разрозненное сопротивление, дрогнули и были отброшены назад. Например, в полосе наступления немецкого VII армейского корпуса первые атаки развивались по плану, не встречая никакого серьезного противодействия. Намеченные на первый день цели были достигнуты уже к полудню 22 июня⁷.

В Москве Сталин провел первые сутки в непрерывном совещании Политбюро, ожидая более определенных известий с фронта.

Поступающие отовсюду доклады вскоре подтвердили серьезность положения. Выступить по радио с обращением к народу было поручено Молотову. Были отданы приказы немедленно перейти в контрнаступление, но Красная Армия была слишком рассеяна и ошеломлена, чтобы предпринять какие-либо эффективные действия⁸.

Гражданам Советского Союза постоянно внушали уверенность, что Красная Армия быстро отбросит любого агрессора, и поэтому военные действия на советской земле считались совершенно невысказанными. Обстановку несколько разрядило поступившее вечером 22 июня сообщение, что в борьбе против гитлеровской Германии Великобритания выступит на стороне Советского Союза⁹. Однако первоочередной задачей властей западных территорий стала подготовка к эвакуации ключевого персонала, документов и оборудования перед неотвратимым приходом немцев.

Несмотря на ограниченное советское сопротивление, разрушительный эффект неожиданного немецкого удара был весьма значителен. Например, деревня Черск, расположенная восточнее реки Буг, в первый же день войны подверглась жестокому артиллерийскому обстрелу, от которого сгорели дотла все 30 домов¹⁰. В этом центральном секторе немецкие бронетанковые войска вторглись глубоко за линию советского фронта, оставив в стороне и изолировав такие пункты как историческая крепость Брест-Литовска¹¹.

Одной из первых действенных мер, предпринятых советским правительством 22 июня, был приказ о мобилизации резервистов рождения 1905–18 гг. почти во всех военных округах¹². Однако в западных округах стремительное немецкое наступление вскоре свело на нет эти усилия. Один житель города Барановичи, расположенного в 100 км восточнее границы, вспоминал о своем деморализующем опыте: «Меня мобилизовали в первый же день. Мобилизация шла весь день и всю ночь. В понедельник вечером нам дали пару часов на отдых и велели во вторник вернуться. Когда мы вернулись, военкомата уже не было — ночью он уехал. Я хотел убежать, но было уже ясно, что нас окружили»¹³.

Жители Слонима вспоминают аналогичную сцену, когда люди, получившие повестку явиться 24 июня, вернулись домой, увидев, что русские командиры их бросили¹⁴. Поскольку западные территории лишь незадолго до этого вошли в состав Советского Союза, местное население не могло, а зачастую и не хотело сопротивляться вторжению, особенно при отсутствии эффективного руководства коммунистических чиновников, присланных с востока.

По мере наступления немцев в города и деревни Западной Белоруссии испытывали на себе непосредственный контакт с захватчика-

ми. Проходя по 50–60 км в день, первые немецкие солдаты 24 июня прибыли в Слоним. Местные жители хорошо запомнили ущерб, нанесенный бомбардировкой: «Наш дом был разбомблен и сожжен дотла накануне. Я взяла ребенка и стала искать, куда бы спрятаться, и тут увидела первых немцев. Они были из вермахта. Городу был нанесен большой ущерб пожарами и бомбардировкой, потому что все дома были деревянные»¹⁵.

Подразделения 18 танковой дивизии вошли в живописный город Несвиж 27 июня около 9 часов вечера — немного позже, чем было запланировано, так как из-за неправильного обозначения маршрута они заблудились. Судя по словам одной местной жительницы, сопротивления они не встретили: «Никакого боя за Несвиж не было, советские части просто отступили, а немцы вошли в город»¹⁶. Перед этим местные жители разграбили несколько государственных магазинов¹⁷.

К вечеру 27 июня передовые немецкие части вступили в Минск, примерно в 300 км от старой польской границы¹⁸. На северном направлении к 30 июня была занята большая часть Литвы. В тот же день части XXVI армейского корпуса в столице Латвии Риге готовились к переправе через Двину¹⁹. Жители Прибалтики приветствовали немцев как освободителей, а Красная Армия и те, кто ее поддерживал, заботились главным образом о бегстве. Лишь на Южном фронте первоначальный темп немецкого наступления несколько замедлился. Здесь группа армий «Юг» натолкнулась на основное сосредоточение советских войск, развернутых для обороны промышленного центра Украины²⁰.

Уже с этих первых дней появились зримые признаки жестокого характера развивающейся борьбы. За линией фронта на литовско-немецкой границе подразделения гестапо из Тильзита уже 24 июня начали расстреливать евреев и коммунистов²¹. Еще до вторжения Гитлер аннулировал принципы международного права. Жестокое обращение с военнопленными и гражданским населением, особенно с евреями, должно было продемонстрировать, что война будет продолжаться в тылу и после того, как немецкие войска первого эшелона продвинулись вглубь страны.

Войну против Советского Союза Гитлер с самого начала рассматривал как непримиримую борьбу между двумя диаметрально противоположными идеологиями²². Поэтому войну на советской территории он намеревался вести совершенно иначе, нежели на западе и даже в Польше. Целью Гитлера было не только победить врага, но и добиться его физического уничтожения. Всякое уважение к признанным международным сообществом «законам войны» было по-

прано. В приказах, изданных вермахтом еще до начала вторжения, немецкие солдаты заранее освобождались от наказания за меры, которые они могли предпринять против враждебных гражданских лиц. Политические комиссары в случае пленения подлежали казни. Для оправдания этих крайних мер советский противник изображался в виде вероломного и жестокого варвара и «азиата».

Изданный 13 мая 1941 г. так называемый *Gerichtsbareitserlaß* (приказ о введении военной юрисдикции) санкционировал казнь подозрительных элементов в упрощенном порядке и обязательное применение коллективных репрессалий²³. В своем сопроводительном письме от 21 мая командующий немецкой армией Вальтер фон Браухич разъяснял, что данный приказ относится лишь к случаям открытого сопротивления. Подчеркивая, что главной задачей войск является борьба с вооруженными силами противника, он передавал функции по «очистке» армейского тыла мобильным подразделениям полиции безопасности и СД — эйнзатцгруппам (*Einsatzgruppen*)²⁴ (СД — *SD, Sicherheitsdienst* — служба безопасности СС — *SS, Schutzstaffel*).

В письменных приказах эйнзатцгруппам в начале вторжения не говорилось о полном уничтожении всех евреев²⁵, но двусмысленная фразеология этих документов с самого начала давала простор для применения крайних мер. Так, в первых приказах эйнзатцгруппам упоминалось, что евреи, занимающиеся государственные и партийные посты, подлежат казни наряду с другими радикальными элементами. В то же время эйнзатцгруппам рекомендовалось инициировать погромы, но стараться делать это незаметно. Главной мишенью этих первоначальных акций по «очистке» должна была стать не польская интеллигенция, а большевики и евреи²⁶.

Военные совещания и приказы этого периода показывают, что немецкая армия во многом разделяла идеологическое понимание войны как похода против предполагаемого иудейско-большевистского заговора. Военный историк Юрген Фёретер интерпретировал эти приказы как объявление *Vernichtungskrieg*, «войны на уничтожение» Советского Союза, состоящего из расово неполноценных народов, и создание жизненного пространства для заселения востока немцами²⁷. Бомбардировку городов и голодную смерть гражданского населения немецкое руководство рассматривало как собственно военные цели²⁸.

Эта разрушительная энергия была в основном направлена на евреев. В начале немецкого вторжения развал советской власти часто сопровождался местными погромами. В бывшем польском округе Воле Шмоль Спектор насчитал более 20 пунктов, где местное

украинское население в это время учинило еврейские погромы. Кое-где преследовать евреев начали еще до прихода немцев, и хотя главным побудительным мотивом часто было лишь присвоение еврейского имущества, более половины погромов сопровождалось актами насилия, часто довольно жестокими. Например, в Тучине было убито 70 евреев, а многие, в том числе женщины и дети, ранены²⁹.

Типичный случай имел место в июле 1941 г. в Гнивани близ Винницы на территории Советской Украины. Немцы и украинцы всячески издевались здесь над евреями. Их согнали в одну комнату, заперли и заставили плясать. «Затем евреям приказали бить друг друга, а тех, кто отказывался бить своих друзей или родственников, немцы избили прикладами»³⁰.

Аналогичные погромы происходили и в Литве при активном участии местных националистически настроенных «партизан». Эйнзатцгруппа А подсчитала, что существовавшие в Прибалтийских государствах организации самообороны, прежде чем они были распущены и вошли в состав вспомогательной гражданской полиции, успели «ликвидировать» 20.000 коммунистов и евреев³¹. После отступления советских войск в некоторых тюрьмах НКВД были обнаружены трупы убитых заключенных, что вызвало вспышки антисемитизма среди местного населения³². Согласно докладу эйнзатцгруппы, во Львове местные жители согнали примерно 1000 евреев в бывшую тюрьму НКВД, которую занял вермахт. Их заставили убрать из тюрьмы трупы, после чего украинская полиция большинство из них убила. В Самборе (также в Галиции) разъяренная толпа убила около 50 евреев³³.

Вальтер Шталекер, командир эйнзатцгруппы А, в своем докладе от 1942 г. подтверждает, что в первые дни немецкого господства погромы разжигались умышленно с тем, чтобы создать видимость народной поддержки карательных мер против евреев. При этом немцы старались изобразить дело так, будто они к этим акциям никакого отношения не имеют³⁴. Однако не все попытки подстрекательства к погромам имели успех. Некоторые местные жители все еще боялись возвращения русских³⁵. Что касается погромов в Белоруссии, то обнаруженные до сих пор свидетельства относятся лишь к бывшим польским территориям³⁶. Среди местных белорусов было не так уж много организованных националистов, готовых поддерживать немецкие акции.

Вышеупомянутые первые погромы происходили на территориях, попавших под контроль немецкой военной администрации. Немецкие солдаты иногда активно участвовали в этих акциях, но бывали случаи, когда вермахт, стремясь восстановить порядок, вмешивал-

ся и прекращал погромы. Спектор, ссылаясь на еврейские источники, приводит эпизод, имевший место в городе Дубровица. Здесь временная военная администрация не поощряла насилие и беспорядки, опасаясь, что они могут выйти из-под контроля и подорвать военную дисциплину³⁷.

Первой целью военной администрации было восстановление порядка и обеспечение армейских коммуникаций. За этим следили полевые и местные комендатуры в крупных городах. Прежде всего были назначены надежные бургомистры во всех населенных пунктах и набрано необходимое количество сотрудников вспомогательной полиции. В Белоруссии немцы старались по возможности назначать белорусов, а поляков брать только в случае, если не было другого выбора³⁸. В районе города Мир близ Барановичей немцы создали местную полицию уже через одну-две недели после своего прибытия. Она состояла в основном из белорусов, хотя в ней было также несколько поляков и местных татар. Первоначальный набор полицейских осуществлялся на добровольной основе³⁹.

Первоначальные успехи немецкого «блицкрига» на северном и центральном направлениях были блестящими. За первые недели наступления немцы взяли в плен сотни тысяч красноармейцев. Чтобы избежать плена, многие бросали оружие и переодевались в гражданское платье. В этот период большинство советских солдат еще не были партизанами, они стремились только вернуться домой или найти у местных жителей работу, чтобы выжить⁴⁰. Несмотря на призывы Сталина к сопротивлению, деморализованные солдаты отнюдь не отличались боевым духом, а местные жители при виде отступления Красной Армии зачастую облегченно вздыхали.

Присутствие большого количества бывших советских военнослужащих за линией фронта представляло серьезную проблему для безопасности немецких тыловых сил. Поэтому в поисках беглых советских солдат немцы часто устраивали проверки местного населения. Один житель Слонима так описывает эту процедуру: «Через пару ночей русские напали на Слоним из леса. Тогда немцы приказали всем мужчинам собраться на стадионе. Я провел там неделю. Нас не кормили, давали только воду. Меня допрашивали люди, которым помогал священник: он должен был опознавать постоянных жителей Слонима. Я предъявил документ, из которого было видно, что действительно живу в Слониме, и меня отпустили домой»⁴¹.

О судьбе тех, кого на свободу не выпустили, можно узнать из докладов эйнзатцгрупп. В Минске лагерь для задержанных гражданских лиц был создан немецкими частями, которые первыми вошли в город. В лагерь загнали всё мужское население города (око-

ло 40.000). После этого подразделения эйнзатцгруппы В с помощью тайной полевой полиции и вермахта провели проверку и выпустили некоторых мужчин, сумевших доказать, что они не русские солдаты. Однако, судя по докладу одной из эйнзатцгрупп, при этом было «ликвидировано» свыше 1050 евреев, а также много уголовников, государственных служащих и «азиатов»⁴².

Когда выяснялось, что какая-либо местность скоро попадет в руки немцев, советские власти старались эвакуировать ответственных работников и ценное оборудование. Так, например, из Слонима НКВД вывез на восток большую группу гражданских лиц. В день прихода немцев много народу ушло из Слонима пешком⁴³. Ввиду недостатка транспортных средств в первую очередь эвакуировались советские служащие, ранее присланные с востока, квалифицированные рабочие и их семьи⁴⁴.

Многие историки удивляются, почему при приближении немецких войск евреи не делали попыток бежать. В сумятице, царившей в первые дни немецкого вторжения, советские власти не выработали последовательной политики в отношении евреев. В одних местах власти поощряли их бегство, в других — особенно вблизи старой границы Советского Союза — всячески ему препятствовали⁴⁵. Нескольким примеров показывают, с какими трудностями встречались евреи, пытавшиеся бежать: «Еврейским юношам Несвижа, прибывшим на старую советскую границу километрах в 10 от их города на четвертый день после начала войны, велели вернуться, “чтобы не создавать паники, когда немцев оттеснят назад”. Когда юноши отказались, часовые пригрозили им расстрелом, и лишь немногим удалось пробраться через границу»⁴⁶.

Группам еврейских беженцев из города Новогрудок, которые попытались перейти границу с вещами, тоже было приказано в течение нескольких часов вернуться обратно. Только самым настойчивым удалось пересечь бывшую советскую границу и то лишь после бегства самой охраны⁴⁷.

О том, какого жестокого обращения евреям следует ожидать от немцев, многие узнавали от беженцев из западной Польши. Бежала главным образом молодежь и люди, тесно связанные с советскими властями. Остальные опасались, что их дети и старики не выдержат тяжелого пути.

Трудности, с которыми столкнулись евреи, бросившие свои дома, обострились быстрым наступлением немцев. Бегству гражданского населения препятствовал двусторонний охват территории силами немецких бронетанковых войск и непрерывная бомбежка узлов связи и транспорта⁴⁸. По расчетам Дова Левина, вследствие быстро-

го немецкого наступления бежать с бывшей польской территории на восток удалось лишь 70.000 евреев. Однако в процентном отношении число еврейских беженцев было выше, чем процент беженцев из числа всего населения в целом⁴⁹. Дальше на восток, где у советских властей было больше времени для подготовки эвакуации, удалось спасти больше людей и материальных ценностей, особенно из крупных городов с развитой системой коммуникаций. Это относится и к евреям, большая часть которых покинула этих регионы⁵⁰.

Советская эвакуация была одновременно и стихийной, и официальной. Официальная эвакуация рабочих и колхозников обычно осуществлялась по железной дороге. Остальные уходили пешком. Реальное положение не всегда совпадало с заверениями пропаганды о тщательно подготовленных пунктах питания и местах для ночлега. Например, женщине с четырнадцатилетним сыном, эвакуированной из Киева в Сальск (в 80 милях юго-восточнее Ростова-на-Дону) летом 1941 г. пришлось пережить изнурительное четырехнедельное путешествие⁵¹.

3 июля 1941 г. в своей речи по радио Сталин открыто призвал к партизанской войне и провозгласил тактику выжженной земли: «...Не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба... Колхозники должны угонять весь скот, зерно сдавать на хранение государственным органам для вывоза его в тыл. Все ценное имущество, в том числе... зерно, ... которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться»⁵².

8 июля 1941 г. московское радио объявило, что «везде, где Гитлер наступает, он не найдет ничего кроме пустой и выжженной земли»⁵³.

Как часть этого плана в тылу отступающих советских войск оставались истребительные батальоны с целью уничтожить все, что может представить ценность для немцев. К концу июля на территории в пределах границ 1939 г. эти меры начали себя оправдывать. По прибытии в Витебск, эйнзатцгруппа Б докладывала: «Электростанция разрушена, питьевой воды не хватает, промышленность, в основном текстильная, выведена из строя. На одной из текстильных фабрик раньше работало 15000 человек... В сельской местности вокруг Витебска русские развернули истребительные отряды, которые систематически разрушают жизненно важные объекты и целые города. Эти отряды численностью в 10–15 человек действуют совместно с комсомольцами. Незадолго до ухода из Витебска оттуда было эвакуировано по железной дороге много ведущих инженеров и рабочих. По-видимому, советские власти концентрируют рабочих в Волжском регионе с целью организовать там промышленное

производство или укрепить уже существующие предприятия квалифицированными рабочими»⁵⁴.

На Украине немцы наступали медленнее, и это дало возможность советским властям эвакуировать больше людей и ценного оборудования. Однако в Кировоградской, Николаевской и Одесской областях, которые были оккупированы только в начале или середине августа, значительная часть машин МТС все же попала в руки противника. Эвакуация из юго-западной Украины превратилась в хаотическое бегство. Тракторы и стада крупного рогатого скота пытались перебросить через Днепр до того, как дорога будет отрезана наступающими немцами, но удалось вывезти только 40% (20.000 из 50.000) тракторов из Украины и почти столько же (4.000 из 9.000) из Белоруссии⁵⁵. Однако уроки, извлеченные из эвакуации первых месяцев войны, оказались полезными. Позже советским властям удалось вывезти из промышленных районов южной и восточной Украины большое количество ценной рабочей силы и техники.

Результаты этих советских мероприятий обострили экономические проблемы, уже вызванные войной. Колхозы были разорены реквизициями и грабежами, что серьезно отразилось на снабжении. Прежде всего, ощущалась большая нехватка продовольствия в больших городах, потому что многие крестьяне из окружающих города сельских районов перестали привозить туда продукты. Крестьяне отказывались от советских денег, брали только немецкие или обменивали продукты на вещи⁵⁶. Советская политика при отступлении состояла в том, чтобы имеющиеся запасы продовольствия эвакуировать, раздать населению или уничтожить⁵⁷. Например, покидая Житомир, русские уничтожили все запасы продовольствия. Здесь, судя по немецким докладам, людей для сбора урожая было достаточно, но лошадей и тракторов не хватало⁵⁸. Местное население вначале обвиняло советские власти в бессмысленном уничтожении ресурсов. Однако немецкие реквизиции привели к еще большему обеднению страны и усилили неприязнь жителей к новым оккупантам.

При приближении к советской границе 1939 г. войска немецкого Центрального фронта натолкнулись на более сильное сопротивление. Бронетанковые части, продвигаясь от Несвижа на север, встретили жестокий отпор разрозненных колон противника, пытавшегося преодолеть угрозу двустороннего охвата. Но изнуренная боями и испытывавшая недостаток снабжения Красная Армия не могла противостоять наступающим немцам. Много красноармейцев попало в плен, хотя некоторым частям все же удалось проскользнуть сквозь брешь между наступавшими немецкими колоннами⁵⁹.

К первой неделе июля наступательный порыв немцев начал терять свою силу на бескрайних просторах России. При посещении XXXVII танкового корпуса командир танковой группы Гейнц Гудериан отметил, что дальнейшее наступление через Днепр представляется почти невозможным. Значительные силы корпуса все еще задерживались на западе для очистки захваченного района от противника, а передовые части были ослаблены безостановочными атаками и потерями. С начала кампании по 2 июля корпус потерял 6% своего состава убитыми и ранеными. 4 июля корпус доложил, что всего 30% танков сохранили боеспособность⁶⁰.

Между тем на ходе боев начало сказываться обращение немцев с советскими военнопленными. Когда сопротивление Красной Армии усилилось, сдающихся в плен советских военнослужащих немцы, случалось, расстреливали⁶¹. Это подтверждают и официальные доклады с Центрального фронта: «...Противник начинает рассеиваться и добровольно сдаваться. Чтобы еще больше способствовать этому, командующий издает приказ, в котором еще раз разъясняет положения отчасти неверно понятых указаний фюрера. Вследствие неправильного понимания этих указаний, пленных иногда расстреливают. Эти расстрелы ослабляют готовность русских дезертировать и вызывают стычки, ибо каждый русский стремится как можно дороже продать свою жизнь, что в конечном счете наносит ущерб нашим войскам»⁶².

Как видно из этого документа, некоторые просвещенные немецкие командиры понимали, что плохое обращение с военнопленными невыгодно с практической точки зрения⁶³. К тому же, о страданиях советских военнопленных довольно скоро стало известно местному населению. Стоило красноармейцу попасть в немецкий пересыльный лагерь, он сразу же рисковал быть расстрелянным полицией безопасности как еврей, комиссар или «азиат»⁶⁴. Вермахт, как правило, принимал участие в этих репрессиях, не выражая особого протеста.

Импровизированные лагеря военнопленных, охранявшиеся в большинстве случаев подразделениями местного ополчения, были совершенно не приспособлены для содержания огромного количества людей, захваченных в первые месяцы вторжения. Доклад о положении в Минске, где на небольшом пространстве теснилось около 100.000 пленных, отмечает, что некоторые из них по 6–8 дней не получали никакой пищи⁶⁵. Иногда родственники или просто добросердечные жители бросали им через заграждения хлеб, рискуя за это сами подвергнуться наказанию⁶⁶.

Инструкции, изданные Верховным командованием сухопутной армии 25 июля, показывают, как низко немцы ценили жизнь воен-

нопленных: «Если необходимо оградить себя от сопротивления, неповиновения и т. п., следует немедленно применять оружие. При попытке к бегству следует немедленно расстреливать без предупреждения»⁶⁷. Во время переездов и даже в пределах лагерей немногочисленная охрана по малейшему поводу применяла винтовки. Опасения, что бывшие красноармейцы станут ядром будущих партизанских атак в немецком тылу, еще больше ожесточили эту политику.

В лесистой и болотистой местности, составлявшей значительную часть театра военных действий, окруженные красноармейцы, чтобы избежать плена, нередко разбегались по лесам или переодевались в гражданскую одежду. Многие возвращались домой, полагая, что война скоро закончится. Вот рассказ одного солдата, попавшего в окружение в первые дни войны: «В июне 1941 г. наша часть попала в немецкое окружение в лесу близ Белой Церкви. Политрук собрал оставшихся красноармейцев и приказал нам группами выходить из окружения. Я и еще двое солдат из нашей части ... переоделись в гражданское и решили возвращаться домой. Это решение мы приняли потому, что, по слухам, немецкие части, наступавшие в нашу сторону, продвинулись далеко вперед на восток»⁶⁸.

Другие устраивались на работу к местным жителям, чаще всего в крестьянские хозяйства, где не хватало мужской рабочей силы⁶⁹. В то время большинство бывших советских военнослужащих игнорировали призыв Сталина продолжать сопротивление. Некоторые на всякий случай прятали свое оружие. Было и небольшое количество партизанских отрядов, вроде тех, которые описаны в докладе одной эйнзатц-группы от начала августа 1941 г.: «Кроме того, существует проблема деятельности партизан — групп красноармейцев, отставших от своих частей. Они бродят по лесам, грабят жителей близлежащих колхозов, совершают поджоги и нападения... Продукты у сельского населения партизанские группы вынуждены отбирать силой»⁷⁰.

Такие поначалу спорадические акты сопротивления заставляли немцев подозрительно относиться к множеству людей, бродивших за линией фронта. Начальник тыла группы армий «Центр» установил крайний срок, до истечения которого всем бывшим красноармейцам предписывалось сдать ся. В противном случае «с 1 сентября 1941 г. все бродячие русские солдаты, захваченные западнее реки Березина, будут считаться партизанами»⁷¹. Всем, кто вовремя не сдастся или будет найден на фермах, угрожал расстрел. Однако в конечном итоге эти жесткие меры лишь усугубили ту самую проблему, которую должны были решить.

Выбор 1 сентября в качестве крайнего срока сдачи объяснялся тем, что именно к этой дате Гитлер планировал передать большую

часть оккупированной территории под контроль гражданской администрации. На секретном совещании 16 июля 1941 г. Гитлер объявил своим ближайшим советникам, что завоеванная территория должна навсегда остаться немецкой. Он сказал, что намеревается «разломать этот гигантский пирог на куски, удобные для того, чтобы мы могли, во-первых, над ним господствовать, во-вторых, им управлять, и в-третьих, его эксплуатировать. Русские отдали приказ начать партизанскую войну у нас в тылу. Эта партизанская война тоже имеет свои преимущества — она дает нам возможность уничтожить каждого, кто посмотрит на нас косо»⁷².

На этом совещании рейхсмаршал Герман Геринг подчеркнул необходимость получать продовольствие с оккупированных территорий. Это мнение отражало довоенные немецкие расчеты, согласно которым война сможет продолжаться еще один год лишь при условии, если весь вермахт будет питаться за счет России. Большой объем подлежащих изъятию ресурсов приведет к голодной смерти несколько миллионов жителей востока⁷³. Рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг был склонен пойти на некоторые уступки местным националистам, особенно на Украине. Гитлер, напротив, считал, что в рамках его нового порядка не должно быть места для стран-сателлитов. Никто, кроме немцев, не должен носить оружие⁷⁴. На следующий день он назначил рейхскомиссарами новых гражданских администраций в Остланде и Украине Эриха Коха и Генриха Лозе⁷⁵.

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер на этом совещании не присутствовал, но роль его полицейских сил там обсуждали. Было решено, что на оккупированных территориях он будет отвечать за те же полицейские функции, что и в рейхе⁷⁶. Однако Гиммлер не разделял мнения Гитлера, что не следует вооружать местное население. Соглашаясь с тем, что население не должно принимать прямого участия в борьбе против Красной Армии на фронте, Гиммлер издал в конце июля 1941 г. приказы о создании местных полицейских формирований, шуцманств, непосредственно подчиненных его собственной полицейской структуре⁷⁷. В состав шуцманств должны были войти мобильные батальоны вспомогательной полиции и более мелкие подразделения для индивидуальной караульной службы на местных постах. Эти коллаборационисты в дальнейшем сыграли важную роль в решении всех задач гиммлеровской полиции на территориях, подконтрольных гражданской администрации.

Гиммлер хотел скорее передать власть на оккупированных территориях от военной администрации гражданской, чтобы его партийные приспешники могли взять на себя ответственность за про-

ведение радикальных мер, запланированных им на востоке⁷⁸. Как видно из его «застольных бесед», он предвидел практические трудности, с которыми будет связано управление такими огромными территориями: «Мы вынуждены управлять областями протяженностью 300–500 километров силами всего лишь горстки людей. Естественно, что тамошним полицейским придется держать свои пистолеты наготове. Члены партии не подкачают»⁷⁹.

Тщательно, до мельчайших деталей разработанные Гитлером, СС и армейским командованием планы развертывания их террористического аппарата на оккупированных территориях парадоксально контрастируют с эйфорической уверенностью в военной победе. Набросок плана «операции Барбаросса», в сущности, содержал лишь неопределенные намерения отеснить Красную Армию на восток и ожидать развала прогнившей насквозь, по мнению немцев, советской системы. Впрочем, в середине июля эта уверенность казалась вполне обоснованной. Острия немецких наступательных клиньев уже приближались к Смоленску — более чем на полпути до Москвы. За первый месяц кампании было захвачено свыше 600.000 пленных⁸⁰. Гитлер и немецкое военное руководство ожидали, что советское сопротивление будет вот-вот сломлено.

Кристофер Браунинг считает вторую половину июля решающей в наращивании личного состава, необходимого для «окончательного решения» на востоке. Немцы были уверены в победе, и в их распоряжении имелось не только три бригады СС и не менее 11 батальонов полиции охраны порядка: был санкционирован также набор местных полицейских коллаборационистов для операций под руководством Гиммлера. Эти силы должны были завершить работу, которую мелкие подразделения эйнзатцгрупп только начали проводить на обширных оккупированных территориях СССР⁸¹.

До сих пор операции эйнзатцгрупп были направлены главным образом против особых групп «потенциальных врагов», включая руководителей-евреев; занимались они и «репрессиями» против евреев. В одном из ранних отчетов эйнзатцгрупп говорится, что операции по «очистке» вначале сосредоточивались на большевиках и евреях. Меры против польской интеллигенции — кроме исключительных случаев — откладывались на более позднее время⁸². Мобильные оперативные группы (эйнзатцкоманды) проводили выборочные «селекции» в отдаленных населенных пунктах. В Городее (севернее Несвижа) в июле было арестовано 15 «советских работников», из них троих расстреляли на месте⁸³.

В близлежащем городе Мир в воскресенье 20 июля 1941 г. была проведена типичная акция против «интеллигенции». Всем евреям

мужского пола в возрасте от 16 до 60 лет приказали построиться на главной площади. Явился человек 190, и немцы с помощью белорусских коллаборационистов произвели «селекцию». Большую часть отобранных составляли богатые евреи и главы семей, а также по крайней мере один учитель. Кроме 19 евреев отобрали также троих не-евреев. Всем им сказали, что их посылают на работу. Остальным велели идти домой и принести лопаты. Отобранную группу вывезли за город на грузовиках и расстреляли в ближайшем лесу⁸⁴. О постигшей их участи сообщил один местный белорус: «На следующий день я поехал на поле своего отца в деревню Симакowo недалеко от Мира. По дороге увидел их могилу. Она была засыпана кое-как, и из нее торчали руки и ноги. Могила была в лесу»⁸⁵.

В более крупных белорусских городах эти акции соответственно проводились в более широком масштабе. Первая акция в Слониме имела место 17 июля 1941 г. Один оставшийся в живых впоследствии вспоминал: «В тот день члены эйнзатцгруппы приехали в Слоним на 12 больших грузовиках немецкой компании Крупп. Они собрали около 2000 евреев недалеко от рынка в Центре еврейской общины и вокруг него. На каждый грузовик посадили по 100 человек, всего 1200, отвезли их на песчаный карьер Петралевичи и там расстреляли. Остальных, в том числе отца моей будущей жены, отпустили»⁸⁶.

Достоверность этого сообщения подтверждает отчет соответствующей эйнзатцгруппы, в котором говорится, что с помощью местной полиции было задержано около 2000 человек (в основном евреев). «Из них 1075 в тот же день были ликвидированы»⁸⁷. Немцам помогали местные коллаборационисты, как, например, житель местечка Деревно. Он ходил с немцами по городу, указывая им коммунистов и других лиц, служивших в советской администрации⁸⁸.

Еврейская «интеллигенция» приняла на себя удар первой, и это повергло в ужас все еврейское население. Судя по рапортам эйнзатцгрупп, белорусов «нейтрализовали» (убивали) только если они были признаны (по доносам) большевистскими чиновниками или агентами⁸⁹. О воздействии этих ударов на еврейскую общину можно судить по воспоминаниям одного уцелевшего жителя Барановичей: «В это время мы услышали, что по маленьким деревням ездят карательные отряды, которые убивают евреев. Мы не верили, что они убивают всех. “Невозможно убить всех до одного. Они хотят нас запугать”, — вот что говорили люди. Потом мы услышали, что в городе Ганцевичи были убиты все евреи, все до одного»⁹⁰.

В ходе июльских «чисток» в Барановичи немцы завладели большими суммами наличных денег. Операцию проводила эйнзатцко-

манда 8 с помощью тайной полевой полиции, контрразведки (абвер) и военной полиции (вермахт)⁹¹. Это отражает тесное сотрудничество между эйнзатцгруппами и тыловыми частями вермахта. Например, 252 пехотная дивизия издала приказы, по которым всех захваченных коммунистов надлежало передавать в полицию безопасности⁹².

Ответственность за безопасность территории в тылу наступающих немецких войск несли сформированные специально для этой цели охранные дивизии. В каждой из них имелся VII отдел, который отвечал за работу военной администрации через находившиеся под ее контролем полевые и местные комендатуры. В тылу Группы армий «Юг» действовали охранные дивизии 444, 213 и 454⁹³. На центральном и северном секторах главными охранными дивизиями были 221, 252 и 403. Аналогичные охранные функции выполняли также некоторые регулярные пехотные дивизии, например, 707 и 339.

Подробности работы военной администрации в районе Винницы, захваченной частями 17 армии к 21 июля 1941 г.⁹⁴, хорошо освещены в документах и докладах полевой команды 675 за август 1941 г. 22 июля была учреждена временная городская администрация. Ее первой задачей стал ремонт объектов жизнеобеспечения — например, электростанция. В течение последующих недель на окружающей территории были назначены главы районов, а в городе сформированы отдел труда, жилищный отдел и продовольственный отдел⁹⁵.

Местные полицейские силы — милиция или служба охраны порядка (сокращенно ОД) — создавались бургомистрами и подчинялись им, а также военной администрации. Вначале местные полицейские жалования не получали. Формы у них тоже не было, они просто носили нарукавные повязки⁹⁶. И в Белоруссии, и на Украине местная полиция набиралась на добровольной основе. Если рекрутов не хватало, на службу в полицию более крупных городов разрешалось привлекать украинцев из лагерей военнопленных⁹⁷.

При этом рекрутов проверяла на благонадежность полиция безопасности⁹⁸. Однако в Виннице немецкие офицеры жаловались, что некоторые полицейские были назначены украинскими националистами, которые участвовали в создании местной администрации. Военные власти не всегда полагались на лояльность националистических назначенцев, и некоторых по этой причине позднее уволили. Вопрос о вооружении милиционеров решался в зависимости от того, насколько им можно было доверять. Согласно официальным инструкциям оружие вначале выдавалось лишь в случаях крайней необходимости⁹⁹.

Вначале в обязанности украинской милиции входила охрана фабрик и складов, патрулирование улиц, выполнение особых зада-

ний и некоторые экономические функции — например, регулирование рынков и цен. Милиционеры также охраняли согнанных на работу евреев — евреи расчищали поврежденные бомбежкой улицы и выполняли другие принудительные работы по приказу немецких властей. В Виннице евреям было приказано носить нарукавные повязки с изображением «звезды Давида», но в гетто их поначалу не загоняли¹⁰⁰.

Расстрелы евреев начались вскоре после захвата Винницы. Полевая команда 675 отмечала, что в первые же дни существования еврейского совета представители СД из эйнзацгруппы расстреляли каждого десятого из его состава. Судя по рапорту эйнзацгруппы С, раввинам было приказано в течение 24 часов собрать еврейскую «интеллигенцию» для проведения регистрации еврейского населения. Пришли не все, и тогда собравшихся послали за остальными. Таким образом была собрана и «ликвидирована» почти вся еврейская «интеллигенция»¹⁰¹. О направлении немецкой политики можно судить по августовскому приказу, гласившему, что в случае саботажа, если виновных найти не удастся, карательным мерам подлежат евреи и русские, а не украинцы¹⁰².

Немецкая военная администрация считала, что угрозу представляяют экономические планы ОУН, так как в них содержится открытый призыв соблюдать интересы украинского населения. Что касается земельной реформы, то среди украинцев было широко распространено мнение, что коммунистическая коллективизация теперь будет отменена. Однако военная администрация не допускала скоропалительных перемен в формах собственности¹⁰³.

В Винницкой и Житомирской областях украинский национализм был выражен слабее, чем в Галиции и на Волыни. Однако после того как вслед за наступающей немецкой армией туда явились украинские националисты с Западной Украины, националистические настроения заметно усилились, особенно в Житомире¹⁰⁴. Выходцы из Западной Украины были хорошо организованы и вскоре заняли много ключевых должностей, например, бургомистров и начальников полиции. Нацистская администрация подозрительно относилась к их конечной цели — независимости, но терпела их присутствие по крайней мере в период становления дееспособной местной администрации¹⁰⁵.

Дальше к северу, на Волыни, немцы опасались, что националистические организации используют украинскую милицию в качестве базы для последующего создания Украинской армии. Украинские националисты стремились вооружить и обучить как можно больше молодых людей. Чтобы сохранить Украинскую армию в качест-

ве полезного орудия для осуществления своих собственных целей, немецкие офицеры пристально следили за ее руководством. Как и в Житомире, милицейским частям скоро предстояла очистка от ненадежных элементов¹⁰⁶.

В это время от лесничих и крестьян, а также от местных полевых комендатур (*FK*) уже начала поступать информация о появлении партизан, особенно в лесистых районах севернее Винницы. Но на данном этапе этих партизан рассматривали не как угрозу, а как возможный «питомник» партизанского движения, которое со временем может материализоваться¹⁰⁷.

Период военной администрации длился недолго. Ее целью было поддержание порядка и создание эффективно функционирующей местной администрации, которая будет действовать в интересах немцев. Летом 1941 г. немцы пережили короткий «медовый месяц», так как украинское население вначале считало их освободителями¹⁰⁸. Однако деятельность эйнзатцгруппы С, производившей выборочные расстрелы некоторых групп населения, как элементов «враждебных рейху», вскоре показала, каких жестоких репрессий и эксплуатации следует ожидать в будущем.

В тех частях Белоруссии, которые до 1939 г. принадлежали Советскому Союзу, население шло на службу к немцам менее охотно, опасаясь репрессий в случае возвращения советской власти¹⁰⁹. Поэтому на ответственные посты в местной администрации были назначены 20 или 30 белорусских эмигрантов, прибывших вместе с эйнзатцгруппой В¹¹⁰. С вермахтом прибыли также немецкие специалисты по сельскому хозяйству, которые вскоре возглавили колхозы и совхозы, а затем вошли в состав гражданской администрации¹¹¹.

Как уже говорилось выше, результаты немецкой оккупации вскоре сказались на жизни каждого еврея. Поскольку немцам было трудно отличить еврея от не-еврея, одним из первых мероприятий военной администрации был приказ носить отличительные знаки¹¹². Однако при смене немецких комендантов возникала некоторая путаница с видом этих знаков. Один из уцелевших евреев из города Барановичи вспоминает: «У нас была полевая комендатура, т. е. военное начальство. Когда передовые части ушли, появилась местная комендатура и еще какое-то тыловое начальство. Каждая комендатура отдавала свои распоряжения о том, как эти знаки носить»¹¹³.

Значение этого клейма вскоре стало очевидным для всех. Например, в августе 1941 г. в одном из белорусских городков был схвачен еврейский юноша без желтого знака. За это всех членов его семьи повесили. Приговор зачитывали немцы, а вешали евреев местные полицейские из вспомогательной полиции (*Hilfspolizei*)¹¹⁴.

На евреев обрушился град всевозможных ограничений: «Им запрещалось (*verboten*) ходить по тротуару, *verboten* выходить за пределы города, *verboten* посещать дома христиан, разговаривать с христианами на улице, *verboten* покупать продукты у крестьян»¹¹⁵. Для проведения этой политики в каждой общине немцы назначили еврейский совет (*Judenrat*)¹¹⁶. Как отмечалось в докладе эйнзатцгруппы В, в обязанности еврейских советов входила организация евреев для принудительного труда: «В каждом городе назначали председателя еврейского совета, обязанного сформировать совет из трех-десяти человек. Еврейский совет нес коллективную ответственность за поведение еврейского населения. Он был обязан немедленно провести регистрацию евреев на подведомственной ему территории. Кроме того, он должен был сформировать рабочие группы из мужчин в возрасте от 15 до 55 лет для расчистки улиц и других работ по заданию немецких гражданских и военных властей. Формировались также рабочие группы из женщин того же возраста»¹¹⁷.

Уже упомянутый свидетель из Барановичей отмечает, что ежедневно в 8 часов утра его хватали и препровождали на грузовике на работу. Иногда, несмотря на протесты, хватали и неевреев, похожих на евреев¹¹⁸. Случалось, что местные жители платили немцам за предоставленных в их распоряжение работников-евреев, которые за свою работу могли в лучшем случае рассчитывать на корку хлеба. Несмотря на это, евреи надеялись, что если они будут выполнять полезную работу, немцы сохранят им жизнь.

Наглядный пример политики немецких оккупантов в начале «операции Барбаросса» дает деятельность 2-го кавалерийского полка СС, которым командовал штурмбаннфюрер Франц Магилл. Многочисленные источники — немецкие приказы и рапорты того времени — дополняются послевоенными судебными протоколами и показаниями оставшихся в живых евреев.

Летом 1941 г. предметом особой озабоченности немецкого верховного командования был район Припятских болот. Острия немецких наступательных клиньев обошли этот район стороной, ибо он мог лишь замедлить их стремительное продвижение на восток. Существовало, однако, опасение, что непроходимые леса и болота могут быть использованы в качестве базы не только для советских рейдов, направленных на подрыв линий немецкого снабжения, но и для мощных контратак. Налет советского кавалерийского отряда из района южнее Слуцка на немецкие коммуникации в Минске показал немцам, насколько опасно оставлять открытыми свои фланги¹¹⁹.

Ввиду таких угроз было решено использовать часть гиммлеровского личного резерва, кавалерийскую бригаду СС, в качестве

подходящего мобильного подразделения для прочесывания и умиротворения Припятских болот, пока не создавая там постоянных немецких гарнизонов. Поскольку оба кавалерийских полка СС еще не участвовали в боях, эта операция могла дать им полезный опыт ввиду предстоящей отправки на фронт¹²⁰. 19 июля 1941 г. Гиммлер послал кавалерийскую бригаду СС в Барановичи в распоряжение начальника СС и полиции Эриха фон дем Бах-Зелевски для систематического прочесывания Припятских болот¹²¹.

Кавалерийская бригада подчинялась непосредственно штабу рейхсфюрера СС Гиммлера, который внимательно следил за ее деятельностью. Подробные директивы по проведению предстоящей операции Гиммлер изложил в приказе от 28 июля 1941 г. Согласно этому документу, операции по «очистке» предписывалось по возможности проводить в тесном взаимодействии с полицией безопасности и полицией охраны порядка. Местные опорные пункты Гиммлер рекомендовал создавать только там, где население дружелюбно расположено к немцам: «В случае если население с национальной точки зрения является враждебным, или расово и физически неполноценным, или же, как это часто бывает в болотистой местности, состоит из скрывающихся там уголовников, тогда каждый, заподозренный в поддержке партизан, подлежит расстрелу. Женщин и детей следует депортировать, скот и продукты конфисковать, деревни сжигать с лица земли... В этом районе ни один враждебный элемент не должен рассчитывать на поддержку и снабжение»¹²².

Эти приказы демонстрируют, как развивались немецкая политика геноцида в ответ на реальную или мнимую угрозу партизан. В этот период сопротивление немцам ограничивалось действиями немногочисленных рассеянных частей Красной Армии, коммунистических активистов или так называемых «истребительных батальонов», оставленных в тылу отступающими советскими властями. Тем не менее, в контексте нацистской антисемитской идеологии термины «уголовники» и «расово неполноценное население» имели вполне определенный смысл. Сталинский призыв к партизанскому сопротивлению Гиммлер не преминул использовать для ужесточения кровавых акций против евреев.

Сообщается, что во время операций кавалерийской бригады СС к 12 августа 1941 г. было расстреляно 13.788 «грабителей». Сама бригада потеряла всего двух человек убитыми и 15 ранеными. Совершенно очевидно, что эти так называемые «грабители» не представляли большой опасности для солдат, которые их расстреливали. Тем не менее, командир бригады Фегелайн просил отметить как можно большее количество своих подопечных (боевыми награда-

ми) ввиду «чрезвычайно сложных задач», которые им приходилось выполнять¹²³.

О характере этих задач можно судить по подробному отчету штурмбаннфюрера СС Магилла, командира 2-го кавалерийского полка СС: «Грабители-евреи расстреляны. Осталось лишь несколько ремесленников, работающих в ремонтных мастерских вермахта»¹²⁴. Во время процесса над Магиллом было выяснено, что недвусмысленные приказы расстреливать евреев он получил из штаба кавалерийской бригады СС в начале августа¹²⁵.

Приблизительно в это же время эйнзатцгруппы и другие мобильные расстрельные подразделения стали уничтожать не только евреев призывного возраста¹²⁶, интеллигенцию и коммунистов, но и остальное еврейское население, в том числе женщин, детей и стариков. Так, например, из подробного отчета командира эйнзатцкоманды № 3 Карла Егера об убийствах в Литве видно, что расстрелы женщин и детей приобрели более широкий размах приблизительно в середине августа¹²⁷. Ральф Огоррек в своем исследовании послевоенных наказаний бывших членов эйнзатцгрупп приходит к заключению, что к августу 1941 г. все эйнзатцгруппы получили от Гиммлера приказ расстреливать всех евреев поголовно. Интересно отметить, что вскоре после этого некоторые командиры эйнзатцгрупп ушли в отставку¹²⁸.

Операции в Припятских болотах дают представление о том, как зловещие гиммлеровские приказы осуществлялись на практике. Если первый приказ от 28 июля всего лишь указывал, что женщин и детей следует депортировать из «криминальных» опорных пунктов, которые подлежат «очистке», то в последующем распоряжении от 1 августа, распространенном от имени Гиммлера, открыто говорится: «...Всех евреев мужского пола расстрелять. Евреек загнать в болота»¹²⁹. В своем заключительном докладе Магилл отмечал: «...Попытки загнать женщин и детей в болота не дали желаемого результата, так как болота оказались недостаточно глубокими, чтобы в них можно было утонуть. На глубине в 1 метр в большинстве случаев находился твердый грунт, так что утопить их не представлялось возможным»¹³⁰.

Эвфемизмы Гиммлера Магилл явно понял буквально, во всяком случае при составлении данного доклада. Однако в это время отдавались и более определенные приказы. Среди жертв расстрела в Пинске и его окрестностях 5 августа 1941 г. были старики, женщины и дети¹³¹. В пинских акциях участвовало два эскадрона 2-го кавалерийского полка СС. Согласно отчету полиции безопасности в Пинске в это время было убито 4500 евреев¹³².

Кавалерийские эскадроны проводили и более мелкие акции во многих населенных пунктах, через которые они проходили. Например, в августе 1941 г. в деревне Серники 250 евреев согнали в синагогу на кладбище и там убили¹³³. В Давидгродке при активном участии христианского населения мужчин-евреев расстреляли, женщин с детьми выгнали из города, а их имущество разграбили. Проплутав по лесам недели три, большинство женщин и детей вернулись. Немцы разрешили им поселиться в гетто, где уже находилось несколько квалифицированных рабочих, которых оставили в живых¹³⁴.

Определенное значение представляет организация этих акций. Поскольку в этих отдаленных местах немецкой администрации еще не существовало, акцией в Пинске руководило маленькое подразделение полиции безопасности из 18 человек, откомандированное туда начальником полиции безопасности из Люблина¹³⁵. В Пинск, все еще находившийся под контролем военной администрации, ни один окружной комиссар не прибыл, а бургомистры и подразделения местной полиции были назначены либо военной администрацией, либо самими кавалерийскими эскадронами, проходившими по этой местности. Помощь местного населения потребовалась для того, чтобы выкопать могилы, а потом их засыпать. Несколько квалифицированных рабочих (отчасти по настоянию вермахта) оставили в живых¹³⁶.

Особый интерес представляет участие в этих первых акциях только что созданной местной полиции. Магилл комментирует: «Примечательно, что местные жители в основном хорошо относились к евреям. Однако они активно помогали собрать всех евреев в одно место. Благоприятное впечатление производит местная полиция, состоящая частично из польских полицейских и бывших польских солдат. Они исправно выполняют свои обязанности и участвуют в борьбе против грабителей. Нередко они несут потери в столкновениях. Однако их вооружение недостаточно. В некоторых местах оружия нет совсем. Найти здесь трофейное оружие почти невозможно, так что взять его неоткуда»¹³⁷.

Другие свидетели тоже указывают, что местные полицейские активно участвовали в опознании евреев и помогали согнать их в одно место¹³⁸. Расстреливали евреев в основном солдаты эскадрона. Впрочем, позже местные жители помогали убивать евреев, которые пытались скрыться¹³⁹.

Исследователям Холокоста хорошо известна деятельность кавалерийской бригады в Припятских болотах¹⁴⁰. Развертывание ее подразделений под непосредственным контролем Гимmlера ясно

показывает, что он придавал этой специальной задаче приоритетное значение и выделял для ее осуществления большие силы. Но кавалерийские эскадроны, продвигаясь с запада на восток, выполняли и другие задачи. В докладе начальника тыла группы армий «Центр» от 10 августа 1941 г. отмечается, что «благодаря назначению бургомистров, созданию вспомогательной полиции и подавлению евреев данную область можно считать умиротворенной»¹⁴¹. По доносам местных жителей было расстреляно также несколько подозрительных коммунистических активистов (не-евреев). Кроме того, кавалерийские эскадроны даже временно вернули крестьянам скот из колхозов¹⁴².

Доклад Магилла содержит также краткое описание национального состава местного населения. Он отмечает, что большинство жителей — украинцы, второе место занимают белорусы. Кроме того, имеются поляки и горстка русских. Евреи живут главным образом в более крупных населенных пунктах, где они составляют большинство населения — иногда от 50 до 80%, в других местах — лишь до 25%. Среди евреев много эмигрантов с запада. Украинцы и белорусы к немцам расположены дружелюбно, они даже выносили наступающим военным угощение. Русские и поляки ведут себя более сдержанно, хотя у Магилла сложилось впечатление, что они радуются уходу большевиков¹⁴³.

В Припятских болотах эсэсовцы не вступали в соприкосновение с организованными частями противника. Второй кавалерийский полк СС взял в плен всего 10 человек. 6526 человек было расстреляно. 76 из них сочли красноармейцами или коммунистами, а остальных — «грабителями» (евреями)¹⁴⁴. Однако по мере продвижения на восток к линии фронта отдельные эскадроны встречали более жесткое сопротивление. 16 августа после первой атаки на город Туров 3-й эскадрон понес большие потери и был отброшен назад. Поэтому полк остановился и собрал все свои силы для нового наступления 21 августа, которое оказалось более успешным¹⁴⁵.

Весьма поучительным представляется сравнение подробных немецких приказов и докладов того времени с послевоенными показаниями кавалеристов и переживших войну евреев. Ни один из этих источников нельзя считать стопроцентно надежным. Документы военного времени содержат эвфемизмы и искажения, присущие специфическим нацистским взглядам. Стремясь оправдать свои действия в собственных глазах, авторы этих документов демонизировали евреев, изображая их в виде «грабителей» и «уголовников». В своих послевоенных показаниях кавалеристы Магилла старались преуменьшить свою личную ответственность, хотя многие из

них все же описывали убийства довольно подробно. Свидетельства евреев отражают лишь точку зрения тех немногих, кому удалось бежать или скрыться. Огромное большинство евреев, которым не посчастливилось остаться в живых, естественно, никаких свидетельств не оставили.

Что говорит нам эта операция о первых мероприятиях немецких оккупационных сил в данном регионе? В умиротворении этих отдаленных территорий, не имевших для немцев большого экономического значения, просматривается много ключевых элементов гитлеровской «войны на уничтожение» на востоке. Очевидная двусмысленность письменных приказов отражала затруднения, с которыми оккупантам пришлось столкнуться, когда кроме мужчин призывного возраста они начали расстреливать женщин и детей. Нежелание эсэсовцев признаться в своем участии в расстрелах женщин и детей демонстрирует — пусть даже и задним числом — подтверждение преступного характера этих действий¹⁴⁶.

Подразделения СС Гиммлера и полицейские силы проводили аналогичные «зачистки» и в других местах за линией фронта. В конце июля 1941 г. в районе Шепетовка-Ровно был развернут полицейский полк «Юг». От главного начальника СС и полиции Фридриха Екельна полк получил приказ захваченных комиссаров для допроса передавать в СД, а с женщинами-агентами и евреями, которые помогали Советам, обращаться «соответствующим образом». Согласно заключительному докладу в ходе этой операции были расстреляны как «provokatory и правонарушители» 370 русских и 1643 еврея¹⁴⁷. Эти расстрелы проводились 322 полицейским батальоном полицейского полка «Центр» и записаны в журнале боевых действий этого батальона, что не оставляет сомнений в характере его деятельности как расстрельного подразделения¹⁴⁸.

Летом 1941 г. подразделения полиции охраны порядка и СС проводили операции по умиротворению за линией фронта. Одной из главных задач был расстрел евреев как «враждебных элементов». Однако эти мобильные подразделения, как и эйнзатцгруппы, продвигались вперед очень быстро и поэтому одним махом истребить всех евреев и тщательно прочесать всю местность они не смогли. Многие евреи прятались или не являлись на обязательную регистрацию. Другим немцы сохранили жизнь как ценной квалифицированной рабочей силе. На примере деревни Серники, расположенной в глубине Припятских болот, видно, что сотни евреев пережили эти начальные акции, которые являлись лишь первым ударом против тех, кого Гитлер обозначил как расовых врагов. Магилл пришел к выводу, что позже потребуется еще один рейд по данной территории¹⁴⁹.

В этнически смешанных восточных областях немцы придерживались традиционного принципа «разделяй и властвуй». Например, в районе Вильнюса на покровительство немцев в борьбе за ключевые позиции в области политики и культуры рассчитывали и литовцы, и поляки¹⁵⁰. В Западной Белоруссии немцы также использовали соперничество между поляками и белорусами, чтобы, посредством отбора персонала, упрочить свою власть. Поляки благодаря более высокому уровню образования, естественно, пользовались преимуществом.

Белорусы, напротив, были лишены ярко выраженного сознания национальной идентичности и потому были слабее организованы. Найти белорусов, пригодных для замещения важных административных должностей, немцам было нелегко¹⁵¹. Однако утвердить свое влияние они могли, сместив менее надежных поляков. Антисемитские настроения среди белорусов были слабее, чем в Литве. В одном из докладов эйнзатцгруппы В отмечается, что «население несомненно питает к евреям чувство ненависти и гнева и одобряет немецкие мероприятия... но взять на себя инициативу неспособно»¹⁵². Такая апатия объясняется тем, что население извлекло для себя урок из последних событий. При виде того, как немцы арестовывали и расстреливали советских служащих, местные жители сочли неразумным слишком тесно сотрудничать с новым режимом, опасаясь, что Советы могут в один прекрасный день вернуться.

Однако немцы, подобно всякой оккупационной власти, используя деньги и разные посулы, не испытывали недостатка в местных коллаборационистах, готовых помогать им выполнять «грязную работу». Вначале местные полицейские силы были немногочисленны, но всегда находились добровольцы из низших слоев населения, либо из тех, кто имел зуб против коммунистов. В Литве с первых же дней вторжения в мероприятиях против коммунистов и евреев активно участвовали (антикоммунистические) партизаны. Погромы на Украине тоже поначалу происходили при участии местного населения. В Белоруссии первые акции были направлены против служащих-коммунистов и против еврейской «интеллигенции» под предлогом устранения опасности, которую представляют «иудейско-большевистские» руководящие кадры. Подобные операции требовали участия людей, которые хорошо знали местных жителей и легко могли опознать, кого следует. Недостатка в таких доносчиках ни в Белоруссии, ни на Украине не наблюдалось. При этом расстрелы обычно производили немецкие подразделения, предназначенные для этих операций.

Ввиду быстрого наступления немцев у евреев, особенно в западных областях, было мало шансов спастись бегством. По наущению

вермахта на евреев был наложен ряд запретов намного более строгих, нежели в самой Германии. Нацистская пропаганда приравнивала всех евреев к коммунистам и считала их враждебными интересам Германии. Социальное устройство еврейской общины, конечно, коренным образом отличалось от жизненного уклада остального населения. Однако большинство евреев, особенно на бывших польских территориях, были ремесленниками и торговцами и не имели ничего общего с коммунизмом: «К высшим слоям общества принадлежит лишь небольшая часть евреев, хотя по сравнению с коренным населением эта доля необычайно высока. Большинство евреев живет очень бедно и занимается мелкой торговлей, посредничеством и ремеслом. Однако простых рабочих среди бедных евреев очень мало, крестьян еще меньше»¹⁵³.

Между тем по мере того, как уверенность Гитлера в военной победе подкреплялась успехами летней кампании, преследование евреев все больше усиливалось и все заметнее приобретало черты геноцида. Начиная с середины июля развертывание одиннадцати полицейских батальонов и других подразделений СС для проведения «операций по зачистке» тыловых территорий заметно увеличило численность персонала, призванного решать эти «особые задачи». Одновременно Гиммлер расширил категорию жертв, включив в нее еврейских женщин и детей, что явно выходило за рамки политических репрессий.

Антиеврейские операции не могли остаться тайной для вермахта, который в целях обеспечения безопасности своего тыла действовал в тесном контакте с эйнзатцгруппами. Фронтовые войска редко привлекались к непосредственному участию в антиеврейских операциях, но поддержка тыловых подразделений, таких, например, как тайная полевая полиция, охранные дивизии и администрация пересыльных лагерей военнопленных, безусловно, для этого требовалась. Смирившись с первыми довоенными «незаконными» приказами, руководство вермахта уже заранее позволило втянуть себя в преступления нацистов. Поэтому отдельным офицерам было трудно отклонять просьбы полиции безопасности, якобы продиктованные заботой о безопасности. Но, разумеется, были и такие, кто участвовал в акциях охотно.

Летом обострилась еще одна проблема — что делать с огромным количеством военнопленных. В сущности, их судьба никого особенно не беспокоила. Однако присутствие множества бывших солдат за линией немецкого фронта стало смешиваться с партизанской угрозой. Жестокое обращение с военнопленными, несомненно, превратило многих потенциальных сторонников немцев в их яростных

противников. Позже высокая смертность в лагерях военнопленных и охота на беглых солдат и офицеров Красной Армии способствовали тому, что бывшие красноармейцы, которым удалось выскользнуть из сетей плена, перешли к вооруженному сопротивлению.

Проблема отчасти объяснялась безграничной немецкой самоуверенностью, которую еще больше раздувало феноменально быстрое наступление. Подводя итоги прошлого, Гейнц Гудериан назвал это чистейшим безумием: «До наступления зимы *ОКВ* и *ОКН* так безмятежно верили в победу, что зимним обмундированием был обеспечен лишь каждый пятый военнослужащий. Только 30 августа *ОКН* всерьез озаботилось проблемой снабжения армии зимней одеждой»¹⁵⁴.

Эти первые успехи были, однако, достигнуты на территориях, в сущности, враждебных лишь недавно навязанному им советскому режиму и притом против дезорганизованной и деморализованной армии. По мере того как немцы продвигались дальше на территории, принадлежавшие СССР до 1939 г., проблемы со снабжением и потерями все больше усугублялись, тогда как советская ставка смогла ввести в бой войска второго эшелона с целью блокировать дальнейшее продвижение немцев на Москву. Исход сражений за Смоленск в июле 1941 г. убедил Гитлера в необходимости отвести войска с центрального направления. Вопреки совету своих генералов Гитлер решил не бросать все силы непосредственно на Москву, а лишить Сталина жизненно важных для него территорий, особенно Ленинграда и индустриального Донецкого бассейна. Однако при переходе от стратегии уничтожения к стратегии истощения постепенно становилось ясно, что кампания едва ли закончится до наступления русской зимы¹⁵⁵.

Чрезмерная уверенность в военных успехах сопровождалась провалом политического планирования. Оккупационная политика нацистов отражала экстремизм их военных целей. Вообразив, что русская кампания станет очередным блицкригом, нацисты почти полностью игнорировали политические амбиции поработенных народов Советского Союза¹⁵⁶. Немецкая экономическая политика не оправдала и надежд местного населения на отмену советской коллективизации. Гитлер стремился к безграничной эксплуатации советских территорий и к беспощадному господству над ними. В планах нацистов Советский Союз рассматривался как огромная территория, которую необходимо обезлюдить, чтобы нацисты смогли создать на ней свою колониальную империю.

Учреждая военную администрацию, вермахт прежде всего стремился установить порядок и безопасность у себя в тылу. Для выпол-

нения «особых политических задач» в районах, находящихся под военной юрисдикцией, были развернуты гиммлеровские эйнзатц-группы, и уже к августу они приступили к геноциду советских евреев, включая женщин и детей. Гитлер, однако, не доверял вермахту полного выполнения своей радикальной программы. Поэтому он стремился быстро передать управление оккупированными территориями гражданской администрации, а ее поставить под контроль нацистской партии и таким образом заложить основу своего имперского «нового порядка».

МАССОВЫЕ РАССТРЕЛЫ ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА

К осени 1941 г., заняв обширные территории Советского Союза, немцы приступили к массовым расстрелам евреев. Подробные отчеты эйнзатцгрупп и послевоенные расследования свидетельствуют о том, что с конца июля расстрелы «интеллигенции» сменились крупными акциями, жертвами которых наряду с мужчинами стали также женщины и дети¹. В сентябре и октябре эта тенденция была закреплена: эйнзатцгруппы в некоторых областях приступили к уничтожению целых еврейских общин².

Некоторые историки объясняли ужесточение террора тем, что Гитлер мстил евреям за провал его планов быстро сокрушить Советский Союз. Однако настоящий кризис вермахта начался лишь в декабре 1941 г. Если говорить о судьбе советских евреев, то сделать последний шаг к геноциду Гитлера побудило не крушение его планов, а, напротив, «эйфория победы»³.

Несмотря на более упорное сопротивление вермахту начиная с середины июля, уверенность Гитлера в победе усилилась благодаря захвату 450 000 советских военнопленных в районе Киева и подготовке окончательного наступления на Москву к концу сентября. В середине ноября верховное командование сухопутных сил все еще было уверено, что еще до конца 1941 г. захватит Москву, а возможно, и Ленинград⁴. Расправа с евреями вполне соответствовала первоначальной концепции Гитлера о создании на востоке «жизненного пространства» (*Lebensraum*) для немцев. То обстоятельство, что осенняя волна расстрелов осталась лишь «частичным решением», объяснялось прагматическими соображениями, как, например, сохраняющейся потребностью в еврейской квалифицированной рабочей силе, а также чисто физическими затруднениями, с которыми столкнулись каратели.

1 сентября 1941 г. в соответствии с планами Гитлера контроль над Западной Белоруссией (Weißruthenien) перешел от военной администрации к гражданской. Гаулейтер Вильгельм Кубе был переименован в Генерального комиссара. Официальная передача полномочий состоялась в торжественной обстановке в Минске 31 августа 1941 г. (см. илл. 2). На практике реальная передача власти

произошла не сразу. Для создания властных структур практически с нуля гражданской администрации требовалось время, хотя бы для того, чтобы дождаться приезда персонала из Германии, а пока в регионе осталась 707 пехотная дивизия для обеспечения армейских коммуникаций. Подразделения дивизии продолжали осуществлять властные полномочия в главных городах в качестве местных комендатур. Военные власти признавали, что вследствие слабости оккупационных сил придется во многом полагаться на импровизированную местную полицию⁵.

Представление о трудностях, с которыми столкнулось создание гражданской администрации, дают немецкие доклады того времени. Областной комиссар (Gebietskomissar) города Слоним, Герхард Эррен, жаловался на нехватку всего необходимого: от канцелярских принадлежностей до транспорта. Особой проблемой была задержка прибытия необходимого ему немногочисленного немецкого персонала — часть служащих приехала из Германии только в январе 1942 г. Первые недели гражданская администрация потратила на поиски помещений для работы и жилья, а также на набор вспомогательного персонала из числа местных жителей⁶.

В Западной Белоруссии выбор персонала осложнялся национальными конфликтами между поляками, белорусами и литовцами. В период польского правления почти все административные посты занимали поляки. Среди белорусов, в частности, не хватало людей с достаточным для занятия ответственных должностей образованием и опытом. К тому же энергичные и честолюбивые поляки стремились занять при немцах влиятельные посты для защиты своих интересов⁷.

В августе военные операции немцев на Центральном фронте сосредоточились на южном направлении с целью завершить окружение мощных советских сил вокруг Киева. Успешно осуществив эту операцию, вермахт смог вторгнуться в восточную Украину. Именно в это время были проведены первые массовые расстрелы на юге. 28–31 августа 320 полицейский батальон под командованием начальника СС и полиции Юга Фридриха Екельна расстрелял около 23.600 евреев в Каменец-Подольске. Вслед за этим в середине сентября были проведены еще две акции в Бердичеве и Виннице, где, судя по имеющимся источникам, было убито свыше 10.000 евреев⁸. В Житомире 3145 евреев были уничтожены 19 сентября. В ходе этой операции еврейский квартал был оцеплен шестью десятками украинских милиционеров, а 12 грузовиков для транспортировки предоставила полевая комендатура и местная администрация⁹.

В середине сентября, вскоре после захвата Киева, в городе возник сильный пожар. Это был акт советского саботажа против штаба 6 армии, расквартированного в гостинице «Континенталь». 26 сентября служба безопасности приказала киевским евреям явиться на регистрацию. Явилось свыше 30.000 человек, включая женщин и детей. 29 и 30 сентября все они были расстреляны во рву Бабий Яр близ Киева¹⁰. Немецкие источники назвали это ответной карательной акцией. На самом деле вышеупомянутый акт советского саботажа послужил лишь предлогом для расправ, которые и так уже начались в этом регионе.

Еще одна крупная акция была проведена в Ровно 6–7 ноября 1941 г., когда полиция безопасности с помощью 320-го полицейского батальона и местной украинской полиции расстреляла более 15.000 евреев¹¹. 15 ноября вышеупомянутый Фридрих Екельн с должности начальника СС и полиции Юга был переведен на такую же должность в Ригу, где в декабре 1941 г. организовал крупную акцию по «очистке» гетто, в которой погибло еще 30.000 евреев¹².

Массовые расправы над евреями прокатились также по центральной Украине. На участие местной украинской вспомогательной полиции указывается в немецком докладе от октября 1941 г., касающемся операции против евреев, оставшихся в Кривом Роге. Вся украинская вспомогательная полиция (Hilfpolizei) была задействована в акции по очистке города от евреев¹³. В Днепропетровске до начала немецкой оккупации жило 100.000 евреев. Из них, как сообщается, 70.000 бежали еще до прибытия немцев, 10.000 из оставшихся были расстреляны 13 октября 1941 г. подразделениями, подчиненными начальнику СС и полиции¹⁴. Во многих местах квалифицированным еврейским рабочим временно сохраняли жизнь, чтобы не наносить дальнейшего ущерба местной экономике¹⁵.

К концу сентября 1941 г. немцы начали подготовку к решающему наступлению на Москву. В тылу наступающих войск эйнзатцгруппа В стремилась увеличить скорость уничтожения евреев. Зондеркоманды следовали за наступающей группой армий «Центр», а главные эйнзатцкоманды оставались на местах, чтобы более тщательно «очистить» восточную Белоруссию. В октябре были проведены массовые расстрелы евреев в Могилеве, Полоцке и Витебске, в ноябре — в Бобруйске, Орше и Гомеле¹⁶. В Витебске немецкие власти не пропускали в гетто продукты питания. Многие евреи умерли от голода, других немцы расстреляли, чтобы они не распространяли «заразные болезни»¹⁷. После зачистки гетто в Могилеве оставили в живых лишь несколько евреев для работы в качестве квалифицированных ремесленников в трудовом лагере¹⁸.

Зимой 1941–42 г. много антиеврейских «акций» было проведено в городах и деревнях восточной Белоруссии и России, находившихся под контролем немецкой военной администрации¹⁹. Например, в районе Могилева мелкие подразделения 8-й эйнзатцкоманды под руководством начальников службы безопасности СД прочесывали окружающие деревни в поисках евреев. Некоторые еврейские семьи были арестованы и брошены в могилевскую тюрьму и потом расстреляны. Других убивали там, где их нашли²⁰. Местная полиция, находившаяся в ведении военной администрации, привлекалась для облав на евреев и для их охраны, как, например, в Мглине и Стародубе осенью 1941 г.²¹ В Крупке в октябре активную роль в массовых расстрелах евреев играл вермахт²².

В середине ноября 1941 г. командир эйнзатцгруппы В Артур Небе утверждал, что с начала кампании «ликвидировал» 45.467 человек. Однако сослуживцы и соперники Небе из других эйнзатцгрупп превзошли его достижения²³. Небе также отмечал тенденцию евреев бежать на восток впереди наступающих немцев. Многие евреи, конечно, бежали в ходе советской эвакуации, которая теперь была организована лучше, чем в самом начале военных действий²⁴.

Когда наступление на центральном фронте возобновилось, из Риги в Минск была откомандирована эйнзатцкоманда 16 с задачей перенять обязанности полиции безопасности в Минске и Западной Белоруссии. Батальон литовского шуцманства (позже известный под № 12) был также отправлен из Каунаса в Минск и действовал там под контролем немецкого 11 резервного полицейского батальона²⁵. Это подразделение немецкой полиции охраны порядка было в свою очередь подчинено военному коменданту Западной Белоруссии Густаву фон Бехтольсгейму командиру 707 пехотной дивизии. Прибытие батальона литовского шуцманства совпало с волной кровавых расправ в районе Минска в октябре 1941 г. Эти операции официально считались антипартизанскими, но на самом деле были направлены против евреев, коммунистов и других «подозрительных» элементов вроде цыган, которых, согласно военным приказам того времени, надлежало расстреливать на месте²⁶.

Командир 11 резервного полицейского батальона прибыл в Слуцк 27 октября с двумя ротами немецкой полиции и двумя ротами литовской вспомогательной полиции. Он сообщил окружному комиссару Карлу, что имеет приказ за два дня «ликвидировать» всех евреев в городе. Окружной комиссар попытался спасти еврейских ремесленников, полагая, что они необходимы для городского хозяйства: «Во время операции город представлял собой ужасающее зрелище. С неопишуемой жестокостью офицеры немецкой полиции

и особенно литовские полицейские выгоняли евреев и белорусов из их домов. По всему городу раздавались крики, и на некоторых улицах громоздились горы трупов убитых евреев»²⁷.

Большую часть евреев вывезли за город и расстреляли в ямах. Для проведения этой акции литовских полицейских разделили на три группы. Одна группа охраняла, вторая стреляла, а третья готовилась стрелять. Группы поочередно сменяли друг друга²⁸. Некоторые жертвы были похоронены заживо и позже выбрались из могил. Окружной комиссар Карл выразил озабоченность тем, какое впечатление акция может произвести на местных жителей-белорусов, которые потрясены этими событиями, несомненно, в большой степени подорвавшими их доверие к немецкой администрации. Кроме того, недисциплинированные полицейские учинили в городе разнужданные грабежи²⁹.

Через два дня, 30 октября, последовали расстрелы евреев в соседних городках Несвиж и Клецк. Материалы послевоенных советских и немецких судебных процессов подтверждают, что в обоих городах действовал тот же 12 литовский батальон, переброшенный из Слуцка. Согласно одному немецкому военному рапорту, в эти дни в районе Слуцк — Клецк было убито около 5900 евреев³⁰. Подробное описание акций в Несвиже можно найти во многих источниках, в том числе в рассказах уцелевших евреев. Еще до начала операции, в середине октября, немцы потребовали от евреев выкуп. Всех взрослых еврейских мужчин собрали на базарной площади и взяли 200 заложников. На следующий день, получив выкуп, немцы потребовали еще полмиллиона рублей и 2,5 килограмма золота³¹.

29 октября местный комендант приказал всем евреям собраться на площади для проверки документов³². На следующий день люди в недоумении явились на площадь в своей лучшей одежде. В свете недавних событий они были исполнены тревоги и подозрений. Шалом Холавски вспоминает: «Мы были в ужасе. На ум приходили всевозможные причины этого приказа»³³. Однако, как он признается, они не хотели бояться наихудшего. Другой свидетель происшедшего подтверждает: «Мы не могли поверить, что они попросту убьют всех евреев»³⁴. Многие думали, что пока они тут сидят, их дома будут разграблены.

Полицейские прочитали список квалифицированных работников — врачей, инженеров, стекольщиков, кузнецов, текстильщиков, шорников, сапожников и портных — и приказали им отойти в сторону и разрешили взять с собой семьи. Во время «селекции» на дороге, ведущей в Слуцк, неожиданно появилось несколько грузовиков. Всю площадь оцепили люди в военной форме³⁵. По свидетельству

одного еврея, они говорили на литовском языке³⁶. Оставшиеся после селекции люди постепенно стали подозревать опасность, и когда «наконец было объявлено, что еще 20 плотников должны выйти из рядов, стали выбегать люди, не имеющие отношения к плотницкому ремеслу»³⁷.

Квалифицированных работников, всего около 560 человек³⁸, отвели в школу под охрану местных белорусских полицейских. Немецкие солдаты и литовские подручные отправили около 4000 оставшихся евреев на расстрел в двух разных местах. На территории замка Радзивиллов поляки, работавшие под присмотром немцев, заранее вырыли две ямы. Другое место находилось сразу за городом у дороги на Снов. Стариков и больных везли к месту казни на грузовиках. Немцы отобрали у жертв ценные вещи и приказали им раздеться перед экзекуцией. После войны немецкие солдаты 8 роты 727 полка, расквартированного в то время в Несвиже, утверждали, что расстреливали евреев в основном литовцы³⁹.

Немецкие власти собрали одежду расстрелянных и продали ее местным жителям, а наиболее ценные вещи отправили в Барановичи⁴⁰. Несколько домов было разграблено местными жителями⁴¹. После акции квалифицированных работников отпустили и велели срочно перебраться в гетто, оцепленное колючей проволокой⁴². Несколько дней местные полицейские обыскивали гетто и расстреливали на месте всех укрывавшихся, не значившихся в списках квалифицированных рабочих. Говорили, что переполненные убитыми могилы шевелились. Поляк Иозеф Мархвинский считал это знаком — словно убитые хотели крикнуть: «Смотрите, живые! Вот фашизм, вот новая немецкая культура!» И тогда он понял, что «сегодня они убивают евреев, а завтра начнут убивать белорусов и поляков»⁴³.

В начале ноября 11 резервный полицейский батальон был откомандирован обратно в Каунас, а литовские роты вернулись нести караульную службу в Минске⁴⁴. Тем не менее, комендант города Столпце Людвиг Гёбель, командир 8 роты 727 пехотного полка, продолжал расстрелы с помощью местной белорусской полиции. За массовыми расстрелами в населенных пунктах Турец и Еремичи 4 ноября 1941 г. последовала широкая операция против евреев в городе Мир в воскресенье 9 ноября 1941 г.⁴⁵ Недавно проходивший в Англии судебный процесс позволяет подробно восстановить события в Мире на основе показаний ряда очевидцев.

Местный житель Зеев Шрайбер проснулся на рассвете и выглянул в окно. Он увидел, что по Виленской улице идет группа вооруженных полицейских во главе с начальником районной полиции. Проходя мимо его дома, двое полицейских выстрелили из автома-

тов в стоявшего на углу еврея Абрама Резника. Резник тотчас упал, и вскоре Шрайбер увидел, что его тело лежит в луже крови. Этим первым выстрелом началась расправа на улицах города⁴⁶.

Стрельба на улицах разбудила другого еврея, Льва Абрамовского, жившего неподалеку. Его мать крикнула: «Дети, вставайте, нам надо отсюда бежать. Сейчас они начнут убивать всех подряд!» Абрамовские и многие их соседи выскочили на улицу и кинулись врассыпную. Поднялась паника. Лев Абрамовский со всей семьей побежал к еврейскому кладбищу. Полицейские стреляли им вслед и многих ранили. Абрамовский вбежал в сарай, стоявший около кладбища, и залез на сеновал, откуда было хорошо видно все вокруг⁴⁷.

Когда Зеев Шрайбер шел на предписанную ему работу — он ремонтировал дом одного из местных полицейских, — он увидел, как толпа евреев бежит к полю, белорусские полицейские стреляют в них из автоматов, а немецкие солдаты стоят на улицах, наблюдают за происходящим, но не вмешиваются⁴⁸.

Отряд местной полиции, сформированный в первые недели после прихода немцев, состоял из трех десятков добровольцев 25–35 лет, в большинстве белорусов, но среди них было также несколько поляков и татар. У населения все они пользовались дурной славой. Во время короткого периода советской оккупации родственники некоторых из них были сосланы в Сибирь. Кое-кто был известен как ярый антисемит.

Одной из наиболее odioзных фигур был полицейский по фамилии Литвин. В тот день житель Мира белорус Иван Яцевич сидел у себя дома. Из окна он увидел, что по улице идут две еврейские девушки, за которыми следовали двое местных полицейских. «Один из них был Литвин, а второй — татарин. Они выстрелили девушкам в затылок из пистолетов с расстояния полутора или двух метров. Девушки упали, а головы их разлетелись на куски»⁴⁹.

Немецкие солдаты и местные полицейские выгнали многих евреев из их домов и повели на базарную площадь. Яков Липшиц (ему было 13 лет) пришел туда со всей семьей очень рано. На площади стреляли. По углам стояли полицейские с двумя пулеметами. Увидев их, мать велела Якову бежать. В это время полицейские открыли огонь и одним залпом убили мать Якова, его брата и сестру, а отца вместе с другими мужчинами затолкали в грузовик. Яков спрятался под крыльцом старой сгоревшей аптеки. Оттуда он видел все происходящее. На площади толпились сотни мужчин, женщин и детей. Потом на площадь въехал задом грузовик с брезентовым верхом. Когда брезент сняли, Яков увидел, что в кузове стоит еще один пулемет. Полицейские открыли из него стрельбу по толпе евреев, стоявших на площади⁵⁰.

Другого оставшегося в живых еврея, Шмуля Кеслера, притащили на площадь позже, так как вначале ему удалось спрятаться. В это время на площади было приблизительно 1000 евреев. Немец приказал плотникам выйти вперед. Вместе с 85 плотниками вышел вперед и Кеслер, хотя он этим ремеслом не владел. Всех плотников отвели во двор костела, где они благополучно оставались до конца бойни в районе трех часов⁵¹.

Помимо центральной площади в этот день в Мире было еще два основных места расстрела. С площади колонны евреев уводили под охраной местных полицейских и немцев с овчарками. Одно из мест расстрела находилось около бойни, на боковой улице, влево от Виленской улицы, если смотреть в северо-западном направлении от главной площади в сторону Новогрудка. Одну колонну из нескольких сотен евреев, приведенную туда, увидел из окна дома на Виленской улице Менахем Шалев около десяти часов утра⁵².

Эту же колонну видела дочь польского учителя Регина Бедынска. Она жила в здании школы, и все это утро просидела на чердаке, из окон которого хорошо просматривались окрестности города. Рано утром она заметила немецких солдат, приехавших на грузовике со стороны Столпцев. Потом она увидела, как возле бойни немцы и полицейские-белорусы сталкивают в яму и расстреливают еврейских мужчин, женщин и детей. В конце концов она не выдержала этого зрелища и отвернулась⁵³.

Другое место казни находилось у песчаного карьера недалеко от графского замка. Из своего убежища на сеновале Лев Абрамовский видел карьер, замок, еврейское и татарское кладбище. У него на глазах убили его отца, мать и обоих братьев. Две его сестры остались в живых, третью, Злату, поймали вместе со всей ее семьей. Мужа Златы застрелили, двух маленьких детей схватили за ноги и разбили им головы о могильные камни. Куда делась Злата, Лев не знает, но он ее никогда больше не видел. Кроме того, он видел, как немцы и полицейские пригнали большую колонну евреев к песчаному карьере у дороги на Столпцы. Длинная дорога растянулась от костела до заранее подготовленной могилы. В каждом ряду колонны шли по четыре или пять человек: «Полицейские подгоняли евреев к яме»⁵⁴. Эту же картину скорее всего видел и Зеев Шрайбер, который тоже рассказал, что наблюдал, как огромную толпу евреев (включая его собственную семью) гнали по Татарской улице в сторону Столпцев. Происходящее у карьера видел также Борис Грушевский, местный житель, который в тот день приехал в Мир на велосипеде. «Полицейские с автоматами в руках сидели на краю карьера. Там было и несколько немцев. Стреляли полицейские. Евреи стояли рядами

перед ямой. Полицейские стояли по краям ямы. Евреям велели раздеться и по несколько человек спускаться в яму. Там они ложились и по ним стреляли... Некоторых только ранили, и они пытались выбраться из ямы. Из ран у них хлестала кровь»⁵⁵.

Распоряжался всей акцией немецкий офицер, но белорусских полицейских было больше, чем немцев. Полицейские, сопровождавшие колонну, были вооружены винтовками со штыками. Грушевский видел, как один из них подошел к женщине, проткнул штыком ребенка, которого она держала на руках, и бросил его в яму. Полицейские были жителями Мира и близлежащих деревень Турец и Жуковичи. Грушевский считает, что они наслаждались своими злодеяниями. Грушевский вспоминает, что полицейские у ямы были веселы и «вели себя так, словно гуляли на свадьбе». Возвращаясь в Мир, Грушевский насчитал 13 трупов. Эти люди не хотели идти к ямам и были расстреляны на месте⁵⁶.

Когда стрельба возле бойни затихла, Регина Бедынска спустилась с чердака, чтобы достать воды из колодца, находившегося против ее дома. Подходя к колодцу, она увидела, как по боковой улице в сторону поля идут евреи — трое мужчин и женщина с мальчиком. В это время на главной улице стоял начальник белорусской полиции и трое полицейских с винтовками. Один из полицейских показал на евреев своему начальнику. Тот прицелился в бегущих и выстрелил в женщину, которая упала на своего сына. Ребенок вылез из-под нее с криком: «Мама, вставай! Мама, вставай!» Но женщина не шевелилась. Полицейские погнались за беглецами. Регина поспешно вернулась домой⁵⁷.

Самые жуткие сцены разыгрались в больнице. Здесь трое самых страшных местных полицейских и двое немцев расстреляли 15 евреев на глазах у пациентки — женщины-врача Зои Позняк, которая незадолго до этого дня родила близнецов. Зою, которую хорошо знали все местные полицейские, спасла от гибели находчивость христианок-медсестер. Чтобы отвлечь от нее полицейских, сестры напоили их хирургическим спиртом⁵⁸.

Еще два еврея спаслись буквально чудом. Менахема Шалева и его брата, которые целый день прятались под кроватью в одном из домов на Виленской улице, к вечеру нашли два немца. Братья сумели убедить немцев, что они не евреи, и те приказали им отнести награбленные вещи и погрузить их на грузовик, стоящий на улице, где они попались на глаза местным полицейским. Те погнались за ними. Брат Менахема споткнулся и был убит на улице, а Менахем сумел добраться до соседнего двора, где столкнулся с полицейским Литвиным, который приказал ему бежать и дважды выстрелил ему

в спину, попав в левую руку и легко задев. Шалев упал на землю и притворился мертвым. Когда полицейский ушел, он сумел забраться на чердак соседнего дома⁵⁹.

Братьев Абрамовских немцы и полицейские нашли к вечеру. Тогда же была найдена семья Гольдиных. Гольдин умолял не трогать его жену и детей. Все они стояли неподвижно, держась друг за друга. Полицейские и немцы, осыпая их бранью, избили всех прикладами, а потом расстреляли.

Льва Абрамовского с братом присоединили к колонне евреев, которых гнали к песчаному карьеру. Часа два они медленно плелись по улице в ожидании, пока расстреляют тех, кто шел впереди. Их гнали как стадо овец или коров. Люди громко рыдали. Вырваться из колонны было невозможно — полицейские оцепили ее со всех сторон, жестоко избивая при этом людей прикладами. Когда они подошли к карьеру, уже смеркалось. Лев Абрамовский увидел, что полицейские расстреливают приближающихся к яме евреев из тяжелых пулеметов. Жертвы падали на землю. Рядом с лопатами в руках стояли евреи, которым было приказано засыпать трупы слоем земли. Один из них, еврей Ешил, стоял у края ямы. Внезапно он ударил своей лопатой полицейского, но был тотчас же убит и сброшен в общую могилу.

Группу, в которой шел Лев Абрамовский, загнали на край ямы и открыли огонь из пулеметов. Брат Льва был убит сразу, а его самого столкнули в яму те, которые шли за ним, и поэтому пули его не задели. На него свалились пять или шесть трупов, и он потерял сознание.

Придя в сознание, он понял, что лежит среди убитых, залитых еще теплой кровью. Ему удалось выбраться на воздух и вылезти из ямы. Было уже темно, падал легкий снежок. Лев умылся снегом, завернул ноги в лохмотья чьей-то разорванной куртки, которая валялась на земле, и пошел в сторону татарского кладбища⁶⁰.

Тем временем немцы приказали не-евреям убрать валявшиеся на улицах трупы. Менахем Шалев увидел это из своего нового убежища⁶¹. Он также наблюдал, как грабят имущество убитых. На следующий день погром закончился, и оставшиеся в живых евреи вернулись в гетто, так как им сказали, что там вполне безопасно. Они были потрясены, увидев, что в живых из их родных и друзей не осталось почти никого. Сведения о количестве жертв противоречивы. Если считать, что в 1942 г. 800 оставшихся в живых евреев были отправлены во второе гетто в замке Мир, получается, что 9 ноября 1941 г. в различных местах было расстреляно приблизительно 1600 человек.

Аналогичная крупная акция была проведена в Слониме всего через несколько дней — 14 ноября 1941 г. Один из оставшихся в живых еврей накануне не смог вернуться домой: немецкие войска уже оцепили гетто, и ему пришлось остаться ночевать у друзей. Вот что он увидел с чердака их дома: «Я видел немецких солдат, гонявшихся за людьми, избивавших их, я видел также маленьких детей, которых кидали на землю. Люди вопили. Потом я услышал шум моторов грузовиков, ехавших со стороны базарной площади. Вскоре все затихло. Часа два было тихо. Потом всё пошло нормально — открылись лавки, на улицах снова появились люди»⁶². Он больше никогда не видел свою мать, отца, брата и ребенка.

Вот описание этой операции, проведенной окружным комиссаром Гергардом Эрреном и полицией безопасности при поддержке вермахта, латвийской и литовской вспомогательной полиции, а также местной белорусской полиции: «Они вошли в гетто и сказали людям, что им надо покинуть свои дома и переселиться в другое место. Стариков, женщин и детей отвезли в Шепилово к ямам, заранее вырытым другими евреями, которые стали первыми жертвами расстрела и свалились в ямы, которые сами же вырыли»⁶³.

На базарной площади снова была проведена селекция, и тех, у кого была желтая рабочая карточка, оставили в живых⁶⁴. В своем докладе от января 1942 г. окружной комиссар Эррен хвастал, что избавил Слоним от 8000 «лишних голодных ртов». В заключение он цинично заметил, что «приблизительно 7000 евреев в городе Слоним сейчас работают очень охотно, потому что боятся смерти. Весной они пройдут проверку на благонадежность и будет произведен отбор для дальнейшего сокращения»⁶⁵.

Как и в Мире, один еврей, потерявший сознание на краю ямы, упал в нее, и поэтому его не застрелили. Придя в себя, он выбрался наверх. Дальнейший рассказ основан на его воспоминаниях.

На площади евреям сообщили, что их переселяют, и вначале они в должном порядке пошли туда, куда им было приказано. Паника началась у железнодорожной станции, когда они поняли, что их не собираются везти по железной дороге, а гонят в лес по направлению к Барановичам. Здесь охрана усилилась, и отстающих расстреливали. Колонна шла по открытому полю и до леса было слишком далеко, чтобы бежать. Издали доносилась пулеметная стрельба. Примерно через час всем приказали сесть на землю. Мужчин отделили от женщин и заставили раздеться догола. Охранники подгнали их прикладами и хлыстами, а затем группами по 20 человек погнали по тропинке на вершину холма. Там были две ямы. Одна была набита трупами доверху, а вторая только наполовину. Этому

еврею приказали подбежать к краю той ямы, которая была наполовину пуста, и там остановиться. Что было дальше, он не помнит. Кажется, за полсекунды до залпа он потерял сознание и упал в яму. Кто стрелял, он не видел. Придя в себя, он вначале не мог понять, где находится. Понемногу он начал двигаться и высвободил один локоть. Ему было жарко, вокруг было сыро. Наконец он сообразил, где находится, но в каком направлении двигаться, чтобы выбраться из ямы, понять не мог. Он стал пробираться ползком, как змея, в ту сторону, откуда пахло холодным воздухом. Он дополз до края ямы, высунул голову и увидел звезды. На воздухе было холодно, а в яме тепло. Ему удалось выбраться из-под кучи трупов и прокрасться назад в гетто⁶⁶.

Некоторые свидетели видели, как местная белорусская полиция участвовала в этой акции. Полиция была организована вермахтом в качестве *ОД*, подразделения охраны порядка; полицейские еще были одеты в гражданскую одежду. «Это была молодежь из Слонима, окрестных деревень, поляки»⁶⁷. Один из выживших видел, как белорусские полицейские заходят в дома и выгоняют оттуда людей⁶⁸. Другие говорят, что их использовали в качестве конвоя и в оцеплении при расстреле⁶⁹. После окончания акции полицейские ее отпраздновали⁷⁰.

В Борисове (северо-восточнее Минска) 20 октября 1941 г. было расстреляно 6500 евреев из 8000, несмотря на то, что они исправно работали и заплатали выкуп — 300.000 рублей, а также серебро и золото. Акцией руководила эйнзатцгруппа В (полиция безопасности), но расстреливали людей не немцы, а их «русские» подручные под командованием этнического немца Давида Эхофа⁷¹. На советском послевоенном процессе сам же Эхоф дал яркое описание этой кровавой акции, проведенной местными полицейскими: «Полицейские врываются в дома евреев, сгоняли их на площадь в центре гетто, силой заталкивали в грузовики и увозили на место казни. Они не щадили ни стариков, ни беременных женщин, ни детей, ни больных. Тех, кто сопротивлялся, по моему приказу расстреливали на месте — на площади, в домах, по дороге к месту казни — или избивали до полусмерти»⁷².

По словам офицера вермахта Зённекена, который во время расправы находился в Борисове, местное население вначале относилось к евреям враждебно: «Пусть умирают, они причинили нам столько вреда!» Облава проводилась на глазах местных жителей и немецких военных. Издали весь день доносилась стрельба. После того, как местные жители увидели «акцию», их отношение к евреям изменилось: «В глазах этих не-евреев застыло либо полнейшее

равнодушие, либо ужас, потому что жуткие сцены разыгрывались на улицах. Если еще накануне вечером не-евреи считали, что евреи заслужили свою участь, то на следующий день они стали задавать вопросы: “Кто это приказал? Как можно зараз убить 6500 евреев? Сегодня это евреи, а когда придет наша очередь? Что сделали эти несчастные евреи? Они работали, вот и все! Тех, кто по-настоящему виноват, никто не трогает!”».

Чтобы полицейские смогли выполнять свою тяжелую задачу, их поили шнапсом. О масштабах расправы можно было судить по огромным кучам одежды, которую привезли на городские склады на грузовиках⁷³.

Другие массовые акции были проведены в городах Новогрудок (8 декабря) и Иоды (16 декабря). В Новогрудке погибло 5000 евреев. Присутствовавшие на акции белорусские полицейские позже рассказали одному из немногих оставшихся в живых родственнику жертв о разыгравшемся на краю могил душераздирающем зрелище⁷⁴. В Иодах почти половине евреев удалось бежать отчасти благодаря тому, что их вовремя предупредил начальник местной полиции. Однако 250 евреев все же погибло. Судя по свидетельству одного уцелевшего, «в расправе в Иодах участвовало очень мало немцев. Они руководили акциями и облавами, а расстреливали евреев белорусы, русские и некоторые поляки»⁷⁵.

Несмотря на эту мощную волну расправ, свыше половины еврейского населения восточной Польши дожило до 1942 г. Тысячи евреев остались в Генеральном комиссариате Житомир, большей частью в мелких местечковых гетто и в трудовых лагерях. В Генеральных комиссариатах Киева и Николаева несмотря на кровавые акции, проведенные эйнзатцгруппами в 1941 г., сотни евреев дожили до весны и лета 1942 г. Многих еврейских общин, особенно на Волыни, осенние кровавые акции не коснулись, а там, где они все же прошли, в живых осталось много квалифицированных ремесленников, а некоторым другим евреям удалось спрятаться и переждать до окончания акции. Судя по докладом эйнзатцгруппы С (сентябрь 1941 г.), немцы ощущали значительную нехватку еврейских рабочих: «В западной и центральной Украине евреи почти ничем не отличаются от местных рабочих, ремесленников и торговцев. *Если мы полностью лишимся еврейской рабочей силы, экономическое восстановление украинской промышленности, а также развитие муниципальных административных центров будет почти невозможно.*

Есть только одна возможность, которую немецкая администрация Генерал-губернаторства очень долго не могла осознать: *Решение*

еврейского вопроса состоит в широком использовании еврейского труда. Это приведет к постепенной ликвидации евреев — что вполне соответствует состоянию экономики страны»⁷⁶.

Эта же тема поднималась в докладе совещания в Ваннзее в январе 1942 г. Привлечение евреев к строительству дорог на востоке рассматривалось здесь как способ постепенного уничтожения оставшихся евреев посредством принудительного труда наряду с систематическими убийствами⁷⁷. В Галиции (и в меньшей степени в Остланде и на Украине) эти планы были реализованы посредством использования труда евреев, находящихся в специальных лагерях, на строительстве автострады и на других мероприятиях⁷⁸. Заключенные этих трудовых лагерей входили в число последних евреев, подлежавших «ликвидации» в конце 1942 г. — начале 1943 г. Но еще раньше многие погибли от невыносимых условий труда и недостатка продовольствия. Таким образом, с самого начала применялась двойная стратегия — с одной стороны, открытые убийства, с другой, обещания сохранить жизнь тем, кто будет участвовать в полезном труде. Эта стратегия оказалась весьма эффективной, так как она разделяла евреев и вводила их в заблуждение относительно конечной цели нацистов.

После вышеописанных осенних расправ в гетто постепенно установился новый распорядок для оставшихся в живых. Как ни странно, в Несвиже из оставшихся в живых 560 евреев только 180 были местными жителями. Остальные были беженцами с запада. Вскоре для квалифицированных работников были созданы мастерские, а прочим нашли другую работу. Евреев, работавших за пределами гетто, ежедневно сопровождали на работу и с работы местные полицейские. Еврейский совет вел учет проделанной работы и в соответствии с ее результатами распределял продукты — 300 граммов хлеба и небольшой кусочек мяса в день. В 7.30 утра ненадолго открывались ворота, чтобы люди могли набрать воды, — водопровода в гетто не было. У колонки выстраивались очереди. Иногда колонка не работала, и воды вообще не было⁷⁹.

Несвижским евреям часто приказывали рыть ямы для не-евреев, подлежащих расстрелу, — коммунистов, партизан, красноармейцев и других лиц, которых пунктуальный и жестокий нацистский режим считал виновными. Некоторые свидетели подтверждают, что в этих мероприятиях участвовали местные полицейские и военный комендант: «...Вначале немцы никому не доверяли, но потом разрешили белорусам, доказавшим свою верность во время первой акции, участвовать в этих “забавах”»⁸⁰. Согласно данным Советской чрезвычайной комиссии (к которым, впрочем, следует подходить с не-

которой осторожностью), за время немецкой оккупации в Несвиже было расстреляно 3000 военнопленных⁸¹.

Обращение с военнопленными, находившимися в лагерях, было чудовищным. Недостаток продовольствия и помещений для ночлега усугублялся жестокостью охранников. Приводим описание типичных условий в лагере Березвеч близ Глубокого: «В тех редких случаях, когда в лагерь привозили гнилую мерзлую картошку и пленные набрасывались на нее, как дикие звери, немцы расстреливали их «за нарушение порядка». Но голод был сильнее страха — лучше пуля, чем медленная смерть от голода»⁸².

В одном из временных лагерей на 11.000 военнопленных приходилось всего две уборных⁸³. В октябре 1941 г. в Генерал-губернаторстве (Польша) смертность среди советских военнопленных выросла до 1% в сутки⁸⁴. На оккупированных территориях Советского Союза положение было не лучше. В лагере города Гнивань близ Винницы, расположенном вокруг каменоломни, по советским данным, в конце 1941 — начале 1942 г. было похоронено свыше 6000 советских военнопленных⁸⁵. В самой Виннице, по советским подсчетам, свыше 12000 военнопленных умерло от истощения, холода и эпидемий при полном отсутствии медицинской помощи. Пленные, работавшие на строительстве специального объекта (гитлеровского штаба «Вервольф»), после окончания работы были поголовно расстреляны⁸⁶. Вследствие трудностей в снабжении самой немецкой армии, генерал-лейтенант Вагнер, главный квартирмейстер, заявил, что «неработающие военнопленные в лагерях должны умереть с голоду»⁸⁷.

Сотрудничество вермахта и эйнзатцгрупп не обошлось без трений. Например, комендант лагеря в Виннице, которому не понравилось, что 362 евреев-военнопленных передали полиции безопасности, потребовал передать суду военного трибунала своего заместителя⁸⁸. Тем не менее, как отмечает Рональд Хедланд, отношения между обеими структурами обычно были хорошими, а разногласия чаще всего возникали не по принципиальным, а по чисто практическим вопросам⁸⁹.

Считается, что во время Второй мировой войны в немецком плену погибло свыше 2.500.000 советских военнопленных, главным образом вследствие ужасающих условий в немецких лагерях. Многих расстреляли «при попытке к бегству» во время переходов, когда они были не в состоянии идти в строю от конвоируемых колонн⁹⁰. Около 140.000 были отобраны и расстреляны как политически и расово «нетерпимые элементы». Смертность среди советских военнопленных заметно сократилась с весны 1942 г., когда немецкое руководство ощутило серьезную нехватку рабочих рук в самой

Германии. К осени 1943 г. в рейхе работало почти полмиллиона советских военнопленных⁹¹.

Как было указано в предыдущей главе, на обращение немцев к советским военнопленным влияла тревога за собственную безопасность в тылу. Был назначен крайний срок, до истечения которого всем бывшим советским военнослужащим, находящимся в тылу, предписывалось сдать, а тем, кто будет пойман после этого срока, угрожала казнь⁹². В середине октября 1941 г. частям 707 пехотной дивизии напомнили об этом еще раз: «В соответствии с приказом коменданта западной Белоруссии от 26.9.41, пункт 3, вновь напоминая, что *пойманных* русских солдат (в военной форме или гражданской одежде) или беглых военнопленных, даже безоружных, следует не отправлять в лагерь военнопленных, а расстреливать на месте. Если они могут дать какую-либо информацию о партизанах или т. п., их следует незамедлительно отправлять в распоряжение 1-й группы тайной полевой полиции в Минск»⁹³.

О том, что эта политика проводилась в жизнь, свидетельствуют показания одного бывшего немецкого лейтенанта: «В октябре 1941 г. вермахт издал приказ, согласно которому всем советским солдатам, находящимся в тылу, надлежало зарегистрироваться и сдать. Крайний срок был 4 ноября 1941 г. Найденных после этой даты было приказано расстреливать. Заподозренные в связях с партизанами тоже были обречены. Как раз в это время многие русские солдаты бросили оружие и нашли убежище на фермах»⁹⁴.

Те, кто задумал эту драконовскую меру, сами накликали на себя беду, ибо ее результат оказался прямо противоположным желаемому. Начиная с осени 1941 г. многие бывшие советские солдаты, работавшие в крестьянских хозяйствах, опасаясь за свою жизнь, бежали в леса. Как сказал после войны один бывший польский партизан, «эта бессмысленная мера, направленная против военнопленных, которые мирно трудились, совершенно довольные тем, что наконец избавились от своих комиссаров, от НКВД, Сталина, голода и вшей, привела к массовому бегству в леса и к созданию партизанских отрядов»⁹⁵.

Было также немало случаев побега из лагерей. Вот что вспоминает один бывший военнопленный: «Нас держали в лагере военнопленных в городе Лида. Военнопленных держали в полуразвалившихся бараках. Лагерь был оцеплен колючей проволокой. Однажды, когда военнопленных разгружали дрова на железнодорожной станции Лида, я убежал и к концу декабря вернулся к себе домой в деревню близ Брест-Литовска»⁹⁶.

Некоторые, воспользовавшись слабостью немецкой охраны, бежали во время переходов из одного лагеря в другой⁹⁷. Но в большин-

стве своем пленные были слишком слабы и даже не помышляли о побеге. Многих, едва державшихся на ногах, охранники во время таких пеших переходов к тыловым лагерям просто расстреливали.

Зная о жестоким обращении с пленными, местные жители нередко помогали беглецам: «В 1941 г. в нашей деревне пряталась группа русских военных. Все они были ранены и сидели в сарае... Крестьяне их кормили. Староста знал, что они там прячутся, но ни он, и никто из жителей не донес про них немцам, и потом они ушли к партизанам»⁹⁸.

На Украине и в меньшей степени в Белоруссии некоторых военнопленных выпускали на свободу и разрешали им вернуться домой⁹⁹. Немецкие офицеры часто требовали, чтобы за освобождаемых кто-нибудь, обычно родственник или земляк, поручился. После этого их отпускали и разрешали работать на ферме или на фабрике¹⁰⁰. Приведенный ниже эпизод, имевший место в Белоруссии, показывает, насколько случайным могло оказаться такое освобождение. Одного советского солдата из Несвижа «...немцы поймали и отправили пешим ходом в Молодечно. Переход длился недели две, и он прибыл на место в конце 1941 г. В тамошнем лагере он провел месяца два или три, голодая. Позднее, зимой 1941–42 г., его освободили благодаря его матери. Его друг, которому удалось бежать, рассказал ей, где находится ее сын, и она пришла в лагерь и попросила его отпустить»¹⁰¹.

О том, как трудно было отличить возвращавшихся домой военнопленных от настоящих партизан, свидетельствует один из немецких докладов, составленных в Криворожской области. Из него видно, что немцы в это время во многих своих докладах, по-видимому, преувеличивали масштабы деятельности партизан: «Здесь не было захвачено ни одного настоящего партизана. Их не было и среди 28 подозреваемых, переданных Тайной полевой полицией за период 5–10 октября. Это были русские солдаты, бежавшие с русского фронта и вернувшиеся домой без оружия. Их отправили в пересыльный лагерь. Еще 12 арестованных тоже оказались бывшими русскими солдатами. У троих нашли оружие, и они понесли наказание, упомянутое в объявлении»¹⁰².

В 1941 г. Советский Союз был, в сущности, плохо подготовлен к широкому партизанскому сопротивлению. В первые месяцы войны операции советских партизан сводились к помощи Красной Армии в непосредственной близости от линии фронта¹⁰³. Некоторые организации сопротивления, как, например, в минском гетто, возникли стихийно¹⁰⁴. Многие из спрятавшихся красноармейцев и пограничников не имели никакой связи с официальными партизанскими отрядами¹⁰⁵.

Немецкие доклады осенью 1941 г. делали упор на якобы существующую угрозу со стороны партизан, однако по сравнению с более поздним периодом их потери в то время были ничтожно малы. Например, расквартированные в районе Барановичи—Новогрудок I и II батальоны 727 пехотного полка зимой 1941—42 г. потеряли всего несколько человек, да и то не в боях с партизанами, а потому что эти люди подорвались на минах или попали под поезд. Первые потери в вооруженных стычках с партизанами полк понес лишь в начале лета 1942 г., когда он проводил активные антипартизанские операции ближе к линии фронта¹⁰⁶. По словам Кристиана Штрайта, если принять во внимание драконовские меры немецких властей, неудивительно, «что осенью 1941 г. советские граждане пришли к выводу, что сопротивление бесполезно и равносильно самоубийству»¹⁰⁷.

Тем не менее, зимой 1941—42 г. уже появились некоторые признаки надвигающейся партизанской угрозы. На территориях, которые не были непосредственно оккупированы немецкой армией, партизаны с целью запугать население начали расстреливать бургомистров, государственных служащих и местных полицейских, назначенных немцами, а также членов их семей. В результате немцам стало труднее набирать людей на службу в местную администрацию¹⁰⁸. Военные успехи советских войск, которые остановили немецкое наступление на Москву и нанесли врагу контрудары, неизбежно усилило сопротивление в тылу.

Крушение надежд на быструю победу поставило администрацию восточных территорий в неудобное двойственное положение. Противоречие между долгосрочными планами колонизации, с одной стороны, и практической необходимостью эксплуатации местного населения с целью удовлетворить безотлагательные военные нужды — с другой, создало плодотворную почву для развития глубоко укоренившихся разногласий в сфере разграничения полномочий, свойственных конкурирующим нацистским ведомствам, задействованным в осуществлении оккупации. На практике немцы могли твердо полагаться лишь на тех коллаборационистов, которые поступили к ним на службу. Массы сельского населения вначале оставались нейтральными. Когда советские войска ушли, они с облегчением вздохнули, но вскоре поняли, что от немцев ожидать какого-то улучшения не приходится.

Приказы и доклады Густава фон Бехтольсгейма, военного коменданта Западной Белоруссии, дают наглядное представление о роли вермахта, действовавшего плечом к плечу с гражданской администрацией. В частности, его приказы содержат много антисемитской пропаганды, которая при каждом удобном случае приравнивает

евреев к партизанам и врагам рейха¹⁰⁹. Все это должно было оправдать жестокие меры против евреев в глазах самого Бехтольстейма и в глазах его подчиненных. Многие из них, несомненно, разделяли основные идеологические принципы нацизма. Однако сравнение приказов Бехтольстейма с реальными событиями, происходившими на подведомственной ему территории, показывает, что его тезис, будто евреи представляют собой главную опору партизанского движения, находит весьма слабое подтверждение. Более объективные доклады таких людей как Зённекен и Серафим отражают некоторое сочувствие евреям за их готовность к труду. Показания очевидцев не оставляют сомнения в том, что в это время подавляющее большинство евреев не оказывали никакого сопротивления немцам.

То, что пишет Серафим о поведении евреев на Украине, равным образом можно отнести и к ситуации в Белоруссии: «...Нет никаких доказательств того, что евреи en masse или хотя бы в большом количестве участвовали в актах саботажа. Конечно, среди них — как и среди украинцев — попадались террористы и саботажники. Нелзя, однако, утверждать, что евреи как таковые вообще представляют собой какую-либо опасность для вермахта. Войска и немецкая администрация вполне удовлетворены работой евреев, хотя они, безусловно, движимы страхом и только страхом»¹¹⁰.

К тому же громадное большинство евреев жило в городах, они плохо знали сельскую местность и не имели никакой военной подготовки. Как показывает последующее участие евреев в партизанской борьбе, некоторых из них лучше всего можно было использовать в качестве ремесленников — слесарей, сапожников и портных, на подсобных работах¹¹¹. В 1941 г. они выполняли эту роль для немцев.

Ганс-Генрих Вильгельм приходит к выводу, что результатом бесчеловечного отношения к местным жителям явилось ослабление боеспособности немецкой армии, численность которой уступала советской, и это способствовало ее поражению¹¹². Кристиан Штрайт, касаясь первоначального развития партизанского сопротивления, пишет: «В 1941–42 гг. большинство партизан составляли... бывшие военнопленные и красноармейцы, отставшие от своих частей. Они ушли в леса, зная, что в случае поимки их либо расстреляют, либо уморят голодом в немецких лагерях»¹¹³.

Если летом были предприняты первые шаги к «решению еврейского вопроса» на востоке, то осенняя волна расстрелов была гораздо масштабнее. Помимо эйнзатцгрупп, все больше расширявших свои операции, дополнительный немецкий персонал, необходимый для проведения расправ, поставляли подразделения полиции охра-

ны порядка и даже вермахта. Массовые убийства происходили открыто, обычно недалеко от домов, где жили жертвы, и потому ни для кого не оставались тайной. В акциях все чаще участвовали местные коллаборационисты, многие из которых весьма охотно помогали убивать своих еврейских соседей.

Зимой 1941–42 г. масштабы геноцида на бывшей польской территории несколько сократились. Однако когда положение гражданской администрации и полиции упрочилось, Гиммлер приказал начать подготовку к окончательному решению еврейского вопроса на востоке к концу 1942 года.

Исследование Ханнеса Геера об участии вермахта в антиеврейских мерах, особенно осенью 1941 г., вызвало спор среди историков. Опираясь на многочисленные источники, Геер доказал, что местные военные коменданты не только настаивали на отправке евреев в гетто и предписывали им носить еврейскую звезду, но и обеспечивали участие немецких военнослужащих в массовых расстрелах, особенно в Белоруссии. В ходе акций в Несвиже, Клецке, Слониме и Новогрудке заметную активность проявляли подразделения 707 пехотной дивизии. Некоторые более мелкие деревни вокруг Слонима были очищены от евреев действующими самостоятельно маленькими отрядами вермахта¹¹⁴. Внимательное изучение многочисленных свидетельств о кровавой расправе в Мире 9 ноября 1941 г. приводит к выводу, что местный *Ortskommandant* и белорусская полиция действовали совместно, явно без посторонней помощи¹¹⁵.

Нет сомнения в том, что в тыловых районах подразделения вермахта участвовали во многих карательных операциях против гражданского населения, в том числе кое-где и в массовых расстрелах евреев. Однако по сравнению с действиями полиции безопасности, полиции охраны общественного порядка и местных коллаборационистов, активное участие военнослужащих в холокосте советских евреев было весьма незначительно¹¹⁶.

Вскоре после чудовищных сцен, разыгравшихся в Мире, Густав фон Бехтольсгейм, военный комендант Западной Белоруссии, отдал следующий приказ, разъясняющий отличие армии от полиции: «Как указано выше, евреи должны исчезнуть из сельской местности, цыгане тоже должны быть уничтожены. Проведение *крупных* акций против евреев не входит в обязанности подразделений дивизии. Их должны проводить гражданские или полицейские власти в случае необходимости под руководством военного коменданта западной Белоруссии — если он располагает необходимыми для этой цели подразделениями, или по соображениям безопасности, или в случае коллективных мероприятий. Если в сельской местности подразде-

лениям попадутся большие или малые группы евреев, с ними могут разобраться либо сами эти подразделения, либо этих евреев следует собрать в гетто, организованные специально для этой цели в больших городах, где их следует передать гражданской организации или СД. В случае проведения крупных акций такого рода гражданскую администрацию необходимо ставить в известность заранее»¹¹⁷.

Вся ответственность за политику в отношении евреев на оккупированных территориях Советского Союза возлагалась на немецкие полицейские силы, непосредственно подчинявшиеся Гиммлеру.

Недавние исследования привлекли внимание к довольно широкому участию в этих карательных операциях батальонов немецкой полиции охраны порядка. История операций эйнзатцгрупп хорошо отражена в оставленных ими подробных рапортах. Меньше известна роль полиции безопасности в координации «ликвидации» гетто в 1942 г. В документах, находившихся в распоряжении западных исследователей, эти акции освещены недостаточно широко. Настоящее исследование ставит себе целью привлечь особо пристальное внимание к вкладу, который внесли в эти акции жандармерия и местная полиция — шуцманства — основной источник полицейского персонала на бескрайних сельских просторах Белоруссии и Украины, попавших под управление гражданской администрации.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНОЙ ПОЛИЦИИ. 1941–1944 гг.

Вследствие недостатка немецкого персонала нацистская полицейская структура на востоке для осуществления своих разнообразных задач в значительной степени зависела от местных сил. Для патрулирования сельской местности немецкая жандармерия создавала сторожевые посты во всех районных центрах. Вначале на каждого жандарма приходилось пять местных полицейских (шуцманов), однако уже с лета 1942 г. это соотношение начало изменяться не в пользу немецкого персонала, и местная полиция стала играть все более важную роль, как для функционирования немецкого оккупационного режима, так и в создании его имиджа¹.

Нервным центром полицейской структуры была полиция безопасности, которая собирала информацию о различных категориях «врагов» и проводила карательные мероприятия, в том числе аресты, допросы и расстрелы. В течение осени и зимы 1941–42 гг. в крупных городах были учреждены управления полиции безопасности, сформированные в основном из личного состава эйнзатцгрупп. Координировал все полицейские операции начальник СС и полиции. Кроме подразделений полиции охраны порядка, несших службу на сторожевых постах (жандармерия — *Gendarmerie* — в сельской местности и полицейские части — *Schutzpolizei* — в городах), для помощи в решении особых задач имелись также батальоны полиции охраны порядка и шуцманства. К проведению крупных операций, как например очистки еврейских гетто, летом и осенью 1942 г. привлекался почти весь наличный полицейский персонал. При этом полиция охраны порядка и шуцманства действовали под руководством полиции безопасности.

В течение 1942 г. численность шуцманств существенно увеличилась и достигла впечатляющей цифры в 150.000 человек (против первоначальных 33.000). Из них две трети несли патрульную службу на отдельных постах, а остальные действовали в составе батальонов². До сих пор об этих многочисленных пособниках немецкого оккупационного режима было известно очень мало. Кто и по каким причинам сотрудничал с немцами? Как они рекрутировались и в чем заключались их обязанности?

Шуцманства были предназначены для того, чтобы перенять большую часть рутинной повседневной работы от преимущественно уже немолодых жандармов, которые ими командовали. Местная полиция — служба обеспечения общественного порядка (*Ordnungsdienst, OD*), созданная военной администрацией, была передана жандармерии, которая должна была сформировать из ее состава ядро шуцманств. Люди, поступавшие на службу в местную полицию, руководствовались разными мотивами. Главным из них было то, что немцы обещали им жалованье и бесплатное питание, а кроме того, они надеялись разбогатеть посредством грабежа³. Некоторые хотели отомстить Советам за высланных родственников или конфискованное имущество⁴. Поскольку опытных полицейских почти не было — перед наступлением немцев большинство из них бежало — серьезную проблему представляла подготовка личного состава⁵. В условиях оккупации служба в полиции, естественно, привлекала всяких сомнительных личностей, честолюбцев и даже уголовников⁶. По словам одного тайного агента, засланного в полицию города Мир, «в начале войны в полицию никого не загоняли насильно... В то время она формировалась из людей, стремившихся к власти и легкой наживе»⁷.

Как и главное управление государственной безопасности рейха (*RSHA*) в Берлине, управления полиции безопасности и службы безопасности (*СД*) подразделялись на следующие отделы — I — личный состав; II — администрация; III — *СД*, IV — гестапо и V — уголовная полиция (*Kripo*). Представление о деятельности полиции безопасности дает деятельность ее начальника (*KdS*) в Киеве.

После массового расстрела евреев в Бабьем Яру в конце сентября 1941 г. значительное число евреев все же уцелело. Местные жители, вермахт, гражданская администрация и особенно персонал полицейских постов в Киеве и его окрестностях доносили на них и передавали их полиции безопасности. Были изданы четкие приказы расстреливать всех евреев, включая женщин и детей. Из протоколов послевоенных судебных разбирательств явствует, что по приказу начальника полиции безопасности Киева не менее 350 евреев было на короткое время арестовано, а затем расстреляно или уничтожено в душегубках⁸.

Полиция безопасности также отвечала за активные контрмеры против партизан и других политических оппонентов. Арестованных сначала допрашивали, а затем либо приговаривали к казни, либо по приказу офицеров гестапо освобождали. Начиная примерно с апреля 1942 г., появилась третья возможность — отправка в трудовой лагерь. Регулярные «экзекуции» осужденных проводились в бли-

жайшем месте казни по мере того, как набиралось достаточное количество осужденных. Например, на сторожевом посту *KdS* в Умани расстрелы происходили через каждые две или четыре недели⁹. Управления полиции безопасности часто занимали здания бывшего НКВД, в которых имелись собственные тюрьмы¹⁰.

СД официально считалась службой разведки СС. Имеющий-ся в каждом управлении полиции безопасности III отдел выполнял специфические задачи СД, а именно сбор и анализ информации, часто полученной от платных информаторов (так называемых *V-Männer*, *Vertrauensmänner*, доверенных лиц). Эта разведывательная сеть поставляла значительную часть информации, которая требовалась гестапо для операций против евреев и лиц, заподозренных в связях с партизанами. Многие сотрудники полиции безопасности одновременно занимали должности в СД. Местное население не разбиралось в этих организационных тонкостях, так как гестапо и СД часто выполняли одинаковые функции.

На всех оккупированных восточных территориях насчитывалось всего несколько сотен офицеров полиции безопасности. Их обслуживали канцелярские работники (часто женщины), переводчики, транспортный отдел с водителями и ремонтными службами, а также охранники из подразделений СС (*Waffen SS*), полиции охраны порядка и сотрудники вспомогательной полиции, завербованные на востоке. Тем не менее, полиция безопасности в большой степени полагалась на помощь других немецких служб¹¹. Например, в Генеральном комиссариате Житомир с населением в 2.900.000 человек было всего шесть постов полиции безопасности — в Житомире, Виннице, Овруче, Мозыре, Бердичеве и Гайсине¹². Поэтому осуществление карательных операций часто передавалось постам жандармерии в отдельных округах¹³. Например, 15 июля 1942 г. командир полиции безопасности Житомира отправил через гебитскомиссара жандармскому посту в Мархлевске указание подвергнуть «особому обращению» (казнить) трех человек, арестованных за партизанскую деятельность. Казнь надлежало произвести подходящему для этой цели жандарму¹⁴.

По мере продолжения военных действий полиция безопасности все больше внимания уделяла координации антипартизанских мероприятий. В августе 1942 г. была усилена полиция безопасности в Брестском округе¹⁵. Это позволило ее мелким подразделениям действовать совместно с жандармерией во многих районных центрах и крупных городах. Тем не менее, недовольство сохранялось: «К сожалению, полиция безопасности так слаба, что она не в состоянии обеспечить адекватное наблюдение за всеми подозрительными элементами, а также вести борьбу с бандитами»¹⁶.

Для проведения крупных операций против партизан полиция безопасности могла опираться на поддержку разных мобильных частей, например, батальонов полиции охраны порядка и полицейских кавалерийских отрядов СС (*Reiterabteilungen*). В крупных городах было сформировано несколько моторизованных жандармских взводов, которые, действуя наподобие мобильных пожарных команд, отражали постоянно менявшиеся партизанские угрозы. Кроме того, по разным гарнизонам были распределены батальоны шуцманств, главным образом из Украины и Прибалтики¹⁷.

Координация действий этих различных подразделений полиции охраны порядка возлагалась на начальников СД и полиции (*HSSPF*), которые в некоторых случаях тоже могли отдавать приказы полиции безопасности¹⁸. Их роль была особенно велика в борьбе против партизан, когда требовалось эффективное взаимодействие всех имеющихся сил. Тем не менее, известны случаи, когда немецкие подразделения и их союзники несли потери от «дружественного огня» (т. е. от своих), зачастую вследствие неадекватных данных разведки или из-за того, что местные подразделения были одеты в пеструю и импровизированную униформу¹⁹.

Самым одиозным из всех батальонов шуцманств был 12-й литовский батальон из Каунаса. С первых дней немецкой оккупации это подразделение формировалось из добровольных началах. Его персонал участвовал в массовых расстрелах евреев летом 1941 г. в Девятом форту Каунаса. Как видно из приказов по этому батальону, некоторые из его сотрудников в первые месяцы службы по разным причинам увольнялись²⁰. Участие этого подразделения в массовых расправах в районе Минска в октябре 1941 г. отражено в документах, приведенных выше. Впоследствии солдаты батальона использовались в качестве охранников и в борьбе с партизанами во многих населенных пунктах Минской области, например, в Шацке и Дукоре²¹.

То, что 12-й литовский батальон был не единственным мобильным подразделением шуцманства, участвовавшим в акциях против евреев, видно из показаний, касающихся 102 украинского батальона в Кременце. Это подразделение участвовало в массовом расстреле евреев Кременца в конце лета 1942 г., а затем его перевели на борьбу с партизанами в Белоруссию²². Вообще подразделения, состоявшие из одних только украинцев, пользовались гораздо более дурной славой, чем шуцманства, несшие караульную службу на местных сторожевых постах. В Житомирском округе ненадежных местных полицейских переводили в батальоны в качестве наказания — считалось, что если они будут жить в бараках вдали от дома, то побег к партизанам будет менее вероятен.

Активное участие батальонов полиции охраны порядка в анти-еврейских акциях хорошо известно историкам благодаря исследованию Кристофера Браунинга, который подробно изучил операции 101-го резервного полицейского батальона, действовавшего в юго-восточной Польше. Браунинг приводит документы, касающиеся формирования этого батальона и происхождения его сотрудников, а также отмечает, что полицейские батальоны были задействованы в аналогичных операциях в бывшем Советском Союзе²³. Можно привести и другие примеры участия полицейских батальонов в жестоких операциях против партизан и евреев осенью 1942 г. в районе Бреста. Так, в конце октября 1942 г. подразделения 15-го полицейского полка участвовали в очистке Пинского гетто²⁴.

Осенью 1941 г. из Германии прибыли на восток отряды жандармерии и полиции охраны порядка, чтобы перенять от вермахта обеспечение безопасности в городах и деревнях. В отряды жандармов входили полицейские, мобилизованные из резерва, а также находящиеся на действительной службе кадровые полицейские, большинство которых по возрасту уже не подлежали призыву в армию. Так, по приблизительной выборке, из 80 жандармов, служивших на востоке, лишь 10% были моложе 30 лет²⁵. Более точные данные имеются о 37-и (или 38-и) жандармах, служивших в 1/3 взводе в районе Речицы (Генеральный комиссариат Житомир). Из них тринадцать (35,1%) родились до 1901 г., двадцать один (56,8%) — между 1901 и 1910 гг., и только трое (8,1%) — после 1910 г.²⁶

Многие резервисты были мобилизованы в 1939 г. и вначале некоторое время служили в полиции охраны порядка в Германии. Перед отправкой на восток часть из них прошла только первичную военную подготовку: «До призыва в жандармерию 18 августа 1941 г. у меня был свой бизнес... Раньше я проходил военную подготовку, и поэтому меня вскоре отправили в запас. В подготовку входило изучение оружия, стрельба и короткий инструктаж по юридическим вопросам, например, по охотничьему законодательству. Сначала нас намеревались использовать в качестве жандармов в нашей собственной стране, но в октябре 1941 г. от 15 до 20 человек из нашей группы покинули Шнейдемюль, и через Брест-Литовск мы прибыли в Минск»²⁷.

Согласно приказам на марш, полученным жандармами, служившими в Западной Белоруссии (*Weißruthenien*) в сентябре 1941 г., пополнение, отправлявшееся в Минск в октябре, должно было состоять из 168 резервистов и 146 кадровых полицейских²⁸. Считалось, что кадровые полицейские с большей вероятностью являются сторонниками режима, потому что Гиммлер тщательно интегрировал

полицейскую службу в свою систему. Один полицейский так описывает свой путь в полицейскую службу на востоке: «1 апреля 1932 г. я вступил в СА [штурмовой отряд], потому что мне обещали работу. Годом позже я вступил в нацистскую партию. В 1934 г. меня послали в добровольный трудовой лагерь СА в Бреслау... В 1939 г. я подал заявление о приеме в полицию. К концу 1940 г. я завершил подготовку и стал рядовым полицейским. Осенью 1941 г. меня и нескольких моих товарищей мобилизовали для отправки на восток»²⁹.

Как и обустройство гражданской администрации, обустройство новых полицейских постов тоже требовало определенного времени. В приказах вермахта от 10 октября 1941 г. отмечалось, что посты жандармерии созданы в городах Минск, Слуцк, Барановичи и Слоним³⁰. В город Мир первые жандармы прибыли в середине ноября 1941 г., вскоре после проведенного там массового расстрела. «Полицейский участок в Мире был создан только после нашего приезда. Мы заняли здание, где прежде находилась местная полиция... После того как участок был создан, шуцманы стали патрулировать улицы вместе с немцами»³¹.

С самого начала оккупации военная администрация учредила местную милицию или *OD* (службу охраны порядка). В некоторых районах ее членам выдали удостоверения со штампом номера соответствующей полевой почты³². По вполне понятным причинам немцы вначале неохотно доверяли оружие местным коллаборационистам. Их вооружали только в тех случаях, когда этого требовала обстановка³³. Например, в районе Рогачева (Украина) с местными милиционерами (*OD*) возникли такие проблемы, что большинство из них пришлось разоружить. В самом городе Рогачев осенью 1941 г. оружие выдавалось только тем, кто охранял евреев³⁴.

Когда контроль над оккупированными территориями перешел от военной администрации к гражданской, и для охраны сельской местности прибыли жандармы, временные милицейские подразделения были распущены и заменены постоянными полицейскими силами (шуцманствами). Жандармский капитан Макс Айбнер описал, как этот процесс происходил в округе Барановичи: «Белорусское шуцманство подчинялось мне. Я принял его от прежнего местного коменданта (*Ortskommandantur*). В тот момент в шуцманстве насчитывалось 250 местных добровольцев: они были распределены по всей территории»³⁵. Практически личный состав шуцманств оставался почти таким же, как и личный состав милиции, хотя реорганизация давала возможность уволить некоторых ненадежных лиц, главным образом активных националистов, и вновь утвердить немецкий контроль. Согласно инструкции по Брестскому району,

в шуцманства надлежало отбирать лучших из лучших, политически благонадежных людей³⁶.

Там, где значительную роль играли поляки, реорганизацию немцы использовали для того, чтобы ослабить их контроль над полицией³⁷. Например, в декабре 1941 г. в Несвиже опросили всех полицейских с целью выяснить их национальную принадлежность. Один полицейский вспоминал: «Я ответил, что я поляк, и не мог бы утверждать, что принадлежу к другой национальности. Когда опросы закончились, был составлен список тех, кто объявил себя белорусами... После этого меня из полиции уволили»³⁸. В соседнем населенном пункте Новая Мышь один поляк-полицейский рассказывал, что коллеги посоветовали ему объявить себя белорусом, потому что поляков из полиции выгоняют³⁹.

Местную полицию немцы сначала формировали на добровольной основе. Один человек вспоминает, что вскоре после оккупации немцы вывесили на стенах объявления с призывом добровольно вступать в полицию в Минске⁴⁰. Некоторые жители послали письменные заявления⁴¹. Волонтеров отбирали после проверки благонадежности. Большинство было из сельской местности. «После захвата Мира немцы за одну или две недели создали полицейское подразделение, состоявшее из местных белорусов. Все они были добровольцами. Типично для добровольца было крестьянское происхождение»⁴². Освальд Руфайзен так описывает ситуацию в Мире после того, как он поступил в полицию в конце ноября 1941 г.: «Эти полицейские не были мобилизованными, все они были добровольцами... Лет им было от 25 до 35... Особым уважением среди местных жителей они обычно не пользовались... Некоторые были склонны к алкоголизму... В то время около 25 полицейских из числа местных жителей и 12 жандармов отвечали за территорию, на которой было 20–25 деревень. Немцы не знали ни местности, ни языка и поэтому полагались на местных полицейских»⁴³.

Уволиться с полицейской службы в этот период тоже можно было по собственному желанию, что также свидетельствует о добровольном характере службы⁴⁴. Согласно приказу по Житомирскому округу от февраля 1942 г. шуцманы могли обращаться с просьбой об увольнении только «в случае крайней необходимости по причинам личного или экономического характера»⁴⁵. Тем не менее, такие просьбы иногда удовлетворялись⁴⁶. На практике позже для этого нужно было подкупить врача, чтобы он выдал справку о непригодности к полицейской службе⁴⁷.

В первые месяцы оккупации принцип добровольности при наборе в полицию распространялся на всех, кроме переводчиков, кото-

рых усиленно разыскивали, так как без них полиция не могла функционировать. Им приказывали явиться в полицию, и выбор у них был невелик: «1 декабря 1941 г. меня вызвали в полицию. Начальник мне сказал: “Я назначаю тебя секретарем”. Отказаться было невозможно, и я согласился. Я думаю, если бы я отказался, меня бы наверняка расстреляли, потому что полицейские расстреливали всех, кто не выполнял их приказы. А это был приказ. Я думаю, что меня взяли в секретари, потому что... [было известно], что я грамотный, говорю по-немецки и умею переводить с немецкого и на немецкий»⁴⁸.

В качестве переводчиков часто использовали этнических немцев (если таковые находились), потому что они считались более надежными. Статус этнических немцев в полиции был несколько иным, чем статус других местных жителей. Многие этнические немцы начинали службу в шуцманствах, но уже в 1942 и 1943 гг. их отправляли на специальные курсы, откуда они возвращались в темно-зеленой жандармской форме⁴⁹. В Житомирском округе они в 1942 г. получили особый статус вспомогательной полиции фольксдойче (*Volksdeutsche Hilfpolizei*), что было явно выше шуцманства, но не соответствовало полному статусу гражданской службы, который имели служащие немецкой жандармерии⁵⁰. На тех территориях, где этнические немцы составляли значительную часть населения, например, в районе севернее Одессы, они организовали собственные отряды самообороны.

Приблизительно с лета 1942 г. немцы стали прибегать к принудительному набору в шуцманства. Один бывший полицейский из Барановичей вспоминает: «В начале оккупации местные белорусы поступали в полицию добровольно. Например, у нас было четверо таких добровольцев из моей деревни. Позже в 1942 г., началось партизанское движение, и в полицию стали уже призывать насильно»⁵¹.

Численность шуцманов особенно заметно увеличилась с лета 1942 г., когда начался принудительный набор в караульную службу на отдельных постах (*Einzeldienst*). Директива Гитлера № 46 от 18 августа 1942 г. решительно одобряла расширение местных сил в связи с партизанской угрозой⁵². В районе Мира критической датой стало начало сентября 1942 г. Многочисленные свидетельства подтверждают, что именно с этого времени молодых людей стали забирать на службу в полицию насильно. Из рекомендаций по повышению в чине, найденных в московских архивах, явствует, что много новых рекрутов было призвано 1 сентября 1942 г., а следующая группа начала службу в ноябре⁵³. Почти половина полицейских, служивших в Мире во время оккупации, была набрана осенью 1942 г. (см. Табли-

цу 4.1). Один мобилизованный так описывает тогдашнюю ситуацию: «В конце лета 1942 г. немцы некоторое время пытались уговорить меня поступить в местную полицию, но я уклонялся. В конце концов они меня арестовали, привели в полицейский участок и сказали, что я должен поступить в полицию. У них начались потери — одни полицейские присоединились к партизанам, других партизаны убили. Выбора у меня не было»⁵⁴.

Таблица 4.1.

Дата поступления в местную полицию в районе города Мир

Дата	Другие звания	Унтер-офицеры	Всего	% (там, где это возможно)
1.7.41 — 31.12.41	22	6	28	13,4
1.1.42 — 30.6.42	8	1	9	4,3
1.7.42 — 31.12.43	94	5	99	47,3
1.1.43 — 30.6.43	35	—	35	16,7
1.7.43 — 31.12.43	18	—	18	8,6
после 1.1.44	20	—	20	9,6
нет информации	131	1	132	—
Всего	328	13	341	100,0

Источник: WCU 93/1 Appendix II/1–11

Как происходил набор, описал другой полицейский, впоследствии бежавший на запад: «Бургомистр разослал письма некоторым мужчинам из нашего местечка и приказал явиться в полицейский участок. Там их заставили поступить в полицию и послали в разные деревни... Нас посмотрел врач, потом нас отправили в бараки, где нам выдали винтовки и ответили койки...»⁵⁵.

В протоколах послевоенных судебных расследований перечисляются разнообразные способы принуждения. Кого-то «запирали и держали под замком, пока они не соглашались»⁵⁶, кто-то утверждал, что ему и его семье полицейский начальник угрожал писто-

летом в 1943 г.⁵⁷. Кое-кого отобрали даже из тех, кто после облав должен был отправиться на работу в Германию⁵⁸. И конечно, возможность для полицейского и его семьи избежать депортации в Германию была желанным стимулом:

«В конце 1942 или в начале 1943 г. немцы начали отправлять на работу в Германию бывших военнопленных и молодых людей из деревень. Я решил служить немцам в полиции и таким образом избежать отправки в Германию. И тогда я поступил в полицию добровольно»⁵⁹.

Некоторые склонились к тому, чтобы пойти на службу к немцам, потому что там им гарантировали хороший паек и жалованье⁶⁰. Сообщается, что один бывший полицейский дал следующее объяснение: «У меня нет ни куска хлеба, и я поступил в полицию, чтобы прокормить своих детей»⁶¹. Впрочем, это не решало всех семейных проблем. Одного человека бросила жена, потому что не хотела, чтобы он служил в полиции⁶².

Принуждали отнюдь не всех; кого-то стимулировало обещание немцев дать землю, другие поступали на полицейскую службу из националистических побуждений⁶³. Некоторые все еще вспоминали о родственниках, которых забрали русские, и хотели бороться с советскими партизанами⁶⁴. К осени 1942 г. стало к тому же очень трудно уволиться из полиции по собственному желанию. Один полицейский, мобилизованный в конце лета 1942 г., рассказывает: «У меня, как и у других мобилизованных полицейских, не было иного выбора, кроме как остаться в полиции, потому что если бы я вернулся в родную деревню, меня бы наверняка убили партизаны, а если бы меня поймали немцы или другие полицейские, они расстреляли бы меня за дезертирство»⁶⁵.

Шуцманы вначале носили нарукавные повязки с надписью «*Schutzmann*», а также с личным номером и местом службы⁶⁶. Предполагалось, что позже им выдадут форменную одежду. Были изданы инструкции, согласно которым освобожденные из плена красноармейцы были обязаны оставлять для шуцманов свои шинели⁶⁷. Один шуцман, служивший в поисковом взводе (*Jagdzug*) в Барановичах, оставил описание формы: «Форма у нас была черная — черная солдатская шинель с серыми манжетами, два ряда пуговиц из белого металла, черные эполеты и черный ремень с белой металлической пряжкой»⁶⁸. Проблемы с форменной одеждой для шуцманов продолжались до осени 1942 г.⁶⁹ Что касается оружия, то рядовые полицейские были вооружены трофейными советскими винтовками, а унтер-офицеры еще и пистолетами. Для борьбы с партизанами большим спросом пользовались пулеметы⁷⁰. Тяжелое оружие и ми-

нометы жандармерия и шуцманства получали только в последний период войны⁷¹.

Караульную службу на местных сторожевых постах несли не офицеры, а унтер-офицеры — фельдфебели (звание, эквивалентное старшему сержанту), младшие сержанты (капралы) и вице-капралы. Вообще и в Белоруссии, и на Украине ощущался острый недостаток полицейских офицеров, имеющих боевой опыт, так как и польский, и советский режимы неохотно производили в офицеры белорусов и украинцев. На бывших польских территориях унтер-офицерские звания вначале присваивали шуцманам в возрасте от 25 до 35 лет, которые раньше, между двумя мировыми войнами, служили в польской армии. Начиная с 1942 г., по мере того, как личный состав шуцманств увеличивался, в унтер-офицеры стали производить и более молодых добровольцев.

С осени 1942 г. шуцманы принимали присягу — они клялись «быть верными, смелыми, послушными, честно выполнять свой долг в борьбе против кровавого большевизма», а также выражали готовность положить свою жизнь за эту клятву, принятую во имя Господа. Новобранцы присягали после первых четырех недель службы. Письменный текст присяги с подписью шуцмана находился в его личном деле, хранившемся в канцелярии⁷².

Личные дела содержали сведения об образовании, вероисповедании, национальности, военном опыте, прохождении службы, полицейской подготовке, наградах, повышениях в звании и состоянии здоровья. Каждому шуцману присваивался личный номер наподобие тех, какие имели пресловутые «травниковцы», служившие в охране польских трудовых лагерей и лагерей смерти⁷³. Как и у «травниковцев», более высокий номер соответствовал более поздней дате призыва. Однако некоторые номера, по-видимому, брали от убитых или уволенных со службы. В округе Барановичи сохранилось некоторое количество таких личных дел, содержащих ценные сведения о составе шуцманств⁷⁴.

На Украине шуцманов набирали первоначально на срок до 31 декабря 1942 г., но в конце 1942 г. немецкие власти продлили службу в шуцманствах на неопределенное время, в соответствии с введением принудительной трудовой повинности на оккупированных территориях. Жалованье шуцманам выплачивалось в рейхсмарках в размере, зависящем от их звания и семейного положения, причем выходцы из Прибалтики по политическим причинам получали больше. В добавление к жалованью шуцманы обеспечивались бесплатно питанием с полицейской кухни. Семье шуцмана, убитого в бою с партизанами, назначалось пособие⁷⁵.

Согласно немецкому уставу шуцманство составляло неотъемлемую часть жандармского поста. Командир поста отвечал за всю деятельность шуцманства. Члены шуцманства не имели права арестовывать граждан Германии, проводить у них обыск и конфисковать их имущество. Это разрешалось только сотрудникам немецкой полиции. Шуцманы могли получать награды в размере до 100 рейхсмарок за выдающиеся достижения в интересах Германии и особенно в войне с партизанами⁷⁶.

Одной из задач, выполнявшихся шуцманствами с самого начала, была охрана общественных зданий, особенно ночью, от саботажа и нападений⁷⁷. Кроме того местной полиции поручалась охрана гетто с целью не допустить тайной передачи евреям продуктов и оружия, а также конвоирование евреев к месту работы за пределами гетто⁷⁸. В начале оккупации шуцманства занимались также обычными уголовными преступлениями — кражами, взломами и т. п. В этот период районные полицейские подразделения насчитывали всего около 30 человек — не на много больше, чем при польском или советском режимах. Однако с усилением партизанской войны к осени 1942 г. рутинная полицейская деятельность прекратилась⁷⁹. Отдельных полицейских, по свидетельству Освальда Руфайзена, иногда отправляли на помощь жандармам для проведения «специальных акций»: ««Специальной акцией» называлось уничтожение определенной группы людей. Первой группой, подпадавшей под эту акцию, были оставшиеся коммунисты, которые занимали руководящие партийные посты. Вторая группа включала евреев, оставшихся в деревнях в окрестностях Мира. Третью группу составляли бывшие военнопленные, оказавшиеся советскими. Четвертой группой была польская интеллигенция»⁸⁰.

Наибольшее влияние на местное население оказало, по-видимому, обращение с бывшими красноармейцами. Зимой 1941–42 гг. военный комендант Бреста издал приказ собрать всех советских военнопленных, работавших на окрестных фермах⁸¹. Имеются свидетельства, согласно которым многих бывших красноармейцев расстреляли, заподозлив их в том, что они партизаны⁸². В Несвиже близ Барановичей школьники видели, как местные полицейские вели советских военнопленных к месту казни недалеко от школы, и вскоре слышали выстрелы⁸³. Согласно протоколам послевоенных судебных разбирательств, местные полицейские и жандармы арестовали 20 бывших красноармейцев, которые жили и работали у крестьян в деревнях вокруг Полонки (юго-западнее Барановичей), отвели их под конвоем з Полонку и там расстреляли⁸⁴. Немцы хотели помешать этим людям убежать в лес к партизанам⁸⁵. Результат,

естественно, был прямо противоположным — многие действительно бежали и подняли оружие против своих преследователей.

Война между тем продолжалась, и задачи шуцманств становились все более разнообразными. Один рекрут кратко перечислил обязанности, которые он выполнял во время своей службы на посту в населенном пункте Гнивань (юго-восточнее Винницы). Он охранял здание полицейского участка и расположенный неподалеку лагерь, где содержались лица, уклонившиеся от депортации на работу в Германию или совершившие другие проступки. Он участвовал в аресте молодых людей из близлежащих деревень для отправки их в Германию. Летом 1943 г. его откомандировали в сельскую местность, чтобы заставить крестьян собрать урожай. Он конвоировал рабочих (обычно узников трудовых лагерей), которых отправляли ремонтировать дороги, участвовал в поисках партизан в лесах⁸⁶. К этому можно добавить сбор налога с крестьян (в форме продовольствия и скота) и участие в арестах и казнях партизан и их помощников.

Поскольку в сельской местности надзор жандармов над шуцманами носил довольно ограниченный характер, те творили там жестокий произвол. По словам одного шуцмана из района Мир, «все белорусские полицейские были наделены достаточной властью, чтобы арестовывать и расстреливать людей. Никто не мог запретить им это делать, и никто их за это не наказывал». Начальники полиции обладали еще большей властью⁸⁷. На допросах арестованных часто избивали, чтобы добиться информации⁸⁸. Есть немало заявлений о том, что белорусские полицейские Мира насиловали еврейских девушек⁸⁹. Отмечались многочисленные случаи несанкционированных сверху расстрелов; полицейские нередко использовали свое положение, чтобы свести личные счеты со своими соседями, ограбить их или просто порисоваться и похвастаться своим могуществом. И, разумеется, полицейские были не чужды обычных человеческих пороков. Вот что вспоминает один из них: «Я познакомился с А., когда он только поступил на службу в полицию. Я знал, что он часто злоупотреблял спиртным и очень любил общество проституток. В Несвиже говорили, что он бабник и пьяница»⁹⁰. Местные полицейские были также известны своим стремлением к личному обогащению⁹¹. Например, весной 1942 г. пять шуцманов из Браилова (Украина) были арестованы за грабеж во время проводившейся там антиеврейской акции⁹². В Киевском округе было много жалоб на шуцманов, которые действовали в своих личных интересах: говорили, что полицейские замечены в коррупции и шантаже: «полицейские часто нападают на жителей в состоянии алкогольного опьянения, что еще больше усугубляет общую неприязнь к ним». В том же докладе говорится, что для предот-

вращения подобных инцидентов не хватает жандармов⁹³. Естественно, жители не доверяли местным полицейским и боялись их⁹⁴.

Как лаконично выразился один переживший войну еврей, «добровольцы, по моему мнению, были бандитами и убийцами»⁹⁵. Другие считали их приспособленцами или обычными людьми, которых испортила полученная ими власть: «...Добровольцы-полицейские были совершенно нормальными людьми, и никто не мог себе представить, что они способны настолько измениться. Они превратились в настоящих зверей»⁹⁶. Один из жандармов, служивших в Миле, после войны вспоминал, что у него создалось впечатление, что местным добровольцам нравится расстреливать евреев⁹⁷.

Справедливость требует делать различие между первыми добровольцами, которые с самого начала связали свою судьбу с немцами, и рекрутами, которые были призваны позже и не проявляли особого рвения, особенно после того, как у них появилось сомнение в победе немцев. Добровольных вожakov щуцманства толкали на связь с немцами их антикоммунистические убеждения, с одной стороны, и честолюбие, с другой. Многие из них активно участвовали в кровавых акциях против евреев и родственников партизан⁹⁸. Что касается набранных по призыву полицейских, то они приняли присягу только осенью 1942 г. (т. е. уже после основных антиеврейских акций).

К этому времени у них не могло оставаться никаких сомнений относительно характера организации, в которую они вступали; однако, большинству здоровых мужчин призывного возраста приходилось выбирать между оплачиваемой службой в полиции, депортацией в Германию или уходом в леса к партизанам. Каждая из этих трех возможностей была чревата большой опасностью. Но для тех, кто не питал особой симпатии к коммунистам, служба в полиции, возможно, казалась предпочтительнее. Многие из этих людей выполняли приказы немцев без всякого энтузиазма, ибо заботились лишь о том, как бы выжить. Многие коллаборационисты, в том числе и некоторые добровольцы, показали, чего стоила их преданность немцам: оказавшись на Западе, они при первой же возможности дезертировали и бросали своих немецких господ.

Отличие первых добровольцев, которые ревностно служили немцам, продвигались по службе и получали унтер-офицерские чины, от новобранцев, мобилизованных по призыву, можно также усмотреть и в разном отношении к ним в полиции. Один из полицейских, захваченных партизанами, на допросе показал: «Мобилизованные получали 200 — 300 граммов хлеба в день. Еда была очень плохая, и если бы нас не перевели в Турец, со снабжением было бы

очень тяжело. Добровольцы питались отдельно. Их кормили очень хорошо. Если полицейский напивался, его избивали. А сами полицейские начальники были пьяны каждый день»⁹⁹.

Рост численности полицейских подразделений частично объясняется попытками немецких властей помешать молодым людям примкнуть к партизанскому сопротивлению. В некоторых областях Украины наиболее массовый призыв в полицию проводился в 1943 г. Например, в январе 1943 г. численность взвода жандармерии в Казатине (Житомирский округ) составляла 170 шуцманов, а в августе того же года она почти удвоилась и составляла уже 330 человек¹⁰⁰. Общее число шуцманов в том же Житомирском округе выросло с 5.682 человек в ноябре 1942 г. до 9.400 в 1943 г. Однако в 1943 г. это сочли недостаточным главным образом потому, что шуцманства оказались ненадежными¹⁰¹. По мере усиления партизанской войны немцам становилось все труднее находить подходящих рекрутов.

Аналогичная картина наблюдалась и в Белоруссии. Судя по количеству выданных удостоверений, в сельской местности вокруг Барановичей вплоть до лета 1942 г. служило всего около 300 шуцманов. К ноябрю 1942 г. там уже было 816 шуцманов и 71 жандарм, а к июню 1944 г. это число более чем удвоилось и составляло 2.263 человека. Многих из тех, кто был призван в полицию позже, откомандировали в мобильные подразделения численностью свыше сотни каждое (поисковые взводы I и II), которые базировались в Барановичах и из которых было труднее дезертировать¹⁰².

Жандармерия и полиция охраны порядка (*Schutzpolizei*) тоже были рассредоточены по такой обширной территории, что в некоторых областях на каждом главном районном посту числилось всего по три или четыре жандарма¹⁰³. Многими более мелкими постами командовал всего один немец, а кое-где немцев не было совсем. Были изданы специальные инструкции, предписывавшие назначать начальниками постов наиболее энергичных жандармов¹⁰⁴, которым надлежало наблюдать за своими местными подчиненными. Но на практике немцы были часто загружены канцелярской работой, а поэтому предоставляли широкую инициативу местным полицейским начальникам. Гражданская администрация Бреста жаловалась, что из 44 офицеров полиции охраны порядка, служивших в городе, ровно половина занята бумагами, а для выполнения конкретных полицейских обязанностей едва ли можно найти какого-либо немецкого полицейского¹⁰⁵.

Поскольку жандармерия и шуцманства были встроены в почти автономную немецкую полицейскую структуру, подчиненную Гиммлеру как главе всей немецкой полиции, они неизбежно втяги-

вались в конфликты с гражданской администрацией по вопросам разграничения компетенции и юрисдикции. Ведомства гражданской администрации формально подчинялись Министерству по делам оккупированных восточных территорий Розенберга, тогда как практически всем распоряжались своевольные комиссары Эрих Кох и Генрих Лозе. Гитлер специально позаботился о том, чтобы между соперничающими полицейскими ведомствами не было четкой и ясной субординации.

В директивах, изданных в ноябре 1941 г., говорится, что окружные комиссары могут давать технические указания окружным руководителям СС и полиции¹⁰⁶. Однако офицеры немецкой полиции на местах большей частью игнорировали эти указания¹⁰⁷. По этому поводу в архивах можно найти буквально горы переписки, отражающей соперничество различных ведомств по вопросам компетенции и юрисдикции. На практике этот дуализм нарушал согласованность различных аспектов немецкой политики. В некоторых местах, например, в Слониме, окружной комиссар наряду с шуцманством даже обзавелся собственной охраной¹⁰⁸.

После поступления на службу в полицию шуцманы проходили начальную строевую и стрелковую подготовку. Однако ввиду недостатка опытных унтер-офицеров некоторых шуцманов посылали на подготовительные курсы в специальные школы, организованные в каждом округе¹⁰⁹. Такие школы были в Малорыте (Брестский округ), Вилейке (Западная Белоруссия, *Weißruthenien*) и Погребнице (Житомирский район). Курсы длились до восьми недель¹¹⁰. Шуцманов сортировали согласно их успехам, и подходящие кандидаты отбирались для работы в качестве инструкторов¹¹¹.

Обучение включало и политическую подготовку¹¹², причем тематика занятий носила откровенно антисемитский характер, например: «Общий враг европейских народов — еврей!» Более детально тема раскрывалась в следующих подпунктах: «Евреи на руководящих постах в Советском Союзе», «Еврей-комиссары. Евреи подлежат уничтожению», «Адольф Гитлер в обращениях к народу раскрывает глаза на еврейскую опасность», «Народ обретет силу и счастье после изгнания евреев»¹¹³. Следует, однако, отметить, что эта антисемитская обработка началась только с осени 1942 г., когда во многих областях гетто были уже ликвидированы. Если учесть, что материал преподносился полуграмотной аудитории через переводчика, эффективность подобной пропаганды представляется весьма сомнительной.

Шуцманы были значительно моложе жандармов. Согласно приблизительным подсчетам, проведенным в районе Мир, в 1944 г.

около 50% шуцманов были моложе 25 лет, 43% были в возрасте от 25 до 35 лет, и только 6% — старше 35 лет (см. табл. 4.2). Местные организации самообороны, созданные во многих деревнях Белоруссии к 1943 г. («Самоохова»), состояли в основном из мужчин старше 35 лет, которые действовали как защита от нападений партизан, но в рейдах и патрулировании участия обычно не принимали¹¹⁴.

Таблица 4.2
Возрастной состав полицейского подразделения
в районе Мир в 1944 г.

Год рождения	Другие чины	Унтер-офицеры (начиная с капрала)	Всего	% (где известно)
до 1910	13	—	13	6,2
1910–14	35	4	39	18,7
1915–19	45	5	50	23,9
1920–24	94	3	97	46,4
после 1925	10	—	10	4,8
неизвестно	131	1	132	—
Всего	328	13	341	100,0

Источник: WCU 93/1 Appendix II/1–11

Род деятельности, национальная принадлежность и образование шуцманов были приблизительно такими же, как у всего населения территории (естественно, за исключением евреев). Прежде всего, следует подчеркнуть, что большинство людей, поступавших в полицию по призыву начиная с лета 1942 г., были очень молоды (от 17 до 21 года), так как более старший контингент был ранее призван в Красную армию. Сотрудники местной полиции в Барановичах были в основном этническими белорусами (около 75%) и православными. Католики-поляки составляли около 20% (в это число не входят те, кто подвергся чистке зимой 1941–42 г.). Остаток составляло несколько русских и татар. Исторически сложилось так, что в районе Барановичей было довольно многочисленная татарская

мусульманская община. Много татар служило в полиции Несвижа и Слонима¹¹⁵.

В Брестском округе (ныне Белоруссия) самую многочисленную группу составляли этнические украинцы. В местной полиции их было около 70%. Поляков было 20%, остальные были русские и белорусы. Многие шуцманы-поляки тайно состояли в польской подпольной организации. Позже некоторые из них дезертировали и присоединялись к польским партизанам. Узнав об их подпольной деятельности, немцы некоторых расстреляли¹¹⁶.

Согласно имеющимся источникам приблизительно 75% полицейских (как и следовало ожидать в сельской местности) были фермерами и крестьянами. 20% до поступления в полицию занимались ремеслом (кузнец, трубочист, мельник, автомеханик, мясник, плотник). Менее 5% имели образование выше начального, двое служили учителями и один — органистом (см. таблицу 4.3).

Таблица 4.3
Профессиональный состав 100 местных
полицейских округа Барановичи

Сельское хозяйство	74
Ремесла	(20)
кузнец	2
трубочист	1
плотник	4
маляр	1
монтер	1
слесарь	1
дубильщик	2
автомеханик	1
мясник	1
мельник	3

портной	3
Свободные профессии'	(4)
органист	1
инженер по дорожному строительству	1
учитель	2
Специальности не имеет	2
Всего	100

Источник: WCU 93/1 Appendix II/1–11 и 91/143 Appendix II/1.

Унтер-офицерами чаще всего назначали тех, кто владел каким-либо ремеслом или получил более основательное образование, например, сыновей священников. Некоторые рекруты были так молоды, что до призыва вообще не работали, и в этом случае в документах указывалась профессия отца; другие указывали работу в хозяйстве родителей. На продвижение по службе в шуцманстве влияли образование и прежняя профессия рекрутов. При этом определенными преимуществами пользовались поляки, которые при польском режиме до 1939 г. занимали более высокое социальное положение и имели более высокое образование.

Из таблицы 4.2 видно, что возрастная группа рождения 1914–1920 гг. представлена относительно слабее — отчасти вследствие призыва в Красную армию, отчасти как результат понижения рождаемости в период войны и революции. Дезертиров из Красной армии и военнопленных, освобожденных из лагерей, в шуцманствах было очень мало — немцы относились к ним весьма подозрительно. Даже тех, кто дезертировал из партизанских отрядов, могли скорее расстрелять как шпионов, нежели принять в местную полицию, да и то лишь в том случае, если кто-нибудь из шуцманов готов был за них поручиться. Тем не менее, некоторые шуцманы все же были агентами партизан и через своих помощников — местных жителей — тайно передавали партизанам информацию. Под конец такие агенты большей частью бежали к партизанам, в качестве прощального подарка совершив какой-нибудь акт саботажа¹¹⁷. Впрочем, за эту опасную двойную игру некоторые агенты поплатились жизнью.

Сколько важным мотивом для участия жандармов и шуцманов в антиеврейских акциях был антисемитизм? Ответ на этот вопрос следует давать с осторожностью, учитывая неадекватность имеющихся источников. В конечном итоге мы никогда не сможем узнать, что творилось в головах убийц и какой из ряда возможных мотивов их поведения был решающим. Обобщенная характеристика тех, кто служил в полиции по охране порядка, как «добровольных палачей», движимых главным образом антисемитизмом, на мой взгляд отнюдь не отражает весь спектр поведенческих моделей, о которых свидетельствуют источники¹¹⁸. Более убедительным представляется дифференцированный подход Кристофера Браунинга. Он потрясен способностью «обычного человека» приспособиться к повседневному убийству, но при этом ему удастся выявить различные типы поведения и многообразие мотивации в рамках группы в целом¹¹⁹.

В этом отношении интересно свидетельство Освальда Руфайзена, еврейского шпиона, который впоследствии принял католичество и стал священником. Руфайзен отмечает, что поддерживал хорошие отношения с начальником полиции города Мир, жандармским офицером (*Gendarmerie Meister*) Рейнгольдом Хайном. Руфайзена ставила в тупик очевидная порядочность Хайна, при том, что именно он нес ответственность за исполнение приказов об уничтожении евреев и других групп населения¹²⁰. Заместитель Хайна Шульц был настоящим зверем; сам же Хайн служил в полиции до прихода к власти нацистов, когда в Германии еще соблюдался закон и порядок, и исправно выполнял приказы об уничтожении, он по крайней мере старался смягчить эффект этих чудовищных акций¹²¹. Из 12 полицейских Мира двое или трое ни разу не участвовали в расстрелах¹²². Руфайзен также отмечает, что за исключением одного случая никогда не слышал антисемитских высказываний от других жандармов, с которыми часто питался за одним столом¹²³. Этот явно независимый, хотя и краткий рассказ об одном полицейском участке подтверждает аналогичные выводы Браунинга о положении в 101 запасном полицейском батальоне¹²⁴.

Следует также, основываясь на многочисленных показаниях местных жителей, использовать тщательно дифференцированный подход к шуцманам в Мире. Некоторые из первых добровольцев, известных своим антисемитизмом еще до немецкой оккупации, были среди наиболее активных участников расстрелов евреев, а затем и родственников партизан. Однако в Мире и его окрестностях, судя по свидетельствам как евреев, так и не-евреев, отношения между общинами до немецкого вторжения были вполне «нормальными», хотя антисемитизм и существовал. Многие свидетели говорили,

что в период немецкой оккупации шуцманы — как это ни странно — по отношению к евреям и другим местным жителям вели себя хуже немцев¹²⁵. Унижения и избиения евреев стали повседневным явлением особенно после того, как прояснилась общая немецкая политика дискриминации евреев. Однако в показаниях о побоях и убийствах постоянно всплывает лишь несколько имен. Остальные полицейские, по-видимому, проявляли меньше рвения и использовались лишь в качестве охранников и вообще старались по возможности избегать неприятностей. На таких полицейских участках, как в Мире, узников время от времени расстреливали. Этим обычно занималась небольшая группа добровольцев из числа местных полицейских¹²⁶. Действия одной такой группы описал бывший секретарь полиции, тайно работавший на партизан: «Полицейские могли убить или избить кого угодно без всякой причины... Чтобы оправдаться перед жандармами, достаточно было заявить, что убитый был партизаном или коммунистом. Они убивали людей, чтобы доказать свою верность немецким властям. Эти люди упивались убийствами... В Мире убили очень много народу, большей частью по подозрению в связях с партизанами. Сам я расстрелов не видел, но знаю, где они происходили»¹²⁷.

Впрочем, бывали случаи, когда местные полицейские помогали евреям или, по крайней мере, не мешали им спастись¹²⁸. О начальнике одного полицейского участка в Белоруссии Руфайзен говорит, что особым антисемитизмом он не отличался, а приказы послушно выполнял, потому что был уверен в победе немцев и надеялся на повышение по службе и награды¹²⁹. Среди других мотивов можно упомянуть жадность и чувство мести по отношению к Советской власти.

Глубинный антисемитизм местного населения, несомненно, обостряла анархия, характерная для военного времени, как это было во время революции и Гражданской войны в России. Воспоминания евреев из Давидгородека подчеркивают, что рост антисемитских настроений среди «местных христиан» отчасти можно объяснить одобрением, с которым евреи отнеслись к приходу Красной армии в 1939 г.¹³⁰ Немецкая пропаганда успешно приравнивала евреев к большевистскому заговору, хотя всякому было очевидно, что большинство евреев являются самыми обычными обывателями, занятыми только торговлей и ремеслом. О глубоко укоренившемся антисемитизме местного населения свидетельствует и тот факт, что некоторые партизанские отряды вылавливали и убивали евреев и таким образом способствовали осуществлению чудовищной немецкой политики геноцида.

Жандармерия и шуцманства представляли собой своего рода острие немецкой администрации, укреплявшее жестокий оккупа-

ционный режим. Местные полицейские рассматривались как орудие местного террора от имени Германии, проводя в жизнь немецкую политику геноцида и террористического «возмездия»¹³¹. Информация об истории и составе этих структур необходима для понимания характера служивших в них людей и мотивов, которыми они руководствовались. Когда летом 1942 г. появились приказы ликвидировать оставшиеся гетто, шуцманства и жандармерия собирали евреев и стояли в оцеплении при расстрелах. Некоторые жандармы и местные полицейские также принимали участие в расстреле уцелевших евреев, которых они находили в лесах и в гетто. Нет сомнения в том, что многие местные полицейские с наслаждением выполняли немецкие приказы, однако, следует отметить, что их мотивы и степень их участия в убийствах разнились в зависимости от обстоятельств. Чтобы понять истинную природу сообщничества местного населения в Холокосте, необходимо пристальное рассмотрение событий, происходивших во время ликвидации гетто летом и осенью 1942 года.

«ЛИКВИДАЦИИ» ГЕТТО. 1942–1943 гг.

Если о массовых убийствах 1941 г. имеются многочисленные доклады эйнзатцгрупп, то о «ликвидациях» гетто в 1942 г. известно гораздо меньше. На территориях, находившихся под управлением городской администрации (Западная Белоруссия, *Weißruthenien*, и западные районы Рейхскомиссариата Украина) большинство евреев было убито именно в ходе «второй волны» 1942 и 1943 гг.¹ Более того, эти «ликвидации» были тотальными. Лишь небольшое количество евреев не было затронуто этими «акциями», но через несколько месяцев были уничтожены и они. Большую часть жертв составляли старики, женщины и дети. К концу 1942 года в указанных районах осталось лишь несколько «трудовых гетто».

Акции «второй волны» обычно координировались офицерами полиции безопасности, откомандированными из канцелярий *KdS* или с аванпостов в больших городах (их часто называют эсэсовцами или сотрудниками СД). Именно они, согласно данным следственных дел, проводили расстрелы в ямах². Однако совершенно очевидно, что для расстрела сотен людей, конвоирования их к месту казни и охраны требовался многочисленный персонал. Почти все служащие немецкой нацистской администрации, по-видимому, знали о происходящем и могли в любой момент быть призваны на помощь. Это относилось и к самой гражданской администрации (*Gebietkommissariat*, окружной комиссариат), и к подразделениям Организации Тодта (*Organization Todt*, трудовая служба), и к жандармерии, и к другим полицейским или воинским подразделениям, находящимся по соседству³. Именно так к участию в расстрелах были привлечены некоторые венгерские и словацкие подразделения, а также литовские охранники, расквартированные в Житомирской области в целях поддержания безопасности⁴. Но наиболее многочисленной силой была местная полиция (*Schutzmannschaft-Einzeldienst*), которая вполне исправно выполняла свои задачи.

В ходе «второй волны» немцы уже не могли использовать элемент неожиданности. Евреи начали тщательно готовиться к тому, чтобы скрыться и уйти в леса. Кое-где части, осуществлявшие зачистки гетто, наталкивались на вооруженное сопротивление и по-

пытки массового бегства. Ключевую роль в обеспечении этих акций играли местные полицейские. Часто накануне акции их использовали для блокирования выходов из гетто. Они принимали активное участие в очистке гетто и имели недвусмысленный приказ расстреливать каждого, кто оказывал сопротивление или пытался бежать⁵. Массовые расстрелы в ямах обычно организовывали и проводили небольшие отряды полиции безопасности, но иногда в расстрелах участвовали и местные полицейские⁶. Особенную активность шуцманства проявляли в прочесывании опустевших гетто после массовых акций и в расстрелах тех, кто сумел спрятаться или был пойман в лесу.

Зимой 1941–42 г. наиболее масштабные расправы над евреями на востоке проводились эйнзатцгруппами и поддерживающими их подразделениями на территориях Белоруссии, России и Украины, подконтрольных военной администрации. На территориях, находившихся под управлением гражданской администрации, расправ над евреями до наступления весны было немного. Эту отсрочку можно объяснить несколькими причинами. Как сообщается, холодная погода затрудняла выкапывание ям; кое-где для подготовки могил применялся динамит⁷. Вследствие критического положения на фронте в декабре 1941 г. некоторые полицейские батальоны и подразделения СС, ранее участвовавшие в антиеврейских операциях в тылу, были отправлены на фронт, чтобы укрепить немецкие позиции⁸. В то же время в некоторых районах гражданская администрация жаловалась на эксцессы, связанные с антиеврейскими операциями, и на потерю ценной рабочей силы⁹. Руководство СС не желало, чтобы экономические соображения препятствовали достижению его расовых целей, но, несмотря на это, «селекция» квалифицированных работников практически продолжалась даже во время акций 1942 г.

Обитатели гетто все еще были в шоке после массовых расправ осенью 1941 г. Зимой немцы закончили операцию по очистке сельской местности (*das flache Land*) от евреев, живущих в разбросанных мелких местечках. Как было показано выше, в районе Слонима подразделения вермахта убили евреев в нескольких деревушках¹⁰. В конце 1941 г. гражданская администрация издала приказы, согласно которым все еврейские общины с населением менее 1000 человек надлежало собрать в главные гетто. Окружной комиссар Слонима обратился к местному военному коменданту Глюку с просьбой по-прежнему содействовать процессу переселения евреев. Глюк, однако, ответил, что в данный момент это невозможно ввиду отсутствия необходимого транспорта¹¹.

В окрестностях Мира небольшой отряд шуцманов под командованием жандарма Вилли Шульца проводил зачистку мелких деревень вокруг районного центра. Роль местных полицейских в этих акциях была решающей, ибо только они могли опознать евреев¹². Эти операции довольно подробно описаны в книге Нехамы Тек, основанной на многочисленных свидетельствах Освальда Руфайзена¹³, которые недавно были подтверждены показаниями многих свидетелей из числа местных жителей.

Первая акция была проведена около 16 января 1942 г. в деревне Кринично, в 16 км севернее Мира. Полицейский отряд примерно из 10 человек отправился в деревню на санях, по дороге прихватив пару еврейских семей в деревне Бережно. Один местный житель, позже ставший партизаном, видел, как они приехали: «Примерно в полдень я выглянул в окно моего дома и увидел, как со стороны Мира к Бережно приехали двое саней, запряженных лошадьми. На первых санях сидело четыре человека, управлял санями полицейский, а за ним сидел немец в зеленой форме... На вторых санях сидело несколько полицейских в темных шинелях. Они были вооружены винтовками»¹⁴.

Этот человек убежал и спрятался в лесу. Примерно через час он услышал несколько выстрелов. Когда он вернулся домой, ему сообщили, что евреев убили.

Руфайзен вспоминает: «Когда мы приехали в Кринично, семьи из Бережно и всех евреев из Кринично собрали в одной комнате в доме одного еврея. Шульц записывал всех евреев, за которых он отвечал или сам убивал. У него был блокнот. В этой комнате был 21 еврей... Шульц вслух пересчитал всех евреев моложе 16 лет и записал в этот блокнот: "acht Stück bis sechzehn Jahre" (восемь штук моложе шестнадцати)...»¹⁵

После этого евреев вывели во двор и поставили за сарай. По словам Руфайзена, их гнали как «овец на заклание». Ему удалось отлучиться, чтобы не видеть расправы. Услышав выстрелы, он вернулся и увидел, что евреи лежат на снегу. Полицейские поднимали ноги у тел и отпускали их, чтобы убедиться, что они мертвы¹⁶. Единственная выжившая в Кринично, Эстер Городейска, в этот день ушла в Мир, чтобы выяснить содержание зашифрованного предупреждения, полученного от еврейского совета (*Judenrat*). Вернувшись домой, она узнала, что уцелел только ее брат. Когда приехали полицейские, его, к счастью, не было дома¹⁷.

Спустя две недели, 2 февраля 1942 г., аналогичная операция против евреев была проведена в Долматовщине и в соседних деревнях к западу от Мира. На этот раз жандармы и полицейские прибыли на

место двумя отдельными группами, чтобы охватить все разбросанные на этой местности еврейские общины. В деревне Луки Шульц лично застрелил семерых евреев после того, как Освальд Руфайзен отказался их расстреливать. Еще 41 еврея, которых собрали по дороге, расстреляли в Долматовщине, где местным жителям было приказано вырыть и засыпать могилы. Убежать и спрятаться удалось лишь нескольким евреям, в том числе одной девушке, которая ускользнула, прощаясь со своей подругой. Один еврей спрятался за сугробом, но его нашли и расстреляли вместе с остальными¹⁸. С помощью местных жителей в лесу до сих пор можно найти могилы евреев из маленьких общин Кринично и Долматовщины¹⁹.

На большей части подведомственных ей территорий гражданская администрация очищала сельскую местность, не расстреливая евреев, которые жили в деревнях, а переселяя их в ближайшие большие гетто. Так поступили с евреями из деревень вокруг Камень-Каширска и Бреста в Рейхскомиссариате Украина²⁰, а также с жителями Новогрудка севернее Мира. В циркуляре от марта 1942 г., разосланном всем бургомистрам и сельским старостам района, окружной комиссар Новогрудка Трауб приказал шуцманам доставлять в Новогрудок всех евреев, обнаруженных в деревнях²¹.

Гетто в Западной Белоруссии и на Украине создавались по-разному. Некоторые военные коменданты приказывали выделить для проживания евреев изолированные места уже в первые недели оккупации, когда они вводили для евреев первоначальные ограничения. В других случаях (в таких городах, как Брест) четко обозначенные территории гетто, обнесенные забором с колючей проволокой, были созданы только в декабре 1941 г.²² В некоторых мелких городах гетто оставались более или менее открытыми достаточно долго в течение 1942 г.²³ Так, Генеральный комиссар Волыни—Подолья приказал запереть гетто в марте 1942 г.²⁴, а немецкие власти Мира заключили оставшихся 800 евреев в замок лишь в мае 1942 г.²⁵

В Несвиже гетто было создано сразу после первой акции. По словам Шаломы Холавски, оно было около 150 метров в ширину и 250 метров в длину. Находившиеся здесь несколько деревянных домов и пять кирпичных синагог были окружены забором²⁶. Для согнанных сюда еще оставшихся в живых евреев жизнь вновь вернулась к своей суровой повседневности; Холавский вспоминает лишь о двух смертях в первые месяцы после акции²⁷. В мелких сельских гетто от голода умирали редко — там можно было выменять что-нибудь съестное у крестьян или тайно пронести продукты извне²⁸. Однако даже мелкие инциденты могли закончиться смертью. Освальд Руфайзен видел, как в Мире расстреляли четверых евреев по

характерному обвинению во владении обрезком кожи или курицей²⁹. Смерть могла грозить всякому, кого застали вне гетто не за работой. Так, в Полонке местные полицейские расстреляли несколько еврейских женщин и детей, бежавших из Барановичского гетто³⁰.

К марту и апрелю 1942 г. в некоторых районах, находившихся под контролем гражданской администрации, было рекомендовано провести массовые расстрелы евреев. В Барановичах новая крупная акция была проведена в начале марта 1942 г. По приказу начальника полиции безопасности Вальдемара Амелунга более 2000 евреев согнали на выемку железнодорожного пути за чертой города и там расстреляли³¹. Согласно протоколам послевоенных судебных процессов в Виннице, немцы расстреляли несколько тысяч евреев 16 апреля 1942 г.³² На Украине, особенно на Волыни, многие из оставшихся евреев пережили осеннюю волну убийств — там, в мастерских вермахта, все еще работало много еврейских специалистов³³.

С начала 1942 г. совместными усилиями всех немецких нацистских ведомств была предпринята операция по «ликвидации» евреев, еще оставшихся в Генеральном комиссариате Житомир. Цель ее, по-видимому, заключалась в том, чтобы очистить местность от евреев к лету 1942 г., когда Гитлер собирался переехать в свой только что построенный секретный полевой штаб в районе Винницы, лагерь «Вервольф»³⁴. В документах Имперской службы безопасности (*RSD*), служившей личной охраной Гитлера, говорится о расстреле большого количества евреев в январе 1942 г. недалеко от строящегося бункера Гитлера близ Винницы. В этой операции участвовала и местная полиция безопасности³⁵.

Более мелкие еврейские общины Житомирского округа стали жертвой убийственной «волны» расстрелов в первой половине 1942 г. Подробные свидетельства об этих акциях можно найти в протоколах послевоенных судебных процессов. В начале лета 1942 г. в местечке Гнивань близ Винницы было убито около 100 евреев, в том числе женщины и дети. На рассвете немецкие и литовские охранники лагеря военнопленных совместно с жандармами и украинскими шуцманами выгнали евреев из их домов, построили в большую колонну и повели в лес. На строительной площадке всего в нескольких сотнях метров от деревни была заранее вырыта яма. Здесь евреев расстреляла немецкая служба безопасности (*СА*) из Винницы. Одному еврею во время облавы удалось спрятаться, и в 1991 году он смог показать место расправы австралийским следователям³⁶.

Аналогичные расстрелы полиция безопасности провела и в других городах и деревнях Генерального комиссариата Житомир, например, в Ружине, Ильинцах, Липовце, Браилове и Хмельнике³⁷.

В оперативной сводке Житомирского Генерального комиссариата от 3 июня 1942 г. говорится: «В подведомственном мне районе еврейский вопрос в основном решен. Тот факт, что ценная рабочая сила часто уничтожается, широко известен. В населенном пункте Ильинцы переселено 434 еврея, в Ружине — 606»³⁸. После войны советские власти зафиксировали следующее признание бывшего начальника полиции в Самгородке: «В июне 1942 г. я вместе с немцами участвовал в расстреле евреев. Было расстреляно около 500 человек, включая детей, женщин и стариков. Мое участие в уничтожении еврейских жителей Самгородка заключалось в том, что я и полицейские, которыми я командовал, выгнали евреев из их домов и собрали всех в здании школы. Я отобрал специалистов, которых немцы должны были использовать на различных работах, и под моим командованием полицейские Самгородка строго охраняли евреев во время расстрела»³⁹.

Подобные признания можно рассматривать как исторические свидетельства лишь с большой осторожностью. Однако если сопоставить их с другими источниками, можно утверждать, что участие местной полиции в «ликвидациях» гетто не подлежит сомнению. Согласно немецким документам того времени, в 1943 г. украинский шуцман В. П. в Самгородке был представлен к награде за то, что он «особенно отличился в операциях по переселению евреев в июне 1942 г., а затем в поимке отдельных евреев, пытавшихся разными способами скрыться»⁴⁰.

Другие приказы и переписка подразделений житомирской жандармерии этого периода подтверждают общую схему. Начальник винницкой жандармерии в июне 1942 г. издал приказ, запрещающий жандармерии использовать труд евреев. 14 июня начальник окружной жандармерии в Ружине в ответ сообщил, что на его постах евреев уже не осталось, и подтвердил, что все подчиненные ему начальники постов получили на этот счет специальные инструкции⁴¹. Было также строжайше запрещено фотографировать во время «эзекуции»⁴². Большая часть оставшихся в живых специалистов не надолго пережила летние расправы. В начале августа полиция безопасности в Бердичеве расстреляла более 300 еврейских рабочих, причем место расправы охраняла украинская «милиция»⁴³. В Ружине служба безопасности (СД) 1 октября 1942 г. расстреляла 44 еврея⁴⁴.

Письмо начальника одного из жандармских постов в районе города Каменец-Подольский (западнее Винницы), также датированное июнем 1942 г., раскрывает характер выполнявшихся полицией задач: «Каждую неделю 3–4 акции. Иногда это цыгане, в других случаях

евреи, партизаны и прочая шваль. Очень хорошо, что теперь у нас тут имеется подразделение СД [*SD Außenkommando*], с которым я прекрасно сработался. Всего 8 дней назад один украинский полицейский был убит самым зверским образом. Причина: он погнал евреев работать на минное поле. Евреи столкнулись с партизанами и убили этого полицейского»⁴⁵.

В южной Украине оставшиеся евреи тоже были «ликвидированы» к лету 1942 г. В марте местная полиция участвовала в расстреле более 100 евреев в Каменке (Черкасский округ)⁴⁶. В апреле все мужчины-евреи из Сталиндорфа (Херсонский округ) были отправлены на строительство шоссе Днепропетровск — Запорожье, а 29 мая каратели расстреляли оставшихся там женщин и стариков⁴⁷. В июне в районном центре Устиновка окружной комиссар (*Gebietskommissar*) приказал жандармам и шуцманам арестовать и доставить в местный полицейский участок около 30 евреев из окрестных деревень. Еще около 30 евреев было доставлено из соседнего городка Бобринец.

В деревне Израйловка недалеко от Устиновки проживало около 60 евреев. Начальник поста жандармерии в 2 часа ночи приказал маленькому отряду полицейских из Устиновки отправиться в Израйловку и «немедленно, не более чем за 3 или 4 часа, собрать всех евреев и доставить их в здание школы»⁴⁸. В нескольких километрах от Израйловки близ Ковалевки у дороги на Устиновку была заранее подготовлена могила.

Утром всех евреев от мала до велика собрали в Устиновке и Израйловке и под охраной пригнали к этой могиле. Здесь им приказали раздеться, после чего полиция безопасности, жандармерия и шуцманы всех расстреляли. Место казни было оцеплено по периметру охранниками. На акции присутствовали сам окружной комиссар и сельскохозяйственный администратор⁴⁹.

После утренней расправы с «расово чистыми» евреями нескольких полицейских послали обратно в Израйловку за двадцатью детьми от смешанных браков. В 1991 г. группа судебно-медицинских экспертов по заданию Австралийского отдела социальных расследований произвела эксгумацию еврейской братской могилы близ Устиновки. Сверху лежали скелеты 19 детей в возрасте до 11 лет. Под ними был обнаружен слой земли, под которым находились останки приблизительно сотни взрослых⁵⁰.

Летом 1942 г. в Белоруссии были «ликвидированы» почти все оставшиеся гетто. В докладе отряда *Waffen SS*, прикомандированного к посту полиции безопасности в Вилейке, перечисляется несколько операций, проведенных в северной части Западной Белоруссии.

В ходе акций 28 апреля в Кривичах, а также 29 и 30 апреля в Долгинове была убита только часть евреев. «Акция в Долгинове отличалась тем, что евреи заранее подготовили себе надлежащие бункеры в качестве убежища. Нам пришлось целых два дня обыскивать и очищать гетто частично с помощью ручных гранат». 10 мая была предпринята еще одна акция — в Воложине — а после этого, 21 мая, заключительная операция в Долгинове. Отдел *Waffen SS* доложил, что «еврейский вопрос в этом городе окончательно решен»⁵¹.

Волна убийств докатилась до округа Глубокое. 29 мая было «ликвидировано» гетто в Докшицах, где проживало 2653 еврея. Евреи так хорошо спрятались в гетто, что потребовалась целая неделя, чтобы извлечь последнего из них. Окружной комиссар продолжал рапортовать: «1 июня 1942 г. гетто в Лужках (528 евреев) и в Плиссе (419 евреев) ликвидированы; днем позже — гетто в Миорах (779 евреев). Здесь евреи предприняли широкомасштабную попытку побега. Убежало, по-видимому, 70 или 80 человек»⁵².

Представление об отчаянном сопротивлении евреев на месте расстрела в городе Миоры можно получить из сообщения одного автора: «Везде раздавались крики и выстрелы. Молодые евреи прорвали кордон вокруг массовой могилы и кинулись врассыпную. Некоторые бросились на немцев с кулаками. Михаэль увидел немца, лежащего без сознания на земле. Он оттолкнул в сторону другого немца. Потом он почувствовал удар в спину. Он упал, встал, снова побежал и снова упал. Вслед ему свистели пули. Он оторвался от немца, но бежал все дальше и дальше к лесу, словно подгоняемый какой-то таинственной силой — лучше жить среди диких лесных животных, чем среди “цивилизованных” людей, превратившихся в диких зверей»⁵³.

Жестокая волна убийств продолжилась спустя два дня, 3 июня, когда в Браславе было «ликвидировано» 2000 евреев. Еще через несколько дней последовали акции в Дисне (2181 еврей) и в Друе (1318 евреев). Их проводила полиция безопасности с помощью жандармов из Вилейки. Оба этих гетто вскоре после начала акции загорелись и сгорели дотла. Акции проводились также в Глубоком и Шарковщине, причем в Глубоком немцы оставили в живых квалифицированных рабочих и специалистов, работавших на вермахт⁵⁴.

Разделение труда между теми, кто участвовал в этих акциях, описано в «Книге памяти города Глубокое». Полиция безопасности приезжала, в течение нескольких часов производила расправу, а затем уезжала. «Неоконченную работу завершала местная полиция. Местные белорусы и поляки в их черной “вороньей” форме целыми днями и даже неделями разыскивали спрятавшихся евреев и затем

их убивали. Они искали несчастных евреев в домах, на чердаках, в канавах, в окрестных лесах и в других подобных местах. Тех, кто отлучился в поимке евреев, немцы щедро награждали»⁵⁵.

Неожиданным провалом закончилась немецкая операция против гетто 9 июня 1942 г. Возвращаясь с акции в городе Налибоки, команда полиции безопасности из города Барановичи попала в партизанскую засаду и была полностью уничтожена. Погибло 10 немцев и 11 литовцев, прикомандированных к полиции безопасности⁵⁶. До этого партизаны обычно уклонялись от встреч с немцами, не считая мелких патрулей. Теперь немцы стали более осторожно проводить акции.

Летом 1942 г. недалеко от Барановичей была организована еще одна акция — на этот раз в городе Новая Мышь. Бывший полицейский рассказывает: «Немцы прибыли из Барановичей в сопровождении литовского “расстрельного взвода”. Полиция собрала всех евреев в одно место. Акцией руководил [начальник полиции] — называвший себя белорусом. Представителем СД был лейтенант Амелунг. Новую Мышь окружили кордоном, чтобы евреи не могли убежать. В городе была рыночная площадь, на которой находилась пожарная часть, куда и собрали евреев. Полицейских прислали с окрестных участков... Евреев вывели из пожарной части за рощу и там расстреляли. Казнили несколько сотен — кажется, 600»⁵⁷.

Судя по показаниям очевидцев, несколько евреев было расстреляно местными полицейскими во время облавы и на следующий день⁵⁸. Место расстрела охранял плотный кордон из немецкого «специального подразделения». Чтобы предотвратить вмешательство партизан, вокруг были установлены пулеметы⁵⁹.

Как осуществлялось сотрудничество разных немецких ведомств, вовлеченных в очистку гетто, можно судить по событиям в Слониме. В конце июня 1942 г. после недавних потерь в районе города Барановичи в Слоним для участия в крупной операции прибыл отряд *Waffen SS* и полиции безопасности из *KdS* Минска⁶⁰. Им помогали местные полицейские, служащие вермахта, литовцы и сотрудники окружного комиссариата⁶¹. Здесь немцы, по-видимому, нарочно подожгли дома, чтобы выгнать оттуда спрятавшихся евреев. Один оставшийся в живых еврей вместе со своим братом спрятался в дровяном сарае рядом с домом, где скрывалась вся их семья. Отсюда он увидел приближающуюся группу немцев и литовцев. «Немцы командовали и, угрожая оружием, орали: “Juden raus!” [“Евреи, выходите!”], но никто не вышел. Тогда был отдан приказ бросить в дом зажигательные шашки, и дом загорелся. Все это мы видели сквозь щели в дощатой стене нашего убежища. В погребе под кухней мест

на всю семью не хватало, и некоторые залезли на чердак. Я увидел, как мой двоюродный брат прыгнул вниз, и литовец застрелил его прямо на лету. Окружной комиссар Эррен захлопал в ладоши и крикнул: "Bravo, Litauer!" ["Браво, литовец!"] Из горящего дома выбежала моя бабушка. На ней были все ее платья и шубы, она была в пламени. Один немец крикнул: "Вот идет горящая ведьма!" Эррен три раза выстрелил в нее из пистолета, и она упала. Один литовец попросил у Эррена разрешения поджечь дровяной сарай, но тот не разрешил, сказав по-немецки: "Оставь, там никого нет", и они пошли дальше, от одного дома к другому»⁶².

Аналогичную версию событий приводит один из пожарников, которого вызвали тушить горящее гетто. «В тот день я был свободен от дежурства. Услыхав вой пожарной сирены, я пошел в пожарную часть и с пожарной машиной направился к мосту через реку, за которой находилось гетто. Деревянные дома в гетто горели. Там я увидел немецких солдат. Я думаю, были там также и белорусские полицейские, а, может, и украинцы. Гетто было расположено на берегу реки. Чтобы накачать воду, я опустил насос в реку и стал поливать водой дома. И тут я услышал крики людей, которые пытались выбраться из погребов. Я направил струю воды туда, где были эти люди, но какой-то немец запретил мне это делать, а сам начал в них стрелять. Несколько часов я оставался возле гетто, пытаюсь потушить пожар»⁶³.

По-видимому, в день главной акции ведущую роль играли сотрудники окружного комиссариата, в том числе и сам Эррен, а жандармы, судя по их показаниям, в это время проводили операции против партизан за пределами Слонима. Однако в последующие дни жандармам и около полусотни шуцманов было поручено еще раз прочесать гетто в поисках оставшихся в живых. Всех, кто пытался бежать, убивали на месте. Остальных заключили в тюрьму, и вскоре жандармы стали небольшими группами выводить их отсюда на расстрел⁶⁴.

В эти дни в Слониме было убито около 8000 евреев⁶⁵. Кроме акции в Слониме проводились «ликвидации гетто» в других близлежащих городах, например, 25 июля в Бытене⁶⁶. В сентябре окружной комиссар Эррен хвастал, что из 25.000 евреев, живших в его округе, осталось всего 500 — им сохранили жизнь по важным экономическим соображениям⁶⁷.

После первой акции в Несвиже 30 октября 1941 г. евреи сделали свои выводы. Часть еврейской общины, не желая покорно идти на смерть, открыто заговорила о сопротивлении⁶⁸. Другие в ожидании предстоящей акции готовили убежища⁶⁹. 16 июля 1942 г. было

«ликвидировано» гетто в соседнем местечке Городея. Двое местных жителей видели, как евреев гнали к ямам — некоторых везли на грузовиках, остальные шли пешком под охраной местных полицейских. По дороге к месту расправы некоторые не могли идти и падали — таких расстреливали на месте. В течение четырех или пяти часов издали доносились пулеметные очереди. Всего в этот день было расстреляно 1.500 человек⁷⁰.

Новость о событиях в Городеи быстро развела у несвижских евреев иллюзии насчет того, что их могут пощадить⁷¹. Председатель еврейского совета начал подумывать о том, не установить ли связь с партизанами, но возражал против бегства из гетто, полагая, что оно может лишь ускорить акцию⁷². Во время поминальной службы в синагоге Шалом Холавски призывал единоверцев бороться за свою жизнь. «Был разработан план. Решили поджигать дома и сопротивляться с оружием в руках, чтобы дать возможность тем, кто способен бежать, уйти в лес»⁷³.

Между тем немецкая полиция начала свою подготовку. В мае командир полиции безопасности Западной Белоруссии (*Weißruthenien*) приказал жандармам срочно провести перепись оставшегося еврейского населения⁷⁴. За день до акции из Барановичей в Несвиж прибыла на грузовиках группа немецких полицейских и их подручных литовцев. Ими командовала полиция безопасности. Кроме того, из всех полицейских участков округа были собраны и доставлены в Несвиж местные белорусские полицейские⁷⁵. Для таких крупных антиеврейских операций обычно мобилизовался весь наличный персонал, а на полицейских участках оставалось всего по одному или два полицейских⁷⁶. Вечером начальник полиции собрал полицейских и сказал, что на следующий день все евреи должны быть расстреляны. Вокруг гетто он приказал установить оцепление, а всех, кто попытается бежать, расстреливать на месте⁷⁷.

На рассвете 20 июля 1942 г. несвижское гетто было окружено белорусской полицией. Ночью накануне акции раздавались отдельные выстрелы⁷⁸. Как события развивались дальше, по имеющимся описаниям установить трудно. По словам Шалома Холавски рано утром к воротам гетто подошло несколько немцев и полицейских. Они известили главу еврейского совета Магалифа о предстоящей «селекции»⁷⁹. Некоторых евреев, по-видимому, спокойно увезли. Вскоре, однако, стало ясно, что теперь евреи не собираются сотрудничать. Когда полиция открыла огонь, еврейская боевая группа, собравшаяся в синагоге, неожиданно ответила пулеметной очередью (стрелял один бывший польский офицер). Тем временем в гетто зажгли огни, чтобы в дыму и поднявшейся суматохе было легче бежать⁸⁰.

Один бывший полицейский так описал эти запутанные события: «Со стороны, противоположной воротам в гетто, доносился шум автомобильных моторов. Я понял, что полицейские начали сажать евреев в грузовики, чтобы отвезти их на место казни. Часа через полтора после начала погрузки евреев в машины в разных частях гетто вспыхнули пожары. Вскоре огонь охватил все дома. В гетто началась стрельба из автоматов и винтовок. Из-за дыма трудно было понять, что происходит. Я мог только догадываться, что полицейские приканчивают обреченных людей на месте. Скоро стрельба утихла. Часть полицейских, стоявших в оцеплении, была спешно передвинута к месту казни»⁸¹.

Согласно разным источникам, во время короткой схватки несколько немцев и местных полицейских были убиты и ранены⁸². Один белорусский полицейский, стоявший во внешнем оцеплении, впоследствии рассказал советским властям, что несколько евреев — приблизительно 20 человек — пытались вырваться из гетто в его секторе. Он и другие полицейские, стоявшие рядом, открыли по ним огонь. Он был ранен в плечо, еще одного полицейского евреи убили. При этом он был пьян, поскольку до начала стрельбы белорусские полицейские пили водку⁸³. Шалом Холавски описал отчаянные попытки бежать с точки зрения жертв: «Небольшие группы евреев вроде нашей вырвались из гетто. Некоторых стали избивать ретивые крестьяне, других убивали на бегу. Маленьким группкам удалось добраться до леса. Я увидел Симху Р., который нес на руках своего маленького сына, завернутого в подушку. Не останавливаясь, он отдал сверток христианской женщине, стоявшей у ворот, а сам побежал дальше к лесу»⁸⁴.

Некоторые евреи, спрятавшиеся в гетто, не смогли выйти из горящих домов и погибли. Вскоре после того, как стрельба утихла, один полицейский вошел в гетто: «Передо мной открылась жуткая картина. На месте деревянных домов остались одни пожарища. Проходя по бывшим улицам и переулкам гетто, я увидел скелеты сгоревших людей и обгорелые трупы. В подвале одного сгоревшего дома я увидел трупы двух евреев, обнаруженные одним полицейским. Им было лет по 40–45, и они, видимо, задохнулись в дыму. Никаких огнестрельных ранений на их телах я не заметил»⁸⁵.

Некоторые жители Несвижа, обитавшие близ гетто, также оказались свидетелями кровавых событий того дня. Одна женщина видела, как белорусские полицейские преследовали евреев и стреляли в них после поджога синагоги. Она и ее семья спонтанно спрятали у себя в доме одного беглеца⁸⁶. Один поляк рассказывал: «Во время очистки гетто по Огородовой улице шла еврейка с маленьким ребен-

ком на руках. Ее остановил белорусский полицейский. Он вырвал у нее из рук ребенка, которому было не больше года, ударил его об стену и швырнул в горящий дом. Еврейку он застрелил из пистолета. Я слышал, что даже через несколько дней после очистки гетто белорусские полицейские все еще находили там евреев — мужчин, женщин и детей — и расстреливали их на месте»⁸⁷.

Евреев, захваченных в гетто, полицейские заталкивали в грузовики и везли за город к подготовленной яме, где их расстреливали прибывшие из Барановичей литовские и немецкие полицейские. Как сообщается, пять местных шуцманов участвовали в погрузке евреев в грузовики и их расстреле⁸⁸. Один полицейский, заявлявший после войны, что он не стрелял, а только патрулировал место расправы по периметру, так описывал увиденное на месте казни: «Я стоял примерно в ста метрах от ямы, где расстреливали советских граждан еврейской национальности... Полицейские подвели к краю ямы обреченных людей — женщин, детей и стариков — группами по 6–8 человек. Палачи ... стреляли жертвам в затылок, и те падали в яму».

Этот свидетель подтвердил, что среди стрелявших были и местные белорусские полицейские⁸⁹ — по-видимому, добровольцы. Один бывший несвижский полицейский в своих послевоенных показаниях говорил то же самое: «Из полицейских для расстрела евреев брали только тех, кто вызвался добровольно, никто их не назначал, так что если кто-то не хотел, то он и не участвовал в экзекуции»⁹⁰.

Остаток дня полиция продолжала прочесывать развалины гетто в поисках тех, кто спрятался в подвалах и на чердаках уцелевших домов. Еще один местный полицейский вспоминает: «Подойдя к платяному шкафу, стоявшему в одной из комнат, один из полицейских стал прислушиваться. Я увидел, как он выхватил из кобуры пистолет и раза два выстрелил в дверцу шкафа, примерно на уровне своей груди. При этом он приказал остальным полицейским стрелять туда же... Когда стрельба утихла, дверь шкафа медленно открылась, и оттуда вывалилась молодая еврейка без всяких признаков жизни»⁹¹.

Для тех, кто еще прятался, это было страшное время. Один из уцелевших вспоминает: «Часов в 12 дня мы услышали, что полиция обыскивает мою квартиру. Один белорус крикнул своим товарищам, что нашел шнапс. Они забирали все, что казалось им ценным. Часов в 8 вечера в квартиру явились немцы. Они стали простукивать пол в поисках полости, но нашего убежища не нашли».

Эта группа евреев просидела в своем укрытии до 3 часов утра следующего дня. Потом они вылезли за пределы гетто сквозь ды-

ру в заборе, через которую христиане раньше просовывали в гетто съестное. Во время бегства этот свидетель, Ляховицкий, отстал от остальных. Он слышал выстрелы немцев или полицейских патрульных, но через пшеничное поле ему удалось добраться до леса, где он на следующий день встретил нескольких других беглецов⁹².

Евреям из Мира повезло лучше организовать свое бегство без боя. В этом им оказал большую помощь служивший в местной полиции агент Освальд Руфайзен. Он подслушал телефонный разговор своего шефа Рейнгольда Хайна с начальником жандармерии в Барановичах Максом Айбнером, откуда узнал, на какой день назначена «ликвидация» гетто⁹³. Узнав об этом, Руфайзен не только тайком переправил в гетто оружие, но и ухитрился по ложному следу послать почти всех жандармов охотиться на несуществующих партизан как раз накануне «ликвидации» гетто⁹⁴.

Однако, судя по воспоминаниям одного из оставшихся в живых, многие евреи не захотели следовать совету Руфайзена: «Руфайзен советовал нам рискнуть и бежать. Но у нас не лежала к этому душа. Печальный опыт отношений с нашими согражданами-неевреями, которые охотно, ради легкой наживы, участвовали в расправе над людьми, поколебал наше доверие к некогда добрым соседям»⁹⁵.

Ситуация горячо обсуждалась в гетто. Как и в Несвиже, некоторые боялись, что бегство лишь ускорит гибель тех, кто бежать не может. Одна женщина вспоминает жестокие споры в семьях: «Пожилые родители умоляли сомневающихся детей бежать, надеясь, что, быть может, они чудом спасутся от смерти. Мужья не хотели оставлять своих жен и детей — они думали, что легче умереть вместе. 10 августа 1942 г. мы вырвались и через поле созревшей пшеницы дошли до ближайшего леса. Чудо совершилось»⁹⁶.

Попытать счастья в лесах решилось всего 250 молодых евреев.

Освальду Руфайзену тоже удалось бежать — вероятно, благодаря его хорошим отношениям с жандармами. Незадолго до «ликвидации» один еврей на него донес, и Руфайзен признался начальнику жандармерии Хайну: «Я не враг немцев, и я не поляк. Я скажу вам правду, потому что я всегда работал с вами открыто и честно. Однако я считаю запланированную операцию против евреев совершенно неправильной, потому что я сам еврей. И это было единственной причиной моего поступка»⁹⁷.

Несмотря на это признание его сторожили не очень строго, и он без особых затруднений смог ускользнуть. Один жандарм приводит свою версию событий: «Местные добровольцы хотели, чтобы Руфайзена выдали и расстреляли. Когда он сбежал, я как раз сменился с дежурства в карауле. Я, наверное, первым увидел, что он сбежал, но

у меня были с ним хорошие отношения, и я доложил об его бегстве только тогда, когда он был уже далеко»⁹⁸.

Вскоре после этого, 13 августа, была проведена запланированная расправа с еще оставшимися в живых евреями. По указанию начальника местной полиции в соседнем лесу Яблоновщина была заранее вырыта могила⁹⁹. Вечером накануне «ликвидации» вокруг замка были выставлены усиленные кордоны местной полиции с пулеметами. Утром в Мир прибыло на помощь несколько полицейских из Барановичей¹⁰⁰. Оставшихся 560 евреев — в основном это были женщины с детьми и старики — отвезли на грузовиках к месту расправы¹⁰¹. По дороге жандармы следили, чтобы никто не убежал. По рассказу одного свидетеля, евреям приказали лечь друг на друга в яму, а потом расстреляли¹⁰².

26 августа начальник Барановичской жандармерии Макс Айбнер, как и положено, рапортовал о выполнении своего задания: «От окружного комиссара города Барановичи я получил инструкции общего характера в соответствии с возможностями моего личного состава очистить от евреев регион и особенно сельскую местность. В результате крупных акций, проведенных за последние месяцы, много евреев сбежало и присоединилось к бандитским шайкам. Чтобы предотвратить новые побеги, я ликвидировал евреев, все еще оставшихся в Полонке и в Мире. Всего расстреляно 719 евреев. Одновременно 320 евреев, сбежавших в ходе крупных акций, уже пойманы и расстреляны жандармскими постами»¹⁰³.

Поиски спрятавшихся беглецов продолжались еще некоторое время после акций. В докладе от 20 августа 1942 г. Хайн сообщает о поимке 65 евреев из Мира¹⁰⁴. Протоколы послевоенных расследований содержат упоминание о четырех евреях, найденных в подвалах замка в Мире через три недели после «ликвидации» гетто и расстрелянных на месте тамошними полицейскими¹⁰⁵.

В соседнем Столпце жандармерия приказала всем белорусским полицейским вместе с латвийским полицейским батальоном провести операцию 23 сентября 1942 г. В ходе этой операции 750 евреев было расстреляно, а 850 удалось спрятаться в основном внутри гетто. Начальник жандармского поста Вилли Шульц сообщил, что в последующие дни вплоть до 2 октября еще 488 евреев, большей частью женщины и дети, были доставлены на пост и под его личным наблюдением расстреляны. 11 октября было уничтожено еще 350 евреев, часть которых пыталась скрыться среди тех, кто был оставлен для работы в заново восстановленном гетто. Свой доклад Шульц закончил утверждением, что после этого не осталось ни детей, ни неработоспособных¹⁰⁶.

В Минске полиция безопасности с помощью *Waffen SS* и латвийских полицейских в течение лета провела серию крупных акций. Согласно одному из немецких докладов 28 июля было убито 6000 местных евреев, а на следующий день 3000 немецких евреев¹⁰⁷. В это время Гиммлер открыто писал о трудной задаче, возложенной на него Гитлером: «Оккупированные восточные земли освобождаются от евреев. Фюрер возложил на меня выполнение этого труднейшего приказа. Во всяком случае, никто не сможет снять с меня бремя этой ответственности»¹⁰⁸. Последним сроком, к которому должно быть завершено «переселение» евреев из Генерал-губернаторства, Гиммлер назначил 31 декабря 1942 г.¹⁰⁹ Осенью 1942 г. была предпринята объединенная полицейская операция по очистке всех гетто Волыни-Подолья, в которых согласно немецким источникам в это время еще находилось свыше 300.000 евреев¹¹⁰. Копии документов немецкой полиции безопасности, к счастью сохранившиеся в польских архивах, дают редкую возможность вникнуть в особенности немецкой бухгалтерии, фиксировавшей результаты этих акций «второй волны»¹¹¹.

6 августа 1942 г. начальник сторожевого поста полиции безопасности в Каменец-Подольске доложил командиру полиции безопасности Волыни-Подолья д-ру Генриху Пютцу о том, что он совместно с жандармерией недавно осуществил в районе Дунаевцев две акции, в ходе которых было расстреляно 1204 еврея из трех деревень. В середине августа другие посты полиции безопасности доложили, что «особому обращению» были подвергнуты 6402 еврея в населенном пункте Кременец, 3399 евреев в Камен-Каширске, 1792 еврея в Шумске, а также убито 420 евреев в Микасевичах (Пинский округ). Этот последний доклад представил штурмшарфюрер Вильгельм Расп, начальник поста в Пинске. В своих послевоенных показаниях Расп дал подробный отчет о волне «ликвидаций» гетто в его округе осенью 1942 г.¹¹²

В течение трех месяцев, с августа до начала ноября были проведены акции в городах Иваново, Лахва, Столин, Давидгородок, Высоцк, Луинец и Пинск, а также в окрестных деревнях. При этом было убито свыше 20.000 евреев. В большей части акций участвовали объединенные силы полиции безопасности, жандармерии и местной полиции, причем непосредственным расстрелом у ям обычно занимался личный состав полиции безопасности. По словам Распа, приказы о «ликвидации» гетто поступали из Берлина, а он получал их от своих начальников — командира полиции безопасности (*KdS*) Пютца и главнокомандующего полицией безопасности (*Befehlshaber der Sicherheitspolizei, BdS*) Томаса. Расп также отмечает, что актив-

ную роль в операциях против евреев в его округе играл Окружной комиссариат (Gebietskommissariat) Пинска¹¹³.

Судя по внутренней переписке между различными подразделениями гражданской администрации на территории Волынь-Подолье, вопреки указаниям генерального комиссара большие гетто в некоторых районных центрах ликвидировались раньше, чем гетто в окрестных деревнях. В результате евреи, жившие в этих деревнях, получали предупреждения о готовящихся акциях и некоторые поджигали гетто, чтобы оттуда вырваться¹¹⁴. «Ликвидации» гетто обсуждались с 29 по 31 августа 1942 г. на совещаниях окружных комиссаров в Луцке¹¹⁵. Им разъяснили, что запланированная стопроцентная очистка проводится по личному указанию Рейхскомиссара Коха. Двухмесячная «отсрочка казни» разрешалась только в отношении небольших групп особенно необходимых рабочих в количестве не более 500 мужчин. К концу указанного периода эти мелкие остатки тоже должны были исчезнуть. Генеральный комиссар потребовал, чтобы впредь посты полиции безопасности обсуждали подготовку к акциям не только с жандармерией, но и с окружными комиссарами¹¹⁶.

Поскольку окружные комиссары несли полную ответственность за евреев, они энергично требовали, чтобы по этим вопросам с ними консультировались¹¹⁷. На практике роль гражданской администрации в «ликвидациях» гетто в основном сводилась к тому, чтобы заранее вырыть ямы, в случае надобности обеспечить транспорт, а после акции распорядиться имуществом евреев¹¹⁸. Члены Гебитс-комиссариата нередко лично присутствовали при расстрелах¹¹⁹.

Описывая события на Волыни, Шмуэль Спектор говорит, что и другие акции проводились по аналогичной схеме. Ямы обычно выкапывали на небольшом расстоянии от гетто. Евреев сгоняли туда пешком, больных и стариков везли на телегах. Автотранспорт использовался лишь в редких случаях. Тех, кто во время облав пытался спрятаться в гетто, расстреливали на месте белорусские полицейские¹²⁰.

Ход акции в отдаленной деревне Серники, расположенной в Припятских болотах, показывает, что евреям, жившим в сельских общинах, бежать было гораздо легче. В 1942 г. в Серниках проживало приблизительно 1000 евреев. К апрелю 1942 г. их собрали в гетто. В сентябре гетто было «ликвидировано» подразделением немецкой полиции безопасности с помощью местных полицейских. Евреев расстреляли в заранее подготовленной могиле в 3 км от Серников. Во время акции группа евреев вырвалась из оцепления. Согласно источникам, приводимым Спектором, 279 евреям, в основном муж-

чинам 13–40 лет, удалось добраться до леса¹²¹. 102 из них позже погибли: 10–12 человек в бою в качестве партизан, остальные умерли от голода, холода и болезней или были убиты в ходе облав. И все же близость лесов и хорошее знание местности облегчили им бегство, тогда как потери среди беглецов из более крупных населенных пунктов и городов были значительно выше.

Особо важным обстоятельством является то, что, начиная с лета 1942 г., жертвами расправ все чаще становятся женщины и дети¹²². Немецкий строитель Герман Грэбе, очевидец массового расстрела близ Дубно (Украина) в октябре 1942 г., подробно описал сцену казни:

«Когда я пришел в контору строительного участка, мой десятник Губерт Мённикес (Гамбург — Гарбург, Аусенмюленверг, 21) сказал мне, что недалеко от строительной площадки в трех больших рвах метров 30 в длину и метра 3 в глубину ежедневно убивают приблизительно 1500 человек. Все 5000 евреев, живших в Дубно до акции, должны быть уничтожены. Он присутствовал при расстрелах и был очень подавлен.

Я пошел с Мённикесом на строительную площадку и увидел большие насыпи, приблизительно 30 метров в длину и 2 метра в высоту. Перед насыпями стояло несколько грузовиков, из которых вооруженные украинские полицейские под наблюдением эсэсовца выгоняли людей. На груди и на спине у этих людей были желтые нашивки, означавшие, что они евреи.

Мы с Мённикесом подошли к рвам. Нас никто не останавливал. Из-за насыпей слышались ружейные выстрелы. Всем людям, которые сходили с грузовиков — мужчинам, женщинам и детям — эсэсовец с хлыстом в руках приказал раздеться и сложить в отдельные кучи обувь, одежду и нижнее белье. Я увидел аккуратно сложенную груду обуви — примерно пар 800 или 1000, а также большие кучи белья и одежды.

Эти люди не плакали и не кричали. Они молча разделись и стояли семьями, обнимаясь и прощаясь друг с другом в ожидании знака другого эсэсовца, тоже с кнутом, который стоял на краю рва. За те четверть часа, что я простоял возле рва, я не услышал ни единой жалобы или мольбы о пощаде. Я смотрел на одну семью из восьми человек — мужчина и женщина лет пятидесяти с детьми в возрасте одного, восьми и десяти лет и с двумя взрослыми (лет 20 и 24) дочерьми и сядая, как лунь, старуха, которая держала на руках годовалого ребенка, щекотала его и пела ему песенку. Ребенок пищал от удовольствия. Супруги смотрели на них со слезами на глазах. Мужчина держал за руку десятилетнего сына и что-то тихо говорил

ему. Мальчик изо всех сил старался не плакать. Отец показал ему на небо, погладил по голове и, видимо, старался ему что-то объяснить. В эту минуту эсэсовец, стоявший у рва, крикнул что-то своему товарищу. Тот отсчитал человек 20 и велел им отойти за насыпь. Среди них была и семья, о которой я только что говорил. Я до сих пор помню, как стройная темноволосая девушка, проходя мимо меня, показала рукой на себя и проговорила: двадцать три»¹²³.

В «отчете о пережитом» капитана Заура, командира роты 15 полка полиции охраны порядка, содержится подробный рассказ об уроках, которые он извлек из крупной акции, проведенной в Пинске между 29 октября и 1 ноября 1942 г. Этот документ можно сопоставить с послевоенным отчетом штурмшарфюрера Вильгельма Распа, который утверждает, что встретился с Зауром во время этой операции. Несколько рот из батальонов полиции охраны порядка прибыло в Пинск, ибо там были сконцентрированы все полицейские силы, имеющиеся на данной территории, — полиция безопасности, жандармерия, немецкая полиция (*Schutzpolizei*), украинское шуцманство, немецкая конная полиция и полицейские собаководы. В первый день акции большинство евреев явилось добровольно, и приблизительно 10.000 человек было убито у могил в 4 км от города. Плотное оцепление силами конных полицейских предотвратило попытку бегства 150 евреев. Все они были пойманы снова.

В течение последующих трех дней гетто опять тщательно прочесали, в результате чего было схвачено и потом расстреляно 15.000 евреев. Больных и оставшихся в домах детей расстреливали на месте. Таким образом в гетто убили еще 1200 евреев. Вильгельм Расп сказал, что стащил в могилу шестерых убитых детей. Капитан Заур отметил, что для поисков людей, укрывшихся на чердаках и в подвалах, необходимы топоры и другие инструменты. Молодым евреям предлагалось доносить на тех, кто спрятался, обещая (ложно) сохранить им за это жизнь. По словам Распа, который во время акции собирал ценные вещи евреев, он пытался оставить в живых несколько сотен квалифицированных рабочих, но ему помешали его ретивые сослуживцы из Окружного комиссариата, которые считали, что «всех евреев надо убить»¹²⁴.

Одновременно происходила «ликвидация» последних еще оставшихся в сельской местности гетто. Примером сотрудничества батальонов немецкой полиции охраны порядка с местными шуцманствами является акция, проведенная 1 ноября 1942 г. в деревне Самары близ Дивина. Здесь 72 немецким полицейским из 15 полка полиции охраны порядка помогали 39 шуцманов. Они начали окружать деревню в 2.45 ночи и на рассвете обыскали дома. 27 евреев

были расстреляны при попытке к бегству. После того был проведен второй обыск, и общее число пойманных и убитых евреев достигло 74. Одну украинскую семью, состоявшую из одного мужчины, двух женщин и троих детей, убили за то, что они спрятали еврея¹²⁵.

Несмотря на эти суровые наказания, некоторые христиане все же подвергали себя большому риску, спасая своих соседей. В середине октября 1942 г. во время «ликвидации» Брестского гетто¹²⁶ один еврей с семьей во время первой облавы спрятался в подвале собственного дома. Спустя неделю их нашли и доставили на центральный сборный пункт. По дороге ему удалось отделиться от всей группы и спрятаться в доме своего друга-христианина. Здесь он оставался до конца войны. Из всей семьи в живых остался он один¹²⁷.

В сообщении польского подполья этого периода подчеркивается роль местной полиции в Бресте, где служило много поляков: «Брест. Ликвидация евреев продолжается с 15 октября. За первые три дня расстреляно около 12.000 человек. В настоящее время ликвидируются остатки тех, кто успел спрятаться. Место казни — Бронна Гора. Ликвидация проводится мобильным отрядом СД и местной полицией. Сейчас “завершение” проводит только местная полиция, в состав которой входит много поляков. Они нередко проявляют больше рвения, чем немцы. Часть еврейского имущества используется для мебелировки немецких домов и контор, остальное продается с аукциона. Несмотря на то, что во время ликвидации было найдено оружие, евреи вели себя пассивно»¹²⁸.

В докладе также отмечаются многочисленные грабежи, ставшие характерной чертой трех «ликвидаций». Как сообщается, в послевоенном суде один полицейский из Брестского округа показал: «Все еврейское имущество было разграблено немцами, которые взяли себе лучшие вещи — платяные шкафы, мягкие диваны, посуду, одежду и обувь, а остальное продали лавочникам для простого народа. Я тоже участвовал в грабежах. Через неделю после расстрела евреев я отправился в гетто и в деревянном сарае нашел чемодан. В нем были две блузки, джемпер, три метра ткани и пара дамских домашних туфель. В одном доме за печкой я взял матросскую форму, желтые матросские туфли и пижаму. Из еврейского имущества я взял еще шкаф, ... матрас, настенное зеркало, картину и три кило овсянки и картошки»¹²⁹.

Возможность поживиться еврейским имуществом, безусловно, являлась побудительной причиной этих преступлений¹³⁰. Официально окружному комиссару (*Gebietskommissar*) не разрешалось присваивать еврейское имущество. Его следовало передавать финансовым органам. Окружной комиссар из Казатина (Житомирский

округ) в своем письме жалуется, что украинские полицейские присвоили много еврейских вещей и подчеркивает, что исключение из правил можно делать лишь для тех местных сотрудников, которые следовали указаниям немцев и активно содействовали немецкой администрации¹³¹. После массовых расстрелов некоторые полицейские заняли дома евреев. Так было, например, в городе Новая Мышь близ Барановичей¹³². Кроме того, немцы награждали тех полицейских, которые вылавливали евреев в лесах¹³³.

«Ликвидацией» гетто антиеврейская кампания не закончилась. Убедившись, что многим евреям удалось бежать, немцы стали энергично разыскивать всех, кто спрятался в опустевших гетто и в окрестных лесах. В ноябрьском докладе жандармерии Бреста в числе предстоящих задач значится необходимость «разобраться с беглыми евреями, которые все еще бродят по округе»¹³⁴.

Местные полицейские, а также лесники, состоявшие на службе в немецкой администрации, продолжали охотиться за укрывшимися в лесах евреями. Например, вскоре после расстрела в Серниках, один местный житель видел, как лесник под прицелом автомата вел куда-то группу евреев: «Их было 13 человек. Я узнал жену бывшего жителя Серников и семь его дочек в возрасте от 10 до 20 лет. Все они жили в Серниках. Лесник загнал их на два высоких холма. Всею я услышал автоматную очередь. Я был в ужасе. Он вернулся один»¹³⁵.

Приказ городской администрации Слонима от декабря 1942 г. предупреждает, что все, кто прячет евреев, будут расстреляны, а пойманных евреев предписывает передавать жандармерии или шуцманству¹³⁶.

Эти примеры наряду с другими свидетельствами подтверждают, что полиция безопасности в своих постоянных приказах требовала истреблять всех евреев, найденных в сельской местности после основных акций. Охота на евреев посредством патрулирования лесов на юге Польши описана Кристофером Браунингом¹³⁷. О поимке и расстреле беглых евреев, найденных после «ликвидаций» гетто, говорится в многочисленных рапортах жандармерии Белоруссии и Украины.

Ряд коротких рапортов жандармов Житомирского округа свидетельствуют о рутинном характере этих мероприятий. Так, в сентябре 1942 г. близ Ружина были застрелены две «бродячие» еврейки. 2 октября два еврея были убиты «при попытке к бегству» в деревне Охиевка. 1 марта 1943 г. патруль жандармского поста Самгородка нашел в стог сена двух евреек, которых тоже расстреляли «при попытке к бегству»¹³⁸. Во всех этих случаях патрульные явно придержи-

живались точки зрения местного полицейского из деревни Селец, который сказал, что нет смысла передавать пойманных евреев в полицию безопасности, раз их там все равно расстреляют¹³⁹. Поскольку эти евреи не являлись активными партизанами, допрашивать их было незачем, и потому их попросту убивали на месте.

Приводимый ниже полный текст доклада из округа Мир наглядно характеризует все эти методы¹⁴⁰.

«Мир, 15.11.1942

Жандармский пост “Мир”

Жандармский округ Барановичи

Генеральный округ *Weißruthenien*

Командиру жандармского округа в Барановичах

Касательно: ареста и казни в дисциплинарном порядке пятерых евреев, а также уничтожения еврейского лагеря близ лесничества в Миранке, округ Мир.

Ссылки — нет.

14 ноября 1942 г. около 6 ч. пополудни лесник из лесничества Миранка, округ Мир, сообщил мне, что в лесу приблизительно в 6 км севернее Мира он нашел бункер, в котором засела шайка евреев. Я немедленно отправил туда трех жандармских офицеров и 60 шуцманов. Они взяли с собой этого лесника и убедились, что он сказал правду. Они увидели, что бункер закрыт деревянной крышкой и тщательно замаскирован. Открыв крышку, они приказали всем засевшим там выходить без оружия, пригрозив, что в случае неповиновения бросят в бункер ручную гранату. Те подчинились, и из бункера вышло трое евреев — глава еврейского совета из Мира и две еврейки. После короткого допроса они были в дисциплинарном порядке расстреляны и, как положено, похоронены. Одежда на них была рваная. Никаких ценных вещей у них не обнаружено. После этого был произведен обыск в бункере. Найдено около 100 кг картофеля, несколько буханок хлеба и две старые кастрюли. Оружия и боеприпасов не найдено. Бункер офицеры полиции уничтожили. Продукты и рваная одежда переданы шуцманству в Мире.

(подпись)

Хаупт-вахмистр немецкой полиции охраны».

В это время поиски и расстрелы последних оставшихся в живых евреев стали повседневной рутинной работой шуцманств. Один

бывший полицейский из Мира очень осторожно, стараясь не обвинить самого себя, вспоминает о своем участии в подобных розысках (в приводимом им случае они оказались напрасными): «Помнится, вскоре после того, как я поступил в полицию [осенью 1942 г.], я вместе с другими полицейскими прочесывал лес около Мира в поисках евреев, которые бежали из гетто. Нас было человек 20. Немцев с нами не было. Операцией руководили местные конные полицейские унтер-офицеры. ... Мы шли за ними пешком, обыскали весь лес, но никого не обнаружили. О том, что мы искали именно евреев, нам сказали только тогда, когда мы вернулись обратно. Вся эта акция длилась почти полдня»¹⁴¹.

Такие же примеры характерны и для Брестского округа. В деревне Медно местный полицейский на глазах у многих жителей застрелил четырех евреев¹⁴². В соседнем Рогозно 11 рота 15 полицейского полка поймала и застрелила еврейку, бежавшую из Брестского гетто 8 ноября 1942 г., т. е. через три недели после акции¹⁴³. В докладе за январь 1943 г. жандармерия Брестского округа рапортовала, что еще 55 евреев были подвергнуты «особому обращению» (расстреляны)¹⁴⁴.

Как относилось местное население к этим публичным расправам? В Брестском округе первой реакцией был страх. Ходили слухи, что после акций против евреев расстреляют сначала русских, потом поляков, потом украинцев¹⁴⁵. Однако через месяц все успокоилось: «Сочувствие местного населения к евреям во время акций в октябре 1942 г. было очень велико. Но в ноябре люди поняли, что им самим расстрелы не грозят. Теперь местное население с особым рвением разыскивает евреев, еще скрывающихся в лесах. Эти люди со временем особо оценили тот факт, что они могут почти даром получать домашнюю утварь из гетто Брест-Литовска»¹⁴⁶.

Некоторые местные жители явно не испытывали симпатии к евреям. Обычным явлением стали доносы. Например, одна женщина из деревни Лан близ Несвижа побежала в ближайший полицейский участок, как только к ней во двор зашли два еврея попросить кусок хлеба¹⁴⁷. В Кобрине местные крестьяне поймали евреев, привязали их к телегам и притащили в город¹⁴⁸. Краткосрочное обогащение за счет захвата имущества евреев не могло компенсировать потерю большого количества квалифицированных ремесленников, что нанесло еще один удар по развалившейся экономике края. В обмен на свою продукцию крестьянам стало почти нечего купить. С экономической точки зрения, как выразился Освальд Руфайзен, «евреи нуждались в крестьянах, а крестьяне — в евреях»¹⁴⁹.

В широко распространившемся страхе по поводу того, какая группа населения станет следующей жертвой, была доля правды.

Летом 1942 г., когда начались «ликвидации» гетто, стали проводиться и карательные меры против польской интеллигенции и против цыган, а с ростом партизанского движения жертвами жестоких методов вермахта, гиммлеровской полиции и их местных подручных стали и сами крестьяне.

В районе Барановичей в конце июня 1942 г. было одновременно схвачено много известных в округе местных поляков. Немцы готовили операцию тайно — они боялись, как бы коллаборационисты не предупредили намеченные жертвы. 27 июня в Мире арестовали школьного учителя. Его отправили в лагерь для интернированных в Колдычево близ Барановичей, где он вместе со многими другими поляками вскоре умер¹⁵⁰. В Несвижском районе 28 июня было арестовано более 80 человек. 73 из них 5 августа были расстреляны жандармами и шуцманами в лесу Хейка (поместье Малево). В числе убитых было 11 женщин и несколько местных священников. Уцелел только один человек, который и рассказал о случившемся уже после войны¹⁵¹. В Слониме было арестовано более 100 поляков, в том числе учителя, юристы, священники и члены их семей. 11 человек были отправлены в Барановичи и там в июле расстреляны. Оставшиеся в живых 90 человек перевели в Петралевичи близ Слонима, где их 19 декабря 1942 г. тоже расстреляли¹⁵².

Примерно так же, как и с евреями, обращались с цыганами и умственно отсталыми. Например, в Чернигове (Украина) между октябрём 1941 г. и июнем 1942 г. немцы уничтожили 500 психически больных. Сначала их расстреливали, а потом стали убивать в передвижной душегубке¹⁵³. В феврале 1942 г. белорусские полицейские расстреляли группу цыган в поместье Горный Снов (Несвижский район). Одна местная жительница рассказала: «Полицейские привезли цыган ... на нескольких машинах. Полицейские начали в них стрелять. Стариков расстреляли на месте, а детей ... в колодце. Я была недалеко от места казни и все ясно видела. ... Сколько цыган расстреляли, я не знаю»¹⁵⁴.

Аналогичные акции против цыган проводило шуцманство в округе Хойники (Генеральный комиссариат Житомир)¹⁵⁵, причем и здесь местные полицейские действовали как послушные помощники в убийстве женщин и детей.

Чем отличались методы осуществления холокоста на оккупированных территориях Советского Союза от мер, применявшихся в других странах Европы? Шмуэль Спектор пишет, что если на востоке расправы проводились открыто, на глазах у всех, то газовые камеры в польских лагерях смерти действовали в обстановке секретности¹⁵⁶.

Немцы, какое-то время прослужившие в полиции или в гражданской администрации, «несомненно, знали, что евреи подлежат казни»¹⁵⁷. Значительное участие местной коллаборационистской полиции (включая подразделения шуцманств, набранные из местных жителей) наряду с распределением части имущества уничтоженных евреев устанавливало степень соучастия местного населения в немецких планах осуществления геноцида.

О значении соучастия украинской и белорусской полиции в осуществлении холокоста говорит и тот факт, что в этих преимущественно сельских районах во время летних и осенних расправ 1942 г. на каждого немецкого жандарма приходилось от 5 до 10 местных полицейских¹⁵⁸. Для «ликвидации» больших гетто привлекались и другие подразделения, как, например, батальоны немецкой полиции охраны порядка. Общее руководство осуществляла гиммлеровская полиция безопасности, личный состав которой непосредственно проводил расстрелы. Однако собрать и доставить к месту казни большое количество евреев было бы трудно без активной поддержки местных полицейских подразделений. Отдельные сотрудники местной полиции особенно отличились в поисках и расстрелах тех евреев, которым удалось спрятаться. Как и среди немецкой полиции безопасности, желающих поучаствовать в подобной «охоте на евреев» и в расстреле пойманных жертв всегда находилось достаточно¹⁵⁹. О готовности к проведению подобных акций свидетельствует множество рассказов, заимствованных из самых разнообразных источников, где местные полицейские представлены действующими по собственной инициативе в рамках общей политики.

Евреи никак не могли понять, почему их бывшие соседи одержимы столь бешеной ненавистью: «Украинцы были звери. Они были убийцы. Они набрасывались на своих соотечественников-украинцев только потому, что те — евреи. Антисемитизм существовал до Гитлера и даже во время Первой мировой войны. Нам было приказано кланяться польским полицейским, но они нас не избивали или что-нибудь в этом роде. А украинцы были убийцами»¹⁶⁰.

В период немецкой оккупации Западной Украины ярый национализм, направленный против еврейской и польской общин, приобрел такие формы, которые в настоящее время называются «этническими чистками»¹⁶¹. Антисемитскими выражениями пестрела не только местная печать, но и проповеди некоторых православных священников, которые иногда сами участвовали в эксцессах против евреев¹⁶². Однако немцы подавили национальные чаяния украинцев, и, начиная с осени 1942 г., все большее число украинских полицейских стало дезертировать и создавать национальные партизанские

отряды в лесах, где они продолжали бороться против всех «врагов» украинского государства.

«Украинская полиция прочесывала леса в поисках беглецов. Украинцы мечтали о собственном государстве. Сначала они воевали на стороне немцев, но затем повернули оружие против немцев и стали воевать с ними, а также с русскими и партизанами. Но вначале, когда они еще работали на немцев, они каждый день отправлялись искать нас в лесах»¹⁶³.

В Белоруссии местный национализм был выражен гораздо слабее, но участие местной полиции в антиеврейских акциях мало чем отличалось от украинского. Хотя антисемитизм, конечно, составлял очень важный мотив и в умах людей был до некоторой степени связан с мстостью за коммунистические эксцессы, одной только идеологической обработкой и пропагандой едва ли можно объяснить убийство бывших соседей.

Другими мотивами представляются стремление к личному обогащению и продвижению по службе, повиновение властям и давление среды. Недостатка в алкоголе даже во время акций полицейские не испытывали, а грабежи были распространены повсеместно. Полицейские, охотно и исправно выполнявшие немецкие приказы, могли рассчитывать на награды и повышение в чине. Прямое невыполнение приказов встречалось редко и наказывалось побоями и арестом. Случаев расстрела местных полицейских за отказ застрелить евреев не зафиксировано¹⁶⁴.

Анализ поведения местных полицейских приводит к выводу, что власть над жизнью и смертью ближних оказывала на них развращающее влияние. Совершенно очевидно, что наиболее одиозным сотрудникам полиции «доставляло удовольствие убивать людей»¹⁶⁵. Поэтому не только евреи, но и другие жители Украины постоянно опасались стать жертвами полицейского насилия и произвола: «Явился известный своей подлостью полицейский. Он был пьян и вооружен пистолетом. Он заорал: “Я тебя убью! Я тебя убью!” Он прицелился мне в голову. От страха я присел. Он промахнулся и попал мне в правое предплечье. Пуля прошла навывлет. Я уверен, что он и вправду хотел меня убить, а промахнулся оттого, что был пьян. На плече у меня до сих пор остается шрам»¹⁶⁶.

Беспрецедентная кампания геноцида евреев сопровождалась сходными мерами против других ставших объектом преследования групп людей. Наиболее рьяным подручным нацистских палачей было безразлично, кого убивать — евреев, бывших коммунистов, цыган или членов семей партизан.

С 1941 г. перспективы для евреев изменились, поскольку многие теперь были готовы к худшему. Создавались более надежные и хитро-

умные убежища, в которых можно было спрятаться, спастись и даже оказать открытое сопротивление. Однако многие все еще стоически шли на смерть, предпочитая верность семье возможности собственного спасения. Как с горечью вспоминает один из оставшихся в живых: «Перед нами встал вопрос, сразивший всех. Мы не могли порвать связи, скреплявшие наши семьи. Мысль о том, чтобы бросить беспомощных близких, была за пределами наших возможностей, за пределами нашей морали, за пределами наших сил»¹⁶⁷. Аргументы в пользу пассивности или сопротивления следует рассматривать только в контексте этого поистине нечеловеческого нравственного выбора, ибо представить себе парализующее воздействие постоянного ожидания смерти просто невозможно. К сожалению, для большинства евреев не было ни малейших шансов спастись бегством. После многих месяцев лишений и ужаса только вера и верность семье придавали им силы с достоинством встретить своих палачей.

Шмуэль Спектор и Шалом Холавски отдают должное героическим усилиям сопротивлявшихся евреев, включая и тех, кто, скрываясь от немцев, тем самым бросал им вызов. В некоторых гетто, например, в Несвиже, евреи вступили в бой, чтобы дать возможность бежать хотя бы кому-то. В других местах отдельные герои использовали для мести всё, что попадалось под руку. Например, в Полонке один еврей во время акции ранил ножом шутмана¹⁶⁸. Но большинство евреев не имело ни оружия, ни боевой подготовки и поэтому не могли себя защитить. Следует учесть и то, о чем сказал один еврей из Гоши: «Возможно, о слабости евреев свидетельствует то, что даже в последний момент они пытались откупиться. Но ведь у нас не было оружия, а если бы оно и было, мы все равно побоялись бы пустить его в ход»¹⁶⁹. Судя по немецким рапортам, например, из Брестского округа, во многих местах евреи были напуганы и старались своим поведением не спровоцировать акцию. До «ликвидации» гетто в лесных партизанских отрядах почти не было евреев. В октябре 1942 г. в одном из немецких докладов отмечалось: «В результате антиеврейских операций, о которых евреи всегда очень быстро узнают, оставшихся охватывает сильное беспокойство. Но бояться какого-либо сопротивления не следует — они всего лишь напуганы»¹⁷⁰. Потери среди трусливых убийц беззащитных и ни в чем не повинных мирных жителей были ничтожно малы. Кого-то подстрелили сами полицейские в погоне за беглецами, в Антополе немецкий кавалерист-полицейский был убит случайно: еврейская женщина пыталась убежать, полицейский выстрелил в нее, пуля пробила дверь и попала в кавалериста¹⁷¹. Были даже случаи, когда участники этих чудовищных расправ кончали жизнь самоубийством¹⁷².

Назвать точное число евреев, убитых на оккупированных восточных территориях в 1942 г., не представляется возможным. По более или менее достоверным подсчетам только на территории Рейхскомиссариата Остланд и Украины оно составляет порядка полумиллиона. Гиммлер в своем докладе Гитлеру от декабря 1942 г. сообщает, что за предыдущие 3 месяца в южной России, в Белостоке и на Украине было убито 363.211 евреев¹⁷³. На территориях, управляемых немецкой военной администрацией, в 1942 г. имели место и другие расправы. Их проводили эйнзатцгруппы с помощью тайной полевой полиции и подразделений коллаборационистов, таких, как служба охраны порядка. Массовые расстрелы проводились в Смоленске, Лохвице и Кисловодске¹⁷⁴. Впрочем, в этих местах эйнзатцгруппы зимой 1941–42 г. провели «первую волну» убийств более тщательно и, кроме того, большей части евреев удалось бежать еще до прихода немцев.

В начале 1943 г. после поражения немцев в Сталинграде военные действия приняли другой оборот. К этому времени на оккупированных немцами территориях Украины и Белоруссии в оставшихся «трудовых гетто» насчитывалось всего несколько тысяч евреев. Эти гетто (например, в Слуцке и Глубоком), а также остатки минских евреев были поочередно ликвидированы в течение 1943 г.¹⁷⁵ Для остальных тысяч, которым удалось бежать в леса, жестокая борьба за существование только начиналась.

МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИЯ. 1941–1944 гг.

Для большинства местного населения немецкая оккупация была в первую очередь экономической эксплуатацией. Надежды на перераспределение земли не сбылись, и вместо этого крестьяне столкнулись с обременительными реквизициями. Принудительная трудовая регистрация и массовые депортации на работу в Германию означали прямой контроль над трудовыми ресурсами. Тяжелая экономическая ситуация, сложившаяся за годы Советской власти, еще более ухудшилась: городское население обеднело с уменьшением размера реальной заработной платы, крестьяне свели производство сельскохозяйственных продуктов до минимума, необходимого лишь для собственных нужд. Германское государство выжимало последние соки из экономики, разрушенной военными потрясениями, советской эвакуацией и тактикой выжженной земли. В то же время немецкие чиновники и их сподвижники из числа местных жителей обогащались посредством различных махинаций и злоупотребления должностными полномочиями.

Экономическое использование Германией захваченных территорий началось с первых дней их оккупации. Вскоре после появления немцев в селе Велика Липа под Несвижем бывший сельский староста и его помощник, занимавшие эти должности еще при поляках, были восстановлены на своих постах. В июле 1941 года они организовали первую реквизицию скота и продовольствия, которые были отправлены в Барановичи для германской армии. Осуществление подобных реквизиций местными силами ставило целью свести давние политические счеты: основная тяжесть приходилась на колхозников, которые активно сотрудничали с Советами. Немецкие власти проводили дальнейшие реквизиции вплоть до лета 1944 года, так что во многих хозяйствах не осталось ни единой коровы или овцы¹.

Пример Великой Липы наглядно показывает, каковы были главные задачи сельских старост. Они должны были активно участвовать в отборе молодых людей, для принудительной отправки на работу в Германию. Весной 1942 года были отобраны два бывших комсомольца, а в следующем году еще пять человек в основном из

семей колхозников. Сельский староста и его помощник лично присутствовали на медицинских комиссиях в Городе, проводивших окончательную селекцию. Щедрое взятки позволяли более зажиточным крестьянам избежать отправки своих детей².

Еще одной важной задачей являлось направление на принудительные работы, которые в Великой Липе включали бесплатную работу в близлежащем немецком поместье и заготовку дров в лесу. Сельский староста со своим помощником решали, кто будет заниматься этой работой, и назначали нормы, что опять же способствовало развитию коррупции. Имена тех, кто не выполнял норму, сообщались в немецкую администрацию. Они должны были заплатить штраф, в противном случае их подвергали телесному наказанию в местной полиции³.

Главным чиновником в местной администрации, которому подчинялись сельские старосты, был, как правило, *Rayonchef*, глава района, находившийся в районном центре. Он должен был контролировать выдачу отделом труда разрешений на работу, отвечал за сбор налогов, регистрацию населения, работу школ и других общественных заведений. Глава района был подотчетен окружному комиссару (*Gebietskommissar*) и его представителям из немцев в различных отделах окружной администрации, например, в отделе труда, или сельского хозяйства (*Landwirtschaftsführer*). Местные суды продолжали работать при немецкой администрации, но наказания все чаще и чаще осуществлялись полицией непосредственно на месте. Создается впечатление, что основная часть нарушений касалась хозяйственной деятельности, связанной с черным рынком, например, самогонарения и забоя скота⁴.

Часто сотрудники местной администрации участвовали в деятельности националистических политических организаций. Например, в Белоруссии была создана якобы для осуществления благотворительной деятельности «Белорусская Организация Самопомощи» (БОС), возглавляемая Иваном Ермаченко. Она должна была оказывать помощь старикам и сиротам, пострадавшим от войны: организовывать раздачу бесплатного супа и одежды нуждающимся, распределять денежную помощь. Однако те, кто был занят в ней, как правило, работали и в немецкой администрации. Эта организация, имевшая свои центры в ряде городов, ведала также спортивными клубами и хорами для своих сторонников. Среди источников дохода, которыми пользовалась БОС, было «бесхозное имущество», оставшееся в результате выселения евреев. Собирая и перераспределяя оставшиеся вещи, БОС занималась различными махинациями: самого Ермаченко впоследствии вызывали для дачи показаний перед немецким начальством в связи с растратами и мошенничеством⁵.

На Украине происходило то же самое: сотрудники местной администрации и полиции часто являлись членами украинских националистических организаций. Несмотря на чистки среди польских и украинских чиновников, в особенности коснувшихся сторонников Бандеры, входивших в ОУН и считавшихся в первые месяцы оккупации ненадежными, украинские националисты часто использовали занимаемые ими должности в своих целях⁶. Однако, чтобы не допустить каких-либо шагов в направлении создания украинского национального государства, украинцы не назначались на должности выше районного уровня.

Главными департаментами в Германском Министерстве по делам оккупированных восточных территорий были департаменты, ведавшие, соответственно, политическими, административными и экономическими вопросами⁷. Управления рейхскомиссара, хauptкомиссара и окружного комиссара имели одинаковую структуру, отличаясь лишь меньшим количеством сотрудников на более низких уровнях. Окружной комиссар обычно имел в своем подчинении несколько чиновников-немцев для решения всех задач в области администрации, здравоохранения, а также финансирования, юрисдикции, культуры, пропаганды, промышленности, труда, цен, транспорта, сельского и лесного хозяйства. Чтобы справиться со всем этим, значительная часть работы перекладывалась на плечи чиновников из местной администрации и переводчиков. Например, в январе 1943 года 25000 немцев, прибывших из Рейха, управляли почти 17 миллионами местных жителей в 443 районах⁸.

Круг немцев, которыми можно было укомплектовывать штат чиновников в гражданской администрации на местах, был весьма ограниченным. Как правило, это были не самые способные люди, так как в Германии руководители, ведавшие отправкой на работу на восток, видели в ней возможность избавиться от личных врагов, сотрудников, сующих нос не в свои дела или просто бездельников⁹. Согласно исследованию, проведенному Бернгардом Кьяри, среди причин, объясняющих, почему немецкие гражданские чиновники отправлялись на восток, материальная выгода и улучшение возможностей карьерного роста преобладали над идейными соображениями. Один чиновник объяснил принятое им решение возможностью оправиться после неудачного брака, начав жизнь заново. Многие из «золотых павлинов», служивших в гражданской администрации (прозванных так за затейливый плюмаж, украшавший их желто-коричневую форму), пользовались среди своих коллег немцев сомнительной репутацией никчемных людей, которые только и делали, что ходили с пистолетом и хлыстом, наслаждаясь своей властью¹⁰.

Интересный образчик психологии немецкого чиновника на оккупированной Украине представляет собой Фриц Грэбе. Гражданский инженер, сотрудник одной из частных компаний, заключивших контракт с управлением железных дорог Германии, он, действуя вопреки гражданским властям и полицейским начальникам, часто мог добиться своей цели пустым хвастовством. Многократно повторяя известную сцену из пьесы «Der Hauptman von Kopernick» («Капитан из Коперника»), он мог ловко убедить мелких чиновников, которые осмеливались спросить об источниках его распоряжений: «Я могу сказать только одно слово — Берлин. Вся информация секретна». Если расспросы продолжались, он, склонив голову на бок и грозя пальцем, говорил человеку, который его спрашивал: «Вам лучше этого не знать. Пока это все, что я желаю сообщить. Вам все понятно? Вы ведь, как и я, хотите победы, если я, конечно, не ошибаюсь. Поэтому вам лучше не мешать мне. Для вас это может обернуться серьезными осложнениями».

Действуя таким образом, он смог защитить многих еврейских и польских беженцев на Украине и помочь им. Он устраивал их на работу в филиалы своей компании в Здолбунове, Дубно, Остроге, Полтаве и в других местах. Не всем из работавших у него евреев удалось пережить многочисленные массовые расстрелы, проводившиеся в этом районе, но его решительное вмешательство во многих случаях оказывалось успешным. Мелкие чиновники, как правило, предпочитали избегать открытой конфронтации с человеком, который, казалось, обладал большей властью¹¹.

Сельскохозяйственная политика на оккупированных территориях осуществлялась местными сельскохозяйственными руководителями (*Landwirtschaftsführer*), которые прибывали из Германии вместе с армейскими частями и вскоре получали должности в гражданской администрации. Имеющиеся в распоряжении документы на 201 немецкого сельскохозяйственного руководителя свидетельствуют о том, что три четверти из них были в возрасте от 37 до 43 лет, и только 35 человек были членами нацистской партии. Большинство этих людей были жителями деревень и не имели нужного опыта руководства крупным хозяйством, что вменялось им в обязанность на востоке¹². Деятельность сельскохозяйственных руководителей заключалась в первую очередь в сборе сельскохозяйственной продукции, производимой местным населением, и передаче этой продукции в ведение районной сельскохозяйственной администрации¹³. В поездках по крестьянским хозяйствам их часто сопровождали полицейские, чтобы обеспечить конфискацию продовольствия. Александр Даллин делает вывод, что многие сельскохозяйственные

руководители так и не смогли приспособиться к чуждой им среде и не имели никаких контактов с местным населением¹⁴.

Главными задачами немецкой администрации были экономическое использование оккупированных территорий и поддержание мира в тылу немецкой армии¹⁵. Однако существовало явное несоответствие между этими целями и тем, каково было отношение к местному населению. В циркуляре, распространенном среди сельскохозяйственных руководителей летом 1941 года, говорилось, что в течение многих веков русские вели голодное и нищенское существование, и к ним не следует проявлять ложного сочувствия¹⁶. Надежды крестьян, связанные с отменой советской колхозной системы, не оправдались; экономически стало жить еще труднее, и все это обращало местное население против немцев.

В Германском руководстве существовали различные мнения относительно передачи в частное владение земли на востоке. В 1941 году министерство, отвечавшее за выполнение плана развития на ближайшие четыре года, и СС одобрили решение продолжать развивать коллективные хозяйства: обе эти организации видели в подобном решении возможность эффективного использования данных территорий перед планировавшимся крупномасштабным переселением людей. Специалисты по Советскому Союзу, такие как Отто Бройтигам (Otto Bräutigam), однако, высказывались за повышение заинтересованности местного населения в увеличении производства сельскохозяйственной продукции, в которой испытывалась острая нужда. В 1942 году была сделана попытка земельной реформы, особенно это коснулось территорий, контролируемых военными. На практике коллективная система хозяйствования была во многом сохранена: к концу 1942 года менее 8% коллективных хозяйств Украины были преобразованы в кооперативы. Реформы, предложенные гражданской администрацией, имели ограниченный характер и вскоре увязли в непреодолимых практических трудностях. В 1943 году немецкие власти предложили давать местным крестьянам землю в качестве поощрения за активную помощь в борьбе с партизанами. Однако к этому времени партизанское движение было уже настолько сильным, что эта мера оказалась неэффективной и запоздалой¹⁷.

Нечто подобное происходило в культурной политике: признание совершённых серьезных просчетов явно запаздывало. На Украине образование было ограничено четырьмя классами школы, и это вызывало недовольство со стороны местного населения¹⁸. В 1943 году рейхскомиссар Кох опубликовал пресс-релиз, в котором говорилось, что «если в Германии университеты закрываются, то и Украина не

имеет права сохранять свои высшие учебные заведения»¹⁹. Похожая ситуация сложилась и в Белоруссии, где к 1942 году осталось менее трети школ, работавших при советской власти²⁰. Эйнзатцгруппа В, находившаяся на территории, контролируемой военной администрацией, сообщала в декабре 1942 года, что выполнение требований местного населения о возобновлении работы школ имело положительный эффект в некоторых местностях²¹; однако многие здания школ были к тому времени реквизированы и превращены в полицейские участки или иные немецкие учреждения. В целом школьная система продолжала разваливаться из-за нехватки оборудования и персонала. К тому же, даже если школа были открыта, многие дети не могли ее посещать, так как они должны были помогать домашним в сельскохозяйственной работе²².

Крах проводимых реформ на практике отразил лень и растерянность многих чиновников, служивших на востоке, после того как надежды на быструю победу не оправдались. По замечанию немецкого историка Бернгарда Кьяри, уже в 1943 году «многие функционеры не понимали, что именно им надлежит делать в той этнически разобщенной и непроходимой болотной стране, которую представляла собой Белоруссия». Один из чиновников запрашивал свежие инструкции относительно политических, национальных и культурных планов развития Минска и всей Западной Белоруссии (*Weißruthenien*), без которых он не знал, какой политики в области культуры ему придерживаться. Немецкая администрация постепенно выпускала из своих рук инициативу и реагировала только на возникавшие критические ситуации. В результате часто принимались поспешные и неадекватные административные меры²³. С нарастанием партизанского движения росло ощущение изолированности у тех, кто служил на востоке; все большее количество «рядовых немцев» испытывали чувство неуверенности и подавленности²⁴.

Ослабление боевого духа проявлялось в участившихся случаях взяточничества, пьянства и даже «братания» с местным населением. В районном центре Коссово к югу от Слонима, произошел ряд чрезвычайных происшествий, с участием сотрудников местной жандармерии. По приказу Гиммлера было проведено тщательное расследование этих происшествий. 8 августа 1942 года начальник участка, в котором работало 10 жандармов и примерно 40 полицейских из числа местных жителей, оставил свой пост, не имея на то каких-либо распоряжений сверху. Силы жандармерии отступили в расположенный неподалеку город Ивацевичи, чтобы избежать готовившегося, по их сведениям, нападения крупного отряда партизан. Вскоре после этого начальник участка *Meister* Густав Ланге покончил с собой.

В результате проведенного СС расследования выяснилось, что Ланге и другие жандармы вступали в отношения с местными женщинами, которые в свою очередь были связаны с партизанами. Сообщалось, что с 8 августа по 29 сентября, когда город находился в руках партизан, бывшая любовница Ланге все время жила в здании партизанского штаба. Остальные жандармы были приговорены к лишению свободы от 10 дней до двух лет за то, что похищали ценности, принадлежавшие евреям, имели русских любовниц или укрывали евреев от СД²⁵. Эта удивительная история несколько открывает действительную картину того, что происходило в этих местах, но редко просачивалось в официальные немецкие отчеты.

Внимательное изучение имеющихся источников дает нам дальнейшие свидетельства о распространенных правонарушениях. Согласно официальным приказам категорически запрещалось торговать на черном рынке и вступать в отношения с местными женщинами²⁶. Подобные запреты часто являются свидетельством о том, что происходило на самом деле. Назначения в тыл на восток не сулили ничего хорошего и становились все более опасными. Мало кому удавалось получить отпуск домой, да и то лишь на пару недель в течение года; женам было запрещено приезжать к мужьям на восток²⁷. Несмотря на строгие нацистские расовые законы, местные источники сообщают о том, что у некоторых немецких чиновников любовницами были местные женщины и даже еврейки²⁸. Более распространены были случаи алкоголизма. Так, один жандарм получил выговор за то, что бросил тень на «честь немца» и подверг жизнь опасности во время пьянки на отдаленном полицейском посту, поскольку этот пост постоянно подвергался нападениям со стороны партизан²⁹. Традиционный образ дисциплинированного и законопослушного немца при ближайшем рассмотрении отнюдь не соответствовал действительности. Соблазны черного рынка были следствием катастрофического экономического положения на востоке, и в первую очередь в больших городах³⁰.

В задачи немецкой экономической политики не входило создание промышленного конкурента на востоке. Эта территория должна была, по замыслу немцев, служить источником сырья и ресурсов для промышленного производства в Германии³¹. Прежде всего, большие надежды возлагались на то, что украинская житница ослабит воздействие блокады союзников, которая в годы Первой мировой войны привела к росту смертности в Берлине³². Приоритетной задачей являлось обеспечение армии продовольствием, обмундированием, транспортом и всем необходимым прямо на месте. Производство товаров, особенно товаров народного потребления, и без того огра-

ниченное при советской власти, в годы немецкой оккупации окончательно пришло в упадок.

Детальный анализ практических последствий Германской экономической политики можно провести, основываясь на сохранившихся регулярных отчетах по Брестскому округу, начиная с конца 1941 года. Недальновидность Германского управления вскоре начала отрицательно сказываться, особенно по мере того, как война принимала все более затяжной характер. В феврале 1942 года новый окружной агроном в Бресте жаловался на то, что хлебный паек для «арийского» населения сократили вдвое, а евреи вообще ничего не получали в течение трех месяцев. Произошло это вследствие того, что его предшественник изъял у крестьян все, что было возможно³³.

Нехватка продовольствия особенно остро чувствовалась в городах, где к лету 1942 года население практически ничего не получало, кроме скудного хлебного пайка. Городские жители делали вылазки в деревню, в надежде купить продукты по любой цене. Отсутствие продовольствия заставляло людей бросать работу в городе и перебираться работать в деревню, просто чтобы прокормиться. Это привело к увеличению контактов городского населения с партизанами, которые умело пользовались недовольством граждан тяжелым экономическим положением. В немецком отчете за август 1942 года говорилось о необходимости улучшения снабжения продовольствием местного населения, чтобы способствовать успешной борьбе с партизанским движением³⁴.

Рапорт, подготовленный в конце 1942 года эйнзатцгруппой В положении на территории, находящейся еще дальше к востоку и контролируемой военной администрацией, говорит об основных проблемах, существующих в городах. Несмотря на введение карточной системы, городские жители продолжали страдать от недостатка продуктов: жиры и мясо почти исчезли, карточки на основные предметы потребления отоварить сложно. На рынках крестьяне рвались обменивать продукты на мыло, спички, водку или одежду. На продукты, продаваемые за деньги, цены были слишком высокими для большинства городских жителей, у которых уже не оставалось ничего, что можно было пустить в обмен на продовольствие. В результате нехватки продовольствия в городах почти вся пригодная одежда перекочевала из городов в деревни. Отсутствие необходимой одежды и отопления, постоянные перебои с электричеством сделали зиму особенно мрачным временем для оставшихся в городе жителей³⁵.

В результате «ликвидации» Брестского гетто в октябре 1942 года прекратилась контрабанда продуктов в гетто³⁶. Однако торговля на

черном рынке по взвинченным ценам продолжалась, как и прежде. К весне 1943 года стало ясно: даже если повысить заработную плату, люди лучше работать не будут. Деньги, получаемые в качестве зарплаты, обесценились на черном рынке, который стал единственным надежным источником продуктов питания. Немецкие чиновники предлагали платить натурой, что, по их мнению, должно было стать значительно более действенным стимулом для местного населения³⁷. Некоторым государственным служащим, включая сотрудников шутцманств, выдавали премии непосредственно натурой (например, водку) в целях укрепления их ослабевающей лояльности и подъема морального состояния³⁸.

Немецкие экономические проблемы были отчасти связаны с вопросами распределения. В конце лета 1942 года немецкая администрация в Минске не смогла обеспечить выдачу продуктов питания по карточкам. Несмотря на достаточный запас картофеля в Барановичах и Новогрудке, его не удалось доставить из-за отсутствия бензина³⁹. В связи с резким усилением партизан в сельской местности и их постоянными нападениями на немецкие коммуникации, требовалось больше сил (включая местную полицию), обеспечивающих безопасность сбора урожая и сопровождения транспортных колонн с продовольствием⁴⁰.

Во время оккупации немецкие власти организовали сбор огромного количества зерна и скота для отправки в войска и в Германию⁴¹. Изымалось такое количество, что заставить крестьян продолжать много работать можно было только используя силу. На практике жестокие реквизиции вынудили крестьян производить лишь столько продуктов, сколько требовалось, чтобы прокормить самих себя. Показательным может служить циркуляр, выпущенный генеральным комиссариатом города Николаев в августе 1942 года, устанавливающий нормы реквизиций: «Для определения размера реквизиций необходимо вычесть из общего урожая семенное зерно (в том числе и на весну); зерно для питания сельским жителям (12 килограммов зерна в месяц на одного работоспособного человека старше 14 лет и половины этого количества для детей до 14 лет), а также фуражное зерно для рабочего скота.... Все остальное необходимо сдать»⁴².

Естественно, эти контрибуции становились более жесткими по мере того, как денежная экономика разваливалась, а запасы истощались. Житель Еремичей вспоминает: «Сначала мы платили немцам налоги деньгами. Насколько я помню, был специальный человек, который собирал у нас деньги. Позднее немцы ходили по домам и уводили скот»⁴³.

Неудачи доставки зерна и скота, требуемой немецким начальством, привели к введению карательных мер. Как и при царском режиме, полиция выступала не только в роли блюстителей закона, но также собирала налоги и следила за соблюдением других экономических постановлений. Полиция и местные старосты часто были единственными представителями государственной власти, которых видели крестьяне⁴⁴. Местная полиция проводила обыски, пытаясь найти спрятанное зерно. В деревне Студеница под Винницей одна крестьянка была выпорота и затем повешена полицией за сокрытие зерна, которое было обнаружено при обыске в ее доме⁴⁵. Бывший полицейский из села Новая Мышь вспоминает, как его отряд обходил деревни в районе «с целью собрать зерно в крестьянских хозяйствах, которые ... не выполнили нормы, установленные немцами»⁴⁶.

Положение местного населения еще более ухудшилось в декабре 1941 года с введением обязательной трудовой повинности⁴⁷. На евреев принудительный труд распространялся с самого начала оккупации. Согласно новым распоряжениям, нееврейское неработающее население должно было регистрироваться на бирже труда и получить назначение на определенную работу. Оплата производилась в соответствии с установленными расценками; тех, кто уклонялся, отправляли в тюрьму. Следующим указом запрещалось переманивать работников у других работодателей, обещая им более высокую зарплату⁴⁸. Эти меры наглядно свидетельствуют об остром недостатке рабочей силы, особенно обострившейся вследствие насильственной отправки людей в Германию для работы в сельском хозяйстве, на военных заводах или в качестве прислуги.

Местные крестьяне уже знали, что такое трудовая повинность, и видели в ней возвращение к знакомой им системы эксплуатации. Крестьянка из Несвижского района вспоминает: «Мы с мужем работали в своем хозяйстве, но раз в неделю его заставляли трудиться на полях»⁴⁹. Усиливающийся недостаток рабочей силы стал особенно чувствоваться летом и осенью 1942 года после «ликвидации» гетто. Чиновник из гражданской администрации Бреста сообщал в отчете: «Потеря работников-евреев создает дефицит рабочих рук среди служащих. Его можно восполнить только за счет сельских жителей, что в свою очередь негативно скажется на селе, но с этим придется мириться»⁵⁰.

Что касается трудовой политики, массовые депортации людей на работу в Германию губительно сказались на отношении местного населения к немцам. Подобная политика, начавшаяся в январе 1942 года, вскоре начала встречать всеобщее сопротивление. К июню 1942 года немецкие власти угнали из Украины более 100.000 ра-

бочих. Однако в Западной Украине гражданская администрация не надеялась выполнить квоту на поставку более полумиллиона рабочих. Сопротивление депортациям уже начало набирать силу, особенно на севере, в лесных районах, где партизанское движение было сильнее⁵¹.

К 1943 году люди не хотели ехать на работу в Германию добровольно, в связи с чем начали проводиться крупномасштабные облавы силами жандармерии и шуцманства, которые обычно врывались в дома под утро. Для отправки больших партий рабочих использовали шуцманов с ближайших полицейских постов, которые участвовали и в облавах, и в конвоировании рабочих. Однако о цели таких операций шуцманам заранее не сообщали⁵².

В приказе, изданном командиром СС и начальником полиции (SSPF) Коростеня 31 мая 1943 года, говорится о неудавшихся крупных облавах в этом районе и о необходимости более осторожного подхода: «Проведенная облава на лиц 1923–25⁵³ годов рождения в этом районе почти не дала результата. Украинцы и украинки указанного возраста спрятались, или убежали в лес, и возвратились после того, как колонна уже была отправлена. Организация следующей крупномасштабной акции только усугубит ситуацию. Поэтому на украинцев указанных годов рождения, как мужчин, так и женщин, следует делать облавы изредка и только в заданной конкретной местности, и сразу отправлять на сборный пункт в Коростень. Те, у кого имеется белый билет, выданный отделом труда, сбору не подлежат. Все подобные мероприятия должны проводиться так, чтобы привлекать как можно меньше внимания»⁵⁴.

В приказе начальника полиции охраны порядка Житомира от 17 июня 1943 года подчеркивается необходимость избегать излишней жестокости по отношению к рабочим и другому местному населению при проведении облав, так как это не только нанесет урон образу немецкой полиции, но и приведет к саботажу данных мер и вызовет ненужные волнения среди местного населения⁵⁵.

В качестве примера тех трудностей, с которыми сталкивались немцы при выполнении квот, можно привести случай в Брестской области. Летом 1943 года местными властями одного из районных центров был вывешен список из 53 человек, которых предстояло отправить на работу в Германию. Однако, как вспоминает один из местных жителей, на деле были отправлены лишь несколько человек. Некоторые девушки были отпущены, так как у них были связи в местной полиции; кто-то откупился взятками⁵⁶. Окружной комиссар сообщал, что многие сбегали по дороге на регистрационный пункт или не являлись вообще⁵⁷. Один сельский житель из-под

Бреста вспоминает: «Я явился в школу на медицинскую комиссию перед отправкой в Германию. В то время я был абсолютно здоров, уцепиться было не за что. Но так как мой знакомый Г. до того успел переговорить с кем-то из немецких властей и “подарить” ему продукты и самогон, мне выдали справку, в которой говорилось, что я болен. Не знаю, какой там был указан диагноз, но помню, там было написано слово “krank”, то есть больной. Так я избежал отправки на принудительные работы в Германию»⁵⁸.

В послевоенном докладе Советской Чрезвычайной Комиссии говорится, что 2200 жителей Несвижского района были отправлены на принудительные работы в Германию. В Москве хранятся подробные сведения о 150 рабочих, возвратившихся в конце оккупации. Из них 60,5% родились после 1920 года; 23,7% — в период между 1911 и 1920 гг.; 15,8% — до 1910 года. Даже учитывая тот факт, что некоторые из этих людей были родственниками полицейских, которые ушли с немцами при отступлении, или тех, кого арестовали и отправили в концентрационный лагерь за связь с партизанами, можно сделать вывод, что большинство угнанных на работу родились после 1920 года, и им не исполнилось еще 20 лет⁵⁹.

Депортации все больше и больше становились частью жестокой системы поощрений и наказаний, применяемой немцами с целью осуществления контроля над местным населением. Кого-то арестовывали, подозревая, что они связаны с партизанами и всей семьей угоняли в Германию; другие добровольно шли служить в полицию, чтобы избежать насильственной депортации⁶⁰.

Во многих немецких докладах признается, что депортации оказались политически катастрофическими для немцев и выгодными для партизан. Типичным является замечание генерального комиссара Волыни-Подоллии, сделанное в апреле 1943 года, в котором отмечается, что принудительный набор украинских рабочих на работу в Германию «приравняется вражеской пропагандой к ссылке в Сибирь»⁶¹. В Брестском округе скоро стало ясно, что никто не хочет ехать в Германию добровольно. В частности, к первому набору приступили совершенно непродуманно, и в результате многие рабочие и крестьяне просто бежали в леса, чтобы их не схватили⁶². Тем самым их буквально загнали в объятия партизан⁶³.

Несомненно, эффективности проводимой политики отнюдь не способствовало то, как она осуществлялась. Многие из транспортов, шедших в Германию и обратно, состояли из нетопленых теплушек. В этих обстоятельствах число перевозимых людей было увеличено, а на пол подстилали солому, чтобы сохранить тепло⁶⁴. Советская контрпропаганда активно использовала сведения о подобном

обращении с людьми, добавляя к ним описания ужасных условий в лагерях «рабского труда»: «Однажды пришли немцы и увезли меня в чужую страну. Я ехал с людьми, которые верили, что им будет хорошо в Германии. Им так обещали немцы. Приехав в Германию, я оказался за колючей проволокой. Кормили очень плохо, но работать заставляли с утра до ночи. В Германии многие болеют, и их убивают, просто потому, что они больны. Я убежал из Германии потому, что хотел жить»⁶⁵.

Было бы неправильно полагаться исключительно на советскую пропаганду, чтобы представить себе положение рабочих, которых отправляли в Германию из восточных территорий (Ostarbeiter). Последние исследования отмечают, что условия различались в зависимости от того, куда направлялись рабочие. На маленьких семейных фермах можно было рассчитывать на более гуманное отношение. Несмотря на правила, на ферме работник и хозяин «сидели за одним столом и ели одно и то же». Владельцы ферм были заинтересованы в том, чтобы хорошо обращаться со своими восточными рабочими, чтобы сохранить драгоценную рабочую силу⁶⁶.

Условия на заводах, как правило, были значительно хуже, чем на фермах. Бывший французский рабочий завода Фольксваген в Вольфсбурге вспоминает условия, в которых находились восточные рабочие: «Как правило, охранники очень плохо с ними обращались; они жили в грязи в ужасающей нищете без нужной одежды, невымытые и голодные»⁶⁷. По воспоминаниям одного бывшего остарбайтера, некоторые заводские рабочие вызывались добровольно работать сверхурочно на фермах: «После основной работы хозяева нас забирали на фермы, чтобы мы им там помогали. Те, у кого хватало сил, работали на них... За работу фермеры нас очень хорошо кормили. Нам давали молоко и хлеб с маслом. В лагере мы очень плохо питались»⁶⁸.

В целом, по свидетельствам немцев, остарбайтеры были хорошими работниками, с ними было легко иметь дело, что противоречило образу, создаваемому немецкой пропагандой⁶⁹. В то же время, унижительное положение, в котором они находились: необходимость ношения отличительных знаков, сходных с теми, которые носили евреи, ограничения в передвижении и плохое питание — все это усиливало в них чувство третьеразрядности в сравнении с немцами. Те, кто попал в первые добровольные наборы, были особенно разочарованы подобным обращением. Приводим выдержку из одного письма, отправленного из Германии на Украину: «Дорогие родные, мы живем в бараках; каждый барак окружен забором, ворота на заборе, и мы сидим здесь как в тюрьме»⁷⁰.

К декабрю 1943 года около 1.800.000 человек было депортировано из оккупированных советских территорий на работу в Германию. На заводах в Германии опаснее всего были бомбардировки, осуществляемые союзниками, и инфекционные заболевания в переполненных бараках. Можно утверждать, что благодаря этой многочисленной рабочей силе военная промышленность Германии продолжала работать в период острого дефицита рабочей силы. Однако эти факты отрицательно сказывались на настроении населения восточных территорий в целом, способствовали росту партизанского движения и усилению его поддержки со стороны населения. Учитывая жестокую карательную политику, которой придерживалась Германия, некоторые из депортированных, вернувшись после войны, обнаруживали, что их семьи убиты, а дома разрушены.

В пропагандистской войне за умы и сердца людей немцы, возможно, побеждали у себя дома⁷¹, но непоправимо уступали Советам на оккупированных территориях. Летом 1942 года окружной комиссар Слонима сообщает в рапорте о быстром ухудшении настроения местных жителей по мере того, как их надежды на новую власть не оправдывались: «В целом политическая ситуация сейчас хуже, чем год назад, когда мы начинали свое строительство. Тогда население было чрезвычайно воодушевлено мощью и быстротой победоносного марша немецких войск и с готовностью и лояльностью выполняло все наши требования. Более того, они возлагали надежды на улучшение жизни: поначалу им говорили, что за преданность новому политическому режиму и безупречную работу они получат в собственность землю соразмерно своему труду»⁷².

Не оправдавшиеся ожидания местного населения и ухудшение военного положения Германии привели к тому, что к концу оккупации нельзя было доверять даже тем, кто активно сотрудничал с новой властью. Бывший сельский староста впоследствии с горечью отмечал отсутствие усердия у местных десятников, назначенных им в 1943 году, в задачи которых входило выявление партизан и помощь в сборе продовольствия для немецкой армии: «Нужно сказать, что они плохо выполняли мои распоряжения и не следовали моим инструкциям, что сами они... тоже должны сдавать хлеб и мясо немцам»⁷³.

Позднее немцы все же усилили свою пропаганду, пытались поднять дух местных жителей, сотрудничавших с ними, в тех селах, которые еще находились под немецким контролем. Произносилось много речей, распространялись пропагандистские листовки. Особое внимание уделялось шутманству, где образовательные темы варьировались от «обязанностей белорусов в борьбе за новую Ев-

ропу» до предостережений об опасности употребления самогона⁷⁴. Типичным образцом немецкой пропаганды лета 1943 года может служить следующее обращение к врагам:

«Партизаны!

Вас обманывают евреи и большевики. Вы являетесь только слепым орудием для выполнения их низких и бесчеловечных приказов, направленных против русских людей. Не верьте заявлениям евреев и большевиков, распространяемым их пропагандой, что эта война ведется немцами с целью порабощения России или против русского народа...

Там, где появляется немецкая армия, исчезает рабский труд, голод и террор НКВД и торжествует свобода»⁷⁵.

Однако самым действенным способом пропаганды немцы считали казнь жителей целых деревень за то, что они поддерживают партизан. Слухи распространялись быстро, и это должно было привить крестьянам уважение к новой власти⁷⁶. Но именно такие жестокие карательные меры умело использовались советской пропагандой:

«Фашистские изверги появились ранним утром в селе Крашин и организовали сущую бойню. Они варварски согнали в амбар детей, женщин и стариков и подожгли его. Заживо сгорело 150 человек. Все жители деревни, которые не смогли убежать в лес, были убиты. Жители деревень Лядки, Новое Село, Погорелка и многих других деревень Барановичского района погибли от кровавых рук гитлеровских палачей»⁷⁷.

Отчеты Советской Чрезвычайной Комиссии, составленные сразу после освобождения этой территории Красной армией, также носят пропагандистский характер. По прошествии более пятидесяти лет невозможно с точностью определить масштаб грабежа и разрушений за три года оккупации. К подробным отчетам, составленным Советскими Чрезвычайными Комиссиями, следует относиться с определенной долей скептицизма, так как они были написаны партийными функционерами, и пропагандистские цели играли при этом не последнюю роль. Подробные списки разрушенного имущества создавались с намерением получить от Германии компенсацию. В эти документы был включен также ущерб, нанесенный в результате боев, а также утраты, которые произошли вследствие действий различных партизанских отрядов. Тем не менее, представленные в отчетах цифры дают читателю яркую картину невероятных по масштабу разрушений, которые подобно смерчу прокатились по Белоруссии и Украине. Так, в одном из отчетов говорится, что «в годы немецкой оккупации в Несвижском районе погибло более ста гектаров лесных угодий. Немцы отправили в Германию 3000 лошадей, 15.000 овец, 6.000 коров, 18.000 свиней

и 1.200.000 голов птицы; разорили и забрали с собой 500 пчелиных семей, 593 единицы сельскохозяйственных машин и оборудования, 24.000 тонн зерна, 45.000 тонн картофеля, сожгли более 1000 жилых домов и более 1000 надворных построек. Общий ущерб частному сектору составил более 164 миллионов рублей. За время своей власти немецко-фашистские захватчики разорили и уничтожили в Несвижском районе города Снов и Городею, села Ужанка, Дальняя Городея, Горная Городея, Качановичи, Огородники; разрушили от 50 до 60 процентов прекрасного старинного города Несвиж. Эти населенные пункты были варварски уничтожены немцами во время их смертоносных воздушных налетов и нападений отдельных подразделений СС, сопровождающихся массовыми поджогами. В результате этих действий погибло более 3000 человек»

В том же отчете отмечается, что немцы уничтожили и культурное наследие этого района, так как были вывезены все ценные вещи, картины, скульптуры, книги и мебель из древнего замка князя Радзивилла⁷⁸. Грабеж произведений искусства явился следствием деятельности эйнзатцштаба Розенберга (*Einsatzstab Rosenberg*), созданного специально для составления списка культурных ценностей восточных территорий и определения возможностей их использования, и некоторых других немецких организаций, а также отдельных граждан Германии, действовавших по собственной инициативе. Многие произведения искусства непоправимо пострадали в хаосе отступления 1944 года из-за несоблюдения требований транспортировки подобных грузов; многие предметы не были должным образом укрыты от непогоды⁷⁹. Эти бессмысленные грабежи и жестокие разрушения довершают картину оккупации в целом.

Принудительная отправка молодежи на работу в Германию, безжалостная эксплуатация сельскохозяйственного и промышленного производства в целях поддержания войны, которую вела Германия, не оставляют сомнений в том, какая вассальная роль отводилась народам оккупированных территорий. Проводимые немцами экономические меры разбили надежды местного населения на перераспределение земли. Политические репрессии против населения сопровождались усиливающимся полицейским террором с использованием сил шуцманства. Роль местной полиции заключалась не только в эффективном осуществлении экономической эксплуатации и депортации молодежи в Германию, но после истребления евреев, также в проведении карательных операций в отношении местного населения как одной из мер борьбы с партизанами.

Грандиозные планы колонизации восточных территорий, лежавшие в основе гитлеровского вторжения, выполнялись в первую оче-

редь в виде чудовищной очистки определенных районов от местных жителей. Запоздалые попытки завоевать поддержку народа путем ограниченных экономических и политических уступок сводились на нет поднимавшейся партизанской силой. Полностью осознать чудовищную реальность немецкой оккупации и коллаборационизма на местном уровне можно лишь подробно изучив партизанскую войну на востоке.

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА. 1942–1944 гг.

Потери мирного населения на Украине и в Белоруссии во время Второй мировой войны — одни из самых высоких среди европейских стран. Согласно официальным оценкам, Белорусская Советская республика потеряла примерно треть своего населения. Это была невиданная демографическая катастрофа, исторически сопоставимая лишь с такими катаклизмами, как «Черная смерть» или Тридцатилетняя война. Значительную часть этих потерь можно, по-видимому, отнести на счет последствий советских депортаций, истребления евреев, потерь Красной армии, немецких депортаций и послевоенной эмиграции. Но и за вычетом этого, потери гражданского населения исчисляются сотнями тысяч¹.

Значительная часть потерь нееврейского гражданского населения была вызвана насильственной смертью в результате интенсивной партизанской войны, которая с особой силой бушевала в северных областях Украины и в Белоруссии. Наиболее сильные разрушения были, несомненно, нанесены крупными анти-партизанскими операциями, предпринятыми немецкой армией, частями СС и полицией с целью тотального опустошения больших территорий. В ходе таких рейдов сотни деревень вместе с их обитателями были буквально стерты с лица земли и так никогда и не восстановлены, ибо в живых не осталось ни одного человека. В некоторых районах соперничающие между собой партизанские группы сражались друг с другом или нападали на гражданских лиц, принадлежавших к другим этническим группам, причем с изменением общей политической обстановки их взаимоотношения тоже постоянно изменялись.

В своей первоначальной оценке партизанского движения немцы стали жертвами собственной идеологии. Их доклады 1941 г. обычно преувеличивают степень партизанской активности населения, которое на самом деле оставалось либо пассивным, либо даже доброжелательным по отношению к своим новым господам. Немецкие чиновники отчасти искали предлога для оправдания ничем не спровоцированных массовых убийств евреев, которые в тот период лишь начинали оказывать им вооруженное сопротивление². Что же касается большинства местного населения, то по отношению к ним

политика немцев представляла собой сочетание экономической эксплуатации и политических репрессий, что особенно явно проявилось в обращении с военнопленными и в принудительной отправке на работу в Германию. Это способствовало тому, что местное население отвернулось от немецких оккупантов.

В этих условиях продолжающееся ожесточенное сопротивление советских войск на фронте и умелая пропаганда создавали благодатную почву для советского партизанского движения во многих районах. К лету 1942 г. небольшая группа бывших военнослужащих Красной армии и руководители советских партизан начали мобилизовывать и использовать растущую волю к сопротивлению³. Жестокие репрессии немецкой полиции против целых общин в свою очередь усиливали партизанскую борьбу, вовлекая в нее почти все население. К концу 1943 г. немцы уже утратили контроль над обширными сельскими территориями; во многих районах их влияние ограничивалось лишь городами и главными линиями коммуникаций⁴.

Западные историки уделяли относительно мало внимания партизанской борьбе за линией фронта, особенно в районах, находившихся под контролем немецкой гражданской администрации⁵. В настоящее время доступ к новым источникам позволяет подробно исследовать характер этой борьбы с точки зрения участия в ней местного населения. Ценный материал о развитии партизанского движения на местном уровне в первый год оккупации дают воспоминания одного бывшего партизана из района Мир.

Летом 1941 г. отступающие советские солдаты бросили свое оружие в реку Неман. Местные жители достали это оружие и спрятали его, предполагая оказать какое-либо сопротивление немецким оккупационным силам в будущем. С самых первых дней войны немцы и местные полицейские регулярно являлись в деревни и отбирали у крестьян скот и продукты. В это время еще не было никаких партизан, и никакого сопротивления никто не оказывал.

Партизанское движение в районе Мир начало организовываться в 1942 г. По словам нашего партизанского информатора из деревни Бережно, «зимой 1941–42 гг. в нашей деревне было пять активистов, в том числе и я. Мы ходили туда, где спрятали брошенное советское оружие, и учились с ним обращаться. Мы боялись, что о нас узнают немцы, и по ночам ставили для наблюдения двух часовых на дороге за деревней и одного — в самой деревне. К маю 1942 г. число активистов в Бережно возросло до 28. Из них пятеро были советские солдаты, которые при отступлении остались в деревне и там работали»⁶.

Судя по немецкому докладу по Минской области, зимой 1941–42 гг. больше всего неприятностей немцам доставляли несколько грабителей, промышлявших в районе Слуцка и Ганцевичей. В то же время партизаны пытались вербовать военнопленных, которых отпустили из лагерей для работы в колхозах, а также других гражданских рабочих. В марте 1942 г. партизаны начали готовиться к своему летнему наступлению. Как только растаял снег, активность партизан усилилась, потому что им стало легче передвигаться незамеченными. Теперь они начали терроризировать тех, кто работал на немецкую администрацию⁷.

Примерно в это же время немцы начали усиливать свои контрмеры. Так, весной 1942 г. деревня Антоньево близ города Мир «была сожжена в качестве репрессивной меры против партизан и в наизидание местному населению, дабы предотвратить его сотрудничество» с партизанами⁸. Однако подобные акции зачастую лишь способствовали переходу к более активному сопротивлению. Например, один поляк из Несвижа, Юзеф Мархвинский, бежал к партизанам в апреле 1942 г. после того, как внучка соседа предупредила, что немцы его разыскивают. Ему повезло: когда немцы местные полицейские пришли за ним, его не было дома. Оружие, которое он раздобыл накануне, он захватить не успел, но залез на чердак и выбрался через крышу. Он вспоминает, что «благодаря девочке, которая нас предупредила, мы не попали в лапы нацистских головорезов, и, несмотря на сильный огонь, который те открыли, добрались до леса Альба в двух километрах от нашей деревни»⁹. Таким образом, чудом избежав ареста, он стал партизаном.

В мае 1942 г. немцы издали приказ, согласно которому всем бывшим советским военным служащим надлежало явиться в Мир для перерегистрации. Наш информатор из Бережно вспоминает: «Пять бывших советских солдат, находившихся в Бережно, решили никуда не ходить. Поэтому мы снабдили их оружием, и они убежали в лес. Можно сказать, что к этому времени уже возникла какая-то форма партизанского движения. Я вместе с другими активистами оставался в Бережно. Мы помогали на фермах наших родителей, потому что там было еще много работы. В леса мы бежали только в июле или августе 1942 г., когда все работы были закончены»¹⁰.

В других местах, например в Бресте, события развивались в такой же последовательности. В 1941 г. первоначальное ядро пограничников и бывших красноармейцев ушло в подполье. Они пользовались пассивной поддержкой местных жителей, а летом 1942 г. перешли в наступление против немцев. Так, 21 июня 1942 г. на Брестском шоссе была атакована немецкая транспортная колонна.

Судя по докладу партизан, при этом были уничтожены 4 грузовика и 1 легковой автомобиль. Немцы понесли значительные потери¹¹. Это подтверждается немецкими докладами о потерях, в которых сообщается о гибели двух жандармов в этом районе в конце июня¹². Послевоенные судебные разбирательства свидетельствуют, что вскоре после этого немцы приняли жестокие карательные меры. «Летом 1942 г. после уничтожения немецкого легкового автомобиля на шоссе, немцы наказали близлежащие деревни. В Збунине они расстреляли несколько человек, а их дома сожгли. Близ станции Дубица они разрушили Смолярню, после чего отправились в деревню Леплевка. Многие крестьяне успели убежать, но человек десять немцы все же поймали и застрелили, а около полусотни домов сожгли»¹³.

В сентябре начальник СС и полиции Ганс-Адольф Прюцман выпустил инструкции, согласно которым, ввиду недавних потерь, нанесенных атаками партизан, офицерам полиции охраны порядка на Украине рекомендовалось без особой надобности воздержаться от ненужных поездок на автомобилях¹⁴.

В Западной Белоруссии части СС, участвовавшие в ликвидации гетто в окрестностях Вилейки в мае 1942 г. отмечали, что «тревожные слухи о партизанах в большинстве случаев преувеличивали опасность и часто оказывались всего лишь ложной тревогой»¹⁵. Партизаны в это время распространяли слухи, преувеличивавшие их силы, делая это по тактическим соображениям, с целью запугать противника и облегчить проведение своих операций. Шалом Холавски вспоминает: «Мы скоро поняли, что в партизанской войне слухи об оружии важнее самого оружия, и что для распространения этих слухов нужно установить связь с населением. Мы работали над созданием иллюзии нашей великой мощи. Мы раздували слухи о силе и о победах, а эти слухи в свою очередь возбуждали воображение крестьян, которые при пересказе еще больше их преувеличивали и искажали»¹⁶.

Летом 1942 г. активность партизан действительно возросла. Один жандарм рассказал, что с лета 1942 г. «в связи с риском наткнуться на партизан вокруг Мира патрули проводились реже, но полицейских в них участвовало больше»¹⁷. После того, как 9 июня 1942 г. барановичская полиция безопасности понесла тяжелые потери близ Налибоки, в Рейхскомиссариате Остланд было созвано совещание для обсуждения растущей опасности, исходящей от партизан. На совещании особо подчеркивалось, что ситуация требует значительного увеличения численного состава полицейских сил¹⁸.

Чтобы противостоять растущей угрозе, не ослабляя фронтовые части, было принято решение усилить местную полицию. В соответ-

ствии с этим в июле—декабре 1942 г. численность *Shutzmannschaft-Einzeldienst* возросла с 30.000 человек до более чем 200.000¹⁹. Такой быстрый рост изменил и характер шуцманства. Если раньше оно было небольшой добровольной организацией, то теперь превратилось в структуру, которую можно было создать лишь посредством какой-либо формы принудительного призыва²⁰.

О реальном усилении активности партизан ясно свидетельствуют немецкие оперативные сводки на местном уровне. В них стало содержаться меньше пропаганды и больше суровых фактов. Например, в конце июня 1942 г. в районе Мира патрулю, состоявшему из 2 жандармов и 27 шуцманов, удалось предотвратить налет отряда из 50 партизан на деревню Обрина с целью захватить зерно. В жестокой схватке был убит коммунист — бывший руководитель Еремичей и расстреляны два человека по подозрению в том, что они — агенты партизан²¹.

Одновременно немцы и местные полицейские понесли первые потери, а родственники павших в бою шуцманов начали получать за них компенсации²². Из сводок жандармерии Житомира видно, что сообщения о первых жертвах вызвали настоящий шок: «Мы попали в немилость судьбе. Обрушившись на нас, словно гром среди ясного неба, она забрала двоих наших товарищей-жандармов»²³. Именно в ответ на эти потери немцы прибегли к жестокому репрессиям, что заставило всех участников игры повысить свои ставки.

Начиная с зимы 1941—42 гг. советские партизаны развернули пропагандистскую кампанию среди населения, умело используя немецкие неудачи на фронте. Они распространяли сведения о немецком отступлении и о захвате Красной армией оставленных ею в начале войны городов. В подтверждение этого на стенах вывешивались плакаты, которые содержали также призывы вступать в партизанские отряды и угрозы тем, кто сотрудничает с немецкими властями²⁴. Многие из первоначальных нападений были направлены против сельских старост и полицейских в отдаленных деревнях. Демонстрируя неспособность немцев защитить своих подручных от партизан, это, в свою очередь, затрудняло их старания восполнить понесенные потери.

Необходимо подчеркнуть, что вначале партизанское движение развивалось стихийно. Первые толчки к сопротивлению исходили от бывших коммунистов и красноармейцев, которые прятались в лесах и вначале не имели никаких контактов с Москвой. Организация сопротивления в Минском гетто тоже возникла без всяких приказов «сверху»²⁵. Узников, в том числе даже подростков, к активному сопротивлению подталкивала жестокость немцев. Наш информатор,

бывший партизан из Бережно, вспоминает: «В лесах были и другие организованные группы из деревень Синявская Слобода, Погорелка и Лядки. Наша база находилась в Налибокском лесу. Первая группа называлась “Комсомольской”, потому что большая часть ее членов были очень молоды. Нас было 56 человек. Мы сразу начали устраивать засады около Еремичей и Турца. Мы перерезали телефонные провода. Другие группы минировали железнодорожные пути»²⁶.

В каждой деревне партизаны установили сеть контактов, с помощью которой получали предупреждения о деятельности полицейских. Жена одного партизана (выполнявшая обязанности курьера) из одной деревни близ Деречина (Слонимский округ) вспоминает: «Днем полицейские могли свободно разгуливать по деревне и получать еду от сельчан. Партизаны приходили только ночью, но они не могли быть уверены, ушли полицейские или нет. Могло так произойти, что зайдет партизан в какой-нибудь дом, а там ночует полицейский. Поэтому я ходила по дворам и узнавала, нет ли там полицейских»²⁷.

Партизанские агенты из числа местных жителей тайно передавали партизанам оружие и боеприпасы полицейских²⁸. Некоторые полицейские, возможно, играли двойную роль вполне сознательно, чтобы обезопасить себя на случай, если в войне победит другая сторона. На послевоенных судебных разбирательствах бывшие полицейские нередко утверждали, будто регулярно снабжали партизан боеприпасами и информацией²⁹. Однако разоблачение могло кончиться смертью, причем не только этого полицейского, но и всей его семьи. Для передачи оружия и информации партизаны часто прибегали к помощи детей. Для этих, по сути своей, взрослых заданий могли быть использованы комсомольцы³⁰.

Успех партизан безусловно в большой степени зависел от поддержки местного населения. Когда во второй половине 1942 г. соотношение сил на фронте начало меняться, активность партизан тоже возросла. Немецкие акции против евреев тоже способствовали увеличению числа людей, бежавших в леса и полных решимости оказывать сопротивление немцам. Некоторые немецкие сводки отмечают влияние этого фактора и подчеркивают необходимость вылавливать беглецов³¹. Между тем советские партизаны далеко не всегда радостно встречали бежавших к ним евреев. Пережившие войну евреи нередко описывали не слишком дружественное отношение к ним партизан, особенно если у них не было при себе оружия³². Некоторых беглецов антисемитски настроенные партизаны прогоняли или даже убивали. На Волыни националистически настроенные партизаны зверски уничтожили тысячи евреев, избежавших «ликвидации» в гетто³³.

Руководители советских партизан опасались, что большие группы еврейских беженцев истощат их продовольственные запасы, и это помешает им бороться с немцами. Среди евреев было очень мало бойцов, прошедших военную подготовку, а многие бежали в леса без всякого оружия³⁴. Поэтому некоторые опытные партизаны презрительно относились к евреям, не годившимся, с их точки зрения, для военных действий. Так, капитан Черный, руководитель советских партизан в районе южнее Барановичей, «насмехался над евреями, уверяя, будто они отдали все свое золото и серебро немцам и работали на них, а в леса явились не воевать, а спасать свои шкуры». Он даже грозил расстрелять каждого десятого из еврейской партизанской группы за мнимый грабеж³⁵. Лишь практические дела еврейских партизан могли преодолеть эти предубеждения.

Взвешенную оценку деятельности еврейских партизан дал один из партизанских руководителей Слонимского района: «Партизанский отряд, которым я руководил, не уступал в героизме и отличном выполнении заданий организованной сети русских партизан. Эти простые евреи, не имевшие понятия о том, что такое винтовка и что такое война, через несколько месяцев приспособились к обстановке и сделали большое дело — большое в том смысле, что, во-первых, не пошли на убой, во-вторых, показали всему миру, что евреи-солдаты — я бы не сказал лучше русских, но во всяком случае такие же, как русские и солдаты других национальностей»³⁶.

Учитывая враждебное отношение к евреям, решающее значение для их выживания имели их первые контакты с партизанами. С этой точки зрения группе евреев, избежавших «ликвидации» в Несвижском гетто, поистине повезло. На них случайно натолкнулся упомянутый выше Юзеф Мархвинский, уже вступивший в партизанский отряд в апреле 1942 г.:

«В конце июня или июля 1942 г. — точно не помню — я возвращался с боевого задания и ... из чисто партизанского интереса зашел навестить одного знакомого, который жил в 2 километрах севернее Несвижа. То, что я от него узнал, привело меня в ужас. Он рассказал, что накануне несвижская полиция убила всех евреев, оставшихся в живых после первой расправы, и тотчас шепотом продолжал: “Я спрятал у себя в сарае 17 человек, которые пришли ко мне ночью”. Он попросил меня взять их с собой, потому что каждую минуту сюда могут нагрянуть полицейские и убить этих людей, а заодно и всю его семью. Я быстро посоветовался со своим отрядом и, получив согласие, взял их с собой. Из этих 17 трое потом погибли, а остальные пережили войну»³⁷.

Еврейке, избежавшей «ликвидации» в лагере Лесная (южнее Барановичей) в марте 1943 г., тоже «посчастливилось встретить добрых людей», которые сочувственно отнеслись к ней, когда она с ребенком поступалась в дверь их дома в лесу. Они снабдили ее едой и одеждой, и она пошла дальше³⁸. В Новогрудском гетто было известно, что бедная не-еврейская семья, жившая в 4 километрах от города, Хиклз (собачники), принимала в свой дом беглых евреев и помогала им связаться с партизанами Бельского. Джек Каган рассказывает: «Каждого еврея, которому удалось бежать из гетто и добраться до Хиклз, они прятали на день или два, а потом снабжали продуктами на дорогу. Хиклз поддерживали связь с партизанами Бельского и объясняли беглецам, как их найти. Позже немцы узнали о том, что делали Хиклз, убили их и сожгли все их имущество»³⁹.

Самоотверженную помощь евреям оказывали также баптисты. Вот что пишет об этом Шалом Холавски: «Встречи с баптистами были напоминанием о добре и восхищении. Это была религиозная секта, с благоговением относившаяся к Священному писанию и мессианской миссии еврейского народа. Они жили в духовном мире, отделявшем их от всех, кто жил по соседству, их жизнь была чужда ненависти и кровожадности, окружавших их. Местное население, как правило, уважало партизан — за их силу, за их оружие. С баптистами все было по-другому. Превыше всего для них был человек. Они уважали нас и наши идеалы и неизменно показывали нам, что считают за честь дать нам кров. Их сочувствие очень трогало еврейских бойцов. Они давали нам убежище и приют из человечности»⁴⁰.

Это, однако, было редким исключением. Большинству еврейских беженцев искать помощи было не у кого. Как говорил местному крестьянину один еврей из Миоры: «Убить нас хотели не только немцы. Большая часть поляков и белорусов хотели бы видеть нас мертвыми. А без помощи не-евреев организовать сопротивление евреям не могли»⁴¹.

Чтобы выжить, еврейские семьи могли полагаться только на себя. В лесах создавались еврейские семейные лагеря. Самым известным из них был лагерь Тувии Бельского, который никогда не отказывал в убежище ни одному еврею и даже пытался спасти евреев из оставшихся гетто⁴². В январе 1943 г. партизан Посессорский, переодевшись в крестьянскую одежду, проник в лагерь Новый Свержень, подкупив немецкого часового бутылкой водки. Он связался со своими родственниками из подпольной организации и умолял евреев немедленно бежать из лагеря. Когда план прорыва был готов, подпольная организация оповестила всех, что пора бежать. Как пишет

Шалом Холавски, побег в основном удался: «По сигналу мужчины бросились к забору, тихо пролезли сквозь дыру и исчезли во тьме. Через некоторое время слышались выстрелы, но беглецы были уже далеко. Часть людей направилась к Налибокскому лесу, а большинство — к Копыльским лесам»⁴³.

Однако как видно из послевоенных свидетельств одного из беглецов, шансы выжить в лесах были невелики: «Посессорский повел свою группу на базу партизан. На следующий день 11 евреев отправили на операцию. Они попали в засаду. 8 человек было убито. Через несколько дней немцы устроили в лесу рейд. Несколько евреев из нашей группы утонули в болоте. Тех, у кого было оружие, сразу отделили от тех, у кого оружия не было. Им приказали идти добывать себе оружие самим, сказав, что у евреев много золота, и они могут купить себе оружие. Их оставили на месте, а отряд отправился дальше»⁴⁴.

Джек Каган тоже пишет о враждебности многих местных жителей к евреям: «Обстановка, в которой действовали партизаны Бельского, была враждебной. Христиане — и крестьяне, и горожане — были яркими антисемитами и терпеть не могли евреев-партизан. Иногда их даже выдавали властям. Партизаны Бельского были вынуждены прибегать к жестоким ответным мерам — казнить доносчиков и сжигать их имущество. Это был единственный способ их запугать и показать им, что еврейская кровь стоит дорого»⁴⁵.

Зимой 1943 г. шестерым партизанам из отряда Бельского удалось захватить двоих полицейских из Новогрудка, когда те отправились в деревню навестить свою родню. Их допросили, и когда они признались, что участвовали в убийствах евреев, казнили⁴⁶. В ходе другой операции возмездия группа евреев-партизан под командованием доктора Атласа сыграла ведущую роль в партизанском нападении на гарнизон Деречина в Слонимском районе в августе 1942 г. При этом было убито некоторое количество местных полицейских⁴⁷.

Подробные сводки из района Мир отражают дальнейшее усиление активности партизан осенью 1942 г. Было совершено много нападений на отдаленные производственные единицы, типа мельниц и поместий, которые плохо охранялись немцами. Целью этих рейдов было главным образом захватить запасы продовольствия и помешать немцам ими воспользоваться. Типичным примером является нападение на деревню Симаково близ города Мир 10 ноября 1942 г. Партизаны сожгли недавно брошенное шутманством здание сторожевой заставы, 14 домов с надворными постройками, 7 сараев, набитых продовольствием, деревенский клуб, школу и цер-

ковь. Один теленок, 6 свиней и 13 овец сгорели в своих стойлах. Жителей, которые сотрудничали с немцами, избили и пригрозили им расстрелом⁴⁸.

По мере того, как численность, вооружение и дисциплина партизанских отрядов возрастали, они начали предпринимать открытые нападения на немецкие патрули и сторожевые заставы. В ответ немцы расправлялись с деревнями, которые они считали оплотом партизан. Осенью 1942 г. подразделения немецкого 15-го полицейского полка провели ряд жестоких акций в районе Бреста. Так, в деревне Заболотье одна из рот этого полка расстреляла 289 человек, сожгла 151 крестьянское хозяйство и захватила 700 коров, 400 свиней, 400 овец и 70 лошадей. Кроме того, немцы забрали много зерна и сельскохозяйственного инвентаря. После допроса было освобождено только пять семей⁴⁹. Немецкая переписка из этого района свидетельствует о том, что даже полиция безопасности сомневалась в человечности подобных методов полиции охраны порядка⁵⁰.

Последующие октябрьские и ноябрьские акции этого полицейского полка показывают, под какими разнообразными предлогами немцы уничтожали деревни и убивали их жителей. Начальник полиции безопасности Бреста предложил «очистить» оставшиеся в одном районе хутора, т. к. их жители ничего не сообщили о партизанах, хотя было широко известно, что они там активно действуют⁵¹. В другом случае было решено расстрелять те семьи, кто-либо из членов которых отсутствовал — предполагалось, что эти люди ушли к партизанам⁵². В другую группу лиц, которых следовало подвергнуть «особому обращению» (читай — казнить), входили все те, кто приехал в Брестскую область с Востока после советской оккупации 1939 г.⁵³ В деревне близ Мокраны был составлен список жителей, помогавших партизанам, — по-видимому, с помощью местных доносчиков, которые не могли не знать о последствиях своих доносов⁵⁴.

Одним из наиболее известных злодеяний местной полиции было убийство 60 членов семей партизан в деревне Лядки утром 13 января 1943 г. Многочисленные источники позволяют подробно реконструировать эту бойню. Главный свидетель — секретарь полиции города Мир — одновременно был агентом партизан. Свидетельства других полицейских и нескольких местных жителей обеспечивают его показаниям высокую степень независимого подтверждения.

В этой акции было задействовано свыше 100 местных полицейских и 5 жандармов, собранных со всех сторожевых постов района Мир. Их поддерживали полицейские из Барановичей. Они пришли в деревню Лядки пешком, не встретив по дороге ни одного партизана. Секретарь полиции рассказывает:

«Мы прибыли в Лядки в час ночи. Кто-то из местных жителей указал, какие дома полицейские должны занять. Один из начальников велел полицейским группами по 5 или 6 человек зайти в каждый дом и никого оттуда не выпускать... Полицейские заняли только те дома, где жили семьи партизан, хотя они понятия не имели, зачем их надо охранять... Мне с группой полицейских тоже приказали охранять один дом... Эта семья состояла из старика и четырех мальчиков от 5 до 13 лет... Мы просидели там всю ночь до рассвета. Время от времени мы по очереди дремали. Когда совсем рассвело, кто-то снаружи приказал выйти из домов и отправиться по улице в сторону местечка Турец. Я вышел из дома, который всю ночь охранял, и вскоре увидел, как из другого дома, переговариваясь друг с другом, выходит несколько старших полицейских... Их разговор показался мне подозрительным. Я увидел Г., который показывал на свой пистолет, и услышал его слова: “Я все время его заряжал, и все равно мне не хватает патронов”. Остальные тоже возились со своим оружием... Я решил зайти в дом, откуда они только что вышли. Там валялось три или четыре трупа. Все они были одеты и лежали в лужах крови, и у всех были прострелены головы»⁵⁵.

Таким образом, расстрельный взвод по очереди заходил во все дома партизан и убивал всех, кто там был. Один из уцелевших жителей спрятался за печкой и оттуда увидел, как местный полицейский застрелил его мать и еще четверых членов его семьи. Он заметил, что полицейские, учинившие эту расправу, были пьяны⁵⁶. Другой юный свидетель убийства, старший брат которого был партизаном, так описывает происходившее:

«13 января 1943 г. я был дома с отцом, матерью, сестрами и маленьким ребенком. Часов в 10 утра (утро было ясное и морозное) пришли двое полицейских. Они были пьяны, едва держались на ногах, ругались и называли нас партизанской сволочью. От страха я залез на печку, где сидела Нина, семилетняя дочка моего двоюродного брата. Перед тем, как эти двое полицейских ворвались в дом, у дверей поставили еще одного полицейского. Еще раньше в дом пришла какая-то женщина и сказала, что они расправляются с семьями партизан, но мы почему-то не убежали. После того, как у двери поставили полицейского, мой отец сел у окна и увидел, что к дому идут двое полицейских. Помню, что он сказал: “Вот идет наша смерть”. Мы все были в одной комнате... Двое полицейских велели моему отцу, матери и двум сестрам — у одной из них был ребенок — лечь на пол. Мне и Нине велели слезть с печки. Потом [полицейский] М. выстрелил в мою мать, попал ей в спину, и ее грудь разорвало. Они, наверное, стреляли разрывными пулями. Потом они

выстрелили в мою сестру, отстрелили ей правую руку, потом в ребенка, отстрелили ему левую руку. Стрелял М. Он спросил другого полицейского, почему тот не стреляет. Он ответил, что его пистолет дал осечку. Потом М. выстрелил в мою младшую сестру и ранил ее. Ребенок заплакал. М. повернулся и выстрелил ему в голову. Мозг разбрызгался по всей печке. Сестра потом мне сказала, что она лежала на полу, рот у нее был полон крови, и она думала, что умирает, а потом увидела, как полицейские уходят. Мы с Ниной в это время сидели на печке. М. нас увидел и сказал [своему напарнику], что нас тоже надо убить, но тот сказал, что нас не надо трогать. Когда они уходили, они увидели Нинину бабушку, но убивать ее не стали — они боялись, что партизаны услышат выстрелы. Когда они ушли, я увидел, что отец встает с пола. Он был весь в крови моей сестры и ее ребенка, но в него никто не стрелял, и его даже не ранили. Моя старшая сестра была смертельно ранена, она стонала и вскоре умерла. Ребенок был убит. Мою младшую сестру ранили в бок, но она выжила. Маму они убили. Отец встал и велел мне спрятаться под кровать, но я был слишком большой и там не помещался, и потому снова залез на печку. Нину бабушка увела. Потом я увидел из окна, что к дому идут четверо полицейских. Отец и моя сестра легли на пол и притворились мертвыми. Полицейские приходили проверить, все ли убиты. Этих полицейских я раньше не видел. Они заглянули в дом и сразу же ушли»⁵⁷.

Еще один полицейский, ныне живущий на Западе, описывает происходившее почти так же, как секретарь полиции, особенно, когда речь идет о том, как именно происходила акция:

«Мне и другому полицейскому приказали охранять дом в деревне Лядки, чтобы никто оттуда не вышел. Зачем это надо, нам не сказали, но я знал, что эта деревня — партизанская. Это было вечером 12 января 1943 г. Было темно, и мы просидели там всю ночь. Наутро, едва рассвело, в дом пришли старшие полицейские. У них были короткоствольные русские пулеметы с круглыми магазинами. Один из полицейских велел нам уходить. Не успели мы выйти, как из дома послышалась стрельба. Звуки были такие, словно стреляли из разных пушек и пистолетов, но не из винтовок и не из пулеметов. Что делается в доме, я не видел... Мы присоединились к другим полицейским, которые были на улице. Я увидел, как из дома выходит руководящая группа — когда стрельба кончилась, они пошли в следующий дом. В это время мы уже выходили из деревни, но слышали стрельбу из того дома, куда они зашли. Те люди, о которых я сказал выше и которые расстреливали людей в домах, были офицерами [унтер-офицерами] и рядовыми полицейскими,

семьи которых убили партизаны. Полицейские, которые охраняли дома, ждали остальных на краю деревни. Когда мы уходили из деревни, с другой стороны в деревню входила группа партизан. Я не думаю, что им было известно, что мы там, между нами и партизанами завязалась перестрелка, и один или два партизана были убиты... У расстрелянных семей забрали пару коров, и мне с другими полицейскими приказали отвести этих коров в Турец»⁵⁸.

Некоторые партизаны, которые провели ночь неподалеку, вскоре после начала стрельбы пришли на помощь деревне. Между деревнями Лядки и Барносово произошла короткая схватка, в которой был убит немец — командир моторизованного взвода из Барановичей, лейтенант Штайнерт. Для прикрытия своего отхода немцы даже вызвали авиационную поддержку⁵⁹. Один из местных партизан, прибывших на помощь жителям деревни Лядки, рассказывает:

«Немцы отступили в Турец. Я говорю “немцы”, хотя на самом деле это были местные полицейские, а немцев среди них было не больше двух. Одного из них мы убили. Наша группа двинулась на Лядки. Стрельбы уже не было, потому что все полицейские вернулись в Турец. Все жители деревни высыпали на улицу — они уже знали о трагедии. Я вошел в последний дом на краю деревни. Там было много крови — все взрослые были убиты и лежали на полу, сверху лежали двое маленьких детей, которых полицейские тоже застрелили. Это была семья партизан Михаила и Владимира Мажейко. Среди убитых были отец, мать, невестка, двое детей 2 и 4 лет, а также старик, который, очевидно, указывал полицейским дома партизан. В Лядках я встретил мою мать и сестру, и они рассказали мне, как все произошло. Доносчик показывал полицейским дома, где жили семьи партизан. Один полицейский был в доме, другой стоял у ворот, чтобы группа, проводившая расстрел, видела, в какой дом надо заходить. Расстрелы проводила специальная группа полицейских — примерно 15 белорусов, которые были пьяны... В ту ночь было убито 8 семей, всего около 60 человек»⁶⁰.

По-видимому, в ходе акции случилось несколько ошибок, вследствие чего были убиты не те семьи, которые полиция намеревалась уничтожить. При этом происходили лишь отдельные грабежи, а оставшийся в деревне скот и имущество полицейские забрали, вернувшись в деревню через два дня⁶¹. Краткую характеристику преступников и задач операции на фоне немецкой стратегии в целом дает вышеупомянутый партизанский агент:

«Все те, кто убивал людей в Лядках, с удовольствием участвовали в казнях и к тому же никогда этого не скрывали. Я помню, что после расстрела этих семей полицейские боялись заходить в парти-

занскую деревню... Мне кажется, что акция в Лядках была лишь частью всей стратегии уничтожения людей, ибо немцы, используя полицию в качестве своего орудия, пытались установить свою власть повсеместно. Они были достаточно сильны в тех больших и малых городах, где размещались их гарнизоны, но когда из-под их контроля выходила какая-нибудь деревня, они старались превратить ее в мертвую зону. Позже в деревнях Лядки, Новое Село и Погорелка проводились и другие акции против гражданского населения»⁶².

За время немецкой оккупации в районе Мир было убито от 300 до 500 не-евреев, в том числе много женщин и детей⁶³.

Этот подробный отчет дает возможность представить себе события, происходившие по всей Белоруссии и Украине в период усиления партизанской войны. В память обо всех деревнях, уничтоженных немецкими оккупантами, белорусы воздвигли в Хатыни, к северу от Минска, мемориал. 22 марта 1943 г. эта деревня была сожжена, а 156 ее жителей убиты запятнавшей себя многочисленными преступлениями «Бригадой Дирлевангера». В живых осталось только трое детей и один взрослый. Согласно официальным данным, в Белоруссии было уничтожено 209 городов и 9200 деревень. Многие из этих деревень были до такой степени разрушены, что их так и не восстановили. Официальная надпись на обелиске в Хатыни гласит, что на территории нынешней Белоруссии было убито 2.230.000 советских граждан⁶⁴.

Одной из контрмер, применявшихся немцами, были крупные операции против районов, считавшихся оплотами партизан. Типичным примером является «Операция Герман», известная местным крестьянам под названием «большая блокада». Этот широкомасштабный рейд был проведен в июле 1943 г. с целью выследить и выловить партизанские отряды в густых Налибокских лесах вокруг Воложина и Новогрудка, и одновременно захватить продукты, скот и рабочую силу для вывоза в Германию. Операция проводилась в районах, которые в основном контролировались партизанами. В ней участвовали подразделения шуцманства под руководством жандармерии, а также подразделения СС и полиции (в том числе литовский батальон шуцманства)⁶⁵.

В итоговом немецком отчете отмечалось, что в соответствии с указаниями фюрера, кишевшая партизанами территория полностью умиротворена и эвакуирована. Сельскохозяйственная продукция и скот собраны, а деревни, строения и все, что можно уничтожить, уничтожено. Работоспособное население депортировано, а остальные жители переданы соответствующим гражданским властям⁶⁶.

Что это означало для населения, видно из воспоминаний местных жителей. Один из жителей деревни Погорелка близ реки Неман рассказал, что в июле 1943 г., увидев, как немцы и полицейские, построившись в ряд, приближаются к деревне, он вместе с другими сельчанами «бросился бежать к реке Неман и к лесу. Те, кто умел плавать, переплыли Неман, а остальные спрятались в прибрежном кустарнике. Я с группой человек в 15 засел в кустах. Среди нас была женщина с маленьким ребенком. Ребенок заплакал, и это слышали полицейские».

В итоге беглецов обнаружили. Двоих мужчин по приказу начальника полиции расстреляли, оставшихся согнали в одно место и некоторых из них отправили на работу в Германию⁶⁷. В докладе капитана Зиглинка, командира 57 батальона шуцманства, который в это время действовал вместе с подразделениями полиции городов Мир и Турец близ реки Неман, сказано, что партизаны пытались выдать себя за мирных крестьян⁶⁸.

Для евреев, скрывавшихся в Налибокском лесу, крупные рейды были особенно опасны. Один выживший вспоминает: «...16 июля 1943 г. в Налибокском и Воложинском лесах началась большая облава... она началась в том лесу, где мы жили. К счастью, мы узнали от крестьян, что приближаются немцы. Мы побежали к болотам. Нескольких евреев убили, еще нескольких поймали. Облава в нашем лесу продолжалась 5 дней. На берегу Немана и на дорогах немцы поставили палатки и станковые пулеметы. Через 5 дней они углубились в леса, а мы вернулись в свои землянки»⁶⁹.

Джек Каган, который в конце лета 1943 г. бежал из Новогрудского гетто, говорил, вспоминая, что ему очень повезло — если бы побег не отложили, он едва ли смог бы добраться до партизан, когда территорию прочесывало так много немцев⁷⁰.

По мере того, как полицейские операции стали направляться не только против евреев, но и против остатков местного населения, шуцманства становились все менее надежными. Начальник окружной жандармерии Бреста в августе 1942 г. жаловался, что шуцманы в Озях и Радваничах не хотят рисковать своей жизнью в бою с партизанами⁷¹. Если полицейских заставляли спать на посту, их могли избить⁷². Шуцманов обычно селили в бараках и посылали нести патрульную службу большими группами — не только ради их безопасности, но и для того, чтобы им было труднее дезертировать.

Один бывший полицейский, завербованный в полицию по призыву, утверждал, что немцы ему не доверяли. Его явно взяли в полицию главным образом для того, чтобы он не присоединился к парти-

знам: «В 1943 г. полиция Деречинского гарнизона окружила нашу деревню и забрала молодых людей служить в полицию. Они отвели нас в Деречинский гарнизон, оставили там и пригрозили, что если мы попробуем бежать, они расстреляют нашу родню. Они нам не доверяли. Меня ставили охранять мельницу, войсковую лавку и другие места. На акции нас не брали. Если бы брали, партизаны убили бы нас, а я вот выжил. Однажды, когда я был в полиции, на акцию отправились 32 полицейских, а вернулись только 10. Остальные были убиты. Мне немцы не доверяли, они подозревали, что я могу убежать к партизанам»⁷³.

Обнаружено свидетельство о случае, когда группа полицейских отказалась участвовать в расстреле семей местных партизан. В декабре 1943 г. гарнизон Полонка в составе 30 человек отправился на анти-партизанскую акцию в деревню Тешевла. По словам одного полицейского они рассредоточились и со всех сторон окружили ферму:

«После обыска из дома вывели пожилого мужчину и пожилую женщину — отца и мать партизана. Больше никого на ферме не было... Во дворе командир полиции приказал кому-то (кому — я не знаю) их расстрелять, но те отказались. После этого между командиром и полицейскими началась перебранка. [Командир] обозлился и приказал, чтобы их расстреливали только начальники полицейских участков»⁷⁴.

После этого обоих стариков расстреляли командир полиции, его помощник и трое командиров отделений, которые составили расстрельную команду⁷⁵. Аналогичный случай неповиновения произошел в районе Бреста. Один местный полицейский заявил начальству, что он — баптист и потому не станет стрелять в убегающего пленного. Его арестовали и отправили в Брест. Дальнейшая его судьба неизвестна⁷⁶.

Одним из главных мотивов участия полицейских в карательных акциях была надежда получить добычу. Один бывший полицейский вспоминает сцену после расстрела человека, заподозренного в партизанской деятельности в районе Несвижа: «После того, как коровник загорелся, все полицейские, в том числе и я, бросились хватать имущество расстрелянного»⁷⁷. В деревне Гумнищи (район города Новая Мышь) в доме одной женщины нашли боеприпасы. Женщину и двух ее сыновей расстреляли. «После казни этой женщины полицейские забрали ее имущество а потом подожгли дом и свинарник. Она взяла велосипед, граммофон и другие вещи»⁷⁸.

Шуцманы бежали к партизанам довольно часто. Для тех, кто служил недалеко от дома, бежать было легче, потому что среди

партизан у них были знакомые, которые могли за них поручиться⁷⁹. Однако последствия для семей дезертиров часто бывали катастрофическими. Как вспоминал на суде один полицейский из Несвижа: «Я не ушел к партизанам, потому что боялся за свою семью... Когда я подписывал письменное обязательство, в полиции меня предупредили: “если ты убежишь к партизанам, мы расстреляем твою родню и сожжем твоё хозяйство”»⁸⁰.

Эти угрозы часто выполнялись. Осенью 1943 г. после дезертирства одного местного полицейского из деревни Жуковичи (в районе Мир), полицейские застрелили его мать, младшего брата и двух сестер (одной из них было 13 или 14 лет)⁸¹.

Другой мишенью для полицейских были семьи тех, кто ушел из дома к партизанам⁸². Найти такие семьи было нетрудно, особенно если в деревне имелись доносчики. В таких случаях семьям тоже приходилось прятаться. Рассказывает жена одного бывшего партизана: «В нашей деревне было всего два партизана — мой муж и Г. Он был холостой. Жены партизан обычно уходили в подполье. Мой муж и Г. ушли к партизанам в один день. Свою мать и брата Г. спрятал от полиции в одной лесной деревушке. Но полицейские из Золотеева нашли брата Г. и убили его. После этого немцы и полицейские убили родню моего мужа, С. и двух партизан. А потом в нашей деревне партизаны убили семью полицейского»⁸³.

В ноябре 1942 г. начальник полиции охраны порядка Западной Белоруссии приказал укрепить большие полицейские посты⁸⁴. Более мелкие дальние гарнизоны надлежало оставить, потому что в случае неожиданной атаки партизан их уже невозможно было удержать. Когда немецкий контроль отдаленных деревень ослабел, полицейские стали перевозить свои семьи в главные укрепленные посты. В июне 1943 г. один полицейский попросил перевести его из Полонки в Новую Мышь, потому что его отец, мать, брат и сестра, боясь партизан, переехали туда из деревни Шпаковцы⁸⁵.

С целью противостоять нападениям партизан немцы создали в городах и деревнях различные подразделения самообороны — например, в городе Турец (район Мир) в 1943 г. была учреждена «Самоохова» (ополчение). В эти подразделения призывали всех мужчин старше 17 лет, которые не служили в полиции. Большая часть этих людей была в возрасте от 30 до 50 лет⁸⁶. Патрульную службу они не несли, но по ночам стояли в карауле. Главной проблемой для этих импровизированных отрядов самообороны был недостаток оружия. Один такой караульный из Черска близ Бреста вспоминал: «...Однажды ко мне подошел помощник старосты и спросил, как дела. Я сказал, что стоять на часах без оружия очень страшно. Он вытащил из

кармана две ручные гранаты, помахал ими и сказал: не бойся, у нас найдется, чем встретить бандитов»⁸⁷.

Основными тактическими приемами полиции были патрулирование и устройство засад с целью захватить партизан врасплох. Были созданы специальные мобильные — верховые, велосипедные, моторизованные группы — так наз. поисковые взводы (*Jagdzüge*) — для быстрого реагирования на сообщения о партизанских действиях. Особенно важно было укрепить посты, подвергавшиеся атакам.

История полицейского гарнизона в Сейловичах близ Несвижа в 1943 г. является наглядным примером растущей силы партизан. Первая атака партизан в мае 1943 г. была отбита, но вторая атака, предпринятая вскоре после первой, оказалась более успешной благодаря тому, что один из полицейских был агентом партизан. Он сумел не только вывести из строя оружие полицейских, но и подложить мину, которая взорвалась в помещении самого полицейского участка. После этого он бежал к партизанам. Через два дня полицейский отряд из Несвижа убил всю его семью. В ходе сентябрьской атаки того же года несколько полицейских были захвачены, а нескольких насильно завербованных в полицию новобранцев приняли в партизанский отряд⁸⁸.

Не все немцы были в неведении относительно причин ослабления их влияния. В докладе, адресованном (в начале 1942 г.) Главному Управлению Имперской Безопасности (*RSHA*) в Берлине, приводятся четыре причины остывания энтузиазма, с которым местное население на первых порах встречало немецкие войска. Во-первых, крушение надежд националистов на независимость; во-вторых, заметное снижение жизненного уровня, в-третьих, неудачи немцев на фронте и, в-четвертых, вступление в войну Америки. Результатом воздействия всех этих факторов на местное население стало растущее сопротивление депортации в Германию, невыполнение правил принудительного труда и растущая поддержка партизан, включая акты саботажа⁸⁹.

Развитие советского партизанского движения постепенно сужало пространство для маневра немецкой гражданской администрации. Несмотря на то, что она продолжала собирать дань со всех оккупированных районов, укрепить свою власть она уже не могла⁹⁰. Ганс фон Хомейер, посетивший Украину в январе 1943 г., передал свои соображения Рейхсминистру Адольфу Розенбергу. С точки зрения этого ветерана нацистской партии необходимо срочно изменить политику и персонал. В противном случае продолжающееся отчуждение населения и рост активности партизан приведут к тому, что в 1943 г. будет собрана лишь малая доля продовольствия, которое

было получено для Рейха и вермахта в 1942 г.: «Окончательно обр-атить европейский народ в рабство невозможно, особенно до тех пор, пока наши силы связаны». Он часто спрашивал коллег, что они стали бы делать, если бы с Германией обращались так, как Германия обращается с Украиной. Ответ был такой — «мы все ушли бы в партизаны». На позитивные предложения вроде земельной реформы или расширения школ администрация всегда смотрела косо. Армия обращалась с населением лучше, чем гражданская администрация⁹¹.

Розенберг в свою очередь в начале 1944 г. жаловался Рейхскомиссару Эриху Коху, что неразборчивые репрессивные меры влекут за собою лишь усиление партизан:

«В интересах подавления партизан крайне необходимо четко отличать партизан от гражданского населения. Опыт показал, что репрессии, основанные на одних лишь подозрениях, ни в коей мере не ослабляют исходящую от партизан опасность. Напротив, многочисленные доклады показывают, что о репрессиях против гражданского населения в местностях, занятых партизанами, скоро становится известно всем, и это приводит к тому, что при приближении немецких войск население от страха покидает свои дома вместе с партизанами. Следствием этого является нежелательное усиление партизан. Часто сообщалось также, что репрессии против лиц, чья вина не была доказана, приводят к ухудшению отношения (к немцам) со стороны не только местного населения, но и со стороны шуцманств и вспомогательных сил, находящихся на данной территории»⁹².

Признавать свои ошибки немецкие полицейские чиновники начали только задним числом. Например, начальник полиции Минска Курт фон Готтберг во время эвакуации в июне 1944 г. сделал подробный доклад о своем опыте в период оккупации. Он отметил, что в сентябре 1941 г., когда вермахт передал гражданской администрации контроль над территорией за линией фронта, все считали, что советская система скоро развалится и война закончится. Небольшое количество партизан вначале не пользовалось поддержкой всего населения. Однако освобождение военнопленных для работы в сельском хозяйстве и последующие антиеврейские и антипольские акции привели к тому, что люди стали бежать к партизанам. А главное, к усилению партизанского сопротивления привело плохое обращение с местным населением⁹³.

Из подобных докладов видно, что рост потерь в немецких тыловых частях способствовал деморализации. В мае 1943 г. один старший жандарм отметил, что из 500 жандармов, прибывших с ним

из Кракова в Генеральный Комиссариат Житомир в ноябре 1941 г., свыше 10% пали в боях⁹⁴. Зимой 1942–43 гг. шуцманства тоже стали нести тяжелые потери. В Западной Белоруссии (*Weißruthenien*) с октября 1942 г. до марта 1943 г. было убито 268 шуцманов и ранено 236⁹⁵. Сводки о потерях, составленные начальником полиции охраны порядка, отмечают заметный рост потерь летом 1942 г. Зимой, несмотря на немецкие контрмеры, потери остались на высоком уровне, а осенью 1943 г. еще возросли⁹⁶. К этому времени немецкие силы стали явно уступать советским партизанам не только по численности, но и по вооружению.

Данная книга основана прежде всего на немецких источниках военного времени и на протоколах послевоенных судов; мы не смогли подробно изучить громадный массив документов советских партизанских отрядов⁹⁷. Чтобы понять, как развивалось советское партизанское движение, необходимо вернуться к русской традиции анархических крестьянских восстаний и, особенно, к событиям Гражданской войны. Во время Первой мировой войны и революции в лесах часто возникали партизанские отряды, состоявшие из дезертиров, избегавших призыва в армию, а также из местных крестьян, сопротивлявшихся военным реквизициям. Эти разрозненные партизанские группы время от времени сопротивлялись операциям и красных, и белых, обычно пытаясь защитить местные интересы от оккупационных армий. Выживали они главным образом благодаря поддержке местных крестьян, продолжая угрожать безопасности революционного правительства во многих районах даже после того, как белые потерпели поражение⁹⁸.

Зная об этих глубоких анархических корнях, советские власти не торопились заранее планировать партизанское сопротивление; однако когда немцы продвинулись далеко вглубь советской территории, они вскоре поняли его потенциальное значение. Коммунистическая партия была особенно озабочена тем, чтобы взять под контроль все операции партизан. С этой целью 30 мая 1942 г. в Москве был создан Центральный Штаб партизанского движения⁹⁹. Эти организационные усилия принесли свои плоды уже в следующем году, когда разрозненные группы сопротивления постепенно объединялись под общим централизованным командованием¹⁰⁰.

С точки зрения Москвы главными целями партизанского движения были нарушение коммуникаций противника и сбор разведанных о расположении его войск. Это особенно относилось к районам, непосредственно за линией фронта, где партизаны должны были оказывать прямую поддержку Красной армии. Другие долгосрочные цели — вести пропаганду на оккупированных территориях

и наносить немцам максимальный экономический ущерб и потери. Насколько значительными были усилия, направленные на расширение пропаганды, можно судить по следующим цифрам: сообщается, что между ноябрем 1942 г. и концом марта 1943 г. советские партизаны распространили 8 миллионов листовок и 2 миллиона газет на украинском языке¹⁰¹.

Первейшей задачей партизанских отрядов была добыча оружия и продовольствия. Оружие вначале часто добывали, нападая на отдельных немцев или их пособников или на небольшие группы противника¹⁰². Необходимо было заботиться о добыче припасов. Один бывших партизан вспоминает: «Когда мы в первый раз уходили в лес к партизанам, мы, конечно, брали с собой продукты из своей деревни. Но потом, чтобы выжить, продукты надо было отбирать у немцев. В каждой близлежащей деревне у нас был свой агент, и он сообщал нам, где можно раздобыть продукты. Мы брали продукты у местных жителей, но старались не оставить крестьян совсем без ничего»¹⁰³.

Положение крестьян, подвергавшихся поборам и партизан, и немцев, было поистине незавидным. Один местный крестьянин рассказывает: «Когда я работал в поместье, русские партизаны приходили и забирали продукты, коров, лошадей, свиней, хлеб, крупы и все, что им было нужно. Они голодали, потому что жили в лесу, и все продукты им приходилось брать в деревнях. Партизанский отряд состоял из бывших русских солдат и местных русских коммунистов. Я в то время часто ездил на санях в город отвезти продукты (дань) немцам. Я возил крупы. Другим крестьянам было велено сдавать немцам картошку или коров»¹⁰⁴.

Бывшие партизаны, естественно, утверждали, что подчинялись строгой дисциплине, и что самовольных реквизиций не было: «Партизаны обращались с людьми хорошо, их не грабили. Особенно хорошо вел себя наш отряд... То, что партизаны воровали, — это неправда. Если партизан попадался на воровстве, его казнили. Разбойничьих шаек в лесу не было»¹⁰⁵. Однако неизбежные конфликты с крестьянами все же имели место. Это особенно ощущали на себе партизаны-евреи, которые постоянно сталкивались с возмущением крестьян христианского вероисповедания¹⁰⁶. Шалом Холавски отмечает: «...К сожалению, доброе отношение крестьян встречалось реже, чем враждебное. Иногда мы не могли сдержать свой гнев. Командование всегда сурово наказывало тех, кто обижал крестьян»¹⁰⁷.

Жестокие люди встречались не только среди полицейских, но и среди партизан. Один еврей-врач вспоминал партизана, отличавшегося не только храбростью, но и звериной злобой и жесто-

костью: «Война превращала обычных людей в необычных. В мирное время их возможности оставались скрытыми, но в атмосфере насилия и опасности они вырывались наружу с непредсказуемой силой. Именно это произошло с Женькой. Я слушал его рассказы о бесчеловечности и голоде, которые он испытал в немецком лагере для военнопленных, где люди буквально съедали друг друга, и я постепенно понял, за что он так ненавидит немцев и так рвется им отомстить»¹⁰⁸.

Установление строгой дисциплины могло означать наказание партизан внутри самого отряда за грабежи и другие преступления, в том числе изнасилование. Даже в отряде Бельского бывали случаи, когда ради сохранения сплоченности отряда приходилось в назидание другим наказывать людей за неповиновение и измену¹⁰⁹.

Вследствие угрозы немецких патрулей советским партизанским отрядам приходилось постоянно быть начеку. Вокруг своей базы каждый отряд выставлял караул, чтобы вовремя предупредить о готовящейся атаке. Часовые стояли посменно, вахта обычно длилась четыре часа, отдых — восемь. Но зимой, чтобы не замерзнуть, спали обычно не более четырех часов подряд.

Тем не менее, благодаря тяжелому труду, на более или менее постоянных лесных базах партизанам удавалось наладить почти нормальную жизнь. Шалом Холавски вспоминает: «В Орлицких лесах партизанам жилось, можно сказать, неплохо. Все было организовано, убежища у нас были теплые, питание хорошее. Три раза в день давали хлеб, иногда кусок жареного мяса или кашу с жиром. Жиры защищали от холода и болезней. Всегда был горячий чай и картофельные оладьи»¹¹⁰.

Широкомасштабные рейды, проводимые немцами с целью очистки территории от местного населения, отчасти играли на руку партизанам: вернувшись на обезлюдевшие места, они выкапывали картошку, которую не успели собрать крестьяне¹¹¹.

Тяжелой проблемой для партизан была борьба со вшами и с разными болезнями, а также уход за ранеными в антисанитарных условиях лесных лагерей¹¹². Поэтому в партизанские отряды охотно принимали врачей-евреев, ценя их квалификацию. Некоторые женщины-партизанки выполняли обязанности медицинских сестер¹¹³. Лекарства и перевязочные материалы приходилось похищать в городах. Кроме того, советские самолеты сбрасывали медикаменты на тайные аэродромы (один из них функционировал в глубине Налибокского леса). Самолеты доставляли партизанам винтовки, боеприпасы, радиоприемники и радиопередатчики, офицеров и политруков, а иногда вывозили раненых¹¹⁴.

Прямая связь способствовала дальнейшему усилению контроля Москвы над растущим движением советских партизан. По мере того, как Красная армия приближалась, а неизбежность ее победы становилась все яснее, советское влияние все глубже проникало в каждый партизанский отряд, и членство в компартии играло все более важную роль. Независимых руководителей вытесняли, а их последователи расходились по разным отрядам¹¹⁵.

Порой в партизанских отрядах случались неожиданные встречи. В еврейке, которая однажды попросила принять ее в партизанский отряд в районе Барановичей, бывший следователь НКВД узнал арестантку, которую он незадолго до немецкого вторжения допрашивал в Минской тюрьме, куда советские власти посадили ее якобы за враждебную им политическую деятельность. Вначале женщину хотели расстрелять, как контрреволюционную шпионку, но командир отряда отложил расстрел и назначил ей испытательный срок, предупредив, что в случае измены ее в любой момент могут расстрелять¹¹⁶.

Иногда немцы пытались добыть информацию о партизанах, посылая в лес своих шпионов. В случае разоблачения партизаны их тут же расстреливали, невзирая на то, что это могли быть женщины¹¹⁷. Партизаны так боялись, что эти агенты раскроют местонахождение их баз, что по подозрению в «шпионаже и предательстве» могли расстрелять ни в чем не повинных людей или политических противников Москвы. С захваченными в плен немцами поступали точно так же. Шалом Холавски рассказывает о судьбе одного немецкого солдата, захваченного в трех километрах от его гарнизона: «Он умолял сохранить ему жизнь, Он показал нам фотографию своей жены и детей. Нам было его жалко, но мы понимали, что доставить его обратно невозможно. Мы расстреляли его на месте»¹¹⁹. Немцы знали, что подобная участь может ожидать каждого, и это, несомненно, способствовало падению их боевого духа. У оккупантов развивался синдром «осажденной крепости». Запертым в своих опорных пунктах солдатам бескрайние леса Белоруссии казались вражеской территорией, таившей неведомые угрозы. Впечатления одного немецкого служащего из медицинских частей хорошо передают это состояние: «Огневые точки вдоль железной дороги превращены в маленькие крепости. Около 2 часов пополудни близ Минска мы попадаем в район сильной партизанской угрозы. Каждый день взрывы, опрокинутые вагоны по всей железной дороге... Леса на 300–400 метров по обе стороны дороги вырублены»¹²⁰.

Чаще всего партизаны минировали железнодорожные пути и взрывали эшелоны с целью — пусть даже временно — нарушить

немецкие коммуникации. В сводке начальника СС и полиции Казатина от 29 сентября 1943 г. сообщается, что партизаны заминировали и подорвали пути между станциями Казатин и Фастов. Эшелон сошел с рельсов, причем потерпели крушение 9 вагонов и сильно поврежден локомотив. 5 военнослужащих вермахта были тяжело ранены и отправлены в Казатин¹²¹. Для охраны железных дорог в дополнение к жандармерии и шуцманствам немцы использовали вспомогательные полицейские подразделения. В некоторых районах они назывались «отрядами защиты железных дорог» (*Bahnschutz*)¹²².

Во второй половине 1943 г. советские партизаны, действовавшие в тылу немецкого Центрального фронта, проводили массированную атаку на немецкие железнодорожные коммуникации. Из докладов партизан следует, что между августом 1943 и январем 1944 г. на территории Белоруссии было разрушено 200.000 рельсов. В этих операциях участвовали отряды белорусских партизан численностью свыше 70.000 человек¹²³. Активную роль в этих нападениях играли еврейские партизаны¹²⁴. Во время летнего наступления 1944 г. согласованные нападения партизан на немецкие коммуникации вновь поддерживали наступательные операции Красной армии.

Типичным примером заметного роста партизанского движения в последние месяцы оккупации является история Отряда имени Ворошилова. Он был сформирован в феврале 1943 г. из небольших местных групп, оперировавших в Брестском округе. Первоначально в отряд входили местные жители и бывшие красноармейцы, которые скрывались на оккупированной немцами территории. К концу июня 1943 г., когда отряд был подчинен Бригаде имени Сталина, его численность составляла 121 человек. Летом набор продолжался, и к сентябрю 1943 г. в отряде было уже 337 человек. Новобранцы в основном были местными жителями и дезертирами из немецких гарнизонов, в том числе казаками, которые дезертировали поголовно.

В этом районе партизаны нападали на немецкие гарнизоны и на линии железной дороги. Более мелкие отдаленные гарнизоны немцам даже пришлось оставить, а реквизиции в сельской местности проводить силами больших вооруженных групп. К осени 1943 г. крупным атакам стали подвергаться даже главные немецкие гарнизоны. К моменту освобождения в июне 1944 г. в отряд имени Ворошилова вошли новые партизанские группы, и его численность достигла 588 человек¹²⁵.

Из имеющихся источников можно почерпнуть представление о национальном составе различных партизанских отрядов. Осенью 1943 г. в Бригаде имени Сталина (район Бреста) насчитывалось почти 1000 партизан, причем евреи составляли всего 3%, русские —

32%, белорусы — 38% и украинцы — 10%¹²⁶. В некоторых отрядах, организованных евреями в Налибокском лесу, процент евреев был значительно выше. Среди 8000 партизан, действовавших в районе Ивенец—Лида (Налибокский лес), на 1 сентября 1943 г. евреев было более 12%¹²⁷, что отражало успех еврейских семейных лагерей в этой местности. Если учесть, что к этому времени немцы сократили местное еврейское население приблизительно в 10 раз, видно, что много оставшихся в живых евреев участвовало в партизанском сопротивлении. Согласно официальным данным, в 1944 г. в Белоруссии было приблизительно 370.000 советских партизан. Из них от 4 до 5% (свыше 15.000) составляли евреи¹²⁸.

Согласно оценкам Шмуэля Спектора, в конце 1943 г. на Волыни из 13.700 партизан 14% были евреи. Эта цифра частично отражает крайне слабую поддержку советских партизан со стороны местного христианского населения¹²⁹. В других районах Украины евреев в «красных» партизанских отрядах было значительно меньше. Вообще партизанское движение на Украине было значительно слабее белорусского. Главные партизанские бастионы находились в лесистых районах Сум, Чернигова и Житомира в пределах северного сектора советской территории до 1939 г. Согласно недавним оценкам, там насчитывалось всего 150.000 партизан и тайных агентов, причем в сравнении с общим составом населения Украины, среди них преобладали русские и жители городов¹³⁰.

К 1943 г. в тылу у немцев оказались обширные территории, находившиеся под полным контролем партизан. Немцы не получали оттуда никакого продовольствия. Излишки передавались непосредственно партизанам, которые сами вершили правосудие, а кое-где даже насильно набирали местных жителей в партизанские отряды¹³¹. Осенью 1943 г. крах немецкой власти становился очевиден, по мере того как партизаны начали подрывать уже и немецкую администрацию малых городов. После войны один коллаборационист вспоминал: «Я лишился своей должности заведующего отделом следующим образом. Осенью 1943 г. советские партизаны сожгли город, население рассеялось по соседним деревням и наш сельскохозяйственный отдел развалился. Заведовать стало нечем, и я оказался автоматическим уволенным»¹³².

Деятельность польского подполья в Белоруссии и на Украине во время оккупации до сих пор остается предметом оживленных споров. В данном исследовании невозможно исчерпывающе рассмотреть все аргументы. Поэтому приведем лишь несколько примеров для иллюстрации того, как разные группы поляков реагировали на ситуации, с которыми им приходилось сталкиваться.

Организации польского подполья, включавшие людей разных политических взглядов, возникли в восточных областях во время советской оккупации и продолжали действовать под властью немцев¹³³. Во многих районах активных действий они не предпринимали, ограничиваясь пассивной деятельностью — регистрацией членов, распространением информации, а также сбором денег и припасов на будущее. Вообще, многие поляки вначале приспособились к немецкому оккупационному режиму, утешаясь поражениями советских войск. В Белоруссии поляки конкурировали с белорусами за должности в немецкой администрации. Для устранения потенциальных противников обе стороны доносили друг на друга¹³⁴.

В районе Новая Мышь в местную полицию проникло много поляков, связанных с подпольем. После войны многие бывшие полицейские утверждали, что поступили в белорусскую полицию по указанию польского подполья. Они тайно присягали на верность генералу Сикорскому и принимали конспиративные клички. С 1942 г. полякам предписывалось вступать в шуцманства, чтобы пройти военную подготовку. Шеф полиции Новой Мыши Хенрик Запруцкий был одновременно и командиром в польском сопротивлении. Службу у немцев поляки-полицейские использовали для тайной переправки продовольствия, оружия и боеприпасов в польские партизанские отряды. Во время отступления эти члены Армии Крайовой разделились. Некоторые дезертировали и после этого погибли в бою с немцами близ Слонима¹³⁵.

Членство в польском подполье не мешало некоторым полицейским участвовать в немецких акциях против евреев. Поляк-полицейский вспоминает следующую сцену, имевшую место в Новой Мыши в конце 1943 г.: «Когда мы завтракали и пили водку, полицейский П. вошел в дом и доложил Запруцкому, что полицейские арестовали еврея и еврейку. Запруцкий велел полицейскому А. пойти с ними разобраться. А. и П. вышли, а мы остались за столом. Через некоторое время я услышал выстрелы, но кто в кого стрелял, я не видел. П. сказал нам потом, что он и... В. застрелили арестованных евреев. После выстрелов А. вернулся в дом один и сказал Запруцкому, что с евреями разобрались»¹³⁶.

Сходные проявления антисемитизма отмечались в некоторых польских партизанских отрядах¹³⁷. В своих докладах польское сопротивление подчеркивало, что так называемые «еврейско-крестьянские шайки» грабят местных жителей¹³⁸. В то же время в таких областях, как, например, Волянь, поляки были более заметны, чем украинцы в деле спасения евреев¹³⁹.

Некоторые польские группы активно сопротивлялись немцам, особенно после арестов и убийств представителей польской интел-

лигенции летом 1942 г.¹⁴⁰ Тем не менее, поляки не доверяли советским партизанам, равно как белорусским, украинским и литовским националистам¹⁴¹. В таких районах как Налибокский лес, польское подполье создало собственные партизанские отряды, которые в отдельных случаях сотрудничали с советскими партизанами. В ответ на немецкие депортации в июне 1943 г. приблизительно 40 поляков ушли из своих сельских домов близ Деревны, чтобы присоединиться к находящемуся в лесу отряду, известному под названием «Польский Легион»¹⁴². В ходе «Операции Германн» летом 1943 г. немцы докладывали, что много польских партизан было уничтожено, захвачено или отогнано на запад и окружено¹⁴³. В это же время поляки начали жаловаться, что советские товарищи по оружию их предали¹⁴⁴. Еврейские партизаны, действовавшие под советским руководством, также сообщали, что с сентября 1943 г. после прибытия офицеров, посланных находящимся в Лондоне правительством в изгнании, члены «Польского Легиона» начали на них нападать¹⁴⁵.

Когда возвращение советской власти на бывшую территорию восточной Польши стало более вероятным, трения между отрядами польских и советских партизан усилились. К осени 1943 г. эта напряженность часто выливалась в открытые конфликты¹⁴⁶. Польское правительство в изгнании стремилось установить свою власть на восточных территориях до прихода Красной армии; поляки в своих докладах жаловались на то, что «дикие грабежи» со стороны Советов заставляют польское население искать спасения в городах¹⁴⁷. Один из местных командиров Армии Крайовой, который также занимал пост начальника полиции, запретил своим подчиненным все контакты с советскими партизанами. Он сказал, что «это враги, с которыми надо бороться. После ухода немцев мы будем продолжать борьбу в тылу Красной армии»¹⁴⁸.

К концу 1943 г. руководители советских партизан в свою очередь настаивали на том, чтобы поляки подчинились «законному» просоветскому правительству в Москве во главе с Вандой Василевской. В ходе внезапных атак советские части арестовали лидеров польских партизан, причем некоторых отвезли в Москву, а некоторых убили. Другие захваченные члены «Польского Легиона» были разоружены и призваны в части, контролируемые Советами¹⁴⁹.

Немцы знали об этих разногласиях и старались обратить их себе на пользу. К концу 1943 г. польские партизаны в Виленском округе под усиливающимся давлением советских партизан вступили в переговоры с немцами. Поляки предложили очистить территорию от советских подразделений в обмен на оружие, медикаменты, свободу передвижения и возможность проводить призыв на дан-

ной территории. Они также добивались поддержки немцев в своей будущей борьбе с литовцами за власть в Вильнюсе¹⁵⁰. В то же время некоторые польские отряды яростно сражались с немцами и, в особенности, с их пособниками в литовской полиции, которые терроризировали польское население¹⁵¹. Вслед за отступлением немцев остатки сил польского подполья, избежавшие «включения» в Красную армию, начали новую войну против (теперь уже советских) захватчиков¹⁵².

Несколько соперничающих националистических групп усилили на Украине партизанскую деятельность, не связанную с коммунистами. Силы украинских националистов разделились на сторонников Бандеры (ОУН-Б), Мельника (ОУН-М) и партизанского лидера Боровца. Эти группы боролись с немцами, русскими и поляками, причем мера их ожесточенности колебалась в зависимости от изменения политической обстановки¹⁵³. Элементы польского подполья действовали также в Полесье и на Волыни. Польские организации были заняты в первую очередь защитой своих общин от атак украинских «бандитов»¹⁵⁴. И кроме того на Украине, особенно в пределах границ до 1939 г., действовали также отряды советских партизан. Разные политические цели этих организаций приводили наряду с нападениями на немецкие оккупационные силы, к частым схваткам между соперничающими партизанскими отрядами. Одной из причин нежелания украинских отрядов объявить открытую войну немцам был страх перед ее последствиями для местного украинского населения¹⁵⁵.

Подобно полякам, украинские националисты тоже старались проникнуть в немецкую полицию с целью добыть оружие и усилить свое влияние на местах. Позже многие дезертировали и бежали в лес к УПА (Украинская Повстанческая Армия). Так, в марте 1943 г. по призыву националистического руководства из украинской полиции дезертировало около 6000 полицейских с оружием и боеприпасами¹⁵⁶.

В начале 1943 г. подразделения УПА начали нападать на польские деревни и убивать безоружное население. В мае 1943 г. пресса польского подполья так описывала положение на Волыни: «На Волыни разыгрываются совершенно безумные дикие сцены расправ с поляками. Это превосходит всякое понимание. Судя по отнюдь не преувеличенным сведениям, в трех округах — Сарны, Костополь и Ровно — где хозяйничают банды, убито около 2000 поляков. Погибли целые польские деревни, жители которых не смогли защитить себя или бежать. Банды украинцев, иногда насчитывающие несколько сот человек, большей частью жителей соседних деревень, порой

под руководством полиции, окружают деревню и убивают всех подряд, сжигают дома, предварительно полностью их разграбив. Самые страшные бандиты вооружены топорами, которыми они разрубают тела невинных жертв»¹⁵⁷.

Согласно тогдашнему немецкому докладу, в мае 1943 г. украинские «бандиты» убили всех поляков — жителей деревни Городец близ Сарны¹⁵⁸. Генеральный комиссар Волыни-Подолья в июне 1943 г. писал: «За отчетный период было уничтожено много польских семей и сожжены целые польские деревни. Следует отметить, что в этом участвует большая часть украинского населения. Бороться с этими партизанами очень трудно, т. к. днем они притворяются мирными крестьянами»¹⁵⁹.

В ответ польское подполье создало в польских деревнях отряды самообороны. Поляки из отдаленных деревень бежали в более крупные польские населенные пункты, кое-где даже под защиту немцев¹⁶⁰.

Позже убийства постепенно распространились далее на запад и к концу 1943 г. охватили всю Галицию¹⁶¹. В это время на Волыни появились советские партизанские отряды. Они тоже враждебно относились к польскому подполью, нападали на отряды польских партизан и убивали их командиров. Попытки поляков установить контакты и взаимодействие с советскими партизанами ни к чему не привели¹⁶². Во второй половине 1943 г. украинцы, чьи надежды на то, что немцы создадут независимое украинское государство, рухнули, стали чаще нападать на немецкие полицейские посты и подразделения¹⁶³. Некоторые комментаторы характеризуют положение на Волыни как «войну всех против всех». Партизанская война здесь не прекратилась даже с приходом Красной армии в 1944 г.¹⁶⁴

Главными жертвами партизанских конфликтов были крестьяне, которые жили и работали на спорных территориях. Их отчаянное положение описывает староста деревни Окуниново (южнее Барановичей). Он жалуется: «Мы живем между молотом и наковальней. Сегодня мы вынуждены слушаться партизан, которые грозятся нас убить, завтра нас могут убить немцы за то, что мы слушались партизан. Ночи принадлежат партизанам, а днем мы находимся на ничьей земле. Я знаю, что партизаны могут нас защитить, но надолго ли?» Годом позже его деревня была сметена с лица земли. Немногие оставшиеся в живых принесли страшную весть об уничтожении 290 жителей, в том числе женщин и детей. Их согнали в сельский клуб и там сожгли заживо¹⁶⁵.

Даже немецкие доклады иногда отражали некоторое сочувствие к находящимся в отчаянном положении крестьянам. В сводке о ситуации в районе Слонима от 21 марта 1943 г. говорилось, что

в сельской местности «у крестьянина нет никакого выбора — либо его, в конце концов, ограбят, а возможно и убьют партизаны, либо насильно отправят на работу в Рейх или даже застрелят в ходе немецкого рейда с целью «очистки» территории, кишящей партизанами. Таким образом, создалось положение, которое — если оно вообще поддается сравнению — можно сравнить только с положением немецких крестьян во время Тридцатилетней войны»¹⁶⁶.

Однако давление сверху вынуждало командиров немецких частей подавать сводки об успешных операциях против партизан, что, безусловно, подталкивало их к произвольным карательным мерам. Такая оценка особенно справедлива по отношению к тем частям вермахта и к мобильным полицейским подразделениям, которые направлялись в какой-либо район на короткий период и потому не имели времени ознакомиться с положением на местах. Один бывший партизан сообщил о немецких карательных мерах следующее: «Бороться с партизанами было трудно даже регулярным немецким подразделениям, и поэтому часто уничтожались целые деревни со всеми их жителями, а немцы и полицейские докладывали начальству, что уничтожено столько-то партизан»¹⁶⁷.

Коллаборационистские подразделения местной полиции обычно лучше знали, какие деревни активно поддерживают партизан. И их нападения на близлежащие деревни подчас были столь же зверскими, сколь нападения немцев. К тому же они убивали ни в чем не повинных женщин и детей, которые были их ближайшими соседями, родственниками и даже бывшими друзьями, что придает их злодеяниям совершенно особый характер. Главную роль в этих операциях играли полицейские-добровольцы, сознательно связавшие себя с немцами и получавшие награды и повышение в чине за верность. Эти люди, безусловно, действовали наиболее активно. Некоторые полицейские, набранные по призыву, в основном руководствовались мотивами личной мести.

В целом немецкие массовые репрессии способствовали отчуждению местного населения больше, нежели выборочные атаки партизан. Эти настроения подогревались умелой советской пропагандой, вызывавшей к национальному патриотизму в противовес деструктивной немецкой политике попустительства личным интересам. В одном советском призыве к подручным нацистов говорилось: «Немец борется с культурой, с прогрессом, он сжигает наши деревни, он уничтожает стариков и инвалидов, беззащитных женщин и детей. Возникает вопрос: почему ты служишь немцам?»¹⁶⁸

Леон Берк, партизанский врач-еврей, решительно отвергает всякие попытки сравнить насилие партизан с разгулом разрушения,

развязанным немецкими захватчиками: «Ни при каких обстоятельствах я не могу сравнить эксцессы партизан с преступлениями против человечности, совершенными нацистской Германией. Какими бы ужасными ни казались убийства, совершенные в лесу, они были инстинктивной защитной реакцией, со временем превратившейся в оргию мести свободных мужественных людей подлому захватчику, который во имя мнимого расового превосходства планировал систематическое истребление великого народа»¹⁶⁹.

Параллельно с неудачами немцев на фронте расширялись партизанские операции на оккупированных территориях. Принудительный призыв в шуцманства и взаимные репрессии против семей обеих сторон способствовали росту насилия, жертвами которого часто становились ни в чем не повинные гражданские лица. В Белоруссии и на Украине сотни деревень были стерты с лица земли.

Еще до начала отступления немцы утратили эффективный контроль над большей частью сельской местности оккупированных восточных территорий. Самым серьезным последствием этого для немцев было падение боевого духа военнослужащих в тыловых районах, что также подорвало их способность противостоять советскому наступлению. Как и воздействие бомбардировок Германии с воздуха, вклад партизанского сопротивления на Востоке в победу союзников не поддается точной оценке. Некоторые советские историки подобно командирам партизанских отрядов в их отчетах склонны преувеличивать практическое значение вклада советских партизан. Тем не менее, возможно они ближе к истине, нежели до сих пор полагали многие западные исследователи¹⁷⁰. Ведь в 1944 г. Красная армия изгнала немецкие войска из Белоруссии и северной Украины именно при значительной практической и психологической поддержке своих, советских партизан¹⁷¹.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ СУДЬБЫ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ И ПЕРЕЖИВШИХ ВОЙНУ ЕВРЕЕВ

Многие аспекты истории местной полиции до сих пор не изучены. Немногочисленные оставшиеся в живых евреи, большинство которых было оторвано от родных мест, начинали жизнь заново и не хотели обременять своих детей рассказами о тяжелом прошлом. Их воспоминания неприметно запечатлены в Книгах памяти, в мемуарах и судебных делах. Бывшие полицейские тоже хранят молчание о своем военном прошлом. Даже в бывшем Советском Союзе суды над многочисленными коллаборационистами быстро отодвинула в тень монолитная советская историография, которая подчеркивала героическое сопротивление агрессору и преуменьшала размах коллаборационизма на местном уровне. География и развитие послевоенных событий объясняют, почему в течение последних 30–50 лет многое в этой истории все еще окутано завесой тайны.

В 1943 и 1944 годах, когда Красная армия начала наступление на запад, немецкая гражданская администрация уже разваливалась. Большая часть местных полицейских, опасаясь советского возмездия, уходила вместе с немцами. Одиссея их отступления на Запад и новая жизнь, которую они там начинали, все еще в достаточной степени не изучены. Те, что остались на родине или вернулись туда после окончания войны, в большинстве случаев испытали на себе всю суровость советской карательной системы.

Оставшиеся в живых евреи приветствовали советское освобождение со смешанными чувствами. Радость от того, что немцы изгнаны с их родных мест, омрачало всепоглощающее ощущение утраты близких и исчезновения их тесно сплоченных общин. Застарелая враждебность местного населения и зрелище родных городов и деревень, превратившихся в кладбища, стали побудительной причиной массовой эмиграции сначала в Польшу, а затем через Германию, Австрию и Италию в Израиль и на Запад¹. Здесь они начинали новую жизнь буквально с нуля с той же энергией, что помогла им выжить.

Для большинства крестьян Белоруссии и Украины очередная смена господ значила гораздо меньше, чем окончание войны. На восстановление нанесенных немецкой оккупацией колоссальных по-

терь людей и материальных ценностей потребовалось более 20 лет. Возвращавшихся на родину людей, насильственно угнанных на работу в Германию, советские власти рассматривали как потенциальных шпионов, допрашивали и судили за мнимое предательство. Послевоенные судьбы участников всех этих событий почти полвека оставались скрытыми во многом вследствие всеобщей подозрительности периода «холодной войны».

К весне 1943 г. немцы начали отход с восточной Украины и попытались увести с собой местных полицейских. Вначале эвакуированных полицейских включали в аналогичные полицейские формирования, находящиеся дальше в тылу немецких войск. Например, в 1944 г. в шуцманстве в районе Липска (Западная Белоруссия) числилась большая группа бывшего персонала *ОД* (служба охраны порядка) из Езерища (севернее Витебска)². Аналогичное положение сложилось на Украине: во время отхода немцев многих полицейских из Харьковского и Киевского округов перевели в шуцманства округа Житомир³.

Отходя обратно к реке Буг, немцы готовились забрать с собой всё, что имело какую-либо ценность и могло быть использовано Красной армией. В декабре 1943 г. на Украине был отдан приказ эвакуировать всех мужчин в возрасте от 16 до 65 лет, способных носить оружие⁴. Опыт научил немцев, что Советы мобилизуют всех мужчин призывного возраста в Красную армию. Что касается местной полиции, то согласно приказам, изданным в феврале 1943 г., шуцманам надлежало отходить с немцами, дабы помешать их бегству к партизанам⁵.

О масштабах разрушений, нанесенных отступающими немцами, свидетельствует доклад Советской Чрезвычайной комиссии о положении в городе Кобрин: «При отступлении они [немцы] взорвали и сожгли два кирпичных завода, три паровых мельницы, кожевенную фабрику, лесопилку, электростанцию, две железнодорожные станции, восемь железнодорожных мостов, два моста на шоссе через р. Муховец, два шлюза на канале Днепр-Буг. Они вывели из строя и увезли с собой железнодорожный подвижной состав, телеграфное, телефонное и радиооборудование, а также кинопередвижку»⁶.

В районе южнее Бреста немцы конфисковали весь скот и отправили его в дальний путь на запад вместе с местной полицией. Например, в деревне Липенки они собрали 50 жителей и заставили их отгонять стадо к переправе через реку Буг. Почти все «погонщики» сбежали, а других через несколько дней немцы отпустили домой⁷. Один местный житель рассказывает: «Я помню, что многим приказали явиться в центр города с лошадьми и телегами. На телеги погрузились полицейские и немцы со своими пожитками, а местным

жителям приказали переправить их через Буг, чтобы они не попали в руки наступающей Красной армии»⁸.

Ввиду того, что среди личного состава вспомогательной полиции росла тенденция бежать к партизанам, захватив с собой оружие, немцы старались не использовать полицейских в непосредственных боях с советскими войсками, так как с поля боя было легче дезертировать. Поэтому в 1944 г. были предприняты попытки перевести их на другие фронты, где тоже ощущался недостаток живой силы.

Для некоторых подразделений местной полиции пути отхода удалось проследить. Например, известна судьба 16 шуцманов из 30-ти, служивших на маленьком посту в городе Гнивани. Трое было убито в бою с русскими при захвате ими города в марте 1944 г. Десять рядовых полицейских остались в Советском Союзе, были мобилизованы в Красную армию, а затем осуждены на срок от 15 до 25 лет, из которых отбыли не менее шести и вышли на свободу по амнистии в 1955 г.⁹ Трое старших украинских унтер-офицера отступили с немцами и в 1944–45 г. служили в ПВО (*Luftschutzpolizei*) Ганновера.

Обнаружен документальный след, позволяющий точно воспроизвести путь этих троих в Германию. В апреле 1944 г. на сборном пункте Каменка близ Львова большая группа шуцманов их Житомирского округа погрузилась в эшелоны вместе с другими украинскими полицейскими (всего 3.351 человек). Многие холостые полицейские были направлены в Эстонию, а остальных, в основном вместе с их женами и детьми, отвезли в крупные города Рейха, например, в Нюрнберг и Зальцбург. 175 человек отправили в Ганновер¹⁰. Те, кто оказались в Германии, служили в ПВО и помогали устранять последствия тяжелого ущерба, нанесенного этим городам бомбежками авиации союзников¹¹.

Документы из архива Ганновера подтверждают, что персонал бывшего украинского шуцманства из Гнивани и других полицейских постов в районе Житомира был зарегистрирован там в 1945 г.¹² В списке полицейских в Ганновере от августа 1944 г. значатся фамилии более 100 бывших шуцманов. Многие прибыли из округов Житомир, Полтава и Харьков¹³. После войны из троих бывших унтер-офицеров из Гнивани один эмигрировал в Австралию, один — в США и еще один — в Англию¹⁴.

Аналогичный путь может быть реконструирован для украинских и немецких полицейских из местных постов кировоградского округа. Судя по протоколам советских судов, многие украинские полицейские во время отступления на запад дезертировали. Один сбежал всего в нескольких километрах от своего дома, другой —

в районе Тирасполя севернее Одессы, а третий близ реки Днестр на румынской границе. Только один из шуцманов, представших перед советским судом, оставался в своем подразделении всю дорогу через Румынию в Венгрию. Оттуда его перевели в Кенигсберг, где он рыл окопы и служил пожарником до тех пор, пока его не захватила Красная армия¹⁵.

Судя по документам, район вокруг Кировограда был взят наступающей Красной армией в середине марта 1944 г. В это время подразделения жандармерии и шуцманств, подчиненные начальнику сельской полиции (*KdG*) района Николаева уже отступали на запад к румынской границе. В конце июня 1944 г. из этих сил был сформирован 38-й стрелковый полицейский полк, в который вошло много этнических немцев, служивших в местной полиции, а также жандармов из южной Украины¹⁶.

В 38-й стрелковый полицейский полк вошли не все отступающие полицейские. Из оставшихся местных украинских полицейских, переименованных в «хиви» (*Hiwis*, добровольные помощники), были сформированы три десантно-диверсионные группы («коммандос») «Черное море», которые возглавили всего несколько офицеров немецкой полиции¹⁷. В конце августа 1944 г. крах немцев в Румынии заставил эти полицейские формирования поспешно отступить в направлении Венгрии. В начале сентября подразделения 38-го стрелкового полицейского полка перегруппировались в районе городов St. George и Illyefalva (ныне центральная Румыния)¹⁸.

Во время отступления 38-й стрелковый полицейский полк сократился до размеров боевых групп, которые стали называться фамилиями своих командиров, например, «Капитан Зауренбах». К ноябрю 1944 г. их реорганизовали в 8-й полицейский полк СС¹⁹. В ноябре и декабре 1944 г. подразделения этого полка базировались в Венгрии близ Будапешта²⁰. Из оперативных сводок и сведений о потерях, относящихся к этому времени, видно, что полк был не в лучшем состоянии. Дальнейшие сведения о потерях, поступившие из Чехословакии в феврале 1945 г., показывают, что полк был снят с передовой для реорганизации²¹. Некоторые солдаты этого полка в конце войны оказались в Штеттине (северная Германия). Чтобы избежать захвата Красной армией, они пытались оттуда бежать на запад.

Пути отступления многих белорусов, служивших в шуцманствах в начале 1944 г., можно представить довольно подробно. Один жандарм из Мира вспоминает о начале отступления: «Мы выехали из Мира 1 июля 1944 г. Был полдень. Мы поехали в Жуковичи через Ушу. Вечером мы прибыли в Жуковичи и увидели, что Мир горит. Возможно, его захватили, а может быть, это горел винокурennyй

завод в поместье. Наш взвод двинулся на Белосток. Полицейский участок Мира ехал отдельно вместе с местными добровольцами (60 или 80 человек) и некоторыми местными жителями. В Новой Мыши мы встретили, я полагаю, людей с других участков»²².

Один полицейский, служивший в Новой Мыши, воспользовался отступлением, чтобы вывезти свою семью, а потом устроиться на работу под видом простого крестьянина: «В конце июня 1944 г. полицейский участок эвакуировался на запад, и нас с семьями они взяли с собой. Мы ехали на телегах. Что стало с Jagdzug'ом [поисковым взводом], я не знаю. В районе Остролека мне с женой [и с двумя другими семьями] удалось бежать... Мы переоделись в гражданскую одежду и выбросили оружие. В районе Чеханува мы остановились и устроились работать в одном имении»²³.

На первом этапе отступления многие бывшие шуцманы прибыли на телегах в Восточную Пруссию со своими семьями. Здесь им было предложено остаться и работать либо на строительстве укреплений или на местных фермах, либо вступить в 30-ю гренадерскую дивизию СС. Многие белорусы выбрали службу в 30-й дивизии СС, а свои семьи оставили в Восточной Пруссии²⁴. В августе эту дивизию отправили по железной дороге из Розенберга (Восточная Пруссия) во Францию, и через Дижон она прибыла в Шалон-на-Соне. В ней служил офицером и Макс Айбнер, бывший начальник жандармерии города Барановичи, служивший также в 30-й дивизии *Waffen SS*²⁶.

30-я гренадерская дивизия СС как боевое соединение особой славы не снискала. Вскоре после прибытия во Францию (в конце августа 1944 г.) солдаты взбунтовались. Некоторые белорусы, убив своих офицеров, бежали и присоединились к французским партизанам²⁷. Часть оставшихся была отправлена в штрафной лагерь близ Дахау. Один бывший жандарм вспоминал: «В это время... [некоторые шуцманы] исчезли в 24 часа. Мы подозревали, что они вступили в контакт с противником. Когда мы снова стали отступать, вспыхнул новый бунт, на этот раз в 10-й роте. Шмид и Гайда были убиты. Все местные добровольцы, кроме где-то пяти или десяти, бежали в леса. В Доле нас снова погрузили в эшелоны и повезли в направлении Мюнхена. Здесь оставшихся местных добровольцев отправили в концлагерь»²⁸.

Бывший шуцман, который после войны вернулся домой из Англии, дает свою версию этих событий: «Во Франции солдаты 1-й роты нашей школы младших командиров перебили всех офицеров и сержантов и ушли в леса и холмы к французским партизанам. Поэтому у нас отобрали все боеприпасы и дали только винтовки без патронов. Нас поместили в концлагерь, который охраняли немцы. Там мы провели около трех недель»²⁹.

В числе тех, кто в это время перешел к французским партизанам, была одна рота, состоящая из беглых полицейских, прежде служивших в районе Мира³⁰.

Несмотря на все эти события, многие бывшие местные полицейские вскоре оказались на фронте. Начиная с 20 ноября 1944 г. 30-я дивизия СС участвовала в боях во Франции западнее Рейна близ швейцарской границы. В этом секторе 21–27 ноября 1944 г. многие бывшие шуцманы, плохо вооруженные и не питавшие вражды к союзникам, попали в плен. Несколько сотен пропали без вести в ходе боя, когда их позиции смяли американские танки³¹.

В сущности, большинство этих бывших полицейских дезертировало или сдалось без боя. Записи в журнале боевых действий немецкой 19-й армии от конца ноября свидетельствуют о весьма сомнительном вкладе этих иностранных частей в оборону Рейха: «30-й дивизия СС стала абсолютно ненадежной. Она иногда открывает огонь по своим собственным частям». В более подробном докладе говорится: «Центральная часть фронта подвергается серьезной опасности вследствие плохого состояния 30-й дивизии СС и потери Galfingue... Русские из 30-й дивизии СС обращаются в бегство при одном только появлении танка противника. В последние несколько дней также много дезертиров. В Galfingue группа пленных русских с товарного поезда во время контратаки подняла оружие на немецкие части»³².

Впоследствии один бывший шуцман объяснил причину своего дезертирства 27 ноября 1944 г. во Франции так: «Я бежал от немцев во время их отступления как раз на французской границе, так как боялся, что если я дезертирую раньше, они расстреляют мою семью. По этой же причине я не пытался бежать к партизанам на Украине. Например, семью одного полицейского расстреляли после того, как он бежал к партизанам»³³.

Некоторым солдатам 30-й дивизии СС дезертирство к союзникам казалось каким-то сном: «Я очень устал и поэтому залез в стог сена и уснул... Я проспал до полудня, а когда проснулся, увидел в деревне американцев. Я оставил в стогу оружие и ремень и вышел на улицу. Американский солдат, который меня встретил, спросил по-английски: “German?”, на что я ответил: “Polish”. Тогда второй американец подошел ко мне и стал говорить со мной по-польски. Говорил он очень хорошо... Он спросил, откуда я, и я ответил, что я из-под Барановичей и что я не поляк, а белорус. Этот американец сказал, что через два дня мы все будем в польской армии»³⁴.

Приблизительно через месяц многих бывших солдат из 30-й дивизии СС перевели в Свободную Польскую Армию (Андерса)

и в начале 1945 г. отправили в Италию сражаться с немцами. Когда окончилась война, англичане были обеспокоены тем, что к власти в Италии может прийти коммунистическое правительство, и поэтому правительство Великобритании решило отправить в Соединенное Королевство тех служащих польской армии, которые не хотели репатрироваться в коммунистическую Польшу. Эта мера отчасти также была направлена на то, чтобы способствовать снижению нехватки рабочей силы в Великобритании в этот период. Вполне понятно, что большинство из тех, кто служил немцам, не хотели возвращаться в находящуюся под властью коммунистов восточную Европу.

Некоторые из бывших солдат Польской Армии, приехавших а Англию, позже эмигрировали в Канаду, США или Южную Америку, хотя большинство осталось в Соединенном Королевстве³⁵. Ядро Польской Армии было сформировано из тех 74.000 человек, которые были освобождены из советского плена и в 1942 г. отправились через Персию в Северную Африку воевать против немцев в итальянской кампании³⁶. У этих людей была особая причина опасаться Советов. К ним присоединилось много дезертиров из немецких вооруженных сил, а также многие из тех, кто был угнан на принудительный труд в Германию³⁷. Необходимо также помнить, что довоенная Польша до 1939 г. включала значительные земли нынешней Литвы, Белоруссии и Украины. Поэтому лица этих национальностей и даже некоторые этнические немцы, родившиеся в Польше, часто поступали на службу в Свободную Польскую Армию.

Среди шуцманов, бежавших на Запад, было много унтер-офицеров и начальников местных полицейских участков. Их судьба, как правило, складывалась более удачно, чем судьба тех, кто остался. Сразу после окончания войны советские власти начали ловить и допрашивать тех, кто сотрудничал с противником. Те, кто принял присягу на верность немцам и носил оружие, были сурово наказаны независимо от того, в чем именно заключалась их деятельность. В результате людям, которые были принудительно призваны в полицию в последний период оккупации и всего лишь участвовали в антипартизанских патрулях, грозило 10 лет исправительно-трудовых работ, тогда как многие главные преступники обратились в бегство и избежали наказания.

Некоторым полицейским удалось избежать опознания, поменяв место пребывания во время отступления. Например, один бывший полицейский из Полонки бежал с немцами в восточную Пруссию и там его послали работать на ферму. Позже он был мобилизован в Красную армию и вскоре из нее дезертировал. Его поймали и при-

говорили к 7 годам исправительных работ, из которых он отбыл 3 года, после чего в 1948 г. был репатриирован в Польшу³⁸. Другой в июне 1944 г. дезертировал непосредственно к партизанам, а потом был мобилизован в Красную армию и ранен в бою. Как и многих других, его предали суду только тогда, когда он вернулся домой с военной службы и был опознан соседями³⁹.

В городе Новая Мышь, где в местной полиции служило много поляков, более 20 полицейских после войны попали под суд в Польше. По-видимому, столько же полицейских было передано суду в Белоруссии, хотя в советских архивах удалось найти только около 10 дел. Известно, что более восьми местных полицейских из этого округа бежали на Запад.

В районе Мира полицейских было больше, но проследить послевоенную судьбу шуцманов удалось более точно (см. Таблицу 8.1). Эта выборка, включающая лиц, призванных на службу к концу оккупации, дала неожиданные результаты — не менее одной трети этих людей осело в западных странах. Те, чьи следы затерялись, по всей вероятности погибли во время войны, либо остались в Советском Союзе или в Польше. Столь значительное количество полицейских, оставшихся на Западе, безусловно, объясняется их массовым дезертирством из 30-й дивизии СС во Франции осенью 1944 г. Примечательно, что почти всем унтер-офицерам удалось бежать; они не сомневались, какая судьба их ожидает в случае возвращения на родину.

Таблица 8.1
Послевоенные судьбы полицейских из района Мир

	Шуцманы	Унтер-офицеры	Всего
Убиты партизанами в бою	29	—	29
Убиты при бегстве к партизанам	2		2
Бежали на Запад	93	11	104
Умерли в немецкой тюрьме	2	—	2

Остались на Востоке	75	1	76
Нет информации	128	1	129
Всего	329	13	342

Источник: WCU 93/1, Appendix II/1–11

После войны некоторым бывшим полицейским удалось взять с собой на Запад жен, но более распространенными оказались случаи двоеженства, когда новые браки заключались без развода с супругами, оставленными на Востоке. Изредка в Польшу или в Советский Союз приходили письма родным и друзьям, но переписка таила серьезную угрозу, так как могла раскрыть местопребывание беглецов КГБ, где много лет не закрывали заведенные на них судебные дела.

В конце войны многие бывшие полицейские смешались с миллионами перемещенных лиц в немецких лагерях. Более 600.000 советских перемещенных лиц предпочли остаться на Западе⁴⁰. Большинство бывших советских перемещенных лиц составляли люди, депортированные на принудительный труд в Германию. Поэтому коллаборационистам было относительно нетрудно утверждать, будто они до депортации в Германию работали на своих фермах, а потом потеряли (или подделали) свои документы. Несмотря на то, что по правилам, установленным ООН, бывшие коллаборационисты лишались статуса перемещенных лиц и тем самым возможности эмигрировать, многим удалось выскользнуть из этой сети. Учитывая огромные массы людей, провести эффективную проверку было трудно. Данные, имеющиеся в Берлинском центре документации, и списки подозреваемых в военных преступлениях (CROWCASS) содержат весьма скудную информацию о коллаборационистах с Востока⁴¹. Среди 90.000 европейских «добровольных рабочих», эмигрировавших в Британию между 1945 и 1950 гг., несомненно, было какое-то количество бывших полицейских⁴². Даже еврейские группы, упорно добивавшиеся права иммигрировать в США в качестве перемещенных лиц, невольно помогли некоторым пособникам нацистов из Восточной Европы проникнуть в Америку в числе почти 400.000 перемещенных лиц, прибывших туда к 1952 г.⁴³

С экономической точки зрения судьба местных жителей, оставшихся в Советском Союзе, оказалась незавидной. Местная эконо-

мика была разрушена в немалой степени вследствие потери еврейских ремесленников и торговцев. Советская плановая экономика могла распределять основные потребительские товары более или менее равномерно, но «предметы роскоши» стали прерогативой тех, кто имел партийные связи. Чтобы обеспечить хоть какой-то приемлемый жизненный уровень, многим пришлось обращаться к черному рынку.

Рассказ женщины из окрестностей Деречина, которая вышла замуж за бывшего партизана, отражает материальное положение многих крестьян в конце войны: «С. был старше меня, но мы были из одной компании. У меня был другой парень. Но после войны С. вернулся нищий, как церковная мышь. У него остался только старый дом, который надо было перестраивать. Дело в том, что когда его семью убили, полицейские забрали из дома все, даже одежду. Они забрали даже всех кур, свернули им шеи и увезли на телегах. Я пожалела С. и вышла за него замуж»⁴⁴.

Интересно сопоставить то, что пришлось пережить после войны местным полицейским, с соответствующим опытом оставшихся в живых белорусских и украинских евреев. Многие евреи уходили на Запад не только для того, чтобы избежать преследований, но и для того, чтобы оставить позади прошлое. Множество факторов влияло на их решение эмигрировать и не в последнюю очередь — надежда попасть в Палестину.

Даже в последние дни оккупации евреев, живущих в лесах, подстерегали опасности. Летом 1944 г., когда Красная армия начала свое наступление, партизаны часто сталкивались с немецкими фронтовыми частями, бежавшими на запад, чтобы избежать окружения. Например, однажды утром на лагерь Бельского в Налибокском лесу внезапно натолкнулась большая группа немецких солдат. Стреляя во все стороны и бросая гранаты в хижину, немцы убили девять партизан. Впрочем, немцы просто «шли мимо»; вскоре они были атакованы другим партизанским отрядом. Части Красной армии, преследовавшие немцев, появились на следующий день, партизаны радостно приветствовали красноармейцев как своих освободителей⁴⁵.

Но для многих из партизан приход Красной армии означал мобилизацию и еще несколько месяцев полного опасностей преследования немцев вплоть до Берлина. Многие доблестные партизаны были убиты и ранены на пути к окончательной победе. Предвидя такую опасность, Тувиа Бельский вопреки приказам распустил свой отряд, дав таким образом возможность некоторым партизанам избежать призыва в Красную армию, нанявшись на работы, где от призыва

освобождались. На него донесли в НКВД, и он через Румынию сумел бежать в Палестину⁴⁶.

Для евреев возвращение из лесов было очень печальным: «Я помню день освобождения. Он был дождливым. Мы с двумя детьми шли пешком за телегой. Когда мы вошли в деревню, у меня появилось такое чувство, будто мы должны просить прощения за то, что остались в живых. Вся деревня состояла из одной длинной улицы. В середине жили евреи, а на окраинах не-евреи, белорусы. Они стояли и смотрели на нас, словно мы были призраки, явившиеся с того света. Они уже привыкли к мысли, что нога еврея больше никогда не ступит на землю их деревни»⁴⁷.

На Волыни сохранявшаяся угроза со стороны УПА (Украинская повстанческая армия) заставила оставшихся в живых евреев искать безопасности в более крупных городах, особенно в Ровно, где поначалу собралось свыше 1000 евреев. Согласно подсчетам Шмуэля Спектора в этой области осталось в живых всего 3500 евреев. К концу года они стали переселяться в Польшу. Это продолжалось несколько лет, пока в Ровно не осталось почти ни одного местного еврея⁴⁸. Сразу после войны гражданам бывших восточных польских провинций была предложена возможность «репатриироваться» во вновь образованное Польское государство, и этой возможностью воспользовалось много евреев⁴⁹. Впрочем, для них Польша была всего лишь промежуточной станцией по пути на Запад. Никуда не исчезнувший польский антисемитизм достиг высшей точки в июле 1946 г. во время погрома в Кельце, унесшего жизнь 42 евреев. Много евреев было ранено. Это еще более подвигло выживших продолжить свой путь в поисках нового пристанища⁵⁰.

О том, куда после войны переселялись белорусские евреи, дают представление данные об эмиграции более 50 евреев из района Мира (см. Таблицу 8.2). Больше всего евреев переехало в Палестину, где они приняли участие в создании нового государства Израиль. Другими популярными среди эмигрантов странами были США и Канада, несмотря на существовавшие там иммиграционные ограничения. Другими основными регионами, принимавшими иммигрантов из Европы, были Южная Америка, Южная Африка и Австралия⁵¹. Три еврея, остававшиеся в Польше до середины 1950 гг., к 1970 г. покинули ее, что отражало трудности, с которыми они там столкнулись.

Таблица 8.2
Пункты эмиграции уцелевших евреев из Мира (установленные)

Страна	Количество
США	8
Израиль	32
Южная Африка	2
Белоруссия	3
Канада	9
Россия	1
Дания	2
через Польшу	(3)
Всего	57

Источник: WCU 93/1

Меньше всего уцелевших евреев осталось в Советском Союзе. В Новогрудке, где до войны еврейская община насчитывала около 6000 человек, в настоящее время живет всего 5 евреев⁵². Значительные препятствия эмиграции советских евреев сохранялись вплоть до 1989 г., хотя в 1970-е гг. некоторые послабления были все же сделаны. Здесь, как и в остальных регионах Восточной Европы, периодические всплески антисемитизма заставили многих евреев отказаться в какой-то мере от своей национальной идентичности. Официальная советская пропаганда предпочитала вообще отрицать страдания евреев — жертв холокоста. Надписи на надгробьях многих еврейских могил характеризуют погребенных там просто как «мирных советских граждан»⁵³.

В первые недели и месяцы после освобождения многие евреи участвовали в опознании местных коллаборационистов и как следователи, и как свидетели. Свидетельские показания уцелевших евреев можно найти в советских судебных протоколах из районов Барановичей и Бреста. Они относятся большей частью к 1944 и 1945 годам. Освальд Руфайзен вспоминает, что осенью 1944 г. он писал для

НКВД подробный отчет о своей службе в полиции⁵⁴. Одна еврейка из Давидгродека работала следователем НКВД до того, как подала просьбу разрешить ей эмигрировать⁵⁵.

Точное число лиц, которые в Советском Союзе были преданы суду за коллаборационизм, неизвестно, но оно безусловно достигает нескольких десятков тысяч⁵⁶. В районах, положение в которых автор данного исследования подробно разбирает, были заведены судебные дела на большинство лиц, работавших на немцев и оставшихся в Советском Союзе (или вернувшихся туда) после войны. Наказание грозило не только местным полицейским, но и членам отрядов самообороны (Самоохова) и особенно сельским старостам, а также лицам, служившим в гражданской администрации. Приговор обычно определял такие меры наказания: не менее 10 или 15 лет каторжных работ за службу у немцев и 25 лет или даже смертная казнь за более тяжкие преступления против государства и гражданского населения. В середине 1950-х многие осужденные, отбыв 5 или 10 лет заключения, были освобождены.

В 1947 г. смертную казнь в Советском Союзе временно отменили, так как было сочтено, что в мирное время необходимость в ней отпала⁵⁷. Это означало, что некоторые коллаборационисты, осужденные за убийство, отбывали длительные сроки заключения в советских тюрьмах. Однако к 1950 г. смертная казнь была введена вновь. Еще в 1980-х гг. некоторые военные преступники были казнены. Например, начальник местной полиции Устиновки (близ Кировограда), Мефодий Марчик, был опознан одним местным жителем, который, приехав в другой украинский город, встретил его на улице. После продолжительного следствия Марчик предстал перед судом и в 1958 г. был казнен⁵⁸.

О методах советского следствия можно судить по жалобам некоторых обвиняемых. Отдельные заключенные жаловались на психологическое давление — например, ночные допросы и лишение сна с целью добиться признания⁵⁹. Дитер Поль отмечает многочисленные случаи жестокого обращения с заключенными во время допросов⁶⁰. Не было бы ничего удивительного, если бы некоторые служащие НКВД дали бывшим полицейским возможность испытать на себе собственные методы, вроде избиений во время допросов⁶¹. Часто короткие признания скорее всего получены в результате многочасовых допросов, а стоящие под ними подписи явно сделаны нетвердой рукой. Почти ритуальные признания вины не внушают особого доверия. Однако большинство признанных дел не оставляет сомнения в том, что подозреваемые в той или иной форме служили немцам. В судебных материалах часто имеются документальные до-

казательства в виде анкет из захваченных личных дел подсудимых (*Personalbogen*).

Что касается показаний свидетелей, а не протоколов допросов обвиняемых, то ошибки в расшифровках стенограмм следует рассматривать не как нарочитые манипуляции, а скорее как результат небрежности или низкого уровня образования следователей. В первые послевоенные годы наблюдался дефицит не только профессиональных судей и следователей, но даже дефицит бумаги. Уровень доказательности в советском судопроизводстве был не слишком высок, и показания свидетелей часто основывались на слухах. Однако проводились и подробные расследования с целью установить факты, особенно в случаях, когда преступления носили не только уголовный, но и политический характер. Преступниками считались те, кто носил военную форму противника, принимал присягу или участвовал в рейдах — наравне с непосредственными исполнителями конкретных преступлений.

Более подробную документацию о судебных процессах над военными преступниками можно найти в тех регионах восточной Польши, которые в 1945 г. были переданы Советскому Союзу. В офисе бывшей Главной комиссии в Варшаве (INRW) хранятся дела 400 лиц из западных областей Белоруссии и Украины. Большинство этих дел относится к концу 1940-х и началу 1950-х годов. Вторая серия процессов проводилась в 1960-х и 1970-х годах, а некоторые даже позднее. К 1960 гг. следствие начали вести более тщательно и выводы стали более обоснованными, как в советских, так и в польских судах. В ходе этих польских процессов некоторых подсудимых даже оправдали, и на последних судах степень персональной ответственности оценивалась более тщательно.

Поскольку многие палачи и их жертвы бежали в Польшу, некоторые военные преступники были опознаны в результате случайных встреч. Так, например, одного коллаборациониста из Давидгродека узнал на базарной площади в Клацке (Нижняя Силезия) оставшийся в живых еврей. От этого человека польские власти получили информацию, благодаря которой были арестованы и осуждены многие крупные коллаборационисты из Давидгродека⁶². Уцелевший еврей из Мира вспоминает, как в Польше его вызвали в полицию, чтобы помочь в опознании арестованных местных коллаборационистов⁶³.

Как относились уцелевшие жертвы к своим бывшим мучителям? Многие оставшиеся в живых естественно испытывали чувство ожесточения к своим бывшим соседям, которые охотно служили орудием нацистов в кровавых убийствах евреев. В мемуарах парти-

зан часто звучит мотив личной мести, побуждавшей их расправляться с немцами и местными полицейскими. На решение евреев эмигрировать не в последнюю очередь оказывал влияние страх перед антисемитизмом, все еще живучем среди местного населения. Взгляды многих евреев, участвовавших в зачастую болезненных для них следственных мероприятиях, пожалуй, убедительнее всего выразил один из переживших войну: «Я чувствую, что пойманных преступников должна постичь справедливая кара, и я обескуражен, когда правосудие не свершается. Но я не жажду мести. Мсть превратила бы меня в одного из них»⁶⁴. Такое же стремление добиться справедливости, а не отомстить вдохновляла неустанные расследования Симона Визенталя, проводимые из его офиса в Вене⁶⁵.

К сожалению, нельзя сказать, что всех местных коллаборационистов постигла заслуженная кара. Подобно немецкой карательной системе, которая часто обрушивалась на ни в чем не повинных жителей, оставшихся в «партизанской» деревне после ухода самих партизан, советское правосудие тоже часто вылавливало тех, кто был менее всего виновен и поэтому не считал нужным бежать на Запад. В то же время главные пособники благополучно бежали в Германию или оказывались в союзническом лагере военнопленных. Союзники опасались, что в Советском Союзе наказание могут понести невинные люди, и поэтому многим преступникам удалось избежать возвращения на родину.

Равным образом достойно сожаления, что в конце войны евреи, пожелавшие эмигрировать, сталкивались с гораздо большими препятствиями, чем жители Восточной Европы других национальностей. Например, при выборе иммигрантов западные правительства отдавали предпочтение жителям Прибалтики, как более ценному «расовому материалу». Начало «холодной войны» и использование коммунистическими странами проблемы военных преступлений в целях пропаганды и шпионажа позволило многим коллаборационистам, не боясь разоблачения, спокойно дожить свою жизнь на Западе. Лишь после окончания «холодной войны» появилась возможность разыскать и предать суду тех немногих полицейских коллаборационистов, которые еще были живы. Эти процессы теперь близятся к своему естественному завершению — скоро судьей им будет только история.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Местный коллаборационизм в Холокосте

Историки все чаще сходятся во мнении о необходимости пересмотра некоторых широко распространенных представлений о том, как осуществлялся Холокост. По осторожной оценке Хилберга, в течение 1941–43 гг. на территории в пределах довоенных (на май 1941 г.) границ Советского Союза около 2.000.000 евреев было расстреляно в ямах недалеко от их домов¹. Роль, которую сыграли при этом пресловутые эйнзатцгруппы, детально отражена в их собственной обширной документации. Однако летом и осенью 1942 г. по вышеуказанной территории прокатилась так называемая «вторая волна» расправ. В Западной Белоруссии и на Украине «вторая волна» оказалась еще более губительной, чем первая, так как она накрыла и уничтожила почти все гетто, кроме нескольких основных трудовых. Цель нацистов состояла в том, чтобы сделать эти регионы *Judenfrei*, «свободными от евреев»².

Организация и исполнение «второй волны» в указанных областях были более тщательными, чем в акциях 1941 г. «Вторую волну» координировали и осуществляли региональные начальники СС и полиции с помощью уже созданных ими постов полиции безопасности. Для выполнения этого страшного мероприятия на огромных восточных просторах требовалась значительная поддержка подразделений полиции охраны порядка и местных коллаборационистов. В операциях были задействованы не только мобильные батальоны полиции порядка и шуцманств, важную роль играла также немецкая жандармерия и ее местные полицейские пособники (*Schutzmannschaft-Einzeldienst*), которые представляли полицейскую власть на районном уровне.

Участие жандармерии и местной полиции в основном сводилось к оказанию помощи полиции безопасности по сбору евреев и охране мест казни. Иногда местные полицейские сами пускали в ход оружие, расстреливая евреев у ям, но главная задача жандармерии и местной полиции состояла в том, чтобы после расстрелов довести работу до конца, т. е. найти и уничтожить всех, кто тем или иным путем сумел избежать казни. Например, в «Книге памяти города Глубокое» говорится, что «полицейские целыми днями и неделями

без устали разыскивали спрятавшихся или сбежавших евреев»³. Систематическое участие местной полиции зафиксировано в таких местах, как Глубокое, Новоградок, Полесье, Волынь и Житомир, т. е. на большей части заселенных евреями территорий Западной Белоруссии и Украины.

Кем же были местные коллаборационисты, столь активно участвовавшие в нацистском геноциде на Востоке? На территориях, находившихся под контролем немецкой гражданской администрации, активными участниками расправ были люди из числа тех 25.000, которые в первые месяцы оккупации добровольно поступили на службу в местную полицию. Из них 2000 человек к июлю 1942 г. были унтер-офицерами, но многие впоследствии были в знак признания их заслуг и по мере роста численного состава шуцманств повышены в звании⁴. Вначале в полицию поступали те, кто стремился отомстить советской власти и регулярно получать жалование. Сам характер работы привлекал националистов, честолюбцев, местных хулиганов и антисемитов, а иногда и бывших уголовников. Но среди добровольцев встречались и простые крестьяне, предпочитавшие рутинную караульную службу тяжелому труду на земле.

Жестокие преступления этих местных полицейских подробно и наглядно отражены на страницах настоящей книги. Разнообразные использованные источники — немецкие рапорты и доклады, протоколы послевоенных судебных процессов, показания многочисленных свидетелей — евреев и не-евреев — не оставляют сомнений в том, что касается общей картины. Многие свидетели утверждают, что полицейские коллаборационисты обращались с евреями более жестоко, чем немцы⁵, а также бесцеречно расправлялись с женщинами и детьми.

Однако это сборище палачей было далеко не однородным. Некоторых индивидуумов можно охарактеризовать как «заядлых убийц». Они добровольно исполняли «карательные» обязанности ради возбуждения и сознания собственной власти, которые это им давало. Эти люди презирали человеческую жизнь. Другую значительную группу коллаборационистов составляли начальники местных унтер-офицеров, отдававшие приказы от имени немцев. Не все они отличались чрезмерной жестокостью, но, командуя нижестоящими, готовы были убивать ради наград и продвижения по службе. Именно такие преступники были, скорее всего, склонны связать свою судьбу с немцами и впоследствии бежать с ними на Запад, понимая, что в случае прихода Красной армии рассчитывать на пощаду им не придется. Роль остальных добровольцев источники характеризуют менее определенно, поскольку многие из них по вполне понятным

причинам на допросах утверждали, будто всего лишь подчинялись приказам.

С лета 1942 г., когда усилилась партизанская война, немцы стали все чаще прибегать к принудительному набору молодых людей в местную полицию, опасаясь, что в противном случае те могут примкнуть к партизанам. Такие новобранцы особого рвения не проявляли и особым доверием немцев не пользовались. Некоторые новобранцы активно участвовали в уничтожении семей партизан — порой из мести за убитых родственников и друзей. Другие, напротив, неохотно выполняли свои обязанности и при первой возможности бежали к партизанам. Многие рекруты не ушли с отступавшими немцами и по иронии судьбы именно они подверглись жестокому наказанию, которые советские власти предназначали всякому «пособнику».

Значение антисемитских настроений среди активных полицейских и местных жителей оценить нелегко. Судя по имеющимся источникам, антисемитизм был всего лишь одним из множества мотивов, определивших их поведение. Другими мотивами представляются жадность, алкоголизм, антикоммунизм, карьеризм и влияние среды. И немецкая и местная антисемитская пропаганда не без успеха связывала евреев с мнимым «иудейско-большевистским» заговором, что, несомненно, находило отклик среди тех, кто пострадал от советских репрессий. Непродолжительная советская оккупация обострила в бывших польских землях этнические противоречия, а быстрые политические и экономические изменения и особенно массовые советские депортации ослабили социальные связи. Многих поляков особенно возмущало, что некоторые евреи заняли их должности в местной администрации и даже в полиции. Они предпочитали не замечать, что советские репрессии затронули еврейский бизнес, еврейские организации и еврейских беженцев не менее жестоко, чем их самих.

Сомнительно, однако, что соучастники нацистских злодеяний руководствовались только мотивами расовой ненависти. Аналогичная кровожадность и равнодушие к человеческой жизни местные полицейские проявляли и по отношению к другим жертвам, которые вовсе не были евреями. Цыган, военнопленных, членов семей партизан и даже русских («восточников»), т. е. всех, кого немцы считали «враждебными элементами», постигла такая же участь.

Дискриминация евреев всегда была характерной чертой русской истории. В конце XIX и в начале XX века она привела к чудовищным вспышкам насилия. В период гражданской войны в России свыше 100.000 евреев были убиты в погромах, учиненных главным образом поляками, украинцами и русскими белогвардейцами⁶. В кри- тических обстоятельствах евреи научились прятать свои ценные

вещи, уходить в леса, а в случае необходимости даже бороться с погромщиками. В мирное время на территориях, находившихся под властью поляков, для развязывания кровавых погромов присущего населению глубинного антисемитизма было недостаточно⁷. Но этого скрытого антисемитизма вполне хватило для того, чтобы немцам легко было найти достаточное количество желающих принять участие в расправах. А остальные местные жители не прочь были поживиться «бесхозным» имуществом убитых евреев.

В воспоминаниях уцелевших евреев снова и снова возникает тема изоляции и одиночества, которые они испытали во время Холокоста. Отсутствие тесных связей с христианами привело к тому, что в час нужды им почти не у кого было искать помощи. Предательство соседей угнетало их больше, чем ненависть чужаков-немцев, с которыми они имели мало непосредственных контактов. В обстановке, когда не только местные полицейские, но и некоторые местные крестьяне готовы были выдать еврея за несколько килограммов соли⁸, каждая случайная встреча могла закончиться смертью. На самом деле, многие евреи обязаны своим спасением христианам, которые, один за другим, помогали им, рискуя собственной жизнью, о чем большинство уцелевших с благодарностью вспоминают⁹, — но всего лишь одного случая предательства было достаточно, чтобы лишить еврея всякой надежды на спасение.

Личное знакомство палачей с их жертвами, запертыми в мелких гетто на восточных территориях, придает расправам элемент какой-то жуткой близости, что не согласуется с пониманием Холокоста как некоей деперсонализованной бюрократической машины уничтожения¹⁰. Эти убийства в некотором смысле подобны «этническим чисткам» в бывшей Югославии, где местные ополченцы терроризировали, изгоняли и убивали своих соседей по мотивам национальной ненависти и личной наживы. Поскольку украинцы, белорусы и поляки были лишены возможности создать собственные вооруженные силы, многие националисты поступали в немецкую вспомогательную полицию с целью приобрести оружие и боевую подготовку для будущей борьбы. Конечно, уникальной чертой нацистского геноцида являются его масштабы и централизованное управление со стороны полицейского аппарата Гимmlера. Участие в этом процессе местных сил заслуживает более пристального внимания. Прямое сравнение с недавними «этническими чистками» еще более адекватно по отношению к национальным конфликтам, вспыхнувшим в 1943 и 1944 гг. на Волыни и в районе Вильнюса. Здесь старинные распри между украинцами, поляками и литовцами вновь вспыхнули в «вакууме власти», возникшем при приближении Красной армии.

Без соучастия местных сил немцам, безусловно, было бы труднее осуществлять свои планы. Одна женщина, пережившая войну, вспоминает, как она боялась, что ее опознают местные полицейские в ближайшем городе, куда она убежала после расправы в своем местечке: «Когда я убежала в Мир, евреи меня спрятали. Они сказали, что я обречена на смерть... [потому что] я убежала из Туреца и еще потому что ... тамошние полицейские знали меня раньше. Они и в Мире сразу же меня узнали бы и убили»¹¹.

В этой замкнутой местной среде о Холокосте немедленно становилось известно всем. Даже сами расправы принимали рутинную форму какого-то чудовищного ритуала — полицейские устраивали пьянки, чтобы отпраздновать богатую добычу, а местные жители-христиане иногда приходили «поглядеть на “забаву”, которую они потом... во всех подробностях описывали»¹².

Стихийно возникавшие погромы, как, например, в Мире или Иодах в конце 1941 г., наиболее наглядно демонстрируют силы анархии, выпущенные немцами на волю. В то время евреи еще не оказывали почти никакого сопротивления, а рвение местных полицейских, за которыми никто не присматривал, выливалось в кровавые бои на городских улицах.

«Вторая волна» была подготовлена более тщательно силами постов полиции безопасности. К лету 1942 г. евреи уже знали, что их ожидает, и многие прятались в бункеры, пытались бежать или (в некоторых случаях) встречали палачей с первым попавшимся оружием в руках. При очистке гетто в Слониме и Несвиже местные полицейские в поисках ни в чем не повинной «добычи» систематически обыскивали дом за домом. При этом разыгрывались душераздирающие сцены. Многие жертвы сгорели заживо в огне пожаров, охвативших гетто. Евреев, пытавшихся спрятаться, бежать или просто не способных двигаться, часто расстреливали на месте, а их трупы оставляли на улицах.

Количество убитых в ходе «второй волны», особенно в бывших польских землях, не следует недооценивать. Первые эйнзатцгруппы прошли по этой территории очень быстро еще до начала эскалации массовых расправ. По подсчетам Шмуэля Спектора, на Волыни в ходе ликвидации гетто во второй половине 1942 г. было убито почти 80% евреев¹³. В районе Глубокое в 1941 г. было проведено всего несколько крупных акций. Большую часть гетто ликвидировали летом 1942 г., оставив до 1943 г. лишь незначительное число квалифицированных рабочих. Имеющиеся оценки масштаба и очередности акций в Полесье дают аналогичную картину. В районах Новогрудка и Минска соединенными усилиями СС, полиции охраны порядка

и вермахта еврейскому населению были нанесены большие потери осенью 1941 г., но 50% убийств приходится на 1942 г., а в 1943 г. были убиты или депортированы обитатели немногих оставшихся трудовых лагерей, которым не удалось бежать¹⁴.

В центральных областях Украины (Житомир, Киев и Николаев) эйнзатцгруппы осенью 1941 г. при поддержке начальника СС и полиции (*HSSPF*) провели широкомасштабные операции в большинстве крупных городов. Здесь многие евреи еще до прихода немцев успели бежать из главных городов, особенно из Житомира и Николаева, обладавших развитыми коммуникациями. Однако в первой половине 1942 г. было проведено много акций, направленных в основном против мелких сельских гетто (например, в Генеральном комиссариате Житомира). Одновременно было убито небольшое количество евреев, еще остававшихся в сельских районах Николаевской области. В ходе этих акций местные полицейские помогали собирать евреев и конвоировать их к местам расправ, а также ловить и расстреливать тех, кто был найден позже.

Решение немецкого руководства к концу 1942 г. осуществить 100%-ную ликвидацию евреев в большинстве городов означало, что оставшимся в живых евреям не найти убежища нигде. Они были вынуждены вооружаться и пытаться выжить в лесу. Таким образом бежавшие евреи давали хоть и небольшой, но важный толчок растущему партизанскому сопротивлению, особенно в Белоруссии. «Вторая волна» означала абсолютный геноцид, ибо каждого еврея, скрывающегося в лесу, безжалостно вылавливали с помощью местной полиции и доносчиков-крестьян.

В результате судьба оставшихся в живых евреев оказалась неразрывно связана с развивающимся партизанским движением. Жестокое обращение с военнопленными, экономическая эксплуатация и депортации в Германию способствовали росту недовольства населения немецким господством. При этом ключевую роль в качестве орудия немецких реквизиций и облав на людей, подлежащих депортации, играли шуцманства и местные (часто коррумпированные) чиновники. Репутация насильников и грабителей, закрепившаяся за местными полицейскими, едва ли могла способствовать улучшению имиджа немецкой гражданской администрации.

Начиная с лета 1942 г. ядром растущего партизанского сопротивления стали советские военнопленные, которых угроза голодной смерти и расстрела заставляла бежать в леса. В это время оставшиеся в живых евреи тоже пополняли партизанские отряды, хотя бывали случаи, когда партизаны их грабили и убивали. Решающим моментом выживания евреев стал доступ к оружию, причем недостаток

опыта и боеприпасов они часто восполняли жаждой мести. Усилия евреев выжить и оказать сопротивление убийцам и мужество, проявленное ими в самых ужасных условиях, заслуживают высочайшей оценки.

Главным врагом базировавшихся в лесах партизан оставалась немецкая полиция и ее местные пособники. Постоянное участие местных полицейских в расправах с нееврейскими группами населения, включая женщин и детей, наглядно демонстрирует, с каким рвением шуцманы служили послушным орудием немецкой политики, и хотя неповиновение немецким приказам и дезертирство, особенно среди тех, кто был принудительно призван на службу в полицию уже после массовых убийств евреев, встречалось все чаще, многие унтер-офицеры и добровольцы остались верными немцам и бежали вместе с ними на Запад.

Судьбы выживших евреев и местных полицейских коллаборационистов продолжали переплетаться даже по окончании войны, ибо пути послевоенной миграции вели многих к одной и той же цели. Провалы международного сотрудничества в период холодной войны способствовали тому, что многим главным преступникам удалось избежать советского правосудия и найти убежище на Западе. Информация об их преступлениях в большинстве случаев оставалась скрытой до 1990-х гг., когда были открыты архивы.

Подводя итоги, можно сказать, что построенный по образцу судебных разбирательств анализ преступлений местной полиции, основанный на использовании новых источников, раскрыл многообразное и активное пособничество в Холокосте. В преимущественно сельских регионах Украины и Белоруссии в период ликвидаций гетто в 1942 г. число местных полицейских в 5–10 раз превышало число немецких жандармов¹⁵. В крупных акциях участвовали и другие подразделения — немецкая полиция охраны порядка и шуцманские батальоны, а общее руководство осуществляла полиция безопасности, из личного состава которой формировались расстрельные взводы. Однако проводить массовые облавы на евреев и сопровождать их было бы трудно без активной поддержки подразделений местной полиции. Отдельные местные полицейские особенно отличались в последующих поисках и «наказании» укрывшихся евреев. Как и в случае с немецкой полицией охраны порядка, недостатка в добровольцах, желающих «поохотиться на евреев» и пополнить расстрельные взводы, не ощущалось¹⁶.

О готовности местных полицейских проводить такие акции более или менее самостоятельно без присмотра немцев, но в рамках общей немецкой политики, свидетельствуют многочисленные

источники. На примере кровавой бойни в Мире в ноябре 1941 г., подробно обрисованной на страницах настоящего исследования, видно, с каким энтузиазмом они участвовали в зверских расправах на улицах города. Показания многочисленных очевидцев не оставляют сомнения в ключевой роли местных полицейских-коллаборационистов, ибо никто кроме них не мог идентифицировать их соседей евреев.

Наиболее оголтелые полицейские добровольцы были в числе самых активных участников расправ с евреями, которые пытались укрыться в тайниках гетто или в лесах. Отвечая на вопрос о том, как вообще мог произойти Холокост, историки должны учитывать коллаборационизм на Востоке. Соучастие местных сил в этих чудовищных преступлениях ни в коей мере не умаляет ответственности нацистов, однако оно представляло собой характерную черту осуществления Холокоста в указанных районах. Многих оставшихся в живых евреев особенно угнетали активное соучастие и жадность их соседей. «Добровольными палачами» в Белоруссии и на Украине были не только немцы.

Демография Холокоста на Востоке

Особые трудности возникают при попытке получить надежные демографические данные о Холокосте на Востоке. Здесь представлены доступные данные переписей населения Белоруссии и Украины, чтобы получить представление о населении этих областей в 1930 гг. При использовании этих данных для получения оценок потерь еврейского населения в период немецкой оккупации необходимо принять во внимание целый ряд соображений.

Цифры польской переписи 1931 г. следует увеличить примерно на 10%, чтобы учесть рост населения в последующее десятилетие. Война 1939 г. привела к бегству приблизительно 300.000 евреев из западной Польши в восточную. По-видимому, более половины беженцев оказались среди тех, кто был перемещен в центральные и восточные районы СССР в результате советских депортаций и разного рода проектов по размещению рабочей силы. Дальнейшее сокращение было вызвано депортациями местного населения, мобилизацией в Советскую армию, бегством и эвакуацией при немецком наступлении. Эвакуация была значительно эффективнее на востоке; из городов было эвакуировано большая доля населения, чем из сельской местности. Несмотря на вносимые перечисленными процессами неопределенности, перепись 1931 г. дает разумную оценку количества евреев в бывших областях восточной Польши на 22 июня 1941 г. (см. Таблицы А.1 и А.2).

Результаты советской переписи 1939 г., недавно опубликованные Мордехаем Альтшулером (Таблицы А.3 и А.4), следует рассматривать с осторожностью, как и все советские оценки количества еврейского населения: эти данные, по-видимому, несколько занижают число евреев. Тем не менее, эти детальные цифры чрезвычайно полезны, если к тому же учесть последующую мобилизацию в Красную армию. Эвакуация из «старых» советских областей была значительно больше, нежели из «новых», и, судя по имеющейся информации, для некоторых крупных городов восточных регионов превышала 70%. Некоторые из евреев, бежавших на восток из западных областей, оказались за линией фронта и таким образом могли пополнить количество убитых в этих восточных районах.

В соответствии со всеми этими данными можно заключить, что в 1939 г. на территориях, попавших к концу 1941 г. под контроль немецкой гражданской администрации, проживало более миллиона евреев (*Weißruthenien*, Волынь-Подолля, Житомир, Киев и Николаев). Оценки, касающиеся 1941 г. и представленные в Таблице А.5, призваны служить грубым ориентиром в оценке количества евреев, попавших под контроль немецкой гражданской администрации в Белоруссии и на Украине.

Как можно оценить количество погибших евреев? Большая часть имеющихся цифр о числе убитых в конкретных акциях получена на основе оценок, сделанных немцами, местными жителями и уцелевшими евреями. Эти источники необходимо учитывать с очень большой осторожностью — можно указать множество примеров, когда они противоречат друг другу или очевидно неточны. Поэтому здесь приводится возможный диапазон, отражающий неизбежную неопределенность источников. Лишь тщательный анализ всей имеющейся информации для каждого из населенных пунктов позволяет сделать хотя бы грубые оценки. Цифры, приводимые здесь — не более чем предварительный «набросок», извлеченный из множества источников, указанных в предыдущих главах. Их следует воспринимать критически как некий первый шаг, побуждающий к более детальным исследованиям в будущем. Для большинства населенных пунктов не следует ожидать сколько-нибудь точных цифр.

Оценка количества уцелевших на этих территориях евреев также представляет собой непростую задачу; цифры колеблются от 1 до 5% от всех евреев, попавших в зону немецкой оккупации. Послевоенные массовые перемещения практически лишают нас возможности получить точные значения. В этой области еще многое предстоит сделать, в частности, необходимо проанализировать и учесть ставшие не так давно доступными советские источники.

Таблица А.1.
Еврейское население провинции Новогрудок, перепись 1931 г.

Район	Количество евреев	Все население	% евреев
Барановичи	16074	161038	9.98
Лида	14913	183485	8.13
Несвиж	8880	114464	7.76
Новогрудок	10462	149536	7.00
Слоним	12344	126510	9.76
Столпце	6975	99389	7.02
Щучин	7883	107203	7.35
Воложин	5341	115522	4.62
Всего	82872	1057147	7.84

Источник: опубликованные результаты польской переписи 1931 г.

Таблица А.2. Еврейское население восточной Польши,
уточненные значения переписи 1931 г.

Район	Количество евреев	Все население	% евреев
Вильнюс	111000	1275900	8.7
Новогрудок	83000	1057100	7.8
Полесье	114000	1131900	10.1
Волинь	208000	2085600	10.0
Всего	516000	5550500	9.3

Примечание: западная половина Вильнюсской области передана в 1940 г. Литве; часть Полесья (Пружаны) была включена в Белостокский район.

Количество еврейского населения на бывших польских территориях, перешедших в 1941 г. под контроль немецкой гражданской администрации на Украине и в Белоруссии (*Weißruthenien*) оценивается в 430–470.000. Около 540.000 евреев проживало в июне 1941 г. в Галиции.

Источники: результаты польской переписи 1931 г. из Т. Piotrowski, *Poland's Holocaust*, pp. 346, 353; D. Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung*, p. 9.

Таблица А.3.
Еврейское население советской части Украины, 1939 г.

Район	Количество евреев	% евреев
Киев	297409	8.4
Винница	141825	6.1
Житомир	125007	7.4
Каменец-Подольский	121335	7.0
Днепропетровск	129439	5.7
Николаев	60402	5.5
Кировоград	26419	2.2
Одесса	233155	14.2
Молдавия	37035	6.2
Всего (западная и центральная часть)	1172026	
Всего	1532776	5.0

Источник: M. Altshuler, *Distribution of the Jewish Population*,
pp. 9–12.

Таблица А.4.
Еврейское население советской части Белоруссии, 1939 г.

Район	Количество евреев	% евреев
Минск	117615	9.0
Могилев	79739	5.7
Витебск	77173	6.0
Гомель	67578	7.5
Полесье	32987	4.9
Всего	375092	6.7

Источник: M. Altshuler, *Distribution of the Jewish Population*,
pp. 9–12.

Таблица А.5.
Грубые оценки количества погибших евреев
в ходе первой и второй волны «чисток»
в 1941-м и 1942–43 гг. в *Weißruthenien* и Волыни—Подоллии

Район	потери 1941 г.	потери 1942–43 гг.	оценки 1941 г.
Глубокое ¹	5–10.000	40–50.000	60.000
Новогрудок ²	25–35.000	55–75.000	90.000
Минск ³	30–50.000	30–50.000	100.000
<i>Weißruthenien</i>	60–95.000	125–175.000	250.000
Полесье ²	20–30.000	75–85.000	110.000
Волынь	25–35.000	150–200.000	240.000
Подоллия	25–45.000	40–85.000	120.000
Волынь— Подоллия	70–110.000	265–375.000	460.000

1. Глубокое — восточная часть Вильнюсского района (включая Вилейку), не вошедшая в состав Литвы.

2. Северный участок польского района Полесье был разделен между *Weißruthenien* (Новогрудок) и Белостоком.

3. Минск здесь не включает восточной части Минской области, находившейся под контролем военной администрации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ДЛЯ ПРИМЕЧАНИЙ И БИБЛИОГРАФИИ

- АГБ — Архив Государственной безопасности, Украина (бывш. КГБ)
БНАМ — Белорусский Национальный архив, Минск
Брестский архив — Брестский областной архив, Брест
Волинский ОГА — Волинский Областной Государственный архив, Луцк
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва
ЖА — Житомирский областной архив, Житомир
МОА — Минский областной архив, Минск
ОАМ — Особый архив, Москва (собрание Центра исторических документов)
ЦГАК — Центральный Государственный архив, Киев
УКГБ — архивы КГБ, Беларусь
- AANW* — Архив Новых документов, Варшава
Abt. (Abteilung) — отдел
Anl. (Anlage) — приложение
BA (Bundesarchiv) — Федеральный германский архив. (Многие документы из Бундесархива переведены недавно из Кобленца в Берлин)
BA-MA (Bundesarchiv—Militärarchiv) — Федеральный германский архив, Военный архив, Фрайбург
BDC — собрание бывшего Берлинского центра документов
BdO (Befehlshaber der Ordnungspolizei) — Старший командир полиции охраны порядка
CDJC — Центр современных еврейских документов, Париж
Co. — компания
Div. — дивизия
Dorking — Материалы следственных дел, Доркинг, Англия, 1996
EM (Ereignismeldung UdSSR) — донесения о событиях в СССР (донесения эйн-зацгрупп)
EWZ (Einwandererzentrale) — Германский иммиграционный центр
Inf. — пехотный
INRW — Институт Национальной памяти, Варшава (бывш. Польская Главная комиссия)
KTB (Kriegstagebuch) — военный дневник
LSHA — Латвийский государственный архив, Рига
MGFA (Militärgeschichtliches Forschungsamt) — Институт Военно-исторических исследований
МНАР — Военно-исторические архивы, Прага
Moreshet — архивы Морешет, Израиль
NAW — Национальный архив, Вашингтон
РААА (Politisches Archiv, Auswärtiges Amt) — Политический архив, МИД, Бонн
Pol. — полиция (полиция охраны порядка)
PUST — Общество по исследованию польского подполья, Лондон

Rgt — полк
SAL — Областной суд Лодзи, Польша
SIU (Special Investigations Unit) — Отдел Особых расследований, Австралия
SSPGF — Начальник СС и полиции области
Sta (Staatsanwaltschaft) — Государственная прокуратура
USHMMA US — архивы Мемориального музея Холокоста, Вашингтон DC
WAST (Wehrmachtauskunftstelle) — Берлинское собрание личных дел военно-
служащих Вермахта, Берлин
WCU (Metropolitan Police War Crimes Unit) — Отдел военных преступлений,
Новый Скотланд Ярд
YIVO — архивы YIVO, Нью-Йорк
YV — архивы Яд Вашема, Иерусалим
ZSL (Zentrale Stelle) — Людвигсбургская центральная немецкая канцелярия
(расследование военных преступлений)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Советская оккупация восточной Польши. 1939–1941 гг.

1. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 23; S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 14; *The Dark Side of the Moon*, pp. 41–2.
2. B. Pinchuck, *Shtetl Jews*, p. 5.
3. M. Iwanow, «The Byelorussians of Eastern Poland», p. 257.
4. WCU D8160.
5. J. T. Gross, *Revolution from Abroad*, pp. 71–113.
6. M. Iwanow, «The Byelorussians of Eastern Poland», p. 264; S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 24; Public Record Office FO 371/23685, pp. 129–72.
7. M. Iwanow, «The Byelorussians of Eastern Poland», pp. 256–8; A. Skrzypek, «Die polnische Minderheitenpolitik», p. 401.
8. M. Iwanow, «The Byelorussians of Eastern Poland», pp. 260–1.
9. J. T. Gross, *Revolution from Abroad*, p. 4. См. в особенности результаты польской переписи 1931 г. в Полесье, WCU D9093.
10. J. T. Gross, *Revolution from Abroad*, p. 21.
11. Короткий обзор современных исторических представлений об этих событиях см. в: W. A. Serczyk, «Die sowjetische und die „polnische“ Ukraine zwischen den Weltkriegen», pp. 211–13.
12. D. R. Marples, «The Ukrainians in Eastern Poland», p. 237.
13. WCU D8158.
14. WCU D7309.
15. K. Sword, *Deportation and Exile*, p. 4 n. 15; A. Paul, *Katyn: The Untold Story*, pp. 113–14 пишет о 4143-х польских офицерах, расстрелянных под Катынью, и о приблизительно 15.000 в трех других лагерях.
16. J.T. Gross, «Polish POW Camps», pp. 44–56.
17. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 24.
18. WCU D7466.
19. J.T. Gross, *Revolution from Abroad*, pp. 79–80 и 96–8.
20. J.T. Gross, *Revolution from Abroad*, pp. 56–61.
21. В 1930-х «польский еврей не мог стать государственным или муниципальным служащим, полицейским или офицером»: R. Ainsztein, *Jewish Resistance*, p. 181. J.T. Gross подчеркивает, что процент евреев в милиции оставался низок, особенно в сельской местности: см. J.T. Gross, «The Jewish Community», p. 160.
22. WCU D7809; WCU D7808.
23. *The Dark Side of the Moon*, pp. 74–5; J.T. Gross, *Revolution from Abroad*, p. 163.

24. См. БНАМ 4–21–1875 — распоряжение (апрель 1940) о переселении тех, кто живет в пределах 800 метров от границы.
25. WCU D8518.
26. J.T. Gross, *Revolution from Abroad*, p. 188.
27. См. К. Sword, *Deportation and Exile*, p. ix, — о семье, переносившей депортации в Сибирь в течение жизни четырех последовательных поколений с 1831 по 1940 г.
28. Z.S. Siemaszko, «The mass deportations», pp. 217–35.
29. *The Dark Side of the Moon*, p. 52; J.T. Gross, *Revolution from Abroad*, p. 197.
30. Z.S. Siemaszko, «The mass deportations», pp. 219–21; P. Polian, *Against Their Will: The History and Geography of Forced Migration in the USSR* (New York: Central European University Press, 2004), p. 116.
31. WCU D5798–5802; P. Silverman, D. Smuschkowitz and P. Smuschkowicz, *From Victims to Victors*, p. 69 — отмечают, что некоторые евреи также избежали ареста и депортации, переехав в другой город и сменив фамилии.
32. WCU D7309.
33. *The Dark Side of the Moon*, p. 76.
34. Z.S. Siemaszko, «The mass deportations», pp. 221–4; P. Polian, *Against Their Will*, p. 116.
35. J.T. Gross, *Revolution from Abroad*, p. 13; Y. Litvak, «The plight of refugees», p. 67.
36. Например, в документах иммиграционного центра (EWZ), находящихся в BDC (BA), указывается, что этнический немец, переселившийся с прежнего места проживания (и упустивший эту возможность в 1940 г.), лишь условно получал в 1944 г. гражданство.
37. В. Pinchuk, *Shtetl Jews*, pp. 106–8 — считает, что примерно 300.000 евреев нашли убежище в советской зоне оккупации; однако, по оценкам S. Cholawsky (*The Jews of Belorussia*, pp. 8–9) только для западной Белоруссии эта цифра достигает по меньшей мере 250.000.
38. WCU D7852.
39. Y. Litvak, «The plight of refugees», pp. 66–9; P. Polian, *Against Their Will*, pp. 116–8. Согласно данным Поляна 85% депортированных беженцев были евреями.
40. Z.S. Siemaszko, «The mass deportations», pp. 225–8; P. Polian, *Against Their Will*, pp. 120–3.
41. J.T. Gross, *Revolution from Abroad*, p. 146; краткий обзор различных оценок количества депортированных см. К. Sword, *Deportation and Exile*, pp. 25–7: «Большинство польских эмигрантских источников называют цифру от 1.250.000 до 1.600.000». D. Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung*, p. 30 — отмечает, что исследования, основывающиеся на советских источниках, дают более низкие цифры для количества депортированных, чем польские эмигрантские источники. Он полагает, что эти расхождения могут быть следствием неучтенных потерь населения в результате военного призыва, трудовой мобилизации и арестов. См. также: P. Polian, *Against Their Will*, pp. 118–9.
42. В. Pinchuk, *Shtetl Jews*, pp. 15–16.
43. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 17.
44. R. Ainsztein, *Jewish Resistance*, pp. 173–9; В. Pinchuk, *Shtetl Jews*, p. 18.

45. WCU D7852.
46. В. Pinchuk, *Shtetl Jews*, p. 21; см. также S. Cholawsky, *The Jews of Bielorussia*, p. 6 — о чувстве безопасности, которое Красная Армия внушала многим евреям.
47. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 33.
48. В. Pinchuk, *Shtetl Jews*, p. 23.
49. WCU D7810.
50. В. Pinchuk, *Shtetl Jews*, p. 90.
51. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 38.
52. В. Pinchuk, *Shtetl Jews*, p. 31. Здесь говорится о городе Луцке.
53. Ibid., p. 131.
54. На Волыни 44% евреев были заняты в торговле и 40.5% — в кустарном производстве; S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 17. Данные, касающиеся Минска см. в работе Shalom'a Cholawski о белорусских евреях в период Холокоста (на иврите).
55. WCU D7308; см. также S. Cholawsky, *The Jews of Bielorussia*, p. 15.
56. В. Pinchuk, *Shtetl Jews*, p. 35.
57. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 31.
58. В. Pinchuk, *Shtetl Jews*, pp. 92–5; I. Grudzinska-Gross and J.T. Gross (eds), *War through Children's Eyes*, pp. 16–17.
59. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 36.
60. В. Pinchuk, *Shtetl Jews*, pp. 66–8.
61. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 26; В. Pinchuk, *Shtetl Jews*, p. 83.
62. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 37.
63. В. Pinchuk, *Shtetl Jews*, pp. 59–61; L. Berk, *Destined to Live*, p. 19.
64. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 18.
65. В. Pinchuk, *Shtetl Jews*, p. 44; J.T. Gross, *Revolution from Abroad*, p. 227.
66. *The Dark Side of the Moon*, p. 149.
67. В. Pinchuk, *Shtetl Jews*, p. 58.
68. D.R. Marples, «The Ukrainians in Eastern Poland», p. 239; В. Pinchuk, *Shtetl Jews*, p. 44.
69. J.T. Gross, *Revolution from Abroad*, pp. 63–4 и 223.
70. Ibid., pp. 190–2.
71. D.R. Marples, «The Ukrainians in Eastern Poland», pp. 236–52.
72. J.T. Gross, *Revolution from Abroad*, p. 4.
73. Ibid., p. 6.
74. Dorking, Y.V. Brazovsky 19 марта 1996 г., I.L. Yatsevich 21 марта 1996 г., J. Harkavy 25 марта 1996 г., Z. Schreiber 27 марта 1996 и L. Abramovsky 1 апреля 1996 г.; L. Berk, *Destined to Live*, p. 3.
75. J.T. Gross, *Revolution from Abroad*, pp. 18–21 и 35–9.
76. *The Dark Side of the Moon*, pp. 59–73 и 133.
77. D.R. Marples, «The Ukrainians in Eastern Poland», p. 239.
78. Ibid., pp. 238–9.
79. См. J.T. Gross, «The Jewish Community», p. 171, n. 27 — о соотношении количества различных школ в Львовской области в 1940–41 гг.
80. J.T. Gross, *Revolution from Abroad*, pp. 126–31.
81. В. Pinchuk, *Shtetl Jews*, pp. 74–7.

82. J.T. Gross, *Revolution from Abroad*, pp. 74–87.
83. Ibid., pp. 117–18.
84. Ibid., pp. 120–1.
85. D.R. Marples, «The Ukrainians of Eastern Poland», pp. 236–51.
86. Ibid., pp. 236–51; B. Pinchuk, *Shtetl Jews*, p. 8; M. Iwanow, «The Byelorussians of Eastern Poland», p. 263.
87. Согласно грубым оценкам Ainsztein'a в межвоенной Польше 25% коммунистов были евреями, но не более 5% евреев были коммунистами: R. Ainsztein, *Jewish Resistance*, p. 187. J.T. Gross, «The Jewish Community», pp. 160–3 — использует имеющиеся данные, чтобы, напротив, показать, что евреи представляли собой группу, подвергавшуюся советским депортациям в основном пропорционально их доле в общем составе населения.
88. Y. Litvak, «The plight of refugees», pp. 61–2.
89. См. C. Madajczyk, *Die Okkupationspolitik*, pp. 186–9; в Конине, напр., 10 ноября 1939 г. немцы уничтожили 56 видных представителей польского населения: см. T. Richmond, *Konin*, p. 81.
90. K. Sword, *Deportation and Exile*, pp. 13–14.
91. См., напр., R. Overy, *Russia's War*, pp. 47 и 52 — о сталинских чистках 1930-х.
92. D.R. Marples, «The Ukrainians in Eastern Poland», p. 249.
93. BA R 94/17, отчет Генерального Комиссара Волыни—Подоллии, 30.4.43.
94. B. Pinchuk, *Shtetl Jews*, pp. 101–2.
95. Ibid., pp. 117–20; L. Berk, *Destined to Live*, p. 15.
96. B. Pinchuk, *Shtetl Jews*, p. 114.
97. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», p. 45 — отмечает, что более 200 000 мужчин, родившихся с 1917 по 1922 г., были призваны в Красную армию с территорий, оккупированных в 1940 г.

2. Операция «Барбаросса»

1. WCU D8959.
2. BA-MA RH 26–454/5 Военный дневник № 1, 22 июня 1941 г.
3. BA-MA RH 29–1/4, RH 24–24/72 & RH 26–221/10 записи Военного дневника, 22 июня 1941 г.
4. BA-MA RH 26–221/12В Приложения к Военному дневнику Ia 221-й дивизии безопасности, № 186: Дневной приказ, 21 июня 1941 г.
5. D. Wolkogonow, *Stalin*, p. 559; G. A. Kumanev, «The USSR's degree of readiness», p. 203; R. Overy, *Russia's War*, p. 102.
6. A. Dallin, «Stalin and the German Invasion», pp. 17–18.
7. BA-MA RH 26–221/12В Военный дневник Ia, приложение № 186.
8. D. Wolkogonow, *Stalin*, pp. 556–9.
9. J. Barber, «Popular reactions in Moscow», pp. 1–2; W. Leonhard, *Die Revolution entläßt ihre Kinder*, pp. 79–80; L. Berk, *Destined to live*, p. 22.
10. WCU D8159, D8626, D8157.
11. Советский гарнизон Брестской крепости оборонялся 28 дней до 20 июля 1941 г.: P. Kohl, «Ich wundere mich, daß ich noch lebe», pp. 28–30.

12. G. Zhukov, *Reminiscences and Reflections*, p. 284; W. Leonhard, *Die Revolution entläßt ihre Kinder*, p. 82.
13. YV 033/2681 запись беседы с Z.N. Levenbuk, сделанная M.Z. Misko 22 декабря 1944 г.
14. WCU D7812, S282; свидетелями аналогичных сцен хаоса были призваны в Лиде: *Sepher Lida*, p. VIII.
15. WCU D7852.
16. WCU D8661; см. также D9085: «Захват Несвижа немецкими оккупантами произошел без единого выстрела».
17. M. Lachowicki, *The Victims of Nesvzh*.
18. BA-MA RH 24–47/2 Военный дневник № 2, XXXXVII танковый корпус la, 27 июня 1941 г.
19. BA-MA RH 24–26/64 *Anl. SS*, приказ по XXVI армейскому корпусу № 1, 30 июня 1941 г.
20. MGFA (ed.), *Das Deutsche Reich und der zweite Weltkrieg*. Vol. 4, pp. 186–7; D. Wolkogonow, *Stalin*, p. 548.
21. *Justiz und NS-Verbrechen*, vol. XIX, pp. 13–14.
22. BA-MA RM 7/985 OKW директивы по операции «Барбаросса», 13 марта 1941 г.
23. BA-MA RH 22/155, pp. 304–8.
24. NAW RG 238 NOKW 3357; см. также «Приказ о комиссарах» от 6 июня 1941 г., BA-MA RW4/V. 578.
25. См. особенно дискуссию между Alfred'ом Streim'ом и Wolfgang'ом Scheffler'ом об устных инструкциях, полученных эйнзацгруппами в Претче (Pretsch) незадолго до вторжения: P. Longerich, «*Vom Massenmord zur Endlösung*», pp. 254–6.
26. ОАМ 500–1–25 pp. 13–17 и 391–4 приказ Гейдриха *HSSPF*, 2 июля 1941 г. и приказы по Эйнзацгруппам № 1 и 2, 29 июня и 1 июля 1941 г.
27. J. Forster, «Das Unternehmen “Barbarossa” als Eroberungs- und Vernichtungskrieg», pp. 413–47.
28. BA-MA RW/v. 43 примечание к Военному дневнику шефа OKW Wfst, 8 июля 1941 г.: «Фюрер подчеркнул, что он хочет сравнить Москву и Ленинград с землей».
29. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 64–7.
30. ГАРФ 7021–54–1252, p. 23, M. Schneider 12 апреля 1945 г.
31. BA R 58/215 EM 40, 1 августа 1941 г.
32. *Memorial Book of Glebokie*, p. 26.
33. Множество заключенных было убито советской охраной в хаосе бегства при германском вторжении. Сообщается, что во Львове эти массовые расстрелы продолжались в течение целой недели: J.T. Gross, *Revolution from Abroad*, pp. 180–5. О событиях во Львове и Самборе, см. BA R 58/214 EM 24, 16 июля 1941 г. По оценкам Leon'a Berk'a во Львове около 6000 евреев было убито за три дня после 30 июня 1941 г., когда немцы дали местным жителям карт бланш на убийства: L. Berk, *Destined to Live*, pp. 26–38. D. Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung*, pp. 60–7 — отмечает, что погромы во Львове начались еще до прибытия туда полицейских частей. T. Sandkuhler, «*Endlösung*» in *Galizien*, p. 117 — указывает, что из около 2000 евреев, помещенных в тюрьму Бригидки во Львове, выжило только 80.

34. NAW Nbg. Doc. 180-L, рапорт Stahlecker'a о деятельности эйнзацгруппы А по 15 октября 1941 г. 11 июля 1941 г. Otto Brautigam, приписанный к министерству Розенберга, отмечает, что «многочисленные еврейские погромы проводились местной литовской полицией (Hilfspolizei) с нашего молчаливого согласия»: см. Н.-Н. Wilhelm, *Die Einsatzgruppe A*, p. 63, n. 40.

35. BA R 58/215 EM 38, 30 июля 1941 г. и EM 47, 9 августа 1941 г.

36. См., напр., BA-MA RH 22/227, pp. 9–11; BA R 58/214 EM 13, 5 июля 1941 г.; S. Cholawsky, *The Jews of Bielorussia*, pp. 81–2 и 271–2.

37. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 69–71; S. Cholawsky, *The Jews of Bielorussia*, p. 274.

38. BA-MA RH 26–252/75, pp. 211, приказ № 10 по 252 пехотной дивизии, 16 июля 1941 г.

39. Dorking, Ivan Yatsevich 21 марта 1996 г.; ГАРФ 7021–148–364.

40. BA-MA RH 26–403/2 Военный дневник 403 дивизии, 15 августа 1941 г.

41. WCU S325; об аналогичной проверке в деревне Еремичи в августе 1941 г. см. WCU D2320.

42. BA R 58/214 EM 21, 13 июля 1941 г. Проверки в минской тюрьме продолжались и в августе и сентябре после отбытия штаба эйнзацгруппы В; см. также C. Gerlach, «*Die Einsatzgruppe B*», pp. 54–5 — он, основываясь на информации советской эксгумационной комиссии, сообщает о 10.000 жертвах, найденных после войны в захоронениях.

43. WCU D7812.

44. D. Levin, «The fateful decision», p. 131; см. также K. Segbers, *Die Sowjetunion im Zweiten Weltkrieg*, pp. 167–78.

45. B. Pinchuk, *Shtetl Jews*, pp. 121–2; *David-Horodoker Memorial Book*, p. 61.

46. D. Levin, «The fateful decision», p. 131.

47. YV M-I/E 2441/2513 свидетельство David'a Wolfowicz'a в Вальдштадте (Waldstadt) 2 сентября 1948 г.; см. также J. Kagan and D. Cohen, *Surviving the Holocaust*, p. 38.

48. B. Pinchuk, *Shtetl Jews*, p. 121.

49. D. Levin, «The fateful decision», pp. 140–1; S. Cholawsky, впрочем, для западной Белоруссии дает оценку около 10.000: см. S. Cholawsky, *The Jews of Bielorussia*, p. 80.

50. Об этом см. M. Altshuler, «Escape and evacuation», pp. 77–104.

51. W. Moskoff, *The Bread of Affliction*, pp. 29–35.

52. *Stalin's War Speeches* (London: Hutchinson, n.d.) p. 10; цитируется в: W. Moskoff, *The Bread of Affliction*, pp. 26–9.

53. W. Moskoff, *The Bread of Affliction*, pp. 26–9. ;

54. BA R 58/215 EM 31, 23 июля 1941 г.

55. W. Moskoff, *The Bread of Affliction*, p. 26.

56. BA R 58/215 EM 31, 23 июля 1941 г.

57. W. Moskoff, *The Bread of Affliction*, p. 28.

58. BA R 58/215 EM 38, 30 июля 1941 г.

59. BA-MA RH 24–27/2 Военный дневник № 2 XXXXVII танкового корпуса, 27 июня — 5 июля 1941 г.

60. BA-MA RH 24–27/2 Военный дневник № 2 of XXXXVII танкового корпуса, 27 июня — 5 июля 1941 г. Потери личного состава с начала кампании по 2 июля 1941 г. составили: 17 танк. див.: 41 офицер, 612 др. чинов = 4.1%; 18 танк.

див.: 73 офицера, 1273 др. чинов = 8.4%; 29 пех. див. (мот.): 56 офицеров, 970 др. чинов = 7.1% всего личного состава, включая тыловые службы. Боеспособных танков к 4 июля 1941 г.: 17 танк. див. 80 из 239 (выдвинутые силы) = 33%; 18 танк. див. 93 из 320 (выдвинутые силы) = 30%. О возросшем к середине июля сопротивлении русских см. также W. Lammers (ed.), «*Fahrtberichte*», p. 24.

61. Рукопись дневника G.S. — Я благодарен Гансу-Генриху Вильгельму (Hans-Heinrich Wilhelm) и автору дневника, предоставившим мне эти материалы.

62. BA-MA RH 24–27/2 Военный дневник № 2 XXXXVII танкового корпуса, 30 июня 1941 г.

63. BA-MA RH 26–221/12B, *Anl. KTB* la 20 июня 1941–1 июля 1941 г., *Anl* 251, 1 июля 1941 г. специальная инструкция: «Все большее число листовок было разбросано; они содержат призыв: “Дезертируйте к нам, с вами будут хорошо обходиться, все остальное — лож”. Эти листовки возымели свое действие в целом ряде мест и тем самым снизили наши потери. Чтобы противодействовать отрицанию этой пропаганды, необходимо, чтобы сдающиеся в плен солдаты Красной Армии, предъявляющие эти листовки, рассматривались как военнопленные».

64. D. Budnik and Y. Kaper, *Nothing is Forgotten*, p. 100 — упоминают проверки с целью обнаружения офицеров, политруков и евреев среди советских военнопленных, захваченных под Киевом в сентябре 1941 г.

65. Рапорт Xaver'a Dorsch'a Альфреду Розенбергу от 10 июля 1941 г.: P. Kohl, «*Ich wundere mich, daß ich noch lebe*», p. 220.

66. *Memorial Book of Glebokie*, pp. 28 и 31.

67. BA-MA RH 26–403/4a *Anl.* 403 *Sich. Div. Abt. IIa* 1941 г. 25 июля 1941 ОКН — Befh. rückw. H. Geb. Nord, Mitte u. Süd. Приказ об обращении с вражеским гражданским населением и русскими военнопленными.

68. WCU D8867.

69. «Многие из отступавших солдат были схвачены немцами и оказались в неволе, однако мне с еще несколькими удалось найти работу на ферме», WCU D8675.

70. BA R 58/215 EM 43, 5 августа 1941 г.

71. МНАР А 2–1-3 *KTB* № 1 of Pol. Вп. 322, запись от 31 августа 1941 г., отмечающая окончание оговоренного срока. См. также BA-MA RH 26–221/1 За, *Anl.* 628. Первоначально крайней датой было назначено 15 августа 1941 г.; позднее срок был продлен до 31 августа 1941 г., BA-MA RH 26–252/75, *Corps Order* № 39, 11 августа 1941 г.

72. NAW RG 238 221-L запись о совещании в штаб-квартире фюрера, 16 июля 1941 г.; см. также R. Headland, *Messages of Murder*, pp. 73–4.

73. NAW RG 238 2718-PS Мемо, об обсуждении с государственным секретарем плана «Барбаросса», 2 мая 1941 г.

74. NAW RG 238 221-L запись о совещании в штаб-квартире фюрера, 16 июля 1941 г.

75. BA R 43 II/686a pp. 4–5, распоряжение фюрера об администрации на оккупированных восточных территориях, 17 июля 1941 г.

76. NAW RG 238 221-L запись о совещании в штаб-квартире фюрера, 16 июля 1941 г.; BA R 43II/686a распоряжение фюрера о полиции и силах безопасности на оккупированных восточных территориях, 17 июля 1941 г.

77. BA-MA RW 41/4 приказ Гиммлера по HSSPF, 25 июля 1941 и приказ Daluege, 31 июля 1941 г.

78. Отчасти это был урок, который следовало извлечь из первых недель польской кампании: см. C. Madajczyk, *Die Okkupationspolitik Nazideutschlands in Polen*, pp. 28–9.

79. H. Picker (ed.) *Hitlers Tischgespräche*, p. 137.

80. MGFA (ed.), *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Vol. 4, p. 461.

81. C. Browning, *The Path to Genocide*, pp. 103–6; C. Browning, «Hitler and the euphoria of victory», p. 138.

82. BA R 58/214 EM 10, 2 июля 1941 г.

83. USHMMA RG-53.002M, reel 5 (БНАМ) 845–1–6, pp. 54–6 отчет чрезвычайной комиссии для Несвижского района, 4 февраля 1945.

84. WCU S171B, S173C, S97, D3684, S175B, D1766, S87A.

85. Dorking, Ivan Yatsevich, 21 марта 1996 г.

86. WCU D7812.

87. BA R 58/215 EM 32, 24 июля 1941 г.; C. Gerlach, «*Die Einsatzgruppe B*», p. 56 — отмечает поддержку со стороны полицейского батальона № 316.

88. WCU D5949.

89. BA R 58/215 EM 43, 5 августа 1941 г.

90. YV 033/2681. События в Ганцевичах упомянуты также в: L. Berk, *Destined to Live*, pp. 58–9. Это был первый случай в Белоруссии, когда были уничтожены все евреи; это произошло 13 августа 1941 г. согласно: S. Cholawsky, *The Jews of Bielorussia*, pp. 87–92. По одной из оценок около 3000 евреев было убито, однако этот источник датирует события 13-м сентября 1941 г.: см. S. Wiesenthal, *Every Day, Remembrance Day*, p. 207.

91. BA R 58/215 EM 32, 24 июля 1941 г.

92. BA-MA RH 26–252/75, pp. 21 252nd Inf. Div. Ia/Ic. Div. Order № 10, 16 июля 1941 г.

93. BA-MA RH 22/5 BfH. ruckw. H. Geb. Süd, 5 августа 1941 г.

94. BA-MA RH 26/125–4 XXXXIX Corps Order № 48, 20 июля 1941 г.

95. OAM 1275–3–662, pp. 3–13 Рапорты FK 675, Abt. VII — Sich. Div. 444, 1 августа 1941 г. и 11 августа 1941 г.

96. OAM 1275–3–662, pp. 3–13 и 30–7 рапорт FK 675 Abt. VII — Sich. Div. 444, 1 августа 1941 г., 11 августа 1941 г. и 30 августа 1941 г. О различных наименованиях, даваемых милицеским подразделениям в областях с военной администрацией в течение 1941–44 гг., см. также F. Golczewski, «*Organe der deutschen Besatzungsmacht*».

97. BA R 94/26 дивизия безопасности 454, отдел VII, специальный приказ № 3, 18 августа 1941 г.

98. BA-MA RW 41/4 приказ Daluege Гиммлеру о силах безопасности, 31 июля 1941 г.; и BA-MA RH 22/9 начальник тыла группы армий Юг Abt. Ia, 14 ноября 1941 г.

99. OAM 1275–3–662 Рапорты FK 675 Abt. VII to Sich. Div. 444 11, 13, 30 и 31 августа 1941 г.

100. OAM 1275–3–662 Рапорты FK 675 Abt. VII to Sich. Div. 444 1, 11, 13 и 30 августа 1941 г.; BA-MA RH 22/5 начальник тыла группы армий Юг, Abt. VII, 21 июля 1941 г.

101. OAM 1275-3-662, pp. 17-19 и 20a-26 FK 675, *Abt. VII*, to Sich. Div. 444 on 14 и 25 августа 1941 г.; BA R 58/215 ЯМ47, 9 августа 1941 г.
102. OAM 1275-3-662, p. 36 Order of *Abt. VII* № 7, начальник тыла группы армий Юг № 103/41, 16 августа 1941 г.
103. OAM 1275-3-662, pp. 20a-26 FK 675, *Abt. VII* to Sich. Div. 444 25 августа 1941 и временной администрации Винницкой области 23 августа 1941 г.; о сохранении колхозной системы в Белоруссии см. также B. Chiari, «*Deutsche Zivilverwaltung*», pp. 76-7.
104. J.A. Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, pp. 65-7.
105. В Уланове, например, двум активистам националистического движения было разрешено сохранить их посты после того, как у них были изъяты их ОУНовские паспорта: OAM, 1275-3-662, pp. 20a-26 FK 675, *Abt. VII* to Sich. Div. 444, 25 августа 1941 г.
106. NAW T-501, roll 34, frames 203-8 Sich. Div. 213 рапорт о ситуации, 27 августа 1941 г.
107. Ibid.
108. Один источник характеризует настроение народа следующим образом: «Пусть хоть черт правит, лишь бы не большевики»: ЖА 1151-1-2, p. 68 сообщение ОУН из Трояновского района, 18 августа 1941 (по-немецки).
109. PAAA Inl. IIg/431 Сообщение о деятельности и ситуации № 2, 14 августа 1941 г.
110. BA R 58/215 EM 43, 5 августа 1941 г.; C. Gerlach, «*Die Einsatzgruppe B*», p. 53.
111. BA R 58/214 EM 21, 13 июля 1941 г.
112. BA R 58/215 CM 31, 23 июля 1941 г. Уцелевший житель Барановичей отмечает, что «в первые дни немцы не могли отличить евреев от неевреев, поскольку считали, что все евреи носят бороду и кипу. Поэтому они попросту были не в состоянии обнаружить еврея»: YV 033/2681.
113. YV 033/2681. О дополнительных приказах последующих военных комендантов см. также *Memorial Book of Glebokie*, p. 34.
114. WCU D7809.
115. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 50; см. также YV M-I/E-2441/2513 David Wolfowicz; список шести главных запретов, выпущенный комендантом Новогрудка 26 сентября 1941 г. см. USHMM 22.002M, reel 24 (ГАРФ) 7021-81-112, p. 2. В соответствии с этим объявлением, евреи, покинувшие место своего проживания без официального разрешения, могут быть застрелены на месте солдатами Вермахта или полицейскими.
116. См., напр., Брестский архив 2135-2-127, p. 3 ОК Пинска бургомистру Пинска, 30 июля 1941 г.
117. BA R 58/215 EM 31, 23 июля 1941 г.
118. YV 033/2681.
119. *Justiz und NS-Verbrechen*, vol. XX, p. 42.
120. Ibid., p. 41.
121. МНАР KdoS RFSS 1/1 KTB № 1 Kommandostab-RFSS, 19 июля 1941 г.
122. *Justiz und NS-Verbrechen*, vol. XX, p. 43 директивы Гиммлера о прочесывании болотистой местности кавалерийскими подразделениями, 28 июля 1941 г.

123. МНАР KdoS RFSS рапорт Fegelein, кавалерийская бригада СС 1, итоговый рапорт, 13 августа 1941 г.
124. МНАР, KdoS KFSS рапорт Magill, кавалерийский отряд СС 2, о ходе Припятской акции с 27 июля по 11 августа 1941 г.
125. *Justiz und NS-Verbrechen*, vol. XX, p. 48.
126. См., напр., приказ Montua, 11 июля 1941 г., где говорится, что всякий еврей от 17 до 45 лет, задержанный за мародерство, должен быть расстрелян: МНАР А 3–1–7, p. 1.
127. Рапорт Karl Jager, 1 декабря 1941 г., ОАМ 500–1–25; P. Longerich, «*Vom Massenmord zur Endlösung*», p. 264.
128. R. Ogorreck, *Die Einsatzgruppen*, pp. 176–211; Christian Gerlach показал, что некоторые подразделения эйнзацгруппы В вплоть до поздней осени не приводили в исполнение эти приказы, а затем приступили к полному уничтожению еврейского населения восточной Белоруссии: С. Gerlach, «*Die Einsatzgruppe В*», p. 60.
129. BA-MA RS 3–8/36 приказ Гиммлера кавалерийскому отряду СС 2, 1 августа 1941 г.
130. МНАР KdoS RFSS рапорт Magill, кавалерийский отряд СС 2, о ходе Припятской акции с 27 июля по 11 августа 1941 г.
131. *Justiz und NS-Verbrechen*, vol. XX, pp. 50–8.
132. BA Koblenz R 58/215 EM 58, 20 августа 1941 г. «Причиной» массовых расстрелов стала гибель одного из сотрудников милиции Пинска от замаскированного снайпера. Следственные источники оценивают количество жертв в Пинске в 6–10.000: С. Gerlach, «*Deutsche Wirtschaftsinteressen*», p. 11.
133. Свидетельство оставшегося в живых еврея на процессе над Иваном Полюковичем, который был судим и оправдан в Аделаиде, Австралия, 1990–93.
134. *David-Horodoker Memorial Book*, pp. 62–3, 91–3 и 109.
135. *Justiz und NS-Verbrechen*, vol. XX, p. 52; отчет о деятельности и ситуации начальника Эйнзацгруппы Б 23 июня — 13 июля 1941 г., опубликовании в: P. Klein (Hrsg.), *Die Einsatzgruppen*, pp. 375–86.
136. *Justiz und NS-Verbrechen*, vol. XX, p. 53.
137. МНАР KdoS RFSS рапорт Magill, кавалерийский отряд СС 2, о ходе Припятской акции с 27 июля по 11 августа 1941 г.
138. *Justiz und NS-Verbrechen*, vol. XX, pp. 50–8. Н.-Н. Wilhelm, *Die Einsatzgruppe А*, p. 59 — говорит об аналогичном явлении в ходе начальных акций на территории Литвы.
139. О непосредственном участии местных жителей в массовых убийствах 1941 г. см. *David-Horodoker Memorial Book*, pp. 91–4, 116 и 123–4.
140. См. особенно R.B. Birn, «*Zweierlei Wirklichkeit?*», pp. 275–90.
141. BA-MA RH 22/227 рапорт начальника тыла группы армий Юг, 10 августа 1941 г.
142. МНАР KdoS RFSS RFSS рапорт Magill, кавалерийский отряд СС 2, о ходе Припятской акции с 27 июля по 11 августа 1941 г.
143. Ibid.
144. Ibid.
145. BA-MA RH 22/227 рапорт начальника тыла группы армий Юг, 20 августа 1941 г.

146. R. Ogorreck, *Die Einsatzgruppen*, p. 222.
147. BA-MA RH 22/5 HSSPF Юг, оперативный приказ, 25 июля 1941 г.; BA R 58/215 EM 47, 9 августа 1941 г.
148. A. Angrick, M. Voigt, S. Ammerschubert, P. Klein, C. Alheit and M. Tycher, «*Da hätte man schon ein Tagebuch führen müssen*», pp. 325–85.
149. МНАР, KdoS RFSS рапорт Magill, кавалерийский отряд СС 2, о ходе Припятской акции с 27 июля по 11 августа 1941 г.
150. BA R 58/215 EM 43, 5 августа 1941 г.
151. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», pp. 125–6.
152. BA R 58/215 EM 43, 5 августа 1941 г.
153. BA R 58/215 EM 33, 25 июля 1941 г. Приложение о еврейском вопросе в белорусских землях.
154. H. Guderian, *Panzer Leader*, p. 151.
155. J. Kipp, «Barbarossa and the crisis», pp. 147–8; MGFA (ed.), *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*, vol. 4, p. 499.
156. A. Dallin, *German Rule in Russia*, pp. 18–19.

3. Массовые расстрелы осенью 1941 года

1. Сообщается, что примерно 44.125 человек (преимущественно евреев) было расстреляно подразделениями, подчиненными HSSPF Юг в течение августа 1941 г., BA R 58/217 EM 94, 25 сентября 1941 г.; A. Angrick, «*Einsatzgruppe D*» p. 94 — датирует распространение данным подразделением убийств на женщин и детей началом августа; C. Gerlach, «*Die Einsatzgruppe B*», p. 58.
2. C. Gerlach, «*Die Einsatzgruppe B*», p. 58 — подчеркивает значение этого дальнейшего шага, которому историки уделяли меньше внимания, нежели распространению убийств на женщин и детей. О Литве см. также W. Scheffler, «*Die Einsatzgruppe A*», pp. 35–6.
3. Критику тезиса Arno Mayer'a см. в: C. Browning, *Fateful Months*, pp. 80–1; C. Browning, «Hitler and the euphoria of victory», pp. 137–45. О приподнятом настроении Гитлера в начале октября см. R. Overy, *Russia's War*, pp. 127–8.
4. H.-H. Wilhelm, *Die Einsatzgruppe A*, p. 39, n. 60.
5. BA-MA RH 26–221/13a комендант *Weißruthenien*, 1 сентября 1941 г.; RH 22/ 227 pp. 27–9 декадный рапорт начальника тыла группы армий Центр, 1 сентября 1941 г.
6. CDJC, CXLVa-8 рапорт Gerhard'a Erren'a, 25 января 1942 г.; см. также NAW N1–441 о нехватке кандидатур для гражданской администрации на Украине; B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», p. 86 — об аналогичных проблемах, с которыми столкнулся *Einsatzstab Rosenberg* при обустройстве своих канцелярий в Минске.
7. БНАМ 651–1–1, pp. 12–15 рапорт о ситуации коменданта *Weißruthenien*, 1–15 октября 1941 г.; CDJC, CXLVa-8 Рапорт of Gerhard Erren, 25 января 1942: Erren предпочел использовать у себя на службе татар, как более надежных и незатронутых большинством межэтнических и межрелигиозных проблем.

8. D. Pohl, «*Die Einsatzgruppe C*», pp. 74–5; BA R 58/217 EM 86, 17 сентября 1941 г., p. 18; ZSL II 204a AR-Z 136/67, vol. IV и Soviet witnesses, pp. 44–46 и 299–303; I. Ehrenburg and V. Grossman, *The Black Book*, p. 20; Browning, *Ordinary Men*, p. 18 — отмечает, что батальоны полиции № 45 и 314 принимали участие в расправе над несколькими тысячами евреев Винницы в сентябре 1941 г.
9. BA R 58/218 EM 106, 7 октября 1941 г., pp. 17–18.
10. R. Overy, *Russia's War*, pp. 176–7; BA R 94/26 Security Division 454 Abt. VII, — рапорт о визите в FK 195 в Киеве, 2 октября 1941 г.; BA R 58/217 EM 101, 2 октября 1941 г.
11. BA R 58/219 EM 1436 8 декабря 1941 — сообщает о числе в 15.000; S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 113–14 — о числе в 18–21.000.
12. BA R 58/220 EM 155, 14 января 1942 г.
13. OAM 1275–3-665 OK 1/253 Кривой Рог, 15 октября 1941 г.
14. BAR 58/219 EM 135, 19 ноября 1941 г.
15. BA R 58/217 EM 94, 25 сентября 1941 г.
16. C. Gerlach, «*Die Einsatzgruppe B*», p. 59.
17. C. Gerlach, «*Deutsche Wirtschaftsinteressen*», p. 14.
18. Рапорт № 7 эйнзацгруппы о деятельности и ситуации приведен в: P. Klein (Hrsg.), *Die Einsatzgruppen*, pp. 245–63.
19. C. Gerlach, «*Die Einsatzgruppe B*», p. 60.
20. *Justiz und NS-Verbrechen*, vol. XIX, p. 796.
21. *Justiz und NS-Verbrechen*, vol. XX, pp. 745–9; об активном участии местной полиции в расстрелах евреев на территориях, контролируемых военной администрацией, см. также D. Romanovsky, «Nazi Occupation in Northeastern Belarus and Western Russia», pp. 241–7.
22. BA R 58/218 EM 124, 25 октября 1941 г.; H. Heer, «Killing Fields», pp. 61–2.
23. Dorking, подтверждение утверждения проф. Браунинга (Browning), 20 февраля 1996 г.
24. BA R 58/219 EM 133, 14 ноября 1941 г.
25. БНАМ 651–1–1, p. 28 Jedicke — *Reichskommissar'y Ostland*, 17 октября 1941 г.
26. БНАМ 378–1-698, p. 60 комендант *Weißruthenien*, 10 октября 1941 г. В Глубоком цыгане были уничтожены в последние месяцы 1941 г., *Memorial Book of Glebokie*, p. 44.
27. NAW RG 238 1104-PS рапорт районного комиссара (г. Слуцк) Карла (Carl), 30 октября 1941 г.
28. Материалы дела против Антанаса Импулевичуса находятся в бывшем архиве КГБ в Вильнюсе.
29. NAW RG 238 1104-PS рапорт районного комиссара (г. Слуцк) Карла (Carl), 30 октября 1941 г.
30. BA-MA RH 26–707/2 рапорт военного коменданта *Weißruthenien*, 10 ноября 1941 г.
31. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 52.
32. WCU D9133.
33. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, pp. 53–4.
34. WCU D9136; см. также D9131.
35. WCU D9136.

36. WCU D9135.
37. M. Lachowicki, *The Victims of Nesvizh*.
38. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 55 — говорит о 585 погибших; M. Lachowicki, *The Victims of Nesvizh* — о 562-х.
39. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 56; M. Lachowicki, *The Victims of Nesvizh*; WCU D9136 и D9135; ZSL II 202 AR 116/67, pp. 146–53, 444–9 и 549–55.
40. M. Lachowicki, *The Victims of Nesvizh*.
41. WCU D9085.
42. M. Lachowicki, *The Victims of Nesvizh*.
43. SAL IV K 79/64, pp. 146–52 недатированные записи Иосифа Мархвинского, озаглавленные «Преступники приходят с Запада».
44. БНАМ 378–1–698, p. 25 комендант *Weißruthenien*, 3 ноября 1941 г.
45. Материалы расследования о 8./727 Inf. Rgt. см. ZSL II 202 AR-Z 337/67 (Sta. Munich I, 117 JS 2/72) дело F. Göbel. О роли полиции см. WCU S296: «Немцы нуждались в белорусских полицейских, поскольку лишь они знали, в каких домах живут евреи».
46. Dorking, Зеев Шрайбер, 27 марта 1996 г.
47. Dorking, Лев Абрамовский, 1 апреля 1996 г.
48. Dorking, Зеев Шрайбер, 27 марта 1996 г.
49. Dorking, Иван Яцевич, 21 марта 1996 г.
50. Dorking, сообщение Якоба Липшица от 6 марта 1995 г., принятое к сведению.
51. Dorking, Шмуэль Сеслер, 28 марта 1996 г.
52. Dorking, Менахем Шалев, 29 февраля 1996 г.
53. Dorking, Регина Бедынска, 28 февраля 1996 г.
54. Dorking, Лев Абрамовский, 1 апреля 1996 г.
55. Dorking, Зеев Шрайбер, 27 марта 1996 г.
56. Dorking, Борис Грушевский, 18 марта 1996 г.
57. Dorking, Регина Бедынска, 28 февраля 1996 г.
58. INRW SWKsz 72, pp. 158–61.
59. Dorking, Менахем Шалев, 29 февраля 1996 г.
60. Dorking, Лев Абрамовский, 1 апреля 1996 г.
61. Dorking, Менахем Шалев, 29 февраля 1996 г.
62. WCU D7852.
63. WCU D7812.
64. WCU D6249; D6291.
65. CD/JC CXLVa-8 рапорт Gerhard'a Erren'a, 25 января 1942 г.
66. WCU D6291.
67. WCU D7852.
68. WCU D6249; см. также ZSL 202 AR-Z 228/59 обвинительное заключение в деле Gerhard'a Erren'a, p. 4277.
69. ZSL II 202 AR-Z 228/59 vol. VI, pp. 6129–34; WCU D6291.
70. WCU D6249.
71. NAW PS-3047 письмо Sönnecken 17–20 октября 1941 г.
72. J. Noakes and G. Pridham (eds), *Nazism 1919–45: Vol. 3 Foreign Policy, War and Racial Extermination* Doc. 822, pp. 1098–100 сообщение Ehof советским властям в 1948 г.

73. NAW PS-3047 письмо Sönnecken, 17–20 октября 1941 г.; о Борисове см. также H. Krausnick and H.-H. Wilhelm, *Die Truppe des Weltanschauungskrieges*, pp. 576–80.
74. J. Kagan and D. Cohen, *Surviving the Holocaust*, pp. 47–9.
75. P. Silverman, D. Smuschkowitz and P. Smuschkowicz, *From Victims to Victors*, pp. 79–83; YV 033/2277.
76. BA R 58/217 EM № 86, 17 сентября 1941 г.
77. PAAA Inl. IIg/117, pp. 165–82 Протокол коференции в Ваннзее, 20 января V 1942 г.; см. также T. Sandkuhler, «*Endlösung*», p. 410.
78. D. Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung*, pp. 338–42.
79. M. Lachowicki, *The Victims of Nesvizh*; см. также S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 127–37 — о сходных проблемах снабжения продовольствием и водой, с которыми столкнулись в гетто на Волыни в это время.
80. WCU D9136; D9088; D9129.
81. USHMM RG-53.002M, reel 5 (БНАМ) 845–1-6, pp. 54–6 рапорт чрезвычайной комиссии о Несвижском районе, 4 февраля 1945.
82. *Memorial Book of Glebokie*, p. 29.
83. BA-MA RH 23/225 Koruck 582, осень 1941 г.
84. C. Streit, «Partisans — Resistance — Prisoners of War», pp. 272–4.
85. A.F. Vysotsky et al., *Nazi Crimes in Ukraine*, pp. 162–3.
86. Ibid., pp. 149–50.
87. Из заметок начальника штаба 18 армии на совещании в Орше об обращении с советскими военнопленными, 13 ноября 1941 г. См. в: W. Wette and G. R. Uberschar (eds), *Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion*, pp. 308–9.
88. BA R 58/219 EM 128, 3 ноября 1941 г.
89. R. Headland, *Messages of Murder*, pp. 135–45.
90. T. Schulte, *The German Army*, pp. 181 и 190–1; C. Streit, «Die Behandlung der sowjetischen Kriegsgefangenen», pp. 160–72; W. Wilenchik, «Die Partisanenbewegung im Weißrußland», p. 209. По подсчетам C. Gerlach, «*Deutsche Wirtschaftsinteressen*», около 700.000 советских военнопленных были убиты немцами в Белоруссии.
91. C. Streit, «Partisans — Resistance — Prisoners of War», pp. 272–4; см. также T. Schulte, *The German Army*, pp. 180–210; D. Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung*, p. 112; J. Noakes and G. Pridham (eds), *Nazism 1919–45: Vol. 3*, p. 909.
92. О развешивании этой полиции см. NAW RG 238 Nbg. Doc. 180-L рапорт Stahlecker'a, приложение о партизанской войне от 29 сентября 1941 г.
93. БНАМ 378–1-698 pp. 11–12 комендант *Weißruthenien*, 16 октября 1941 г.
94. WCU D9330.
95. PUST воспоминания Jaroslaw'a Gasiewski (по-польски).
96. WCU D8875.
97. A. Dallin, *German Rule in Russia*, pp. 426–7 — приводит официальные цифры: около 67.000 сбежавших советских военнопленных.
98. WCU D8855.
99. «Следует стараться после краткой проверки отправлять украинских военнопленных по месту их жительства, если соответствующие районы уже ок-

купированы германской армией», BA R 58/215 EM 37, 29 июля 1941 г. 25 июля 1941 г. Гиммлер распорядился о том, что белорусских военнопленных пока освобождать не следует, хотя другие, например, украинцы, могут быть мобилизованы в местные полицейские отряды (Schutzmannschaften): BA-MA RW 41/4; см. также BA-MA RH 26-454/5 KTB № 1, 4 сентября 1941 г.

100. A. Dallin, *German Rule in Russia*, p. 413.

101. WCU D5676.

102. OAM 1275-3-665 OK 1/253 Кривой Рог FK 246, 15 октября 1941 г. См. также BA R 58/216 EM 94, 25 сентября 1941: «В безусловном большинстве случаев рассеянные по территории русские, которые не были схвачены солдатами вермахта, не являясь офицерами или политически испорченными элементами, приходили на работу в колхозы и приспосабливались, не проявляя враждебной активности. Отдельные саботажники и подстрекатели к созданию партизанских отрядов, как правило, из среды этих солдат устранились».

103. W. Wilenchik, «Die Partisanenbewegung in Weißrußland», pp. 150-8; C. Streit, «Partisans — Resistance — Prisoners of War», p. 265.

104. H. Smolar, *The Minsk Ghetto*, p. 35.

105. WCU D8002; W. Wilenchik, «Die Partisanenbewegung in Weißrußland», p. 168.

106. WAST рапорт о потерях I и II батальонов 727 пехотного полка с лета 1941-го по лето 1942 г.

107. C. Streit, «Partisans — Resistance — Prisoners of War», pp. 267-8.

108. BA-MA RH 22/230 приложение к военному дневнику, рапорт командира тыла группы армий Центр, 5 февраля 1942 г.

109. БНАМ 655-1-1, pp. 12-15 и 31 Комендант *Weißruthenien*, 19 октября 1941 и 13 ноября 1941 г.

110. BA-MA RW 30/103 (N1 441) сообщение Prof. Seraphim'a, 29 ноября 1941 г.

111. N. Tec, *Defiance*, pp. 147-8.

112. H.-H. Wilhelm, *Die Einsatzgruppe A*, p. 45. Wilhelm продолжает настаивать на том, что главной причиной поражения Германии было военное превосходство Красной Армии.

113. C. Streit, «Partisans — Resistance — Prisoners of War», pp. 267-8.

114. H. Heer, «Killing Fields», pp. 57-77.

115. NAW PS 3667 рапорт Hauptkommissar'a Барановичей, 10 марта 1942 г.

116. C. Gerlach, «Die Wannsee-Konferenz», p. 9; более общую критику полемика подхода Heer см. также в: B. Chiari, *Deutsche Herrschaft*, p. 12.

117. БНАМ 378-1-698 комендант *Weißruthenien*, приказ № 24, 24 ноября 1941 г.

4. Организация местной полиции. 1941-1944 гг.

1. D. Pohl, *Von der «Judenpolitik» zum Judenmord*, p. 144 — отмечает, что в Люблинской области при власти немцев жандармерия играла важную роль, вследствие сельского характера данной территории. В равной мере это справедливо и для более восточных территорий, находившихся под гражданским управлением: см. J. Matthaus, «*Reibungslos und planmäßig*», pp. 254-74; M. C.

Dean, «The German Gendarmerie, the Ukrainian Schutzmannschaft and the "Second Wave" of Jewish Killings» pp. 168–92.

2. ОАМ 1323–2—267 рапорт Daluge о составе и деятельности полиции в 1942 г., 1 февраля 1943 г. Количественный состав *Schutzmannschaft Einzeldienst* (городские и сельские) согласно этому документу составлял 253.004 человека, но в это число включены местные пожарные, водная полиция и прочие вспомогательные силы, подчиненные полиции охраны порядка.

3. WCU D8011. Некий полицейский вспоминал, что одному из его товарищей посоветовала стать полицейским его мать, поскольку тогда семья будет обеспечена пропитанием.

4. WCU D8724.

5. BA R 94/7 рапорт брестской *Schutzpolizei*, 12 октября 1942 г.

6. Обласной архив КГБ, Гродно, дело 59, ед. хр. № 20777 V.A.K. 6 октября 1944 г.

7. WCU D7341.

8. *Justiz und NS-Verbrechen*, vol. XVIII, pp. 100–5; извлечения из сообщений August (киевский *KdS*) от сентября/октября 1959, опубликовано в: Н.-Н Wilhelm, *Rassenpolitik und Kriegführung*, p. 234.

9. *Justiz und NS-Verbrechen*, vol. XVIII, pp. 100–5.

10. Бывшее здание КГБ в Виннице, перед войной занимавшееся местным управлением НКВД, во время оккупации использовалось Германской полицией безопасности.

11. Н.-Н. Wilhelm, *Die Einsatzgruppe A*, p. 310, п. 9 приводит данные о составе *KdS Weißruthenien* на 1 февраля 1942 г.: всего 122 человека, в том числе 15 *Staatspolizei*, 11 *Kripo*, 5 *SD*, 37 *SS* резервистов и 36 водителей; S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 60.

12. ЖА 1182–1—26, p. 104 обзор структуры полиции безопасности *Generalkommissariat*’а Житомир; см. также М.С. Dean, «The German Gendarmerie, the Ukrainian Schutzmannschaft and the "Second Wave" of Jewish Killings», pp. 176–80.

13. N. Tec, *In the Lion's Den*, p. 85.

14. ЖА 1465–1-1, p. 9; см. также Брестский архив 995–1—7, p. 181 *KdS Weißruthenien*, Барановичский пост, для *SS PGF* Барановичи, 11 августа 1942 г. Приказ об аресте, расследовании и, в случае необходимости, расстреле поименованных подозреваемых, направленный *SS PGF* для исполнения на пост гандармерии в городе Мир от 14 августа 1942 г.

15. ZSL 204 AR-Z 334/59 Vol. V, p. 1153.

16. BA R 94/8 рапорт о ситуации Комиссара Брестского района за май—июнь 1943 г., 24 июня 1943 г.

17. BA Berlin R 19/266, pp. 5–11 численность и местопребывание батальонов *Schutzmannschaft*, 1 июля 1942 г.

18. См. R. B. Birn, *Die Höhezen SS- und Polizeiführer*, pp. 79–115. Ruth Birn подчеркивает роль *HSSPF* как руководящего и координирующего органа, созданного Гиммлером для гибкого и быстрого реагирования в случае необходимости на возникающие угрозы.

19. Брестский архив 995–1—11, p. 33 *Jagdzug I — SSPF Weißruthenien*, 17 февраля 1944 г. *Jagdzug I* имел небольшую стычку с соседними казаками, также служившими немцам.

20. LSHA 1444-1—8 приказы по батальону; K. Stang, *Kollaboration und Massenmord*, pp. 146–8.
21. WCU D2138; BA R 70/22 1 апреля 1943 г.
22. ZSL II 204 AR-Z 163/67 Vol. II, pp. 311–24 J.K.K. от 14 февраля 1969 г. и M.D.K. от 19 февраля 1969 г.
23. C. Browning, *Ordinary Men*, pp. 3–25, 44–8.
24. ZSL UdSSR 412 — оригиналы находятся в ГАРФ 7021–148—2. Полицейский батальон № 310 был с 1 августа 1942 г. переименован в III (Батальон)/полицейский полк № 15 (см. ZSL UdSSR 411).
25. C. Browning, *Ordinary Men*, pp. 5–6; личные характеристики чинов жан-дармерии заимствованы главным образом из ZSL 2 AR-Z 16/67 и II 202 AR-Z 228/59.
26. USHMMARG 53.002M, reel 5 (БНАМ) 658–1-2, pp. 77–8 *Erkennungsmarken Verzeichnis Gend. Zug 1/3* Речица.
27. ZSL 1 AR-Z 16/67 Vol. VIII W.L. 13 мая 1970.
28. BA R 19/464, pp. 83–6 письмо RFSS, 26 сентября 1941 г.
29. ZSL 1 AR-Z 16/67 Vol. VIII W.R. от 30 июля 1969 г.
30. БНАМ 378–1-698, р. 27. Военный Комендант *Weißruthenien* приказ № 21, 10 ноября 1941 г.
31. WCU 93/1 Appendix IV/9 E.F. от 11 октября 1966.
32. ЖА 1182–1-8, р. 114; ЖА 1182–1–10, р. 26.
33. BA-MA RH 23/228 начальник тыла группы армий Центр, раздел VII, правила службы (*Ordnungsdienst*), 27 ноября 1941 г.
34. BA-MA RH 26–221/21 приложение к Военному дневнику Ia, р. 317 Комендант FK 528 (V) в Рогачеве, 13 сентября 1941 г.
35. ZSL 2 AR-Z 16/67 Vol. X, pp. 1977–2013 Max Eibner от 13 июня 1973 г.
36. ЖА 1182–1–3, р. 59 *Generalkommissar — Gebiets-/Stadtkommissar*’у в Казатине, 3 декабря 1941 г. (приложено письмо от Reichskommissar’a от 8 декабря 1941 г.).
37. БНАМ 370–1-1262, pp. 147–58 Klepsch в выступлении на собрании районных комиссаров 10 апреля 1943 г. упоминает увольнение и перемещение поляков, служивших в Шуцманстве в Барановичах.
38. WCU D9084; см. также D8661 и S135B где указано, что некоторые польские полицейские были оставлены.
39. WCU D6104.
40. WCU S119A. В Латвии и Литве первые местные рекруты во вспомогательную полицию появились после соответствующих призывов в прессе и по радио. См. также ЖА 1151–1–21, pp. 65–6 Призыв к добровольному вступлению в *Schutzmannschaft* на Украине, 21 февраля 1942 г.
41. MOA 685–1-2.
42. WCU S101A. О добровольности службы в районе Мира см. также D7308.
43. Dorking, Освальд Руфайзен 22 февраля 1996 г.
44. Ibid.
45. USHMM RG 53.002M, reel 5 (БНАМ) 658–1-1 р. 84 *KdO Befehl 6/42*, 18 февраля 1942 г. В Бресте отдельные полицейские иногда в это время осво-

бождались от службы по болезни или по семейным обстоятельствам, см. BA R 94/6 рапорт брестского *Stadtkommissar'a*, 12 января 1942 г.

46. USHMMА ЖА 1151-1-3, р. 27.

47. INRW SWGd 75 pp. 737-8 К.К. 9 сентября 1969 г. на собственном суде. О подкупе врачей см. также Архив Брестского УКГБ, № 2905, Дело № 69, pp. 16-18 N.L. 13 сентября 1944 г.

48. WCU D7341.

49. WCU D9565 *Rottwachmeister* G.R. был принят на работу как немец из шущманского отряда Бреста. О Кировоградской области см. АГБ Кировоград, заявление А.А.Г. 13 июня 1947 г. на собственном суде.

50. OAM 1323-2-255, pp. 22-3 *KdG* Житомир, 23 сентября 1942 г.

51. WCU D4858.

52. Напечатано в переводе на английский в: М. Cooper, *The Nazi War against Soviet Partisans*, pp. 176-8.

53. ГАРФ 7021-348-164 рекомендации по продвижению по службе с персональными данными для членов Барановичского шущманства, 1943-44.

54. WCU S110.

55. WCU S119A.

56. INRW SWSz 77, pp. 1736-71 J.R., показания на суде, 22 января 1971 г.

57. WCU D2478.

58. ЖА 1182-1-3, р. 58 *KdG* Житомира, приказ коменданта № 4/41, 8 декабря 1941 г.; ЖА 1151-1-21, pp. 65-6 Генеральный комиссар Житомира — областному и городскому комиссарам по делу о наборе украинских шущманств, 24 февраля 1942 г.; ЖА 1182-1-3, р. 16 документ датирован 12 августа 1943 г.

59. WCU D8875; см. также ЖА 1182-1-35, р. 69 *KdO* Житомир, приказ от 24 мая 1943 г., освобождающий членов семей шущманов от депортации в Германию.

60. WCU D8011.

61. WCU D6950; S296.

62. WCU D8011.

63. WCU S135B.

64. WCU S296.

65. WCU S120B; см. также S119A.

66. BA-MA RW 41/4 RFSS приказ о формированиях безопасности на оккупированных восточных территориях, 31 июля 1941 г.

67. ЖА 1182-1-17, р. 132 приказ капитана жандармерии 5/41; ЖА 1182-1-3, р. 154 *KdG* Житомир, раздел Бердичев, 12 февраля 1942 г.

68. WCU D4858.

69. BA R 94/7 шеф областной жандармерии Бреста, 8 ноября 1942 г.

70. Партизаны использовали автоматы типа ППШ и ППД: см. фотографии L. Berk, *Destined to Live*, p. 184.

71. БНАМ 370-1-1262, pp. 147-58 Klepsch, выступление на собрании районных комиссаров 10 апреля 1943 г.

72. ЖА 1182-1-35, р. 224 пост жандармерии Погребичи, 9 марта 1943 г.; ЖА 1182-1-5, р. 86; ЖА 1182-1-17, р. 20 *KdG* Житомира по делу о присяге шущманов, 19 сентября 1942 г.; INRW SWB 272, pp. 42-57 W.G. 7 сентября 1966; Брестский архив 995-1-6 р. 1 Капитан жандармов в Барановичах по делу

- о присяге, 22 октября 1942 г. Соответственно, многие полицейские Барановичского района приняли присягу в ноябре 1942 г.: см. Брестский архив 995–1—5.
73. О «травниковцах», см. H. Grabitz, «Iwan Demjanjuk zum Tode verurteilt», pp. 176–82. Госпожа Grabitz отмечает, что в большинстве своем «травниковцы» набирались из советских военнопленных; степень принуждения определялась уровнем смертности в этих лагерях.
74. См., напр., Брестский архив 995–1—3.
75. USHMM (ЖА) 1151–1—21, pp. 65–6 Генеральный комиссар Житомира — областному и городскому комиссарам по делу о наборе в украинские шуцманства, 24 февраля 1942 г.; ЖА 1182–1—17, p. 15 приказ о неограниченной службе в шуцманствах, 28 сентября 1942 г., 24 октября 1942 г. и 2 ноября 1942 г. ЖА 1182–1—3, pp. 113–15 *KdG* экономический отдел, 28 июля 1943 г.; БНАМ 370–1—1262, pp. 147–58 Klepsch, выступление на собрании районных комиссаров 10 апреля 1943 г.; SIU 5776/0 Y.Z.K. 31 января 1950 г.
76. ЖА 1182–1—23, pp. 533–4 инструкции жандармерии Житомирского генералкомиссариата, *KdG* Житомир, 15 января 1942 г.; ЖА 1182–1—3, pp. 17 и 44 служебные инструкции шуцманству оккупированных восточных территорий и полиции, 12 февраля 1943 г., представления и награды шуцманам.
77. Dorking, Освальд Руфайзен, 21–28 февраля 1996 г.
78. *ZSL 2 AR-Z 16/67 Vol. X*, pp. 1977–2013 М.Е. 13 июня 1973 г.; WCU D7852; WCU D9885; S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 134; BA R 94/6 SSPF Брест рапорт, 15 марта 1942 г.; *Memorial Book of Glebokie*, p. 50.
79. WCU S119A; S135B.
80. Dorking, Освальд Руфайзен, 22 февраля 1996 г.
81. УКТБ Брестский архив, № 3396, pp. 66–8 допрос I.S.K. 18 августа 1945 г.
82. INRW SWGd 72–3 pp. 44–8, 157–64 и 282–4; WCU D9344; ГАРФ 7021–83—14 pp. 4–7.
83. WCU D9081.
84. INRW SWB 253, pp. 185–7 S.B. 21 февраля 1963 г.
85. N. Tec, *In the Lion's Den*, pp. 107–9.
86. SIU 5776/0 I.V.K. 18 февраля 1950 и А.А.Н. 13 декабря 1949 г.
87. WCU D7560.
88. SIU 5776/0 G.I.K. 20 декабря 1948 г. Начальник полиции бил свидетеля ружейкой револьвера после того, как тот попросил воды, приговаривая: «Вот тебе вода, пей, большевик, отвечай, где партизаны».
89. WCU S173C; D2488; D1402; D1855.
90. WCU D9084.
91. *Memorial Book of Glebokie*, p. 34.
92. ЦГАК 3676–4–317, pp. 67–87 рапорт украинского HSSPF от марта 1942 г. Этот инцидент, по-видимому, имел место во время проведения акции в Браилове, 12 февраля 1942 г.: см. *ZSLII 204a AR-Z 135/67 Vol. III*, pp. 575–6. См. также ОАМ 1323–2—228, pp. 11–12 *KdG* Житомир, приказ 16/42, 20 июля 1942 г., упоминает двух шуцманов, уличенных в грабеже.
93. BA R 94/17a рапорт о ситуации Генеральному комиссариату в Киеве, начало 1943 г., раздел 8, Полиция.
94. BA R 94/6 рапорт городского комиссариата Бреста, 26 ноября 1941 г.
95. WCU S171B.

96. Dorking, Борис Грушевский, 18 марта 1996 г. Один из полицейских говорил о них так: «Первые добровольцы были вполне нормальные парни, мои друзья, у них не было каких-то специальных причин идти в полицию», S119A; высказывания в том же духе см. S296.

97. ZSL 2 AR-Z 16/67 Vol. VI, pp. 1056–9 W. G. 21 марта 1969 г.

98. *Memorial Book of Glebokie*, p. 139 «Имена полицейских были уже перечислены. Все они, как указано выше, активно пособничали немцам в их кровавых злодеяниях».

99. БНАМ 3500–4—263 допрос партизанами Ивана Иосифовича Вареника, мобилизованного в полицию в ноябре 1942 г.

100. ЖА 1182–1—17, p. 57 Казатин, областной начальник СС и полиции: о различительных знаках для шуцманов, 18 января 1943 г.; ЖА 1182–1—17, p. 83 *Gendarmerie Zug HI/13* Казатин: наличная форма, 14 августа 1943 г.

101. БА R 19/122, pp. 129–36 рапорт *HSSPF* Украины, показывающий численность жандармерии и шуцманства, 25 ноября 1942 г.; ЖА 1151–1—43, p. 15 итоговый рапорт Генерального комиссара Житомира, 1943 г.

102. БНАМ 389–1—3, pp. 139–40 *KdG Weißruthenien* — жанд. управлению Барановичей, 4 ноября 1942 г.; В. Chiari, *Deutsche Herrschaft*, p. 337 численность шуцманства в Барановичах, 29 июня 1944 г.

103. БА R 94/7 рапорт жандармерии Бреста, 8 ноября 1942 г.; БА R 94/8 рапорт жандармерии Бреста, 5 декабря 1943 г.

104. ОАМ 1323–2—228, pp. 3–4 *KdG* Житомира — начальнику жандармерии области, 1 июня 1942 г.

105. БА R 94/8 рапорт комиссара Брестской области, разд. II, 19 февраля 1943 г.

106. БА R 19/333, p. 15 RFSS приказ о юрисдикции полиции на оккупированных восточных территориях, 19 ноября 1941 г.

107. J. Steinberg, «The Third Reich Reflected», p. 462.

108. WCU S273 и S325. Этот отряд был, по-видимому, частью сил самообороны «Самоохова», посланным в качестве специальной охраны офиса *Gebietskommissar'a* в Слониме.

109. БА R 94/8 начальник жандармерии Брестской области, 4 февраля 1943 г.

110. WCU D4355 допрос K.R. 9 сентября 1947; WCU D6913.

111. ЖА 1182–1—17, pp. 123–5, 128 и 150. *BdO* Украины, руководство по обучению шуцманов, 9 апреля 1943 г. Приказ RFSS об обучении и тренировке шуцманов на местных постах, 19 августа 1942 г. *KdG* Житомира, начальнику областной жандармерии, 10 августа 1942 г.

112. УКГБ Минска, ед. хр. 14687, уголовное дело 36551, pp. 22–4 допрос М.Р. 2 октября 1951 г.

113. ЖА 1182–1—17, p. 129 руководство по обучению и тренировке шуцманов в областях *BdO Ostland* и на Украине. I. Политическое образование и направление.

114. УКГБ Гродно уголовное дело 1030, ед. хр. 20394, pp. 114–22; см. также Р. Silverman, D. Smuschkowitz and P. Smuschkowicz, *From Victims to Victors*, pp. 84 и 98 — отмечают наличие ночных сторожей из родителей полицейских

в Жодах (Jody) к зиме 1941–42 гг. Возможно, это и были подразделения «Самоохова» (самооборона), помогавшие полиции.

115. WCU данные свидетельствуют о том, что по крайней мере четверо татар служило в Несвижской районной полиции и трое — в различных полицейских отрядах Слонима; см. также S325.

116. BA R 94/7 рапорт начальника жандармерии Брестской области, 5 декабря 1942 г.

117. WCU D7341.

118. Такая интерпретация усиленно отстаивается в: D. J. Goldhagen, *Hitler's Willing Executioners*, pp. 279–80.

119. C. Browning, *Ordinary Men*, pp. 159–89.

120. N. Tec, *In the Lion's Den*, p. 89.

121. Dorking, Освальд Руфайзен, 21–28 февраля 1996 г.

122. ZSL 202 AR-Z 16/67 Vol. XI, O.R. 14 марта 1966.

123. Dorking, Освальд Руфайзен, 21–28 февраля 1996 г.

124. C. Browning, *Ordinary Men*, pp. 159–89.

125. WCU D8607, D408, D4767; YV 03/3567 свидетельство Эстер Мархвинской.

126. WCU S135A.

127. WCU D7341.

128. N. Tec, *Defiance: The Bielski Partisans*, p. 53; F. Golczewski, «Entgegen dem Klischee» — приводит несколько примеров того, как украинские полицейские помогали евреям; S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 134.

129. Dorking, Освальд Руфайзен, 21–28 февраля 1996 г.

130. *David-Horodoker Memorial Book*, pp. 31–2 и 54–8.

131. B. Chiari, *Deutsche Herrschaft*, pp. 197–8.

5. «Ликвидации» гетто. 1942–1943 гг.

1. G. Robel, «Sowjetunion», p. 557; S. Cholawsky, *The Jews of Byelorussia*, pp. 70–3 и 150; S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 186; об организации «второй волны» см. также R. Hilberg, *The Destruction of the European Jews*, vol. 1, pp. 368–90. 7

2. ZSL II 204a AR-Z 135/67 Vol. I, pp. 253–9, 260–6 и Vol. II, p. 552; 204a AR-Z 137/67 Vol. I, pp. 88–94 и 227. См. 204 AR 56/67, Vol. I, p. iv, информация W. R. от 18 декабря 1961 г. о руководящей и координирующей роли СД в аналогичных «чистках» в Пинской области.

3. ZSL II 204a AR-Z 135/67, Vol. I, pp. 253–9 об участии *Organization Todt*. О роли *Gebietskommissariat'a* см. Vol. III, p. 552–5, заключительный рапорт.

4. Об участии венгров см. ZSL II 204a AR-Z 188/67 Vol I, pp. 221–55 и II 204a AR-Z 135/67 Vol. III Итоговый Рапорт pp. 570–I. О Словацких отрядах см., напр., собрание словацких военных оккупационных обязанностей на Украине (переведено из Праги в архивы Словакии). Я благодарен доктору Балашу (Balasch, МНАР) за эту информацию.

5. См., напр., *Justiz und NS-Verbrechen*, vol. XIX, p. 332 о приказе жандармам

и шущманам расстреливать убегающих евреев, изданном до ликвидации Мизочского (Mizoch) гетто в середине октября 1942 г.

6. T. Piotrowski, *Poland's Holocaust*, pp. 153–4 и 221–3 — основываясь на опубликованных источниках, обращает внимание на активное участие отрядов местной полиции Белоруссии и Украины. Эта книга, впрочем, в основных своих чертах отражает польский националистический взгляд на события и проигрывает из-за прискорбной трактовки вопроса об «еврейском пособничестве».

7. NAW RG 238, 1104-PS рапорт *Gebietskommissar*'a Carl'a 30 октября 1941 г. и сопутствующая переписка; 3257-PS Seraphim рапорт 29 ноября 1941 г. с сопроводительным письмом 2 декабря 1941 г.; LSHA 1026–1–3, pp. 251–61 Меморандум Бурхгардта.

8. OAM 1323–2-267 Daluege Рапорт on the Order Police, 1942 г.

9. NAW RG 238 1104-PS рапорт областного комиссара Carl'a, Слуцк, 30 октября 1941 г.

10. См. гл. 3 наст. изд.

11. БНАМ 3500–2-38, pp. 533–5.

12. Dorking, Освальд Руфайзен, 27 февраля 1996 г.

13. N. Tec, *In the Lion's Den*, pp. 89–95.

14. WCU D9145.

15. Dorking, Освальд Руфайзен, 22 февраля 1996 г.

16. Ibid.

17. YV 016/159 Ester Gorodejska (по-польски), 9 августа 1945 г.

18. Dorking, Освальд Руфайзен, 21–28 февраля 1996 г.; WCU S19D, D7573; D5548; D8607; D9154; D9153; D9147.

19. Я лично посетил эти и другие захоронения района в связи с моей работой в Скотланд Ярде.

20. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 119; BA R 94/7 рапорт областного комиссара, Брестская область, 24 марта 1942 г.

21. Циркуляр областного комиссара Трауба (Traub) деревенским старостам и старейшинам, Новогрудок, 6 марта 1942 г. Опубликовано в J. Kagan and D. Cohen, *Surviving the Holocaust*, pp. 156–7.

22. BA R 94/6 рапорт городского комиссара Бреста, 23 декабря 1941 г. и 25 марта 1942 г.

23. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 118–19; в Маневичах евреи продолжали жить в тех же самых домах, что и прежде, и не было сооружено никакой специальной ограды, как во Владимире-Волынском: см. WCU A.S.S. 26 января 1989.

24. Волинский ОГА, Луцк, R–2–1–8В, p. 148 приказ Генерального комиссара, 23 марта 1942 г.

25. WCU S20C, D8376.

26. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 62.

27. Ibid., p. 59.

28. *Memorial Book of Kobrin*, p. 386; *Memorial Book of Glebokie*, p. 51.

29. Dorking, Освальд Руфайзен, 21–28 февраля 1996, p. 21.

30. INRW, AGK SWB 231, pp. 24–30.

31. Рапорт эйнзацгрупп о деятельности и ситуации № 11 за 1–31 марта 1942 г. (опубликованы в P. Klein (Hrsg.), *Die Einsatzgruppen*, p. 308) сообщает о 2007 евреев, расстрелянных в Барановичах; USHMM RG 53.002M, Reel 6

(БНАМ) 845-1—206 Сообщение Чрезвычайной комиссии от 1 января 1945 г. дает для Барановичей число убитых 3400; Encyclopaedia of the Holocaust, pp. 147–8 говорит о 2300.

32. ZSL II 204a AR-Z 136/67, Soviet material, pp. 44–6 Сообщение Чрезвычайной комиссии по Виннице в 1944 г., pp. 299–303 утверждение советского свидетеля L.S. и Vol. IV, pp. 927–35 немецкие данные датируются 17 марта 1971 г.; A.F. Vysotsky et al., *Nazi Crimes in Ukraine*, p. 149 — отмечает, что 10.000 гражданских лиц было собрано на стадионе Винницы и только 1000 из них остались в живых, остальные были расстреляны.

33. NAW RG 238 3257-PS Seraphim Рапорт, 29 ноября 1941 с сопроводительным письмом от 2 декабря 1941 г.; BA-MA RW 30/145.

34. ОАМ 369-1—29, pp. 24–5 Secret Field Police Note (RSD); G. Jukes, *Hitler's Stalingrad Decisions*, pp. 9 и 43.

35. ОАМ 1323-2—230 Schmidt Rattenhuber'y, 12 января 1942 г. В 1991 г. место, где располагался бункер Гитлера (севернее Винницы), был всего лишь заросшей ямой с бетонными стенами. О формировании RSD см. P. Hoffmann, *Hitler's Personal Security*, pp. 29–43.

36. О событиях в Гниване см. ZSL II 204a AR-Z 136/67; SIU данные, использованные в деле Николая Березовского; A.F. Vysotsky et al., *Nazi Crimes in Ukraine*, pp. 162–3. Согласно M. Altshuler, *Distribution of the Jewish Population*, — в Гниване в 1939 г. проживал 361 еврей.

37. ZSL II 204 AR-Z 128/67 (Ружин), II 204a 135/67 (Браилов, Литин и Хмельник) и II 204a AR-Z 138/67 (Ильинцы, Липовец и Плисков).

38. BA R 6/310, p. 17 рапорт Генерального комиссара Житомира за май, 3 июня 1942 г.

39. ZSL II 204a AR-Z 188/67 Vol. I, pp. 229–31 A.N.W. 2 июня 1953 г.

40. ЖА 1182-1—6, p. 163 жандармский пост Самгородок, 31 мая 1943 г.

41. ЖА 1182-1—36, p. 30 жандармерия округа Ружин жандармскому управлению в Виннице, 14 июня 1942 г.

42. ЖА 1151-1—9, p. 1 KdG Житомира, приказ 18/42, 6 июня 1942 г.

43. *Justiz und NS-Verbrechen*, vol. XVI, pp. 346–8. Попытка некоторых евреев убеждать закончилась расстрелом всех, кто пытался сделать это.

44. ЖА 1182-1—36, pp. 235–8 начальник СС и полиции округа Ружин, 5 ноября 1942 г.

45. ZSL USA Film 7, Heft Ord. № 26, Bild № 611-2 (NO 5655); о вовлеченности местной полиции в ликвидацию гетто Каменец-Подольского района см. также I. Ehrenburg and V. Grossman, *The Black Book*, pp. 529–39.

46. Y. Arad, «The Holocaust of Soviet Jewry», pp. 30–1.

47. Encyclopaedia of the Holocaust, p. 798 рассказ S. Spector'a о судьбе евреев Херсона; см. также M. Gilbert, *The Holocaust*, p. 353 об уничтожении евреев — сельских жителей Херсонской области.

48. ГАБ Кировоград, показания О.К.К 3 апреля 1946 г. на суде над ним.

49. Эта картина событий в Устиновке составлена на основе материалов советских судов 1940–1950-х гг. Несмотря на некоторые расхождения в датах и числах эти свидетельства представляются надежными в том, что касается общей картины событий. См. ГАБ Кировоград, А.А.Г. 20 марта 1947 г. и 1 апреля 1947 г. на суде над ним; Г.К.К. 19 февраля 1946 и 3 апреля 1946 г. на суде

над ним; F.F.S. 1 марта 1958 г. и I.K.K. 13 февраля 1958 г. в деле № 4419. Эти показания также могут быть сопоставлены с дополнительными свидетельствами, собранными SIU в деле H.W.

50. Анализ свидетельских показаний, проведенный Джоном Ралстоном (John Ralston) из SIU в деле H.W.; см. также Landgericht Cologne Verdict 104–28S8/97 в деле Эрнста Херинга (Ernst Hering), pp. 43–9.

51. *Unsere Ehre heißt Treue*, pp. 237–9 *SS Uscharf. Lipps Außenstelle Vileyka в Burgdorf*, 27 мая 1942 г.

52. БНАМ 370–1–483, р. 15 рапорт окружного комиссара, Глубокое, 1 июля 1943 г.

53. I. Aron, *Fallen Leaves*, pp. 34–5.

54. БНАМ 370–1–483 р. 15 рапорт окружного комиссара, Глубокое, 1 июля 1942 г. О действиях евреев в этом районе см. также ZSL 202 AR-Z 37/60, где говорится об активном участии белорусской полиции в этих акциях. В белетризованном рассказе I. Aron, *Fallen Leaves*, есть несколько дополнительных свидетельств о беглецах из Миоры. См. также INRW SOGz 43, SOO1 24, SAWr 10 и 127 об арестах и расстрелах евреев в Браславском районе. Список общин, затронутых этой волной см также в *Memorial Book of Glebokie*, p. 66.

55. *Memorial Book of Glebokie*, p. 70.

56. *Unsere Ehre heißt Treue*, p. 241; BA R 58/697, pp. 168–78. Рапорт с оккупированных восточных территорий № 9, 26 июня 1941 г.

57. WCU D6104.

58. INRW SWB 221, р. 115 М.Р. 23 января 1964 г.; р. 41 Е.Л. 20 июня 1963 г.: один из местных жителей Новой Мыши видел, как полицейский через день после расправы увел трех еврейских детей в лес. Из леса были слышны выстрелы; полицейский вернулся один.

59. INRW SWSz 69–78.

60. *Unsere Ehre heißt Treue*, p. 242 рапорт *Gruppe Arlt*, Минск, 3 августа 1942 г.

61. ZSL 202 AR-Z 228/59 Обвинительное заключение в деле Герхарда Эррена (Gerhard Erren) pp 4314–24.

62. WCU D7809.

63. WCU S282.

64. ZSL 202 AR-Z 228/59, pp. 4322–41; WCU I DTO9.

65. ZSL 202 AR-Z 228/59, p. 4305. *Unsere Ehre heißt Treue*, p. 242. *Gruppe Arlt*, Минск 3 августа 1942 г. сообщает о 4000 жертвах; N. Alpert, *The Destruction of Slonim Jewry*, p. 160 — сообщает, что перед акцией в Слониме было 11000 евреев.

66. ZSL 202 AR-Z 228/59 pp. 1823–6 & 4344.

67. CDJC CDXXXVI-46 рапорт *Gebietkommissar'a* Слонима, 26 сентября 1942 г.

68. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, pp. 57–8.

69. M. Lachowicki, *The Victims of Nesvizh*.

70. УКГБ уголовное дело № 35930, ед. хр. № 902, pp. 99–102 I.A.N. 5 июня 1950 г., pp. 96–8 М.Ф.К. 7 июня 1950 г. и pp. 171–3, где описано, как советские следователи выезжали на место преступления для проверки показаний двух

вышеупомянутых свидетелей; вывод: оба они вполне точно описывают маршрут следования.

71. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 67.

72. M. Lachowicki, *The Victims of Nesvizh*.

73. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 68.

74. USHMM RG 53.002M, reel 4 (БНАМ) 389—1—3, p. 66 *KdS Weißruthenien* — жандармерии, 11 мая 1942 г.

75. ZSL 202 AR 133/81, pp. 32—5 A.A.G. 17 октября 1979 г.; о сборе всей Несвижской окружной полиции см. также pp. 36—8. A.I.T. 19 октября 1979 г. и M. Lachowicki, *The Victims of Nesvizh*. Об участии литовцев, возможно, из вспомогательных частей СД, см. WCU D9132, D9129 и УКГБ, Минск дело № 2006, ед. хр. 1592.

76. Об увеличении предложений перед акцией в Столпце в сентябре 1942 г. см. Брестский архив 995—1—4, p. 233 Schultz рапорт, 3 октября 1942 г. О концентрации полиции для акции в Несвиже см. WCU D9087 и УКГБ Минск дело 36551, ед. хр. № 14687, pp. 111—2 N.A.K. 8 мая 1948.

77. ZSL 202 AR 133/81, pp. 25—38 A.A.G. 17 октября 1979 г.; о приказе стрелять по беглецам см. также A.K.A. 16 октября 1979 г. и A.I.T. 19 октября 1979 г. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 176 — упоминает приказы о расстрелах, полученные до облав в гетто Волыни.

78. M. Lachowicki, *The Victims of Nesvizh*.

79. S. Cholawski, *The Jews of Byelorussia*, p. 190.

80. M. Lachowicki, *The Victims of Nesvizh*; S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, pp. 68—70.

81. ZSL 202 AR 133/81, pp. 32—5 A.A.G. 17 октября 1979 г.

82. M. Lachowicki, *The Victims of Nesvizh*; S. Cholawski, *The Jews of Byelorussia*, pp. 190—1.

83. УКГБ Минска ед. хр. № 14687, Уголовное дело 36551. Другой свидетель слышал от полицейских из оцепления, что они также стреляли по людям, пытавшимся скрыться: см. ZSL 202 AR 133/81, pp. 21—4 F.I.P. 8 октября 1979 г. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 177 — также говорит о том, что местная полиция в ходе акций по «ликвидации» злоупотребляла алкоголем.

84. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, pp. 69—70.

85. ZSL 202 AR 133/81, pp. 21—4 F.I.P. 8 октября 1979 г.

86. WCU D8661. Эти евреи, выжившие в войну, после нее жили в Минске и время от времени навещали родных в Несвиже.

87. WCU D9083.

88. УКГБ Минск ед. хр. № 1592, Уголовное дело № 2006.

89. ZSL 202 AR 133/81, pp. 32—5 A.A.G. 17 октября 1979 г.

90. УКГБ Минск ед. хр. № 20309, pp. 18—20 F.I.P. 13 марта 1945 г..

91. ZSL 202 AR 133/81, p. 325 A.I.T. 19 октября 1979 г. См. также УКГБ ед. хр. № 616 pp. 75—6, суд над A.I.T. 5 ноября 1945 г., где говорится, что прежде чем начать стрельбу по еврейским женщинам, полицейские открывали двери.

92. M. Lachowicki, *The Victims of Nesvizh*.

93. Dorking, Освальд Руфайзен, 23 февраля 1996 г.

94. WCU беседа с Освальдом Руфайзеном 1 и 5 марта 1995 г.

95. ZSL 1 AR-Z 16/67 Vol. I, pp. 70—2 D.R. 7 февраля 1967 г.

96. ZSL 2 AR-Z 16/67 F.B. 8 февраля 1967 г.
97. Брестский архив 995-1—7, pp. 211–12 рапорт Хайна (Hein), 20 августа 1942 г.
98. ZSL 2 AR-Z 16/67 Vol. VIII, W. G. 24–5 июля 1969 г.
99. ZSL 2 AR-Z 16/67 Vol. VI, pp. 1146–55 E.F. 13 марта 1969 г.
100. *Sta. Oldenburg* 2 JS 138/68 Vol. I, pp. 60–2 A.F. 14 февраля 1969 г.; ZSL 2 AR-Z 16/67 Vol. VI pp. 1146–55 E.F. 13 марта 1969 г., Vol. VIII, W.G. 24–5 июля 1969 г.
101. УКГБ Гродно уголовное дело 35133, ед. хр. № 696.
102. ZSL 2 AR-Z 16/67 Vol. VI, pp. 1146–55 E.F. 13 марта 1969 г.
103. Брестский архив 995-1—7, р. 237 рапорт капитана Эйбнера (Eibner), 26 августа 1942 г.
104. Брестский архив 995-1—7, pp. 211–12 рапорт Хайна (Hein), 20 августа 1942 г.
105. УКГБ Гродно Уголовное дело 35133, ед. хр. № 696.
106. Брестский архив 995-1—4, р. 304 рапорт Шульца (Schultz), 18 октября 1942 г.
107. *Unsere Ehre heißt Treue*, р. 242 рапорт *Gruppe Arlt*, Минск 3 августа 1942 г. См. также WCU D1647 & D1685.
108. BA NS 19/1772 Гиммлер Бергеру (Berger), 28 июля 1942 г. Цит также в R. Hilberg, *The Destruction of the European Jews*, Vol. I, p. 368.
109. BA NS 19/1757 Гиммлер HSSPF East Крюгеру (Krüger), 19 июля 1942 г. Кодовое название: «Операция Райнхард».
110. NAW RG 238, T-175, roll 235 Рапорт с оккупированных восточных территорий № 5, 29 мая 1942 г. сообщает о 326.000 ереех Воылини-Подоллии.
111. INRW Zbior Zespolow Szczatkowych Jednostek SS i Policji — Sygnatura 77. Этот важный источник указан в S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, р. 173. Документы, по-видимому, являются польским переводом с немецких оригиналов, которые могли быть частично уничтожены или даже тайно вывезены подпольщиками. Попытки обнаружить оригиналы оказались тщетными.
112. ZSL204 AR-Z 393/59 Vol. II, pp. 173–94 Wilhelm Rasp 18 декабря 1961 г. Это свидетельство хорошо иллюстрирует непростую природу показаний в суде, если их использовать в качестве источников. Если сомневаться в подробном описании Распом многочисленных акций нет никаких оснований (они отчасти свидетельствуют против него самого), то его самооправдывающие рассказы о попытках спасти евреев следует рассматривать с большей осторожностью. Равным образом и данные о количестве убитых, о местах и датах следует тщательно сопоставлять с иными источниками; как правило, они подтверждают его сведения, хотя имеются и расхождения. Утверждения Распа необходимо учитывать лишь в сочетании с работой Спектора и современными немецкими документами.
113. ZSL 204 AR-Z 393/59 Vol. II, pp. 173–94 Wilhelm Rasp 18 декабря 1961 г. О сопротивлении в ходе ликвидации гетто в Лахве см. Y. Suhl (ed.), *They Fought Back*, pp. 165–7 и S. Cholawsky, *The Jews of Bielorrussia*, pp. 193–8.
114. INRW Zbior Zespolow Szczatkowych Jednostek SS i Policji — Sygnatura 77, р. 7. *Generalkommissar* Воылини-Подоллии *Reichskommissar'y* Украины, 25 августа 1942 г. Впоследствии это и произошло (напр., в Лахве и Иваново): см. ZSL 204 AR-Z 393/59 Vol. II, pp. 173–94 и 418–19 W. R. 18 декабря 1961 г. и 14 мая 1962 г.

115. BA R 6/243, pp. 20–2.
116. INRW Zbiór Zespołów Szczałkowych Jednostek SS i Policji — Sygnatura 77, pp. 8–9 *Generalkommissar* Волины-Подоллии аванпостам СД в Бресте, Пинске, Староконстантинове и Каменец-Подольске, 31 августа 1942 г. О пренебрежении к неисчезающей потребности в еврейских работниках см. также S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 173.
117. См., напр., BA R 94/6 рапорт Городского комиссара Бреста, 27 августа 1942 г.
118. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 178. О распоряжении еврейской собственностью см., напр., Брестский архив 195–1—300, p. 11 *Gebietskommissar* Бреста всем районным руководителям, 14 ноября 1942 г.
119. ZSL 204 AR-Z 393/59 Vol. II, pp. 173–94 W.R. 18 декабря 1961 г. R. упоминает о том, что в первый день акции в Пинске на заместителя *Gebietskommissar*'а, Е., напал некий еврей, который был застрелен Е. из его пистолета.
120. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 179–80. Об участии местной милиции в подобных облавах см. также D. K. Huneke, *The Moses of Rovno*, pp. 55–6.
121. S. Spector, «The Jews of Volhynia», 164–5. M. Gilbert, *The Holocaust*, p. 467 пишет о 300 беглецах в ходе этой облавы.
122. ЖА 1182–1—6 p. 163; ZSL 204a AR-Z 135/67; ZSL UdSSR 245c, pp. 281–2.
123. J. Noakes и G. Pridham (eds), *Nazism 1919–45*, Vol. 3, Doc. 823, pp. 1100–1, Nuremberg Document PS-2992. Также опубликовано в Martin Gilbert, *The Holocaust*, pp. 476–8. Полностью историю попыток Гребе спасти евреев см. в D. K. Huneke, *The Moses of Rovno*.
124. ГАРФ 7021–148—2 рапорт Saur'a 29 октября — 1 ноября 1942 г.; ZSL 204 AR-Z 393/59 Vol. II, pp. 173–94 W.R. 18 декабря 1961 г.
125. ГАРФ 7021–148—2, p. 346 9. Company/Pol. Rgt 15 недельный рапорт, 1 ноября 1942 г.
126. BA R 94/7 начальник жандармерии Брестской области, месячный рапорт, 8 ноября 1942 г. 20.000 евреев были «переселены» в Бресте 15–16 октября 1942 г.
127. WCU D9298; D9297.
128. AANW 202/III/7 t. 1, p. 187 сообщение польского подполья 252/A-I, 17 декабря 1942 г. Об активном участии местной полиции в последующих чистках см. также S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 176.
129. УКГБ Брестский архив, ед. хр. 350, pp. 27–30 допрос обвиняемого G.P.S. 12 января 1946.
130. О распоряжении еврейской собственностью см. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», pp. 266–70; см. также *Memorial Book of Glebokie*, p. 67.
131. ЖА 1151–1—138 официальная публикация *Generalkommissar*'а Житомира, p. 12; ЖА 1182–1—6, p. 171 *Gebietskommissar* Казатина на пост жандармерии, 15 мая 1942 г.
132. INRW SWO 12, сообщение A.W.
133. ГАРФ 7021–148—3, p. 7 приказ SSPF Волины-Подоллии, 25 октября 1942 г.; *Memorial Book of Glebokie*, p. 68.
134. BA R 94/7 начальник жандармерии Брестской области, 8 ноября 1942 г.
135. Заявление советских представителей на суде над I.P. в Австралии.

136. Оригинал находится в Историческом музее Слонима.
137. С. Browning, *Ordinary Men*, pp. 121–32.
138. ЖА 1182–1—36, pp. 275–8 и р. 214: SSPGF Ружина, месячный рапорт за октябрь, 5 ноября 1942 г. и месячный рапорт за сентябрь, 4 октября 1942 г.; ЖА 1182–1—6, р. 165 SSPGF Казатина — СД Бердичева, 13 марта 1942 г.
139. INRW SwSz 68 сообщение обвиняемого F.N.
140. Брестский архив 995–1—4, р. 396.
141. WCU S119A.
142. УКГБ Бреста File № 3431.
143. ГАРФ 7021–148—2 р. 347 11./Pol. Rgt 15 рапорт за период 8–14 ноября 1942 г.
144. BA R 94/8 начальник жандармерии Брестской области, 4 февраля 1943 г.
145. BA R 94/7 начальник жандармерии Брестской области, 8 ноября 1942 г.; см. также ГАРФ 7021–148—2, р. 345 Рапорт of 10. Co./Pol. Rgt 15, 26 октября 1942 г.
146. BA R 94/7 начальник жандармерии Брестской области, 5 декабря 1942 г. См. также ГАРФ 7021–148—2, pp. 390–1 9./Pol. Rgt 15 рапорт от 15 октября 1942 г., где отмечается, что местное население активно вовлечено в поимку сбежавших евреев.
147. УКГБ Минск, дело A.S., pp. 19–22 P.P.D. 12 апреля 1950 г.; см. также D. Budnik и Y. Kaper, *Nothing is Forgotten*, р. 101 о доносах и грабежах в Киеве.
148. *Memorial Book of Kobrin*, р. 391–2.
149. Dorking, Освальд Руфайзен, 23 февраля 1996 г.
150. Dorking, Регина Бедынска, 28 февраля 1996 г. Об облавах на поляков в Мире см. также Освальд Руфайзен 23–8 февраля 1996 г. и ZSL 2 AR-Z 16/67 Vol. VIII, W. G. 24–5 июля 1969 г.
151. A. Galinski, «The extermination of the Polish intelligentsia in the summer of 1942 in the Novogrodek area (problems of investigation)», pp. 188–9. Эта написанная по-польски статья получена от А. Галинского в Лодзинском отделении Главной Польской комиссии в 1993 г. ГАРФ 7021–81—102, pp. 99–101 отчет Советской Чрезвычайной комиссии о Несвиже, 4 апреля 1945 г.
152. A. Galinski, «The extermination of the Polish intelligentsia», р. 188.
153. A. F. Vysotsky et al., *Nazi Crimes in Ukraine*, pp 156–7; 270 пациентов психиатрической клиники было убито 28 октября 1941 г., BA R 58/219 EM 135 19 ноября 1941 г. О создании газовых камер см. M. Beer, «*Die Entwicklung des Gaswagen*», pp. 403–17.
154. WCU D9317.
155. О Хойниках см. ZSL дело против Ермольчика (Krüger) и OSI дело против Василия Антипенко; C. Ashman и R.J. Wagman, *The Nazi Hunters*, р. 308.
156. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp 173–4.
157. ZSL II 202 AR-Z 228/59 pp. 6624–44 G. R. 25 ноября 1964 г.
158. BA R 19/121, р. 655 численность KdG Житомира на 15 июня 1942 г. — 3709 шуцманов и 766 жандармов; BA R 19/122 KdG Луцка на 25 ноября 1942 г. 9553 шуцмана и 954 жандарма; S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, р. 175. К 1943 г. это отношение превысило 10 к 1, см. OAM 1323–2-267 Рапорт Daluge

о численности и операциях полиции в 1942 г., 1 февраля 1943 г. В это время 5860 человек из *Schutzpolizei* и 9093 жандарма отвечали за 253.004 члена *Schutzmannschaft Einzeldienst*, включая местных пожарных, водную полицию и прочие вспомогательные силы.

159. C. Browning, *Ordinary Men*, p. 128.

160. WCU J.L. 8 сентября 1988 г.

161. S. Spector, «The Jews of Volhynia», p. 160.

162. PUST № 2792 Мемуары лейт. Миколая Балыша (Mikolaj Balysz) (Заглава); S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 238–43.

163. WCU I.K. 8 сентября 1988.

164. ZSL 202 AR-Z 228/59.

165. WCU V.N.K. 27 января 1989.

166. WCU N.S.L. 28 января 1989.

167. L. Berk, *Destined to Live*, p. 79; о силе семейной верности см. особенно S. Cholawsky, *The Jews of Bielorussia*, pp. 153, 223–4 и 299–300.

168. Брестский архив 995–1—7, p. 237 Рапорт жандармского капитана Айбнера (Eibner), 26 августа 1942 г.; см. также S. Cholawsky, *The Jews of Bielorussia*, pp. 85, 151–2 & 201–8.

169. П. Гольдштейн (P. Goldstein) в *Hoscha Memorial Book* (на идиш), pp. 71–2, цит. в S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 164.

170. BA R 94/7 начальник жандармерии Брестской области, 6 октября 1942 г.

171. ZSL 204 AR-Z 369/63 Vol. I, pp. 213–16.

172. WAST рапорты о потерях: Е. К., служивший в *Reiterabteilung I*, покончил с собой в октябре 1942-го в Томашовке, вскоре после антиеврейской акции в этом городе. Жандарм из Брестской области, J. L., покончил с собой в 1945 г.

173. BA NS 19/2566, pp. 51–2 Рапорт № 51 RFSS Гиммлера Гитлеру о последствиях партизанской войны с 1 сентября 1941 г. по 1 декабря 1942 г. Цит. также в R. Hilberg, *The Destruction of the European Jews*, vol. I, p. 390.

174. Encyclopaedia Judaica, vol. 15, p. 7 о 2000 евреев из Садков, которые были уничтожены в июне—июле 1942 г.; BA-MA RH 22/203 FK (V) 239 рапорт от 17 июня 1942 г. упоминает антиеврейскую акцию в Лохвице под Полтавой 12 мая 1942 г.; CDJC Paris, CCCLVIII-2 Рапорт Чрезвычайной Государственной комиссии об убийствах евреев Кисловодска в сентябре 1942 г. Эйнзацгруппой D.

175. C. Gerlach, «*Deutsche Wirtschaftsinteressen*», p. 19 — считает, что поздним летом 1943 г. около 20.000 евреев Минска, Лиды и Глубокого были уничтожены или депортированы; USHMM RG 53.002M, Reel 6 (БНАМ) 845–1—206, pp. 49–50. Приказ KdS *Weißruthenien* об акции в Слуцке, 5 февраля 1943 г. и p. 153 Отчета Чрезвычайной комиссии о Глубоком, 23 января 1945 г. Минское гетто было ликвидировано 21 октября 1943 г.: H. Smolar, *The Minsk Ghetto*, p. 143

6. Местная администрация и эксплуатация. 1941–1944 гг.

1. УКГБ Минск, ед. хр. № 1677, Уголовное дело 34307.
2. Ibid.
3. Ibid.; см. также ед. хр. № 19165 с аналогичными свидетельствами.
4. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», p. 113.
5. Ibid., pp. 116–21; W. Wilenchik, *Die Partisanenbewegung in Weißrußland*, pp. 234–5.
6. T. Mulligan, *The Politics of Illusion and Empire*, p. 63; J. A. Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, pp. 67–70. Представители фракции ОУН Мельника занимали ряд руководящих позиций в Житомирской области.
7. A. Dallin, *German Rule in Russia*, p. 87.
8. T. Mulligan, *The Politics of Illusion and Empire*, p. 64.
9. A. Dallin, *German Rule in Russia*, p. 102.
10. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», pp. 59–62.
11. Смелость Гребе едва не обратилась против него самого, когда американские следователи отказывались верить, что он смог пересечь Европу на собственном транспорте не будучи шпионом или крупным нацистским функционером: D. K. Huneke, *The Moses of Rovno*, pp. 121 и 160.
12. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», pp. 71–2.
13. УКГБ Брестский архив, ед. хр. 154-Н, дело № 6, pp. 11–12 Е. Е. 18 апреля 1946.
14. A. Dallin, *German Rule in Russia*, p. 352.
15. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», p. 115.
16. Ibid., pp. 74–5.
17. T. P. Mulligan, *The Politics of Illusion and Empire*, pp. 93–105; B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», pp. 140–2; A. Dallin, *German Rule in Russia*, pp. 344–51; J. A. Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, pp. 86–7.
18. J. A. Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, p. 117; NAW RG 238, T-175, roll 235 Meldungen aus den besetzten Ostgebieten № 7, 12 июня 1942 г.
19. BA Berlin R 94/4b пресс-релиз *Reichskommissar'a* Коха от 21 июня 1943 г.; о дискуссии Коха и Розенберга о закрытии всех школ выше начального уровня осенью 1942 г. см. T. Mulligan, *The Politics of Illusion and Empire*, pp. 65–6.
20. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», p. 211.
21. USHMM RG 53.002M, reel 5 (БНАМ) 655–1–3, pp. 21–59 *Tätigkeits- u. Lagebericht der Einsatzgruppe B* 15 ноября — 15 декабря 1942 г.
22. Школьные здания были заняты полицией (напр., в Селовичах под Несвижем): см. УКГБ Минск ед. хр. 1919, уголовное дело 35324, pp. 36–7 и в Яремичах, см. WCU D7557; B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», p. 225.
23. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», pp. 56–7; H.-H. Wilhelm, *Die Einsatzgruppe A*, pp. 423–4 — также отмечает отрыв от реальности у представителей оккупационных сил, начиная с 1942 г.
24. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», p. 76.
25. NAW (BDC) SSO Карл Ценнер (Carl Zenner); о роли еврейских партизан в нападении на Коссово см. L. Eckmann and C. Lazar, *The Jewish Resistance*, p. 154.

26. USHMM RG 53.002M, reel 3 (БНАМ) 389—1—1 KdO Минска, дневной приказ № 10, 8 июля 1942 г. и приказ № 14, 1 июля 1943 г.
27. USHMM (ЖА) 1151—1—36 приказ *Reichskommissariat'a* Украины, 21 июля 1942 г.
28. N. Tec, *In the Lion's Den*, p. 105; *Memorial Book of Glebokie*, p. 60 — указывает, что связь немца с еврейской девушкой из Глубокого имела роковые последствия для этой девушки и других евреев. См. также Н.-Н. Wilhelm, «Hitlers "Europäische Neuordnung"», p. 293.
29. USHMM RG 53.002M, reel 4 (БНАМ) 389—1—7, p. 12 Рапорт об инциденте с Oberwachtmeister'ом Отто Вернером (Otto Werner) на посту Старжина, 8 апреля 1944 г. Об аналогичных случаях пьянства на востоке см. также D. Pohl, *Von der «Judenpolitik» zum Judenmord*, p. 41.
30. *Memorial Book of Glebokie*, p. 116 — отмечает, что немцы торговали награбленным с евреями в нарушение собственных законов. Естественно, в случае поимки нарушителей наказание для еврея должно было быть значительно более тяжелым.
31. BA R 94/4b пресс релиз Reichskommissar'a Коха, 21 июня 1943 г.
32. J. Winter and J.-L. Robert (eds), *Capital Cities at War*, pp. 494–6. 33» BA R 94/7 рапорт комиссара Брестской области, 24 февраля 1942 г.
34. BA R 94/6 рапорт SSPF Бреста, 15 августа 1942 г.
35. H. Smolar, *The Minsk Ghetto*, p. 18 — отмечает, что евреи Минска начали обменивать с крестьянами одежду и домашнюю утварь с самого начала оккупации; USHMM RG 53.002M, reel 5 (БНАМ) 655—1-3, pp. 21–59 *Tätigkeits- u. Lagebericht der Einsatzgruppe B* 15 ноября — 15 декабря 1942 г.; USHMM (ЖА) 1151—1—36 приказ *Generalkommissar'a* Житомира, 30 января 1943 г.
36. BA R 94/7 рапорт комиссара Брестской области, сельскохозяйственный отдел, 22 октября 1942 г. О большом объеме контрабанды в гетто и бартерных операций с местными крестьянами несмотря на ограничения, см. S. Specter, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 133–4.
37. BA R 94/8 рапорт комиссара Брестской области о ситуации с трудовой повинностью в мае 1943 г., 24 мая 1943 г.
38. USHMM RG 53.002M, reel 5 (БНАМ) 658—1—3, p. 180 приказ KdG Житомира 23/43; см. также B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», p. 191.
39. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», p. 122.
40. ЖА 1182—1—36, p. 277 начальник СС и полиции округа Ружин, месячный рапорт за октябрь 1942 г., где упомянуты жандармы, эскортировавшие перевозки скота.
41. BA R 6/310, pp. 30–2 рапорт *Generalkommissar'a* Житомира о продовольственном снабжении и сельскохозяйственной политике, 3 июня 1942 г.
42. BA R 94/5 инструкции и официальный циркуляр *Generalkommissar'a* Николаева — отдел продовольственного снабжения и сельского хозяйства. Приказ *Generalkommissar'a* Николаева, 21 августа 1942 г.
43. WCU D7559.
44. O. Figes, *A People's Tragedy*, p. 46.
45. ГАБ Винница, дело I.V.K. и еще троих, pp. 120–1 K.I.K. 15 марта 1950 г.
46. УКТБ Брестский архив ед. хр. 7627 V.I.G. 31 августа 1947.
47. A. Dallin, *German Rule in Russia*, p. 83.

48. ЦГАК 3206–2—193, pp. 8–9; ЖА 1465–1—6, pp. 1334 предписание *Reichskommissar*'а Коха против нарушения контракта, браконьерства рабочих и завышения зарплаты, 20 декабря 1942 г.

49. WCU D8670.

50. BA Berlin R 94/7 рапорт комиссара Брестской области, сельскохозяйственный отдел, 22 октября 1942 г.

51. NAW R 238, T-175, roll 235 *Meldungen aus den besetzten Ostgebieten* № 13, 24 июля 1942 г. BA R 6/310, pp. 33–6 Рапорт *Generalkommissar*'а Житомира о трудовой политике, 3 июня 1942 г., указывает, что 40.000 человек были к этому моменту депортированы из *Generalkommissariat*'а Житомира.

52. ЖА 1452–1—2, p. 62 начальник СС и полиции округа Ружин — жандармским постам округа Ружин, 30 января 1943 г. О беспардонных методах, использовавшихся для насильственной вербовки см. также W. Wilenchik, «Die Partisanenbewegung im Weißrußland», pp. 204–5.

53. Насильственная вербовка была организована по возрастным группам, как о том свидетельствуют списки угнанных на работу в Германию и возвратившихся оттуда, составленные советской Чрезвычайной комиссией: см., напр., ГАРФ 7021–54—1336 и 1252.

54. ЖА 1511–1—1, p. 32 начальник СС и полиции Коростеня всем постам жандармерии, 31 мая 1943 г.

55. ЖА 1511–1—1, p. 32 в приказе начальника СС и полиции Коростеня всем постам жандармерии, 17 июня 1943 г.; см. также ЖА 1182–1—23, p. 521 *Reichskommissar* — HSSPF Пруцману (Prutzmann) в Киев; предостережение от чрезмерных избиений местного населения, 12 августа 1942 г.

56. WCU D9229.

57. BA R 94/8 рапорт комиссара Брестской области за май 1943 г., 24 мая 1943 г.

58. УКГБ Брестский архив ед. хр. 466 т. 3, pp. 198–202 I.G.M. 3 января 1991.

59. USHMMA RG-53.002M, reel 5 (БНАМ) 845–1-6, pp. 54–6 Рапорт Чрезвычайной комиссии по Несвижскому району, 4 февраля 1945; ГАРФ 7021–81—123 сведения о депортации по Несвижскому району.

60. J. Schlootz (Hrsg.), *Deutsche Propaganda in Weißrußland*, p. 55; ГАБ Винница дело I.S.K. и еще троих; pp. 42–4 A.A.N. 13 декабря 1949 г.

61. BA R 94/17 рапорт о ситуации Генерального комиссариата Волыни-Подолии, 30 апреля 1943 г. См. также BA Berlin R 6/307 рапорт о ситуации Генерального комиссариата Николаева за май 1942 г.

62. BA R 94/7 рапорт комиссара Брестской области, отдел труда, 25 ноября 1942 г.

63. BA R 94/8 рапорт о ситуации комиссара Брестской области за май—июнь 1943 г., 24 июня 1943 г.; см. также U. Herbert, *Fremdarbeiter*, p. 165.

64. BA R 94/7 рапорт комиссара Брестской области, отдел труда, 25 ноября 1942 г.

65. USHMMA RG 53.002M, reel 5 (БНАМ) 655–1—3, pp. 26–7 немецкий перевод советской агитационной листовки.

66. K. Heuer, «Die Region: Definitionsversuche, Aufgabenstellungen, Beispiele und Erfahrungen» в F. Dorn, K. Heuer (Hrsg.), «Ich war immer gut zu meiner Russin», p. 48.

67. K.-J. Siegfried, *Das Leben der Zwangsarbeiter*, p. 174.
68. F. Dorn, S. Rupp и A. Sahn, «*Die verlorenen Jahre in Deutschland: Annäherungen an die Geschichte der Zwangsarbeit aus dem Erleben der Leidtragenden als Aufgabe der evangelischen Erwachsenenbildung*» в F. Dorn и K. Heuer (Hrsg.), «*Ich war immer gut zu meiner Russin*», p. 217.
69. K.-J. Siegfried, *Das Leben der Zwangsarbeiter*, p. 172.
70. U. Herbert, *Fremdarbeiter*, p. 161 цит. по BA R 41/269.
71. R.E. Herzstein, *The War that Hitler Won*, pp. 21–2.
72. CDJC CDXXXVI-46 Рапорт областного комиссара Слонима (Erren) от 26 сентября 1942 г.
73. УКГБ Брестский архив ед. хр. 23552, Уголовное дело К.М.В. и М.Е.Н., pp. 47–8 М.Е.Н. 20 ноября 1945 г.
74. БНАМ 370–6—48 рапорты о немецкой пропаганде и материалы из Барановичского района за 1943 г.
75. БНАМ 370–6—48, p. 100 немецкий агитационный призыв к партизанам.
76. BA R 94/7 рапорт комиссара Брестской области, сельскохозяйственный отдел.
77. БНАМ 370–6—48, p. 41 немецкий перевод советской агитационной листовки, 1943 г. Об акции в Лядках см. гл. 7.
78. USHMM RG-53.002M, reel 5 (БНАМ) 845–1—6, pp. 54–6 Рапорт Чрезвычайной комиссии по Несвижскому району, 4 февраля 1945.
79. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», pp. 84–96; о грабеже немцами культурного наследия см. также L.H. Nicholas, *The Rape of Europa*, pp. 185–201.

7. Партизанская война. 1942–1944 гг.

1. B. Chiari, «*Die Büchse der Pandora*», pp. 1–2; B. V. Sokolov, «*The Cost of War*», pp. 171–2 — оценивает невозвратимые потери гражданского населения СССР во Второй Мировой войне в 16.9 миллионов человек. Он подчеркивает, что в это число входят жертвы советских депортаций, репрессий против коллаборационистов, боевых потерь, умершие от холода, голода и болезней, а также потери в результате немецкой политики геноцида и антипартизанских репрессий. C. Gerlach, «*Deutsche Wirtschaftsinteressen*», — пишет о 376.362 депортированных в Германию и о 340.000 крестьян и беженцев — жертвах антипартизанских действий немцев в Белоруссии.
2. В связи с этим см. особенно приказ Команданта *Weißruthenien* осенью 1941 г., USHMM RG 53.002M, reel 2 (БНАМ) 378–1-698. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 274–5, — подчеркивает малый масштаб и неэффективность действий советских партизан в 1941 г.
3. «В июле 1942 г. по немецким оценкам окруженцы и сбежавшие военнопленные составляли до 60% всех партизан»: E. Ziemke, «*Composition and Morale*», p. 144.
4. BA R 94/8 комиссар Брестской области, 16 октября 1943 г. Согласно его оценкам, к этому времени треть территории области контролировалась партизанами; см. также S. Cholawsky, *The Jews of Bielorrussia*, p. 53.

5. На англ. яз. см. J. A. Armstrong (ed.), *Soviet Partisans in WWII* и M. Cooper, *The Nazi War against Soviet Partisans*; оба исследования сосредоточиваются главным образом на территориях с военной администрацией. Самое полезное исследование: W. Wilenchik, «*Die Partisanenbewegung in Weißrußland*».

6. WCU D9145.

7. BA R 6/27, p. 57 Минск, рапорт о ситуации с партизанами, 1 июня 1942 г.

8. Dorking, Освальд Руфайзен, 23 февраля 1996 г.

9. SAL IV K 79/64, pp. 146–52 Josef Marchwinski, «The criminals came from the West».

10. WCU D9145.

11. БНАМ 3500–4–305, p. 20 рапорт о партизанах от 21 июня 1942 г.

12. WAST рапорты о потерях сил жандармерии Вольныи-Подоллии.

13. INRW SWGd 73, pp. 292–3 L.F.N. 18 июня 1968 г.

14. ZSL UdSSR 412, Bild 565–6 приказ BdO Украины, 9 сентября 1942 г.

15. *Unsere Ehre heißt Treue*, pp. 237–9 рапорт о деятельности SS *Uscharf*. Lipps в Вилейке, 27 мая 1942 г.

16. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 111.

17. ZSL 2 AR-Z 16/67, Vol. VIII W. L. 13 мая 1970 г.

18. О нападении 9 июня 1942 г. см. гл. 5; BA R 6/354 совещание Главного штаба в *Reichskommissariat'e Ostland* 16 июня 1942 г.

19. BA R 19/266 численность шутцманства, 1 июля 1942 г.; SAM 1323–2—267 Рапорт Daluge о численности и операциях полиции в 1942 г., 1 февраля 1943 г. Приведена численность *Schutzmannschaft Einzeldienst* (городских и сельских) — 253.004 человека, но в это число включены местные пожарные, водная полиция и прочие вспомогательные силы, подчиненные полиции охраны порядка.

20. См. гл. 4.

21. Брестский архив 995–1—4, p. 169 рапорт поста жандармерии Мир, 23 июля 1942 г. О прочих деталях инцидента см. INRW SWKsz 43.

22. ГАРФ 7021–148—365, p. 8 приказ *KdG Weißruthenien*, 6 июля 1942 г.

23. USHMM RG 53.002M, reel 5 (БНАМ) 658–1—2, p. 65 приказ *KdG* Житомира 3/42, 5 мая 1942 г.

24. PAAA Inl. IIg/431, 226721–42 Рапорт о деятельности и ситуации № 10, 1–28 февраля 1942 г.

25. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 277; H. Smolar, *The Minsk Ghetto*, p. 35.

26. WCU D9145.

27. WCU D719A.

28. УКТБ Минск ед. хр. 2018, уголовное дело 35371. На послевоенных судебных процессах многие из осужденных утверждали, что они таким образом помогали партизанам; как правило, такие заявления было затруднительно подтвердить, основываясь на свидетельских показаниях и партизанских документах.

29. См., напр., УКТБ Минск ед. хр. № 902, уголовное дело 35930 и ед. хр. 1631, уголовное дело 35994.

30. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», p. 202.

31. См. напр. BA NS 19/2715 рапорт фон Готтберга (v. Gottberg) об эвакуации, 31 августа 1944 г.; BA-MA RW 30/27, p. 52 диверсионные отряды Минска,

рапорт о партизанах за период 13 мая — 24 июня 1942 г.; W. Wilenchik, «*Die Partisanenbewegung in Weißrußland*», p. 253 n. 533.

32. W. Wilenchik, «*Die Partisanenbewegung in Weißrußland*», p. 250; S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 288–9 и 352.

33. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 256.

34. USHMM RG 53.002M, reel 4 (БНАМ) 389–1—5, p. 4 рапорт жандармерии поста Старжина 2 февраля 1944 г.; упомянут лагерь, в котором находилось около 700 евреев с семьями, причем у них было всего лишь около 70 единиц вооружения; S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 284–5.

35. L. Eckmann and C. Lazar, *The Jewish Resistance*, pp. 1512; см. также S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 143.

36. L. Eckman and C. Lazar, *The Jewish Resistance*, p. 234.

37. SAL IV K 79/64, pp. 146–52 Josef Marchwinski, «The criminals came from the West».

38. T. Richmond, *Konin: A Quest*, p. 308.

39. J. Kagan and D. Cohen, *Surviving the Holocaust*, p. 58.

40. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 166. О роли баптистов в спасении евреев Вольни см. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 243–4.

41. I. Aron, *Fallen Leaves*, p. 79; об антисемитизме крестьян этих мест см. также *Memorial Book of Glebokie*, p. 69.

42. N. Tec, *Defiance*, pp. 45 и 90–1; об еврейских гражданских лагерях см. также S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 278–82 и 327–38 и L. Smilovitsky, «Righteous Gentiles, the Partisans, и Jewish Survival», p. 317.

43. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 137. Примерно 200 евреям удалось вырваться во время бегства из Новой Свержени. Вскоре после этого евреи, оставшиеся в Столпце, были расстреляны: см. USHMM RG 53.002M, reel 4 (БНАМ) 389–1—4, PP–22–4 пост жандармерии Столпце, рапорты 30 января 1943 г. и 5 февраля 1943 г. О бегстве см. также YV 03/3876 свидетельство M. Jalowsky и 016/168 свидетельство Bert Manta: очевидно, что далеко не все евреи были готовы бежать и многие опасались последствий.

44. YV 016/168 свидетельство Bert Manta.

45. J. Kagan and D. Cohen, *Surviving the Holocaust*, p. 66; см. также N. Tec, *Defiance*, pp. 97 и 103. W. Wilenchik, «*Die Partisanenbewegung in Weißrußland*», pp. 251–2 — утверждает, что в районе Неман-Щара (Налибокский лес) у 716 еврейских партизан отношения с местными белорусскими крестьянами были лучше из-за предпочтения, оказываемого немцами полякам.

46. J. Kagan and D. Cohen, *Surviving the Holocaust*, pp. 89–90.

47. L. Eckmann and C. Lazar, *The Jewish Resistance*, pp. 53–4; S. Cholawski, *The Jews of Bielorrussia*, p. 27.

48. Брестский архив 995–1—4, p. 407 рапорт жандармского поста Мир, 13 ноября 1942 г. Там же имеется ряд аналогичных рапортов из округа Мир: например, об атаке на поместье Уша 23 и 30 октября 1942 г. и на поместье Обрына 25 и 31 октября 1942 г. (см. 995–1—4, pp. 296, 324–5 и 332).

49. ГАРФ 7021–148—2, pp. 342–3 11. Со./Pol. Rgt 15 рапорт, 30 сентября 1942 г.

50. ГАРФ 7021–148—2, p. 133 9. Со./Pol. Rgt 15 специальный рапорт, 28 сентября 1942 г.

51. ГАРФ 7021-148-2, р. 147 полиция безопасности Бреста — *KdS* Ровно, 5 октября 1942 г.
52. ГАРФ 7021-148-2, р. 344 11. Со./Pol. Rgt 15 рапорт, 9 октября 1942 г.
53. ГАРФ 7021-148-2, р. 363 9. Со./Pol. Rgt 15 недельный рапорт 8 ноября 1942 г. и 7021-148-3, р. 21 оперативный приказ № 6 *SSPF* Воыни-Подолии 5 октября 1942 г.
54. ГАРФ 7021-148-2, р. 148 СД Бреста — *KdS* Ровно, 14 октября 1942 г.
55. WCU D7341.
56. УКГБ Гродно ед. хр. 1073, уголовное дело 34821, pp. 94-6.
57. WCU D3619.
58. WCU S119A.
59. ГАРФ 7021-148-316, pp. 3-4 Рапорт в *KdG* Минска о столкновении с бандитами в Лядках 13 января 1943 г., упоминающий о гибели лейтенанта жандармерии Штейнера 16 января 1943 г. Об убийстве германского офицера см. также соответствующие партизанские сообщения в БНАМ 3500-4-263. Здесь также упоминается о присутствии немецкого самолета, который вскоре после этого атаковал деревню Лядки.
60. WCU D3622.
61. WCU D7341; УКГБ Гродно ед. хр. 1078, уголовное дело 34821, р. 46.
62. WCU D7341.
63. WCU 93/1; ГАРФ 7021-81-102, р. 98 доклад Чрезвычайной комиссии о районе Мира сообщает, что из 6500 жителей города Мир перед войной в 1945 г. осталось лишь 1850. Тот же масштаб потерь среди гражданского населения, главным образом в результате деятельности немецкой полиции и ее пособников, — в районах вокруг Бреста, см. БНАМ 4290-2-25, pp. 11-12.
64. P. Kohl, «*Ich wundere mich, daß ich noch lebe*», pp. 106-9.
65. БНАМ 370-1-1880 оперативный приказ к «Операции Герман», 7 июля 1943 г.
66. БНАМ 370-1-1880 боевой рапорт «Операции Герман», 20 августа 1943 г. Среди рекомендаций содержится указание на необходимость сеток от комаров в случае ночевки на открытом воздухе. Обзор результатов широко-масштабных операций (подобных «Операции Герман») см. в J. Schlootz (Hrsg.), *Deutsche Propaganda in Weißrußland*, p. 45.
67. WCU D1768; см. также D3589 и Dorking, Валентина Кеда, 18 марта 1996 г.
68. BA BDC SSO боевой рапорт Ганса Зиглинга (Hans Siegling) об «Операции Герман», 20 июля 1943 г.
69. YV 016/159 Эстер Городейска (Ester Gorodejska) (на польском яз.) 9 августа 1945 г. О еврейской составляющей «Операции Герман» см. также N. Tes, *Defiance*, pp. 108-25.
70. J. Kagan and D. Cohen, *Surviving the Holocaust*, p. 174.
71. ГАРФ 7021-148-2, pp. 57-8 рапорт начальника областной жандармерии Бреста, 22 августа 1942 г.
72. INRW SWB 272, pp. 17-22 F. M. 15 августа 1957 г.
73. WCU D720.
74. INRW SWB 253, pp. 54-9.
75. Ibid., pp. 63-6.

76. УКТБ Брестский архив ед. хр. 6258, уголовное дело 1230, pp. 19–23 N.S.K. 13 апреля 1945 г.
77. УКТБ Минск ед. хр. 5324, уголовное дело 35496, pp. 57–62 M.S.R. 17 мая 1949 г.
78. INRW SWB 254, p. 374 S.M. 9 июля 1965.
79. УКТБ Брестский архив ед. хр. 3977, уголовное дело 18, pp. 30–4 P.V.T. 26 февраля 1947.
80. УКТБ Минск ед. хр. 2018, уголовное дело 35371, показания Р.А.М. на суде над ним 3 февраля 1949 г.
81. INRW SWKsz 73, pp. 322–6 D.F.M. 12 января 1969 г.
82. См., напр., INRW SWB 256, p. 128 J.C. 11 мая 1962 г.
83. WCU D719A.
84. USHMM RG 53.002M, reel 4 (БНАМ) 389–1—3, p. 124 приказ *KdO Weißruthenien* о создании и укреплении полицейских постов, 11 ноября 1942 г. Аэрофотоосъемка Мира в 1944 г. отчетливо демонстрирует земляные укрепления, построенные в последний период оккупации.
85. WCU D4355.
86. УКТБ Гродно ед. хр. 20394, уголовное дело 1030, pp. 114–22 A.V.K. 21 июля 1949 г.
87. УКТБ Бреста уголовное дело 3632, pp. 41–4 I.V.L. 19 июля 1948.
88. УКТБ Минск ед. хр. 1631, уголовное дело 35994.
89. PAAA Inl. IIg/431 рапорт о деятельности и ситуации № 10, 28 февраля 1942 г.
90. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», p. 58.
91. BA R 6/15, pp. 108–21 Письмо Ганса фон Гомайера (Hans von Homeyer) рейхсминистру Розенбергу, 15 октября 1943 г. О лучшем обращении вермахта в сравнении с полицией и гражданской администрацией см. также A. Dallin, *German Rule in Russia*, p. 73, n. 1.
92. BA R 6/354, p. 144 письмо рейхсминистра оккупированных восточных территорий рейхскомиссару Коху, 6 марта 1944 г.
93. BA NS 19/2715 рапорт фон Готтберга (v. Gottberg) об эвакуации, 31 августа 1944 г.
94. BA Dahlwitz-Hoppegarten ZB 984 жалоба на отсутствие продвижения, 24 мая 1943 г. См. также USHMM (ЖА) roll 3 1151–1—138 где говорится о больших потерях жандармерии *Generalkommissariat'a* Житомира зимой 1942–43 гг.
95. БНАМ 370–1—1262, pp. 147–58 наставление полковника Клепша (Klepsch) о шуцманстве, 10 апреля 1943 г.
96. Такое впечатление возникает из сообщений о потерях шуцманов, зафиксированных в дневных приказах *KdO* Минска с лета 1942 г. по осень 1943 г. USHMM RG 53.002M, reel 3 (БНАМ) 389–1—1.
97. Доступ в бывшие советские архивы, особенно к огромному собранию документов, касающихся партизан, ранее хранившемуся в бывших партийных архивах, без сомнения должен привести к коренной переоценке советского партизанского движения на основе критического изучения этих источников. Я ознакомился лишь с небольшой частью этого материала, непосредственно касающейся моей темы.

98. О партизанской войне в период революции см., напр., O. Figes, *A People's Tragedy*, pp. 417, 569, 599–600, 662 и 768.
99. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 283.
100. W. Wilenchik, «Die Partisanenbewegung in Weißrußland», pp. 151 и 262–3.
101. O.A. Zarubinsky, «The “Red” Partisan Movement in Ukraine», p. 408.
102. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 310.
103. WCU D9145.
104. WCU D8675.
105. INRW SWGd 76, pp. 956–67 A.G. 11 июня 1970.
106. J. Kagan and D. Cohen, *Surviving the Holocaust*, pp. 66–7.
107. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 166.
108. L. Berk, *Destined to Live*, p. 130.
109. О недисциплинированности партизан и эксцессах в их среде см. также БНАМ 3705–1–11.
110. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 131.
111. Я благодарен J. Kagan'у, привлечшему мое внимание к этому обстоятельству. Он обнаружил документы, свидетельствующие о крупных хранилищах картофеля для партизан в Налибокских лесах. См. также USHMM RG-02 133 «From the Lida Ghetto to the Bielski Partisans», Liza Ettinger, p. 52. Она была послана в заброшенный город Налибоки для сбора картошки для партизан.
112. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 128; см. также N. Tec, *Defiance*, pp. 170–5.
113. L. Berk, *Destined to Live*, pp. 116–24 — тем не менее, с большим сомнением относится к первым партизанским соединениям; S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 263–4, 321, 326 и 330.
114. J. Kagan and D. Cohen, *Surviving the Holocaust*, p. 86; L. Eckman and C. Lazar, *The Jewish Resistance*, p. 231; W. Wilenchik, «Die Partisanenbewegung in Weißrußland», pp. 279–82.
115. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, pp. 168–9; W. Wilenchik, «Die Partisanenbewegung in Weißrußland», p. 290.
116. L. Eckmann and C. Lazar, *The Jewish Resistance*, pp. 220–3 свидетельство Сары Рубинович-Шифф.
117. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 97.
118. B. Chiari, «Deutsche Herrschaft», p. 296.
119. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 112.
120. БНАМ 3500–2—43 цит. в B. Chiari, «Deutsche Herrschaft», p. 79; о деморализации немцев см. также H. Smolar, *The Minsk Ghetto*, p. 138.
121. ЖА, 1182–1–29, p. 60. SSPGF Казатина, дневной рапорт за 29 сентября 1943 г. и 30 сентября 1943 г.
122. ЖА 1182–1–26, pp. 121–31.
123. W. Wilenchik, «Die Partisanenbewegung in Weißrußland», p. 285.
124. Moreshet A 118 — свидетельство Хаима Рабиновича и A 120 — сообщение о героизме Мириам Гилимовской; H. Smolar, *The Minsk Ghetto*, p. 133; YV M-1/E 1000/892 Свидетельство E. M. Melamed.
125. БНАМ 3500–4—305 p. 41 и 3500–4-321, pp. 92–106.
126. БНАМ 3500–4—305 документы о «сталинской» бригаде, 1942–44 гг.

127. J. Kagan and D. Cohen, *Surviving the Holocaust*, pp. 186–7. Эти цифры, естественно, включают в себя и преимущественно еврейские отряды в Бялске и Зорине.

128. W. Wilenchik, «*Die Partisanenbewegung in Weißrußland*», p. 277; L. Smilovitsky, «Righteous Gentiles, the Partisans, и Jewish Survival» p. 318. Некоторые из тех, кто получил статус «партизана», присоединились к движению лишь в самом конце из шкурных соображений.

129. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 323.

130. O. A. Zarubinsky, «The “Red” Partisan Movement in Ukraine», pp. 404–13, — сообщает о 12.286 «красных» партизан, действовавших в составе пяти соединений на Украине. Евреи составляли лишь 1.6% от этого количества, русские — 37% и украинцы — 46%; см. также J. A. Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, pp. 94–102.

131. W. Wilenchik, «*Die Partisanenbewegung in Weißrußland*», pp. 224–8.

132. УКГБ Бреста уголовное дело 23552, pp. 39–42 М.У.Н. 3 ноября 1945.

133. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», pp. 290–1; S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 257.

134. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», pp. 282–6.

135. INRW SWSz 77, pp. 1697–1713 W.W. январь 1971 г., pp. 1736–71 J.R., показания в суде в январе 1971 г. и pp. 1840–4 B.L. 24 марта 1971 г.

136. INRW SWSz 69, pp. 96–7 B.B. 24 ноября 1962 г.

137. См., напр., H. Werner, *Fighting Back*, p. 155; YV E/459 свидетельство Якоба и Беллы Гринштейн (Jacob, Bella Grynshiteyn); B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», p. 293 п. 1309; S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 260–8 — отмечает, что хотя некоторых евреев польское подполье защищало, а некоторые и входили в него, многие были убиты польскими партизанами.

138. PUST Бюллетень Министерства внутренних дел, 26 августа — 10 октября 1942 г.

139. О попытках поляков спасти евреев см. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 248–51.

140. PUST сообщение Стефана Янски (Stefan Janski), который прослужил после войны десять лет в советских лагерях.

141. О сопротивлении поляков литовским акциям против польского большинства Вильнюсского района см. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», p. 292.

142. USHMM RG 53.002M, reel 4 (БНАМ) 389–1—4, p. 52 рапорт жандармского поста Столпце 11 июня 1943 г.

143. БНАМ 370–1—1880 оперативный приказ «Операции Герман» 7 июля 1943 и боевой рапорт 20 августа 1943 г.

144. PUST сообщение Ярослава Гасиевского (Jaroslaw Gasiewski).

145. S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto*, p. 162; B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», pp. 293 и 299–303; INRW SWZG 20–6, Vol. V, p. 958 обвинение Здислава Нуркiewича (Zdzislaw Nurkiewicz), командира «Польского легиона». АК относилась к Советам со все большей враждебностью после смерти генерала Сикорского летом 1943 г.: S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 261.

146. USHMM RG 53.002M, reel 4 (БНАМ) 389–1—5, p. 4 рапорт жандармского поста Старжина 2 февраля 1944 г. затрагивает историю Яна Хаштила (Jan Haschtila), польского партизана, дважды схваченного Советами и дважды сумевшего сбежать.

147. B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», p. 294.
148. INRW SWB 231, p. 66 J.J. 28 августа 1946 г.
149. PUST сообщение Ярослава Гасиевского (Jaroslaw Gasiewski); YV E/459 свидетельство Якоба и Беллы Гринштейн (Jacob, Bella Grynshyteyn); WCU D8675; B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», pp. 293–4. О конфликте польского подполья и советских властей, особенно касательно «включения» польских отрядов в состав Красной Армии при «освобождении», см. также K. Sword, *Deportation u Exile*, pp. 143–51.
150. BA R 6/369 *Gebietskommissar Wilna-Land*, рапорт 18 января 1944 г. О союзе с немцами см. также B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», pp. 299 и 304–5; W. Wilenchik, «*Die Partisanenbewegung in Weißrußland*», pp. 260–1.
151. PUST сообщение Стефана Янски (Stefan Janski); B. Chiari, «*Deutsche Herrschaft*», p. 297; о литовских эксцессах см. BA R 6/356 *Reichskommissariat Ostland*, рапорт, 11 мая 1944 г.
152. PUST № 2792 мемуары лейтенанта Миколая Балыша (Mikolaj Balysz) (Заглоба), бывшего АК коменданта Ковеля.
153. Несколько апологетический рассказ об украинском сопротивлении немцам см. W. Kosyk, *The Third Reich and Ukraine*. Более взвешенное изложение, документирующее, насколько это возможно, взаимоотношения между ОУН-М и ОУН-Б, см. в J. A. Armstrong, *Ukrainian Nationalism*. МНАР рапорт *Einsatzgruppe Schultz*, 12 мая 1944): согласно показаниям захваченных украинских партизан, в первую очередь их действия были направлены против поляков, затем — против русских, но в конечном итоге они стремились избавиться и от немцев, чтобы создать собственное государство.
154. Сообщения организации польского подполья см. в Бюллетенях, хранящихся в PUST и AANW 202/III/7–8.
155. J. A. Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, p. 104.
156. МНАР, рапорты *Einsatzgruppe Schultz*, 12 мая 1943 г. и 19 мая 1943 г.; PUST воспоминания майора Золосинского (Zolocinski) о деятельности во время войны подполковника Олива (Ян Войцех Киверский — Jan Wojciech Kiwerski), командира АК Волини; S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 269; J.A. Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, pp. 102, 106 и 115 — датирует начало дезертирства украинцев осенью 1942 г., с началом немецких репрессий.
157. PUST воспоминания майора Золосинского (Zolocinski) о деятельности во время войны подполковника Олива (Ян Войцех Киверский — Jan Wojciech Kiwerski).
158. МНАР рапорты *Einsatzgruppe Schultz*, 1943 г.
159. BA R 94/17 рапорт о ситуации *Generalkommissar'a* Волини—Подолии, 30 апреля 1943 г.
160. PUST № 2792 мемуары лейтенанта Миколая Балыша (Mikolaj Balysz) (Заглоба); S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 258–60.
161. D. Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung*, p. 376 — оценивает количество поляков, погибших в этих «этнических чистках» от 10.000 до более 100.000, хотя, по-видимому, реальное число убитых лежит где-то между этими значениями. M. Terles, *Ethnic Cleansing in Volhynia u Eastern Galicia*, p. 61 — говорит о более чем 100 000 жертвах.
162. PUST воспоминания майора Золосинского (Zolocinski) о деятельности

во время войны подполковника Олива (Ян Войцех Киверский — Jan Wojciech Kiwerski).

163. PUST № 2792 мемуары лейтенанта Миколая Балыша (Mikolaj Balysz) (Заглоба).

164. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 271–2; J.A. Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, p. 116.

165. L. Berk, *Destined to Live*, pp. 128–9.

166. БНАМ 370–1-487, pp. 102–7 рапорт о политической ситуации в Слонимском районе, 21 марта 1943 г.

167. WCU D717.

168. Yivo Occ/E3a/Bar. 15.

169. L. Berk, *Destined to Live*, p. xvii.

170. М. Cooper, *The Nazi War against Soviet Partisans, 1941–44*, pp. xii–xiii — упоминает об уничтожающем воззрении сэра Бэзила Лиддел Гарта и ряда других исследователей, включая «новейшие» оценки потерь немцев от действий советских партизан в 15–20.000 человек; J.A. Armstrong (ed.), *Soviet Partisans in WWII*, pp. 38–9 — «склонен заключить, что в узкой перспективе победы в войне роль партизанских действий сомнительна»; Е.М. Howell, *The Soviet Partisan Movement*, pp. 209–11 — считает успехи советских партизан «ограниченными». Все три комментатора, однако, согласны в том, что советские партизаны поднимали дух немецких солдат и преуспели в настраивании местного населения против немцев на многих оккупированных территориях.

171. W. Wilenchik, «Die Partisanenbewegung in Weißrußland», pp. 287–8; S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 339; Е.М. Howell, *The Soviet Partisan Movement*, pp. 201–2.

8. Послевоенные судьбы коллаборационистов и переживших войну евреев

1. USHMM RG-02.078*01 свидетельство Иды Школьник из Глубокого; когда она вернулась домой из леса, то нашла лишь пожарище: «Город был похож на город-призрак». Впоследствии, после четырех лет в итальянском лагере беженцев, она вместе с мужем в 1949 г. переселилась в Америку; М. Wyman, *DP: Europe's Displaced Persons*, p. 59 — указывает, что к декабрю 1945 г. границу западной зоны Германии еженедельно пересекало около 3000 евреев из Восточной Европы; L. Dinnerstein, *America and the Survivors* pp. 109–12; М. Gilbert, *Israel*, p. 147.

2. Брестский архив 995–1–3, vols 1 — 3.

3. МНАР HSSPF *Rußland Süd* 3, 4 & 8.

4. BA R 6/15, p. 135 приказ коменданта тыловой армейской области 585, 25 декабря 1943 г.

5. ЖА 1182–1-35, p. 70 приказ HSSPF Украины о местном шуцманстве, 9 февраля 1943 г.

6. Брестский архив 514–1–336, pp. 3–5 сообщение Чрезвычайной комиссии для Кобринского района, 11 января 1945.

7. УКТБ Минск ед. хр. № 154-Н, pp. 41–2 I.K.Y. 18 августа 1946.

8. WCU D9780.

9. ГАБ Винница — уголовные дела десяти полицейских из Гнивана, рассмотренные здесь по запросу SIU в ноябре 1991 г.

10. BA R 19/326, pp. 24–9 рапорты KdO Житомира, 6 апреля 1944 г. и 7 мая 1944 г.

11. См. *Befehlsblatt des Chefs der Ordnungspolizei*, № 39, 30 сентября 1944 г. о чинах украинских шуцманов при переходе в *Luftschutzpolizei* и также BA R 19/307, pp. 159–61 приказ RFSS 15 марта 1944 г., об обучении и интеграции украинцев, перешедших в ПВО и пожарную полицию.

12. В связи с расследованием, проводившимся SIU, в Ганновере были проверены записи регистрации жителей (*Einwohnermeldeamt*), в том числе исходные домовые книги, и записи о выдаче водительских прав.

13. WAST *Erkennungs-Marken Verzeichnis* полицейской администрации Ганновера, 7 августа 1944 г.

14. Подробнее см. материалы расследования в деле Николая Березовского, Аделаида (Австралия), 1992 г. Дело против Березовского о военных преступлениях было закрыто за недостаточностью улик. Защита признала, однако, что Березовский во время войны служил в украинском шуцманстве Гнивана.

15. ГАБ Кировоград — целый ряд советских уголовных дел Кировоградской области был изучен представителями SIU в 1991 г. и 1992 г.

16. BA R 19/333, pp. 139–40 приказ о роспуске и переформировании черноморского BdO, 25 августа 1944 г. Среди перечисленных частей — шуцманские отряды Николаева, Днепропетровска и Кривого Рога, а также жандармские части Николаева, Днепропетровска и Крыма. BA R 19/330, pp. 63–8 организация полицейского стрелкового полка 38, 24 июня 1944 г.

17. BA R 19/333, pp. 139–40 приказ о роспуске и переформировании черноморского BdO, 25.8.44; BA R 19/339, pp. 46–51 заключительный рапорт об оставлении Черного моря 1, 2 и 3, Румыния, 9 января 1945 г.

18. BA R 19/339, pp. 46–51 заключительный рапорт об оставлении Черного моря 1, 2 и 3, Румыния, 9 января 1945 г.; BA-MA RH 24/728 карта LXXII корпуса, 7 сентября 1944 г.; BA R 19/339, pp. 22–3 отход транспорта с личным составом Черного моря 2, 18 сентября 1944 г. См. также рапорты о потерях полицейского стрелкового полка 38 (WAST) от августа и сентября 1944 г.

19. BA-MA RH 24/72–48 карта LXXII корпуса, 16 ноября 1944 г.; рапорты о потерях полицейского стрелкового полка 38 (WAST) от августа и сентября 1944 г. и полицейского полка CC 8 от ноября 1944 г.

20. BA-MA RH 24/72–46, p. 587 секретный рапорт о визите в Дунафольдвар (Dunafoldvar), 13 ноября 1944 г.; RH 24/72–48 карта позиций LXXII корпуса, 16 ноября 1944 г.; WAST рапорты о потерях SS Police Rgt 8 в ноябре 1944 г.; BA-MA RH 24/72–46, p. 609 рапорт о визите в боевую группу Kesseo, 14 ноября 1944 г.; RH 24/72–45, p. 956; RH 24/72–49 карта позиций LXXII корпуса, 11 декабря 1944 г.

21. BA-MA RH 24/72–45, p. 981 Военный дневник LXXII корпуса, 13 декабря 1944 г.; см. также рапорты о потерях SS Police Rgt 8 (WAST).

22. Sta. Oldenburg 2 JS 138/68, Vol. I, pp. 92–101 V.E.M. 13 марта 1969 г.

23. INRW I Zh Kpp 50/93 W.W. 5 августа 1994 г.

24. УКГБ ед. хр. 14687, уголовное дело 36551, pp. 149–53 A.G.S. 18 сентября 1951 г.; см. также ГАРФ 7021–81–123, pp. 87–8 — запись о депортации той же самой женщины (A.G.S.), которая была замужем за полицейским Несвижа и 26 июня 1944 г. отбыла вместе с полицией в Восточную Пруссию.

25. ZSL 2 AR-Z 16/67 Vol. VI, pp. 1146–55 E.F. 13 марта 1969; BA-MA RS 3–30/2, 30 *Waffen Grenadier Div.* (russ. № 2) рапорт, 31 августа 1944 г.

26. ZSL 2 AR-Z 16/67 Vol. VI, pp. 1146–55 E.F. 13 марта 1969; BA (*Hoppegarten*) полицейское дело Макса Эйбнера (Max Eibner) из бывших архивов *Staatssicherheitsdienst*.

27. BA-MA RS 3–30/9 Div. Order № 3, 27 августа 1944 г.; USHMM RG 53.002M, reel 4 (БНАМ) 359–1—1, p. 39 *Waffen Grenadier Rgt SS 75* (russ. № 4), рапорт 3 января 1945 г. об убийстве во Франции Петерсона, (*Hauptmann der Schutzpolizei*) в августе 1944 г.

28. ZSL 2 AR-Z 16/67 Vol. VI, pp. 1146–55 E.F. 13 марта 1969 г.

29. УКГБ Бреста ед. хр. 8670, уголовное дело 36409, pp. 122–30 I.G.L. 27 июня 1951 г.

30. УКГБ Минск ед. хр. 14687, уголовное дело 36551, pp. 13–19 M.R. 17 мая 1948 г.

31. WAST рапорты о потерях 30 *Waffen Grenadier Div. der SS* в ноябре 1944 г.

32. BA-MA RH 20–19/129, p. 222 Военный дневник 19 Армии, 26 ноября 1944 г. и RH 20–19/136, p. 177 приложение к Военному дневнику 19 Армии, рапорт офицера Высшего командования Эйфеля (Eifel), 26 ноября 1944 г.

33. INRW SWGd 76, pp. 942–50 M.K. 10 июня 1970 г. Подробно об его дезертирстве см. WAST рапорты о потерях M.K. 27 ноября 1944 г. *Waffen Grenadier Rgt SS № 76 Schallstadt*, 6 декабря 1944 г.

34. УКГБ Брестский архив ед. хр. 8670, уголовное дело 36409, pp. 122–30 I.G.L. 27 июня 1951 г.

35. К 1952 г. приблизительно 90.000 поляков осталось в Великобритании, *War Crimes: Report of the War Crimes Inquiry*, pp. 36–7; к этому времени 10.487 бывших польских солдат переехали из Великобритании в США: L. Dinnerstein, *America and the Survivors*, p. 286.

36. K. Sword, *Deportation и Exile*, p. 86.

37. Около 50.000 бойцов Свободной Польской армии ранее служили в германских вооруженных силах, см. *War Crimes: Report of the War Crimes Inquiry*, p. 37.

38. INRW SWB 253–9, F.B. 21 февраля 1963 г.

39. УКГБ Брестский архив ед. хр. 7627 дело V.I.G. и K.K.R., 1947 г.; см. также ГАБ Винница дело I.V.K., 1950 г. и A.A.N., 1949 г.

40. B. V. Sokolov, «The Cost of War: Human Losses for the USSR и Germany», p. 169.

41. *War Crimes: Report of the War Crimes Inquiry*, pp. 38–40; L. Dinnerstein, *America and the Survivors*, pp. 192–4; D. Cesarani, *Justice Delayed*, pp. 85–92

42. *War Crimes: Report of the War Crimes Inquiry*, p. 36.

43. L. Dinnerstein, *America and the Survivors*, pp. 123–4, 198, 286. Евреи составляли около 16% DP-иммигрантов.

44. WCU D719B.

45. J. Kagan and D. Cohen, *Surviving the Holocaust*, p. 91. Сходное описание столкновения с отступающими немцами 6 июля 1944 г. см. L. Smilovitsky, «Righteous Gentiles, the Partisans, и Jewish Survival», p. 316.
46. N. Tec, *Defiance*, pp. 201–2.
47. L. Eckman and C. Lazar, *The Jewish Resistance*, p. 233.
48. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, pp. 359–61.
49. J. Kagan and D. Cohen, *Surviving the Holocaust*, pp. 97–8.
50. T. Richmond, *Konin*, p. 244; L. Dinnerstein, *America and the Survivors*, pp. 108–9; M. Gilbert, *The Holocaust*, pp. 816–19.
51. L. Dinnerstein, *America and the Survivors*, p. 285 — дает следующие цифры для основных мест, куда переселялись DP с помощью IRQ с 1 июля 1947 по 31 декабря 1951 г.: США — 302.000; Австралия — 176.000; Израиль — 136.000; Канада — 112.000; Великобритания — 104.000. Среди прочих — Южная Америка, Франция и Бельгия.
52. J. Kagan and D. Cohen, *Surviving the Holocaust*, p. 243.
53. J. Kagan and D. Cohen, *Surviving the Holocaust*, pp. 242–3; D. Budnik and Y. Kapar, *Nothing is Forgotten*, pp. 127–8. В последние годы были предприняты усилия для сглаживания этой бесчувственности.
54. Dorking, Освальд Руфайзен, 27 февраля 1996 г. К сожалению, несмотря на неоднократные обращения в соответствующие архивы, копию этого ценного документа получить не удалось.
55. *David-Horodoker Memorial Book*, p. 114.
56. В Эстонии сохранилось 19.000 судебных дел коллаборационистов. Я благодарен Карлу Модигу (Carl Modig) из USHMM за эту информацию.
57. Верховный суд СССР, документ № 17, 1947 г.; D. Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung*, p. 391.
58. ГАБ Кировограда, дело Мефодия Марчика, 1958 г.
59. УКТБ Брестский архив ед. хр. 466 и WCU D9000.
60. D. Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung*, p. 391.
61. Прямые свидетельства этого гораздо сложнее (что понятно) найти в официальных документах; см., напр., УКТБ Минск ед. хр. 1150, уголовное дело 35220, pp. 173–80 А.М.Г. заявление от 27 марта 1955 г.
62. *David-Horodoker Memorial Book*, pp. 121–5.
63. Dorking, Лев Абрамовский, 1 апреля 1996 г.
64. Цит. в T. Richmond, *Konin*, p. 267.
65. Офис Симона Визенталя в Вене не следует смешивать с центром Симона Визенталя в Лос-Анджелесе; они носят одно имя, но действуют независимо.

9. Заключение: Местный коллаборационизм в Холокосте

1. R. Hilberg, *The Destruction of the European Jews*, pp. 1201–20.
2. BA R 6/310, p. 17 Рапорт *Generalkommissar'a* Житомира за май, 3 июня 1942 г.; BA R 6/307, p. 92 Рапорт *Generalkommissar'a* Николаева за июль 1942 г.; INRW Zbior Zespolow Szczatkowych Jednostek SS i Policji — Sygnatura 77, pp. 8–9

Generalkommissar Вольни-Подоллии — аванпостам полиции безопасности Бреста, Пинска, Староконстантинова и Каменец-Подольска, 31 августа 1942 г.

3. *Memorial Book of Glebokie*, pp. 67–9.

4. BA R 19/266 численность шуцманства, 1 июля 1942 г. Соответствующие данные для сельских шуцманств таковы: *Weißruthenien* 251 унтер-офицеров / 3528 рядовых; Вольны-Подоллия 581/7639; Житомир 335/3808; Киев 312/4262; Николаев 482/4071; всего 1961 унтер-офицеров и 23.308 рядовых. К этому следует добавить более чем 2000 шуцманов, служивших в больших городах. Не учтены служащие в шуцманских батальонах (33.270).

5. *David-Horodoker Memorial Book*, p. 126.

6. M. Gilbert, *Israel*, p. 49; O. Figes, *A People's Tragedy*, pp. 676–9; Y. Arad, «Peculiarities of the Holocaust», p. 260 — приводит число 150.000.

7. Один местный крестьянин говорил, что его еврейских соседей не уважали, считая их хитрыми и лживыми, хотя при поляках против них актов насилия не было, WCU D7559.

8. S. Cholawsky, *The Jews of Bielorrussia*, pp. 138 и 198.

9. См., напр., *Memorial Book of Glebokie*, pp. 152–61.

10. См. особенно Z. Bauman, *Modernity and the Holocaust*, pp. 88–106.

11. WCU F.B. 12.95. Подобную же озабоченность высказывали и евреи Жоды после массовых убийств там: см. P. Silverman, D. Smuschkowitz & P. Smuschkowicz, *From Victims to Victors*, p. 83.

12. P. Silverman, D. Smuschkowitz и P. Smuschkowicz, *From Victims to Victors*, pp. 82–3; см. также E. Leoni (ed.), *Wolozin*, p. 32.

13. S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 186; BA R 58/220 EM 191, 10 апреля 1942 г. — отмечает, что к этому времени в Вольни-Подоллии было убито около 40.000 евреев.

14. S. Cholawsky, *The Jews of Bielorrussia*, pp. 70–5 и 150; последние евреи покинули Колдышевский лагерь 7 марта 1944 г.

15. BA R 19/121, p. 655 численность KdG Житомира на 15 июня 1942: 3709 шуцманов и 766 жандармов; BA R 19/122 KdG Луцка 25 ноября 1942 г.: 9553 шуцмана и 954 жандарма; S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, p. 175.

16. C. Browning, *Ordinary Men*, p. 128.

БИБЛИОГРАФИЯ

Опубликованные источники, книги памяти, воспоминания

N. Alpert, *The Destruction of Slonim Jewry: The Story of the Jews of Slonim during the Holocaust* (New York: Holocaust Library, 1989).

M. Altshuler, *Distribution of the Jewish Population of the USSR 1939* (Jerusalem: Maccabi Press, 1993).

L. Berk, *Destined to Live: Memoirs of a Doctor with the Russian Partisans* (Melbourne: Paragon, 1992).

D. Budnik and Y. Kaper, *Nothing is Forgotten: Jewish Fates in Kiev 1941–43* (Konstanz: Hartung-Gorre, 1993).

S. Cholawski, *Soldiers from the Ghetto* (London: Tantivy Press, 1980).

The Dark Side of the Moon (London: Faber & Faber, 1946).

David-Horodoker Memorial Book (Manuscript source: translated by Norman Helman, 1981).

I. Ehrenburg and V. Grossman, *The Black Book: The Ruthless Murder of Jews by German-Fascist Invaders throughout the Temporarily-Occupied Regions of the Soviet Union and in the Death Camps of Poland during the War of 1941–1945*, translated from the Russian by J. Glad and J. S. Levine (New York: Holocaust Library, 1981).

I. Grudzinska-Gross and J. T. Gross (eds), *War through Children's Eyes: The Soviet Occupation of Poland and the Deportations, 1939–41* (Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1981).

H. Guderian, *Panzer Leader* (Costa Mesa, CA: Noontide Press, 1990).

Justiz und NS-Verbrechen, vols XVI–XX (Amsterdam: UFA, 1978).

J. Kagan and D. Cohen, *Surviving the Holocaust with the Russian Jewish Partisans* (London: Vallentine Mitchell, 1998).

P. Klein (ed.), *Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42: Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD* (Berlin: Hentrich, 1997).

M. Lachowicki, *The Victims of Nesvizh* (Tel Aviv: Committee of Emigrants from Nesvizh, 1948).

W. Lammers (ed.), «*Fahrtberichte*» aus der Zeit des Deutsch-Sowjetischen Krieges 1941: *Protokolle des Begleitoffiziers des Kommandierenden Generals LIII. Armeekorps* (Boppard: Harald Boldt, 1988).

W. Leonhard, *Die Revolution entläßt ihre Kinder* (Cologne and Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1955).

E. Leoni (ed.), *Wolozin: The Book of the City and of the Etz Hayyim Yeshiva* (Tel Aviv: Wolozhin Landsleit, 1970).

Memorial Book of Glebokie, a translation into English of *Khurbn Glubok* by M. and Z. Rajak which was originally published in 1956 in Yiddish in Buenos Aires by the Former Residents' Association in Argentina, 1994.

Memorial Book of Kobrin: The Scroll of Life and Destruction, translated from the

Hebrew by Nilli Avidan and Avner Perry; edited and printed by Joel Neuburg for the Holocaust Center of Northern California, February 1992.

N. Muller (ed.), *Die Faschistische Okkupationspolitik in den zeitweilig besetzten Gebieten der Sowjetunion (1941–44)* (Berlin: Deutscher Verlag der Wiss., 1991). Published in the documentary series *Europa unterm Hakenkreuz* edited by W. Schumann and L. Nestler.

J. Noakes and G. Pridham (eds), *Nazism 1919–45: Vol. 3 Foreign Policy, War and Racial Extermination* (Exeter: Exeter University Press, 1988).

'Opinion of Lord Milligan in *causa* Antony GECAS against Scottish Television PLC'.

H. Picker (ed.), *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941–42*, 2nd edn (Stuttgart: Seewald, 1965).

Report of the Investigations of War Criminals in Australia, Attorney General's Department (Canberra: Australian Govt, 1993).

P. Silverman, D. Smuschkowitz and P. Smuschkowicz, *From Victims to Victors: The Incredible Saga of Armed Resistance Fighters that thwarted the Nazis' Goal in the Second World War. The Story of a Small Group of Brave Jews of Jody during the Holocaust* (Concord, Ontario: Canadian Society for Yad Vashem, 1992).

Sepher Lida: The Book of Lida, edited by A. Manor, I. Ganusovitch and A. Lando (Tel Aviv: United Lider Relief, 1970).

H. Smolar, *The Minsk Ghetto: Soviet-Jewish partisans against the Nazis, translated from the Yiddish by Max Rosenfeld* (New York: Holocaust Publications, 1989).

Unsere Ehre heißt Treue: Kriegstagebuch des Kommandostabes Reichsführer SS (Vienna: Europa Verlag, 1965).

A.F. Vysotsky et al., *Nazi Crimes in Ukraine, 1941–44: Documents and Materials* (Kiev: Naukova Dumka, 1987).

War Crimes: Report of the War Crimes Inquiry (London: HMSO, 1989).

H. Werner, *Fighting Back: A Memoir of Jewish Resistance in World War II* (New York: Columbia University Press, 1992).

G. Zhukov, *Reminiscences and Reflections* (Moscow: Progress, 1985).

Книги и статьи

R. Ainsztein, *Jewish Resistance in Nazi-Occupied Eastern Europe* (London: Paul Elek, 1974).

M. Altshuler, «Escape and Evacuation of Soviet Jews at the Time of the Nazi Invasion: Policies and Realities», in L. Dobroszycki and J. S. Gurock (eds), *The Holocaust in the Soviet Union. Studies and Sources on the Destruction of the Jews in the Nazi-Occupied Territories of the USSR, 1941–45* (Armonk, New York: M.E. Sharpe, 1993) 77–104.

A. Angrick, «Die Einsatzgruppe D», in P. Klein (Hrsg.), *Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42* (Berlin: Hentrich, 1997).

A. Angrick, M. Voigt, S. Ammerschubert, P. Klein, C. Alheit and M. Tycher, «"Da hätte man schon ein Tagebuch führen müssen." Das Polizeibataillon 322 und Judenmorde in Bereich des Heeresgruppe Mitte während des Sommer und Herbstes

1941», in H. Grabitz, K. Bastlein and J. Tuchel, *Die Normalität des Verbrechens* (Berlin: Hentrich, 1994) 325–85.

Y. Arad, «The Holocaust and Soviet Jewry in the Occupied Territories of the Soviet Union», *Yad Vashem Studies*, XXI (1991) 1–47.

Y. Arad, «Peculiarities of the Holocaust in the Occupied Territories of the USSR», in *Shadow of the Holocaust: Second International Symposium «Lessons of the Holocaust and Contemporary Russia»*, Moscow, 4–7 May 1997 (Moscow: The Russian Holocaust Library, 1998) 254–62.

Y. Arad, S. Krakowski and S. Spector (eds), *The Einsatzgruppen Reports*. Translated by Stella Schossberger (New York: Holocaust Library, 1989).

J.A. Armstrong (ed.), *Soviet Partisans in WWII* (Madison: University of Wisconsin Press, 1964).

J.A. Armstrong, *Ukrainian Nationalism* (Eaglewood, Colorado: Ukrainian Academic Press, 1990).

I. Aron, *Fallen Leaves: Stories of the Holocaust and the Partisans* (New York: Shengold, 1981).

C. Ashman and R.J. Wagman, *The Nazi Hunters* (New York: Warner Books, 1988).

J. Barber, «Popular reactions in Moscow to the German invasion of June 22, 1941», in J. L. Wiczynski (ed.), *Operation Barbarossa: The German Attack on the Soviet Union June 22, 1941* (Salt Lake City: Charles, Schlacks, Jr, 1993).

O. Bartov, *The Eastern Front, 1941–45. German Troops and the Barbarization of Warfare* (New York: St. Martin's, 1986).

Z. Bauman, *Modernity and the Holocaust* (New York: Cornell University Press, 1989).

M. Beer, «Die Entwicklung der Gaswagen beim Mord an den Juden», *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte* 35 (1987) 403–17.

K.C. Berkhoff, «Ukraine under Nazi Rule (1941–44): Sources and Finding Aids, Part II Published Materials», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 45 (1997) H.2, 273–309.

R.B. Birn, *Die Höheren SS- und Polizeiführer: Himmlers Vertreter im Reich und in den besetzten Gebieten* (Düsseldorf: Droste, 1986).

R.B. Birn, «Zweierlei Wirklichkeit? Fallbeispiele zur Partisanenbekämpfung im Osten», in B. Wegner (ed.), *Zwei Wege nach Moskau: Vom Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa»* (Munich: R. Piper, 1991) 275–90. R.B. Birn and V. Riess, «Revising the Holocaust», *The Historical Journal*, Vol. 40/1 (March 1997) 195–216.

J. Boyarin and J. Kugelmass (eds), *From a Ruined Garden: The Memorial Books of Polish Jewry* (New York: Schocken, 1983).

K.D. Bracher, *The German Dictatorship* (London: Peregrine, 1978).

R. Breitman, *The Architect of Genocide: Himmler and the Final Solution* (New York: Knopf, 1991).

C. Browning, *Fateful Months: Essays on the Emergence of the Final Solution*, revised edn (New York: Holmes & Meier, 1991).

C. Browning, *Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland* (New York: HarperCollins, 1992).

C. Browning, *The Path to Genocide: Essays on Launching the Final Solution*, Reprint (New York: Cambridge University Press, 1993).

C. Browning, «Hitler and the euphoria of victory: the path to the Final Solution», in D. Cesarani (ed.), *The Final Solution: Origins and Implementation* (London and New York: Routledge, 1994) 137–47.

Y. Buchler, «Kommandostab RFSS: Himmler's Personal Murder Brigades in 1941», *Holocaust and Gendocide Studies*, 1/1 (1986) 11–26.

D. Cesarani, *Justice Delayed: How Britain became a Refuge for Nazi War Criminals* (London: Mandarin, 1992).

B. Chiari, «Die Büchse der Pandora. Ein Dorf in Weißrußland 1939 bis 1944», unpublished manuscript article.

B. Chiari, «Deutsche Herrschaft in Weißrußland 1941–44», *Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie in der Geschichtswissenschaftlichen Fakultät der Eberhard-Karls-Universität zu Tübingen vorgelegt*, 1997.

B. Chiari, «Deutsche Zivilverwaltung in Weißrußland 1941–44. Die lokale Perspektive der Besatzungsgeschichte», *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, 52 (1993), Heft 1.

S. Cholawsky, *The Jews of Byelorussia during World War II* (Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1998).

M. Cooper, *The Nazi War against Soviet Partisans, 1941–44* (New York: Stein & Day, 1979).

A. Dallin, *German Rule in Russia, 1941–45. A Study in Occupation Policies*, 2nd edn (London: Macmillan, 1981).

A. Dallin, «Stalin and the German Invasion», in J. L. Wiecezynski (ed.), *Operation Barbarossa: The German Attack on the Soviet Union June 22, 1941* (Salt Lake City: Charles, Schlacks, Jr, 1993).

M.C. Dean, «The German Gendarmerie, the Ukrainian *Schutzmannschaft* and the "Second Wave" of Jewish Killings in Occupied Ukraine: German Policing at the Local Level in the Zhitomir Region, 1941–44», *German History*, Vol. 14, No. 2 (1996) 168–92.

L. Dinnerstein, *America and the Survivors of the Holocaust* (New York: Columbia University Press, 1982).

F. Dorn and K. Heuer (eds), «*Ich war immer gut zu meiner Russin*»: *Zur Struktur und Praxis des Zwangsarbeitssystems im Zweiten Weltkrieg in der Region Südhessen* (Pfaffenweiler: Centaurus, 1991).

L. Eckmann and C. Lazar, *The Jewish Resistance. The History of the Jewish Partisans in Lithuania and White Russia during the Nazi Occupation 1940–45* (New York: Shengold, 1977).

Encyclopaedia Judaica (Jerusalem: Keter, 1972).

Encyclopaedia of the Holocaust (New York: Macmillan, 1990).

O. Figes, *A People's Tragedy: the Russian Revolution 1891–1924* (London: Jonathan Cape, 1996).

G. Fleming, *Hitler and the Final Solution* (Oxford: Oxford University Press, 1986).

J. Förster, «Das Unternehmen "Barbarossa" als Eroberungs- und Vernichtungskrieg», in MGFA (ed.), *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4, Der Angriff auf die Sowjetunion* (Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1987) 413–47.

A. Galinski, «The extermination of the Polish intelligentsia in the summer of 1942 in the Novogrodek area (problems of investigation)», pp. 185–98. *Article in*

Polish received from Mr Galinski at the Lodz branch of the Polish Main Commission in 1993.

C. Gerlach, «Die Einsatzgruppe B 1941/42», in P. Klein (ed.), *Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42* (Berlin: Hentrich, 1997).

C. Gerlach, «Die Wannsee-Konferenz, das Schicksal der deutschen Juden und Hitlers politische Grundsatzentscheidung, alle Juden Europas zu ermorden», *Werkstatt-geschichte* 18 (1997) 7–44.

C. Gerlach, «Deutsche Wirtschaftsinteressen, Besatzungspolitik und der Mord an den Juden in Weißrußland 1941–43», in U. Herbert (ed.), *Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945: Neue Forschungen und Kontroversen* (Frankfurt am Main: Fischer, 1998).

M. Gilbert, *The Holocaust: The Jewish Tragedy* (Glasgow: Fontana/Collins, 1989).

M. Gilbert, *Israel: A History* (London: Transworld, 1998).

F. Golczewski, «Entgegen dem Klischee: Die Rettung von verfolgten Juden im Zweiten Weltkrieg durch Ukrainer», in W. Benz and J. Wetzel (eds), *Solidarität und Hilfe für Juden während der NS-Zeit Bd. II* (Berlin: Metropol, 1998).

F. Golczewski, «Organe der deutschen Besatzungsmacht: die ukrainischen Schutzmannschaften», in W. Benz, J. Houwink ten Gate and G. Otto (eds), *Die Bürokratie der Okkupation: Strukturen der Herrschaft und Verwaltung im besetzten Europa* (Berlin: Metropol, 1998).

D. J. Goidhagen, *Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust* (New York: Alfred A. Knopf, 1996).

H. Grabitz, «Iwan Demjanjuk zum Tode verurteilt. Anmerkungen zur strafrechtlichen Verantwortung der "Trawniki"», *Tribüne* 27 H. 108 (1988) 176–82.

J. T. Gross, «The Jewish Community in the Soviet-Annexed Territories on the Eve of the Holocaust», in L. Dobroszycki and J. S. Gurock (eds), *The Holocaust in the Soviet Union. Studies and Sources on the Destruction of the Jews in the Nazi-Occupied Territories of the USSR, 1941–45* (Armonk, New York: M. E. Sharpe, 1993).

J. T. Gross, *Polish Society under German Occupation. The Generalgouvernement, 1939–44* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979).

J. T. Gross, *Revolution from Abroad. The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Byelorussia* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988).

J. T. Gross, «Polish POW Camps in the Soviet-Occupied Western Ukraine», in K. Sword (ed.), *The Soviet Takeover of the Polish Eastern Provinces, 1939–41* (London: Macmillan, 1991).

R. Headland, *Messages of Murder. A Study of the Reports of the Einsatzgruppen of the Security Police and the Security Service, 1941* (London: Associated University Presses, 1992).

H. Heer, «Killing Fields: Die Wehrmacht und der Holocaust», in H. Heer and K. Naumann (eds), *Vernichtungskrieg: Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944* (Hamburg: HIS Verlagsges., 1995) 57–77.

U. Herbert, *Fremdarbeiter: Politik und Praxis des "Ausländer-Einsatzes" in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches* (Berlin: J. H. W. Dietz, 1986).

R. E. Herzstein, *The War that Hitler Won: The Most Infamous Propaganda Campaign in History* (New York: Putnam, 1978).

R. Hilberg, *The Destruction of the European Jews*, revised edn, 3 vols (New York: Holmes & Meier, 1985).

- P. Hoffmann, *Hitler's Personal Security* (London: Macmillan, 1979).
- E. M. Howell, *The Soviet Partisan Movement 1941–44* (Washington DC: US Army Dept 1956).
- D. K. Huneke, *The Moses of Rovno* (New York: Dodd, Mead, 1985).
- M. Iwanow, «The Byelorussians of Eastern Poland under Soviet Occupation, 1939–41», in K. Sword (ed.), *The Soviet Takeover of the Polish Eastern Provinces, 1939–41* (London: Macmillan, 1991).
- G. Jukes, *Hitler's Stalingrad Decisions* (Berkeley: University of California, 1985).
- J. Kipp, «Barbarossa and the crisis of successive operations: the Smolensk engagements, July 10 — August 7, 1941», in J. L. Wieczynski (ed.), *Operation Barbarossa: The German Attack on the Soviet Union June 22, 1941* (Salt Lake City: Charles, Schlacks, Jr, 1993).
- P. Kohl, «*Ich wundere mich, daß ich noch lebe*» (Gütersloh: Gerd Mohn, 1990).
- W. Kosyk, *The Third Reich and Ukraine* (New York: Peter Lang, 1993).
- H. Krausnick and H.-H. Wilhelm, *Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD, 1938–42* (Frankfurt: Fischer, 1985).
- G. A. Kumanev, «The USSR's degree of readiness and the suddenness of the Nazi attack», in J. L. Wieczynski (ed.), *Operation Barbarossa: The German Attack on the Soviet Union June 22, 1941* (Salt Lake City: Charles, Schlacks, Jr, 1993).
- D. Levin, «The Fateful Decision: The Flight of the Jews into the Soviet Interior in the summer of 1941», *Yad Vashem Studies*, XX (1990) 115–42.
- Y. Litvak, «The plight of refugees from the German-occupied territories», in K. Sword (ed.), *The Soviet Takeover of the Polish Eastern Provinces, 1939–41* (London: Macmillan, 1991).
- P. Longerich, «Vom Massenmord zur Endlösung. Die Erschießungen von jüdischen Zivilisten in den ersten Monaten des Ostfeldzuges im Kontext des nationalsozialistischen Massenmordes» in B. Wegner (ed.), *Zwei Wege nach Moskau* (Munich: Piper, 1991) 251–74.
- C. Madajczyk, *Die Okkupationspolitik Nazideutschlands in Polen 1939–45* (Berlin: Akademie-Verlag, 1987).
- D. R. Marples, «The Ukrainians in Eastern Poland under Soviet Occupation, 1939–41: A study in Soviet rural policy», in K. Sword (ed.), *The Soviet Takeover of the Polish Eastern Provinces, 1939–41* (London: Macmillan, 1991).
- J. Matthäus, «"Reibungslos und planmäßig": Die zweite Welle der Judenvernichtung im Generalkommissariat Weißruthenien (1942–44)», *Jahrbuch für Antisemitismusforschung* 4, 254–74.
- MGFA (ed.), *Das Deutsche Reich und der zweite Weltkrieg, Bd. 4 Der Angriff auf die Sowjetunion* (Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1987).
- W. Moskoff, *The Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR During World War II* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990).
- T. P. Mulligan, *The Politics of Illusion and Empire: German Occupation Policy in the Soviet Union, 1942–43* (New York: Praeger, 1988).
- L. H. Nicholas, *The Rape of Europa: The Fate of Europe's Treasures in the Third Reich and the Second World War* (London: Macmillan, 1994).
- R. Ogorreck, *Die Einsatzgruppen und die «Genesis der Endlösung»* (Berlin: Metropol, 1996).

- R. Overy, *Russia's War: Blood upon the Snow* (New York: TV Books, 1997)
- A. Paul, *Katyn: The Untold Story of Stalin's Polish massacre* (New York: Macmillan 1991).
- B. Pinchuk, *Shtetl Jews under Soviet Rule: Eastern Poland on the Eve of the Holocaust* (Oxford: Basil Blackwell, 1990).
- T. Piotrowski, *Poland's Holocaust: Ethnic Strife, Collaboration with Occupying Forces and Genocide in the Second Republic, 1918–47* (Jefferson, North Carolina: McFarland, 1998).
- Z. Pivcova, «Das Militärhistorische Archiv in Prag und seine deutschen Bestände» in *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, 52 (1993) Heft 2, 429–35.
- D. Pohl, *Von der «Judenpolitik» zum Judenmord: Der Distrikt Lublin des Generalgouvernements 1939–44* (Frankfurt am Main: Peter Lang, 1993).
- D. Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–44* (Munich: Oldenbourg, 1996).
- D. Pohl, «Die Einsatzgruppe C 1941/4T», in P. Klein (ed.), *Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42* (Berlin: Hentrich, 1997).
- T. Richmond, *Konin: A Quest* (London: Jonathan Cape, 1995).
- G. Robel, «Sowjetunion», in W. Benz (ed.), *Dimension des Völkermords: Die Zahl der jüdischen Opfer des Nationalsozialismus* (Munich: Oldenbourg, 1991) 499–560.
- D. Romanovsky, «Nazi Occupation in Northeastern Belarus and Western Russia», in Z. Gitelman (ed.), *Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1997).
- T. Sandkuhler, «Endlösung» in Galizien: *Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–44* (Kempton: J. H. W. Dietz, 1996).
- W. Scheffler, «Die Einsatzgruppe A», in P. Klein (ed.), *Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42* (Berlin: Hentrich, 1997).
- J. Schlootz (ed.), *Deutsche Propaganda in Weißrußland: Eine Konfrontation von Propaganda und Wirklichkeit. Ausstellung in Berlin und Minsk* (Berlin: Freie Universität, 1996).
- T. Schulte, *The German Army and Nazi Policies in Occupied Russia* (Oxford: Oxford University Press, 1989).
- K. Segbers, *Die Sowjetunion im Zweiten Weltkrieg: Die Mobilisierung von Verwaltung, Wirtschaft und Gesellschaft im «Großen Vaterländischen Krieg» 1941–43* (Munich: Oldenbourg, 1987).
- W. A. Serczyk, «Die sowjetische und die „polnische“ Ukraine zwischen den Weltkriegen» in F. Golczewski (ed.), *Geschichte der Ukraine* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993).
- K.-J. Siegfried, *Das Leben der Zwangsarbeiter im Volkswagenwerk 1939–45* (New York: Campus, 1988).
- Z. S. Siemaszko, «The mass deportations of the Polish population to the USSR, 1940–1941», in K. Sword (ed.), *The Soviet Takeover of the Polish Eastern Provinces, 1939–41* (London: Macmillan, 1991) 217–35.
- A. Skrzypek, «Die polnische Minderheitenpolitik im Wilnagebiet (1916–1939)», *Nordost-Archiv*, II (1993) H. 2.
- L. Smilovitsky, «Righteous Gentiles, the Partisans, and Jewish Survival in Belorussia 1941–1944», *Holocaust and Genocide Studies*, Vol. 11, No. 3 (Winter 1997) 301–29.

B. V. Sokolov, «The Cost of War: Human Losses for the USSR and Germany, 1939–45», *The Journal of Slavic Military Studies*, Vol. 9, No. 1 (March 1996) 152–93.

S. Spector, «The Jews of Volhynia and the Reaction to Extermination», *Yad Vashem Studies* (1983) 159–86.

S. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews, 1941–44* (Jerusalem: Achva Press, 1990).

K. Stang, *Kollaboration und Massenmord: Die litauische Hilfspolizei, das Rollkommando Hamann und die Ermordung der litauischen Juden* (Frankfurt and Main: Peter Lang, 1996).

J. Steinberg, «The Third Reich Reflected: German Civil Administration in the Occupied Soviet Union, 1941», *The English Historical Review*, CX, No. 437 (June 1995) 620–51.

C. Streit, *Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen, 1941–45* (Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1978).

C. Streit, «Die Behandlung der sowjetischen Kriegsgefangenen und völkerrechtliche Probleme des Kriegs gegen die Sowjetunion», in W. Wette and G. R. Überschar (eds), *Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion* (Frankfurt am Main: Fischer, 1991) 159–83.

C. Streit, «Partisans — Resistance — Prisoners of War», in J. L. Wieczynski (ed.), *Operation Barbarossa: The German Attack on the Soviet Union June 22, 1941* (Salt Lake City: Charles, Schlacks, Jr, 1993) 260–75.

Y. Suhl (ed.), *They Fought Back: The Story of the Jewish Resistance in Nazi Europe* (New York: Schocken, 1975).

K. Sword, *Deportation and Exile: Poles in the Soviet Union, 1939–48* (London: Macmillan, 1994).

N. Tec, *Defiance: The Bielski Partisans, The Story of the Largest Armed Resistance by Jews during World War II* (Oxford: Oxford University Press, 1993).

N. Tec, *In the Lion's Den: The Life of Oswald Rufeisen* (Oxford: Oxford University Press, 1993).

M. Terles, *Ethnic Cleansing of Poles in Volhynia and Eastern Galicia, 1942–46* (Toronto: Alliance of the Polish Eastern Provinces, 1993).

I. Trunk, *Judenrat: the Jewish Councils in Eastern Europe, 1918–45* (New York: Stein & Day, 1977).

N. P. Vakar, *Belorussia: The Making of a Nation* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1956).

W. Wette and G. R. Überschar (eds), *Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion: «Unternehmen Barbarossa» 1941* (Frankfurt am Main: Fischer, 1991).

S. Wiesenthal, *Every Day, Remembrance Day: A Chronicle of Jewish Martyrdom* (New York: Henry Holt, 1987).

W. Wilenchik, «Die Partisanenbewegung im Weißrußland, 1941–44». *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*, 34 (1984) 129–297.

H.-H. Wilhelm, *Rassenpolitik und Kriegführung: Sicherheitspolizei und Wehrmacht in Polen und der Sowjetunion* (Passau: Wissenschaftsverl. Richard Rothe, 1991).

H.-H. Wilhelm, *Die Einsatzgruppe A der Sicherheitspolizei und des SD 1941/42* (Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996).

H.-H. Wilhelm, «Hitlers “Europäische Neuordnung” und deren “lebende Objekte” auf dem Territorium der Sowjetunion 1941 bis 1944» in R. Bohn (ed.), *Die*

deutsche Herrschaft in den «germanischen» Ländern 1944–45 HMRG-Beiheft 26 (Stuttgart: Franz Steiner, 1997).

J. Winter and J.-L. Robert (eds), *Capital Cities at War: London, Paris, Berlin, 1914–19* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997).

D. Wolkogonow, *Stalin: Triumph und Tragödie* (Düsseldorf: Claassen, 1989).

M. Wyman, *DP: Europe's Displaced Persons, 1945–51* (Philadelphia: The Balch Institute Press, 1988).

O. A. Zarubinsky, «The “Red” Partisan Movement in Ukraine during World War II: A Contemporary Assessment», *The Journal of Slavic Military Studies*, Vol. 9, No. 2 (June 1996) 399–416.

E. Ziemke, «Composition and Morale of the Partisan Movement», in J. A. Armstrong (ed.), *Soviet Partisans in WWII* (Madison: University of Wisconsin Press, 1964).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
<i>Глава 1</i>	
Советская оккупация восточной Польши, 1939–1941 гг.....	19
<i>Глава 2</i>	
«Операция Барбаросса»	37
<i>Глава 3</i>	
Массовые расстрелы осенью 1941 года.....	64
<i>Глава 4</i>	
Организация местной полиции. 1941–1944 гг.....	85
<i>Глава 5</i>	
«Ликвидации» гетто. 1942–43 гг.	107
<i>Глава 6</i>	
Местная администрация и эксплуатация. 1941–1944 гг.	135
<i>Глава 7</i>	
Партизанская война. 1942–1944 гг.....	152
<i>Глава 8</i>	
Послевоенные судьбы коллаборационистов и переживших войну евреев.....	183
<i>Глава 9</i>	
Заключение: Местный коллаборационизм в Холокосте.....	198
<i>Приложение А.</i>	
Демография Холокоста на Востоке	206
Список сокращений для примечаний и библиографии.....	211
Примечания.....	213
Библиография	258

Мартин Дин

Пособники Холокоста. Преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941–44 — СПб.: Академический проект; Издательство ДНК, 2008 — 268 с.

Опубликовано при содействии Мемориального музея Холокоста США

ISBN 978-5-7331-0366-2 (Академический проект)

ISBN 978-5-901562-95-6 (Издательство ДНК)

Мартин Дин, используя многочисленные свидетельства очевидцев и ставшие доступными документы, показывает в своей книге, что местная белорусская и украинская полиция была непосредственным и ключевым соучастником нацистских преступлений. Значительно превосходя немецкие полицейские силы на оккупированных территориях, местная полиция играла основную роль в поиске, аресте евреев и конвоировании их к месту казни; нередко украинские и белорусские полицейские принимали непосредственное участие и в самих безжалостных расстрелах. Мартин Дин демонстрирует, что именно пособничество местной полиции привело к тому, что методы Холокоста на Востоке существенно отличались от методов «окончательного решения еврейского вопроса» в Западной Европе.

*Обложка Ю. С. Александрова
Верстка А. Т. Драгомощенко
Корректор О. И. Абрамович*

ЛР № 02716 от 30.08.2000

ООО «Издательство ДНК»

197342, Санкт-Петербург, наб. Черной речки, 41, корп. 11.

ЛР № 066191 от 27.11.98

Гуманитарное агентство «Академический проект»

194044, Санкт-Петербург, наб. Черной речки, 41, корп. 11

Подписано в печать 25.08.2008. Формат 60 × 88/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Warnock.
Усл. п. л. 17. Уч. изд. п. л. 15,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 91.

Отпечатано в типографии «Град Петров» ООО ИД «Петрополис»

197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, д. 16

www.petropolis-ph.spb.ru

Могилев. Колонна еврейских рабочих. Июль 1941. Фото Р. Кесслера.
Бундесархив, Кобленц. 1011-138-1083-25

Жандармы и местные полицейские. Районный пост шутцманства Сариг,
недалеко от Киева. Декабрь 1942. Фото Шерера
Бундесархив, Кобленц. 121-1500

Еврейские женщины и дети, конвоируемые местной полицией перед массовым расстрелом.
Здолбуновский район, Украина. Октябрь 1942.
Мемориальный Музей Холокоста, США. W/S # 17877

Тела расстрелянных евреев. Золбуновский район, Украина. Октябрь 1942.
Мемориальный Музей Холокоста, США. W/S # 17879

Депортация местного населения в Германию. Март-апрель 1942.
Фото Менцендорфа.
Бундесархив, Кобленц. 1011-146-1542-10А

После акции по борьбе с партизанами. Минская область, Белоруссия. 1943.
Бундесархив, Кобленц. 146-1970-043-52

Мартин Дин, используя многочисленные свидетельства очевидцев и ставшие доступными документы, показывает, что местная белорусская и украинская полиция была непосредственным и ключевым соучастником нацистских преступлений. Значительно превосходя немецкие полицейские силы на оккупированных территориях, местная полиция играла основную роль в поиске, аресте евреев и конвоировании их к месту казни; нередко украинские и белорусские полицейские принимали непосредственное участие и в самих безжалостных расстрелах.

...взвешенная, детальная, объективная и эмоциональная картина, запечатлевшая как жертв, так и палачей без всякого упрощения...

Holocaust and Genocide Studies

Потрясающая книга, полная ужасающих подробностей и однозначно документирующая степень участия местного населения в Холокосте...

Russian Review

ПОСОБНИКИ

ХОЛОКОСТА

МАРТИН ДИН

